

ВЕСТНИК

Литературного института им. А. М. Горького

№1

2004

Москва
Издательство Литературного института
им. А. М. Горького
2004

ББК 83.3
В38

Ответственный редактор
д. ф. н. Л. И. Скворцов

Серия изданий
Литературного института им. А.М.Горького

Ректор С.Н.Есин

ISBN 5-7060-0046-8

© Литературный институт, 2004

**С. Н. Есин,
ректор Литературного института**

ЛИТЕРАТУРНОМУ ИНСТИТУТУ — 70 ЛЕТ*

**Дорогие друзья, коллеги, преподаватели,
доценты, профессора, студенты, сотрудники -
все, кто принимал или принимает участие
в жизни нашего института, понимает его значение
в развитии нашего общества и нашей культуры!**

Я открываю сегодня торжественное заседание Ученого совета, посвященное семидесятой годовщине института.

Мы несколько моложе уже минувшей советской власти, которая этот институт учредила, (как прежняя власть утвердила Царскосельский Пушкинский лицей), но мы еще держимся и не собираемся сдаваться. Мне предстоит сегодня, как и положено, прочесть доклад, в котором в юбилейном порядке я должен собрать то, что было, и то, что есть, то, что будет, и то, чем мы живем сегодня. Для меня это тяжелая задача, за всю свою жизнь я не сделал ни одного огромного классического доклада, который бы освещал всё, хорошо звучал и, как это обычно бывает с такими докладами, немедленно забывался. Поэтому не льщу себя надеждой, что из того, что я скажу, что-то останется в вашей памяти, но попробую, тем не менее, сделать этот доклад так, как я привык мыслить, в собственной стилистике и в собственном видении предмета.

Вообще, доклад — утомительная вещь. В свое время один из классиков английской литературы предложил слушать музыку не в вечерних концертах, а в утренних, и также по утрам пить шампанское. Я же

* Выступление С. Н. Есина на торжественном юбилейном заседании Ученого совета Литературного института.

рискну сделать другое предложение: чтобы никого не утомлять, разбить этот доклад на части и перемежать его другими проявлениями нашей счастливой сегодняшней жизни, а именно: чтением тех поздравлений, которые пришли в институт, теми торжественными номерами, которые мы в праздничном порядке подготовили для вас, то есть чередовать официальную речь с выступлениями Муз и их помощников.

1. Часть историческая:

Литературный институт имени А.М. Горького основан в 1932 году Постановлением Президиума ЦИК СССР, которое читалось так: «В ознаменование сорокалетия литературной деятельности Максима Горького отмечая его заслуги в области воспитания наших писательских кадров из рабочих и крестьян ...» и.т.д.

Как известно, Горький приехал, вернее, вернулся в Россию в 1931 году. Он поселился не очень далеко от нашего института, в бывшем особняке миллионера Рябушинского, а в 1937 году, когда его отношения со Сталиным и с властью были уже напряжены, он умер. 1937-й год был годом сложным, но в 1933 году, когда имя Горького звучало и как авторитет для советской власти, и как авторитет нашей русской литературы, было принято это решение.

Институт сначала не назывался институтом. Выступая на открытии Вечернего рабочего литературного университета, секретарь Оргкомитета Союза советских писателей В. Ставский говорил: «По указанию Алексея Максимовича Горького открывается высшая литературная школа». Я хочу только отметить одно обстоятельство, а именно: словечко «университет», которое прозвучало. Через много лет, я бы сказал даже — «много-много лет», когда в стране педагогические и текстильные техникумы стали называться институтами, а многочисленные провинциальные институты лезли из кожи вон, чтобы считаться университетами, наш институт не делал ни одной попытки переименоваться или возвыситься за счет не принадлежащего ему звания. Мы всегда были и оставались Литинститутом. Сейчас надо говорить: сила и значение бренда.

Занятия в нашем институте начались 3-го декабря 1933 года. Мне бы очень хотелось посмотреть — как эти первые занятия проходили, что говорили в эти моменты преподаватели, на что нацеливали, какова была атмосфера семинаров. Мне почему-то кажется, что этот первый набор был по-особому демократичен и, возможно, даже излишне свободен. Но известно лишь следующее, что первыми слушателями стали 130 молодых писателей, главным образом это были рабочие и служащие — литкружковцы Москвы. Поэтов из них было 40 человек, прозаиков — 60 (это почти соотношение приема этого года), но было еще 11 человек сатириков, 13 человек критиков и 6 драматургов. Профессиональная их подготовка, так же как и сейчас, осуществлялась в творческих семинарах прозы, поэзии, драматургии, сатиры и критики. По этому поводу Постановление Президиума ЦИК СССР, с которого я начал, давало свои рекомендации весьма определенно:

«В учебной работе вновь организуемого Литинститута применять метод обучения, учитывающий особенности каждого работающего в Институте писателя, его творческие навыки и приемы».

В 1935 году были созданы курсы переводчиков с английского, французского и немецкого языков, в 1938 — с украинского, белорусского и татарского. Но здесь источники расходятся. Наша выпускница Нина Воронель пишет в своей книге «Без прикрас»:

«Мне посчастливилось попасть в Литературный институт — клянусь, положила руку на сердце — безо всякой протекции. Я ни слова не сказала К. И. о своей попытке прорваться в недоступный питомник советских писателей, куда евреев не принимали принципиально. Стыдно признаться, но мне не столько нужно было литературное образование, сколько полагающаяся студентам московская прописка.

И мне опять повезло — в тот год в Литинституте впервые открыли переводческое отделение, и в эту щель немедленно просочилась горсточка моих соплеменников, включая и меня. Поскольку подправить свое образование мне тоже было невредно, я со страстью погрузилась в захватывающий мир людей, живущих словом, рифмой, строкой.» Цитата передает общее состояние того времени. Закончила институт Воронель в шестидесятые годы.

Должно сказать, что в 38-м году достаточно точно представляли — как понимать украинскую, белорусскую, да и татарскую культуры. В наше время, как известно, в институте остались только переводческие семинары дальнего зарубежья. За время моего ректорства нам удалось провести только чувашский семинар, который, правда, ознаменовался определенным прорывом: впервые на чувашский язык был переведен шумерский эпос «Гильгамеш». Если же говорить об украинцах и белорусах, то у меня есть ощущение, что несмотря на то, что и Украина и Белоруссия говорят по-русски, хорошо знают русский язык, через 5-10 лет переводить официальные документы с этих языков на русский и с русского на эти языки — будет, практически, некому, потому что перевод — это и искусство, и наука.

В 1937 году состоялся первый выпуск студентов на очном отделении, на заочном отделении — в 1939 году. Я позволю себе прочесть этот список, потому что и сами эти фамилии, и их конгломерат — увлекательное чтение. Алигер М.И., Белозеров Г.П., Берштейн В.А., Болдырев С.Н., Бурацкий В.М., Вакс И.А, Вартазарян, Васильев С.А., Гинзбург Д.И., Гутковская В.И. , Долматовский Е.А., Дюшен И.Б. , Жислин А.С., Замятин В.Д., Зыскунов М.С. , Квициния Л.В., Карцев Л.М., Кравченко А.З., Красногубов Н.П., Левин Г.Р., Майский Ф.Ф., Малютина А.И., Матвейчук Н.Ф., Минеев С. И., Муравьев П.И., Николаенко Т.И., Пантилеев А.Н., Перинго Н.Ф., Рапопорт А.П., Резчиков В.И., Россельс В.М. , Саблин В.В., Сидоров В.С., Скорино Л.И., Суязина А.С., Тауткус Е.А., Трусова О.С., Ужкальнис П.И., Факторович З.И., Федорова А.А., Фролов С.А., Шевелева Е.В. , Штут С.М., Шуйский А.М, Холин Е.С.

1 июня 1942 года Литературный институт Союза советских писателей — а это название он получил в 1939 году — был включен в титульный список высших учебных заведений. В 1946 году Литературному институту было присвоено имя А.М.Горького,

Готовясь к этому празднику, мы думали — как нам что-то сделать, как зафиксировать быстро ускользающую историю института. И тут у нас возникло два проекта, как и положено в Литинституте, — проекты бумажные. Первый проект: попытка сделать некий Словарь выпускников Литературного института. Мы взяли старые приказы, книги выдачи дипломов по годам и там, среди имен, совершенно ничего не говорящих современному читателю и исследователю, нашли имена знаменитые и даже, я бы сказал, великие. Этот Словарь мы будем совершенствовать и, видимо, дополнять по мере получения новых сведений, по мере ведения наших «раскопок». Сейчас я позволю себе прочесть выборку из этого Словаря. Конечно, говорят, что «на писателя» невозможно выучить, это так. И, тем не менее, среди выпускников института: М.Алигер, Э.Асадов, Б.Ахмадулина, Г.Бакланов, Е.Винокуров, К.Ваншенкин, Ч.Айтматов, Р.Гамзатов, В.Белов, В.Астафьев, Е.Евтушенко, Н.Матвеева, С.Михалков, В.Розов, Л.Ошанин, Ю.Бондарев, В.Солоухин, А.Приставкин, Е.Долматовский, Е.Исаев, Ю.Казаков, В.Карпов, С.Орлов, В.Трунин, М.Матусовский, В.Боков, К.Симонов, Р.Рождественский, В.Соколов, В.Тендряков, Ю.Трифонов, А.Чаковский, В.Федоров, Н.Рубцов, С.Викулов, С.Капутикян, М.Дудин, А.Яшин, О.Фокина, Б.Ручьев, Н.Старшинов, Ю.Друнина, Ф.Алиева, А.Рекемчук, Ю.Кузнецов и др.

Все, конечно, помнят знаменитую фразу выпускника института поэта Винокурова: «Учитель, воспитай ученика, Чтоб было у кого потом учиться», и в этом докладе и в этот торжественный день вполне будет уместно написать имена тех людей, которые воспитали такую блестящую плеяду поэтов, писателей, драматургов, критиков. В институте преподавали крупные ученые, имена которых с гордостью произносил бы любой университет и любое высшее заведение страны.

М.В. Алпатов, В.Ф.Асмус, Н.Ф. Бельчиков, С.М.Бонди, Г.О Винокур, Ф.М.Головенченко, А.А.Аникст, М.М.Морозов, Г.Н.Поспелов, С.И.Рощин, Ю.М.Соколов, Л.И.Тимофеев, И.И.Толстой, Б.В.Томашевский, С.К.Шамбинаго, М.Б.Храпченко, А.А.Реформатский, В. Б.Шкловский и др.

Выше мы уже говорили, что основная форма практического воспитания будущего писателя — семинар. В ту фразу, которую я процитировал, что обучение писателя может проходить под влиянием мастера надо добавить, что в первую очередь новый писатель формируется под влиянием личности своего Мастера и того опыта, которым он обладает. И теперь я позволю себе прочесть сравнительно небольшой список знаменитых мастеров, которые преподавали в нашем институте: К.Паустовский, Е.Долматовский, К.Федин, Ф.Гладков, В.Луговской, А.Фадеев, А.Сурков, Вс.Иванов, И.Сельвинский, Н.Асеев, М.Светлов,

Л.Озеров, В.Сидоров, В.Полторацкий, В.Липатов, В.Цыбин. В.Лидин, С.Городецкий, Я.Смеляков, С.Антонов, Л.Кассиль, Л.Соболев, С.Сартаков, Л.Леонов, С.Наровчатов, Ю.Кузнецов.

Вначале я говорил, что готовясь к юбилею, мы продумали два проекта. Первый я уже обнародовал, выполнение второго проекта принадлежит перу нашего старейшего работника, человека известного и очень памятливого — стенографистке Е.Я. Веселовской. Рядом с этим именем я произнес бы и имена других старейших наших работников, такие, как: Е.А. Табачкова, З.М. Кочеткова, С.В. Киселева, Т.А. Архипова, Н.И. Корнеева, Н.В. Баранова, В.В. Ерофеева, Г.К. Гончарова, И.Л. Вишневская, Р.Ф. Кочерешкина, С.Б. Джимбинов, В.П. Смирнов, Б.Н. Тарасов, М.П. Лобанов, Н. Лакарова, Б.А. Анашенков и др. Е.Я.Веселовская написала книжку поистине «горьковскую», ведь Горький говорил, что каждый человек может написать свою автобиографическую книгу, которая может получиться. В книжке Е.Я. — обо всех ректорах, с которыми она работала. Я бы сказал, что досталось всем, но это уже дело читателей. А пока я назову людей, которые руководили институтом и которым институт многим обязан

Федор Васильевич Гладков, Виталий Михайлович Озеров, Иван Николаевич Серегин, Владимир Федорович Пименов, Владимир Константинович Егоров, Евгений Юрьевич Сидоров — известные литераторы, критики, общественные деятели.

И часть. Теперь, дорогие друзья, спустимся с исторической крутизны в долину наших дней, посмотрим, каков наш институт сегодня, что сегодня он из себя представляет. Я долго размышлял, какую характеристику, соответствующую именно сегодняшнему дню, можно было бы употребить, касаясь нашего института. И вот что я надумал. Этим летом московская телепрограмма, рассказывая о вузах столицы, сообщила, что Литературный институт — единственный в столице вуз, в который можно было поступить этим летом без взятки. Вот так. Я не хочу никого хаять, не хочу и никаких противопоставлений. Может быть, взятка необходимое орудие сегодняшней жизни. Я думаю, что это получилось у нас не только благодаря какому-то особому климату, хотя такой климат и есть, но в первую очередь потому, что в институте живет чувство ответственности и стремление поддержать свой авторитет в глазах коллектива. Ну что же, каждый из нас, преподавателей-мастеров, членов кафедры литературного мастерства, будет через пять лет делать со студентом, которого он нынче взял за какие-то особые заслуги его или его родителей? Пожалуй, главное, что мы сохранили от прошлого и, может быть, даже упрочили — строгий отбор и творческий конкурс. Мы недаром всегда говорили о себе, что мы — вуз «штучной работы»: мы не только «поштучно» выпускаем студентов, но и «поштучно» их принимаем, и это главное. А уж коли я заговорил об институтском климате, то должен сказать, что у нас редкая атмосфера, у нас отсутствовала всегда и отсутствуют сейчас какие-либо склоки. (Правда без них скучно.) В пределах нашего творческого

потенциала, как было неоднократно подмечено, в нашем институте отлично уживаются люди с разным мировоззрением, с разной политической точкой зрения. И это очень ценно для дела.

Основа института — это кадры наших преподавателей. Еще раз напомним статистику: 10 кафедр и ВЛК, 87 штатных преподавателей, 24-совместителя; из них докторов наук — 22, кандидатов — 40, у нас 4 лауреата Государственной премии, более тридцати наших преподавателей — лауреаты литературных и общественных премий. Один из наших профессоров даже лауреат государственной премии Итальянской республики.

Наш отдел кадров по моей просьбе подсчитал средний возраст профессора на кафедре творчества: 62,7 года. Это, конечно, многовато, но вот получается, что лучшие самые популярные и продуктивнее мастера — это все же люди старшего поколения. Смерть таких мастеров, как Л. Ошанин, Е.Долматовский, В.Сидоров, и недавняя смерть Юрия Кузнецова нанесла нам непоправимый урон. Очень трудно поддающийся какой-нибудь коррекции.

11 лет тому назад, когда я в тяжелое время пришел к руководству институтом, у нас не было ни одной машины, ни одного компьютера, не было редакционно-издательского отдела, не было книжной лавки, своего театра; у нас не было налаженного институтского питания, мы прекратили ездить за рубеж, мы прекратили вести обмен студентами, мы не покупали книг в свою библиотеку. Я не думаю, что новое положение со всем этим — заслуга только администрации института, в известной мере причиной является и поворот времени, который позволил нам создать и свою полиграфическую базу, иметь одну из лучших среди творческих вузов библиотеку, наладить обмен студентами и преподавателями. У нас есть даже свой кинофестиваль «Литература и кино», который работает уже десять лет и многие преподаватели и студенты побывали на нем под Санкт-Петербургом, в Гатчине. Обо всем этом можно говорить долго, упорно и подробно, приводить цифры. Но, думается, одним из главных внутренних достижений института является то научное напряжение и совершенствование наших творческих и научных кадров, которые у нас постоянно происходят. Я с особой гордостью должен сказать, что в последние годы впервые Литературный институт получил возможность, которой раньше был лишен, проводить защиты диссертаций на получение ученой степени кандидата наук и получение ученой степени доктора наук. У нас открыт специализированный Ученый Совет по трем специальностям. Дело это для нас новое. Но за это время проведено около 30 кандидатских защит и 3 защиты докторских. И кое-что планируется.

Наша внутриинститутская жизнь с каждым годом усложняется. Казалось бы, сравнительно недавно мы были почти вольной студией, но вот уже прошло две серьезнейших аттестации вуза Министерством образования РФ, последняя происходила в прошлом году. Отныне мы

— головная организация по специальности 052600 — «литературное творчество».

Теперь нам пришлось обзаводиться собственным УМО, и с некоторой гордостью можно констатировать, что через это УМО уже прошли новые программы второго поколения по всем дисциплинам учебного процесса. А это немало, это значит кафедрами института подготовлено 8 авторских программ, общий объем которых составляет 52 печатных листа.

На сегодняшнем собрании я не буду касаться постоянного совершенствования нашего учебного цикла, его четкой филологической заостренности. «Поэтом можешь ты не быть», но филологом быть обязан. В качестве иллюстрации констатирую: в то время как в целом ряде вузов образование упрощается, нивилируется, мы уже несколько лет подряд ведем второй язык — латынь. Тем не менее и время диктует нам свой вызов, и обстоятельства в 2002–2003 годах заставили нас ввести бакалаврские и магистерские программы по основной нашей специальности «литературное творчество». Особо хочу отметить, что впервые за все время существования института была подготовлена книга программ кафедры литературного мастерства — «Литинститут в творческих семинарах мастеров». Это серьезная книжка, и в ней отражен многолетний уникальный опыт руководителей творческих семинаров, специфика работы с поколениями новых одаренных авторов.

Из вещей казалось бы неожиданных для творческого вуза — кафедра теории и литературной критики (зав. кафедрой — профессор В.И.-Гусев) выпустила программу, которая положена ВАКом в основу кандидатского экзамена по специальности «Теория литературы. Текстология».

Научно-исследовательскую работу наш институт ведет по четырем основным направлениям: первое из них — язык как материал словесности. На эту тему мы каждый год проводим свою конференцию, которая внутри института носит название «Горшковские чтения». Второе: мы занимаемся литературным процессом как таковым, и из последних удач в этом направлении можно выделить конференцию, которую в недавнем прошлом провели мы вместе с Московским отделением Союза писателей. Третье: мы занимаемся мастерством художественного перевода и каждый год проводим теоретические, так называемые «Озеровские чтения», организованные в память нашего преподавателя — Льва Адольфовича Озерова. Четвертое: мы занимаемся также историей литературы, культуры и историей как таковой. В этом направлении мне хотелось бы назвать Международную конференцию, которую мы провели в этом году к столетию со дня рождения Н.Заболоцкого. Мы часто ведем и общекультурные, учебно-методические проекты. В этом году осенью в нашем институте при помощи Министерства культуры мы провели Всероссийскую конференцию «англистов» (с участием зарубежных специалистов).

Наверное, нужны цифры? Проректор по науке Лев Скворцов ска-

зал мне, что за последние 5-6 лет нашими сотрудниками подготовлено и издано более 30 монографий, общим объемом свыше 500 печатных листов.

Аспирантура. Здесь также лучше всего обойтись цифрами: в 2000-2003 гг. принято в аспирантуру 33 человека. В 2000-2002 гг. выпущено 25 человек. 16 человек защитили диссертации, в том числе аспирант из Китая.

Последнее, без чего невозможно обойтись — наша библиотека. В ней мы накопили 250 тысяч единиц хранения, из них — 3 тысячи — фонд редких книг и 3 тыс. 200 — книги с автографами.

За последние пять лет мы купили 11 тысяч книг. Но кроме этого в читальном зале нашей библиотеки установлена компьютерная связь с доступом в интернет, и теперь книжное море всего мира стало доступно нашим студентам и преподавателям.

Надо бы здесь еще сказать о том, что пишут наши преподаватели, которые, по совместительству, являются еще и известными писателями. Пишут, пишут, книги выходят, и знаменитые книги: у В. Кострова, Е. Рейна, О. Николаевой, Т. Бек выходят книги; у Вл. Гусева, В. Орлова, И. Волгина, у ректора института выходят книги, у наших студентов также выходят книги.

С некоторой гордостью я должен отметить, что несколько наших бывших студентов за недавнее время стали нашими преподавателями. Это происходит далеко не в каждом вузе.

Я уже касался в разговоре здесь международных связей нашего института. Надо всегда иметь в виду, что эти связи долго и мучительно возникают, подвергаются проверке временем, но легко и быстро разрушаются. В создании их — такт, опыт и умение. Институт дружит с университетом Кельна, с Дублинским университетом, с университетами Китая и Италии. Наши аспиранты стажировались в Америке, а наши студенты на протяжении нескольких лет зимние каникулы проводят в Дании. У нас довольно серьезный обмен и довольно много иностранных студентов. И все это не только каналы распределения внимания к институту и его известность, но иногда и решение ряда наших внутренних финансовых проблем.

III часть. Чем сердце успокоится.

Любое высшее учебное заведение в первую очередь знаменито своими выпускниками. При всей сложности нашего времени мы тоже можем назвать наших, уже ставших известными и знаменитыми» выпускников и бывших студентов.

Это успешно работающий в литературе поэт Вадим Степанцов и прозаик Олег Павлов; критик и прозаик Владимир Березин и поэт Максим Омелин; драматурги Коровник, Максим Курочкин. Прозаик Самид Агаев стал лауреатом премии Москвы, а прозаик Маргарита Шарапова лауреатом международной премии Фонда демократии и «Венец», Алексей Шорохов — лауреатом премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

Я не назвал здесь и многих других и меня лично не беспокоит судьба наших выпускников, потому что, в первую очередь, у них у всех — благополучно с внутренним миром. Но меня очень беспокоит, даже в этот торжественный день, то состояние, в котором находятся институтские здания и вообще его хозяйство. За эти годы мы многое сделали: мы привели в порядок общежитие, мы сменили крыши, несколько раз ремонтировали фасады, провели ремонт почти всех аудиторий. Но требует особого внимания наше главное историческое здание. Я уже говорил здесь о некоей исторической «начинке» нашего Герценовского Дома. Но историческая эта «начинка» может исчезнуть, если рухнут деревянные перекрытия здания, которым уже более сотни лет. Весь комплекс усадьбы Яковлева должен быть реставрирован и приведен в порядок, но в первую очередь это касается центрального здания.

Рано или поздно, но время потребует того, чтобы мы вывели отсюда учебный процесс, чтобы в центральном нашем здании остались лишь библиотека, читальный зал, может быть — административные службы. Но для этого необходимо строительство нового корпуса на месте наших гаражей, которые не имеют исторической ценности. По этому поводу нами велись переговоры с различными организациями. Последняя надежда возникла, когда Министерство культуры РФ по этому вопросу вступило в диалог с Министерством высшего образования. Мы подготовили и некоторую техническую документацию. Мы отчетливо представляем себе — какой должна быть территория института и его новые здания. Но есть вещи, которые под силу государству, но не под силу государственному институту.

В 1933 году, когда ВЦИК принимал свое Постановление, то в четвертом пункте его, касающемся Литературного института, прозвучала и такая фраза: «Обеспечить Литинститут имени Горького собственным зданием, при постройке которого должны быть приняты во внимание специальные задачи института и условия его работы».

Ну, собственно, здание у нас есть, мы сами как-то приспособили его под условия нашей работы. Но в наше время все это выглядит самодеятельностью, жизнь уже давно шагнула вперед, и если не все еще институты, то уже все банки и все офисы нашего начальства отстроены так, как надо. Наверное, легче отремонтировать Дворец великих князей в Стрельне, нежели не меньший по значению памятник русской культуры, у которого, правда, другое назначение. Много лет назад я писал мэру Москвы, у меня был проект — как комплекс Литературного института соединить с Некрасовской библиотекой (теперь она разрушена), как превратить всю нашу территорию в Московский культурный центр, где будет и свой театр, и постоянно действующий лекторий, и здания с небольшими аудиториями для наших семинаров, и наконец-то мы получим спортивный зал. В том проекте, вернее эскизе, который висит у меня в кабинете, этот спортивный зал предусмотрен, он находится как раз по плану под сегодняшней спортивной пло-

щадкой. Строят сейчас быстро, но культура, так же как и высшее образование, — это все тот же советский остаточный принцип. Тогда мэр мне ответил: «Москва готова все построить, но уходите под юрисдикцию Москвы».

Сегодня я думаю — а может быть, так было бы вернее? Не знаю. Но наш институт по тому же адресу — Тверской бульвар, 25 — стоит у меня перед глазами. С театром, с кинотеатром, с музеем советской литературы, с музейными комнатами А. Платонова и О. Мандельштама. Я абсолютно уверен, что так и будет. Но когда?

Я очень надеюсь на то, что по отношению и к нашему образованию, и к нашей культуре взгляды несколько поменяются, страна, возможно, разбогатеет, и следующий свой юбилей мы встретим в других условиях и с новыми надеждами.

Благодарю за внимание.

Стояновский М.Ю.,
к. ф. н., доцент
Литературного института

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИХ СИСТЕМ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ).

Описание закономерностей образно-символической организации как отдельного уровня поэтического языка составляет необходимую задачу современной литературоведческой науки. Это вопросы языка поэзии, отличительных черт творчества и стилевой унификации, авторской системы моделирования мира, идеи, лежащей в основе этой модели, содержательной стороны искусства.

Хотя теории символа множатся с завидным постоянством — рефлексия осуществляется в рамках различных традиций (философия языка, логика, лингвистика, семантика, герменевтика, риторика, эстетика, поэтика, психоанализ, антропология и т.д.) — и они остаются весьма далеки от унификации, а терминологическая точность понятия «символ» оказывается в большой мере условной, требует постоянных оговорок и уточнений, мы позволим себе констатировать некоторые важные для нас позиции.

Символ имеет операционный (функции) и онтологический статус (он и «техника» смыслообразования, и идеология).

Символ — способ целостного и единовременного представления и сложного видения сложного мира, его трансцендентной и имманентной глубины, его идей. Представление осуществляется в сжатой, экономной — что касается языковых средств, интенсивной — что касается концептуализации действительности (здесь особая роль принадлежит мифу), и доступной чувственной форме. Символ в интерпретации — это явление сверхсвязей многих и разных уровней: от явлений действительности до элементов текста и текстов. Он как феномен/функция/

мышления и духовной жизни, направленный на производство, приращение смысла, требует определенной психологической установки — аналитической и интуитивной (подсознательной) — на понимание факта как символического и на толкование его, на обнаружение этих связей (сверхсвязей), выявление сложно построенного, осознанно и неосознанно заданного смысла художественного целого, требует видеть смысловую насыщенность, отличную от интуитивной нормы; он требует памяти (символ можно рассматривать как свернутый акт памяти), опыта, преображенных — отличных от обыденных — разума и чувств.

Символ — это образ или часть образа, явление, отношение, знак, который другие образы, явления, отношения, знаки, их содержание представляет как свое содержание.

Символическая система — рациональное представление органического качества символа как порождающей функции (см. А.Ф. Лосев: «Символ есть функция действительности», «способная разлагаться в бесконечный ряд членов, как угодно близко или далеко отстоящих друг от друга и могущих вступать в бесконечно разнообразные структурные объединения»¹).

Среди многочисленных определений символа, данных этим русским философом, следует выделить положения, высказанные в работе «Проблема символа и реалистическое искусство». Там утверждается, что символ заряжен многочисленными смысловыми потенциями и обладает самостоятельной мощью моделирующего обобщения, он есть творческое начало, смысловым образом порождающее многочисленные закономерные и единичные структуры: он есть «общая функция», условно охватывающая универсальную закономерность вечно движущейся действительности и позволяющая понять ее в расчлененном и творчески преображенном виде (превращающая ее в космос); функция, которая, являясь «творящей моделью», «образцом», «принципом», «законом» и «методом конструирования» («возникновения» и «воспроизведения»), «прообразом» и «праобразом», вполне закономерно (точно, системно) «разлагается в бесконечный ряд, бесконечное число отдельных единичностей» («индивидуальностей», разных отражений, проявлений, перевоплощений, то менее, то более близких моментов, противостоящих друг другу частностей), где каждый член с большим или меньшим приближением стремится выразить изначальную функцию, «предел» (осмысливающий, являющийся смыслом их, их «оформляющий», упорядочивающий), — и «все они сливаются в одно нераздельное целое, пульсирующее каждый раз по-разному, в связи с бесконечной смысловой зарядженностью символов, лежащих в его основе...»²

Символическая система — это особая моделирующая система, претендующая на универсальность, на функцию вполне целостного языка, «свернутого» до представления базисных отношений «человек — мир — Абсолют». Символическая система — одна из главных кодовых систем художественного произведения (произведений). Как система она предполагает внутреннюю организацию, связанность, мотивированность

элементов, их упорядоченность (иерархию). Она создает структуру ценностей, служит для передачи ключевой информации, распространяет (сжато) всю информацию на все элементы системы (единичность /элемент/ представляет всю систему, дает максимальную информационную насыщенность структуре художественного текста). При известном, здесь можно сослаться на наблюдения Ю.М.Лотмана³, падении избыточности языка в поэзии (и усилении эмоциональной, лирической насыщенности) символ дает избыточность смысла, увеличивает количество связей различного уровня: текстового, межтекстового, культурного и даже обыденного типа (правда, практика символизма показала, что перенасыщенность смыслами, избыточность их грозит художественному тексту своей противоположностью — опустошенностью).

При колебаниях единства поэтического языка, экспериментах на уровне формы и приема — с заметным сужением «эпического пространства» и содержательности, что видно из практики литературы XX века, — символические системы задавали и задают определенное смысловое единство (творчества, направления, культуры) и выводят лирический текст (тексты) из интимной сферы, частного опыта в качественно иную сферу, обобщающую культурный, религиозный, литературный, мифолого-жизненный опыт. Устойчивость символической системы порождает явление подвижного макро— и метатекста, «жанровое» своеобразие которого — колебания в широких границах лирической миниатюры и эпического повествования.

Следует обратить внимание на то, что при многозначности образа-символа, тенденции превращать невнятное, неясное в предмет мысли, но не в предмет знания, при постоянном ускользании конечного смысла, при сложности связей образов в символической системе (которая формируется в определенной мере полунинтуитивно, а иногда и бессознательно) эти «многозначность» и «сложность» еще не свидетельствуют о неопределенности значений и отношений. И круг значений, и отношения смыслового ряда могут быть научно описаны с известной степенью достоверности, хотя любое перечисление смыслов, аспектов будет не исчерпывающим.

Здесь надо помнить известное философское положение, согласно которому вещь бытует и проявляет свои свойства не сама по себе, но в отношении к другим вещам. «Понять вещь, — писал А.Ф.Лосев в свете своего диалектического метода, — значит соотнести ее с тем или другим ее окружением и представить ее себе не просто как ее саму, но в свете того или другого окружения, в свете той или другой вещи или момента из этого окружения»⁴.

Конечно, описания различных сторон объекта не дают синтетического и полного знания, целостное содержание символа и символической системы ускользает от фиксации средствами научного метаязыка, но комплексный подход в теории, принцип дополнительности сторон исследования способны дать объективную научную картину явления.

Перед тем как обратиться к теоретическим положениям, касаю-

щимся анализа связей (отношений) образов-символов в художественном целом, сделаем еще одно замечание: символическая система вовсе не сводится к образу-символу, она, конечно, шире, это, например, и символизм форм, и символизм отношений; символическую значимость может получать едва ли не любой элемент целостности, в том числе и образа (образ сам становится «текстом», носителем символических деталей), но мы сознательно сужаем свою задачу.

Выделим основные, на наш взгляд, направления и объекты изучения при анализе образно-символических систем (ОСС).

1. Объектом изучения в рамках функционирования ОСС может быть система, заданная определенной границей: границей текста; границей текстов, написанных автором в определенный период, циклами; всеми текстами данного автора (его творческое наследие); изучаться могут тексты данного литературного направления, данного времени (эпохи, периода), а также тексты, которые можно обозначить как «координированные» — отстоящие во времени, по направлению, идее и т.д., но обнажающие тот или иной прием.

Связи символов, составляющих ОСС, связи, определяющие смысл элементов системы, достаточно условны (локально — не актуализируя посредников — символы могут быть и взаимонезависимы), они (связи) определяются «исторически», в процессе бытования этих элементов даже вне системы. Ни художественное качество, ни степень известности привлекаемого для анализа ОСС текста большой роли не играют, хотя надо иметь представление о том, к центру или периферии творческого акта он относится.

В известной степени в эти границы (анализа ОСС) попадают и жизненные явления, факты истории и человеческой мысли, факты писательской биографии и читательской реакции, которые исследователю (интерпретатору) чаще даются именно как тексты, проливающие свет на авторские опыт, интуицию и замысел, реконструирующие систему представлений автора и читателей, определяющие становление и восприятие символа читателем (переосмысление и интерпретация адресатом).

Все это предполагает и монографический анализ текста, и изучение творчества конкретного автора, и исследования в рамках историко-литературного процесса и сравнительно-типологических теорий.

Символ в составе ОСС выступает и как самостоятельная значащая часть текста, и как часть целого, несущая интегративный, нераздельный смысл всего целого (текста, текстов, творчества, культуры и т.д.) и ориентированная на другие элементы системы. Простейшая процедура интерпретации (толкования) заключается во включении символа в парадигму других символов, превращении этой парадигмы в собственную парадигму (референция осуществляется только целостным составом). В пределе толкование (или стратегия толкования — экзегеза) вскрывается содержанием интегративного мифа, охватывающего всю ОСС, множество духовных — интеллектуальных и чувственных —

опытов, или мифоидом (более-менее целостной писательской доктриной), которые кодифицируют мысль, отбирая значимые явления, устанавливая связи (их постепенность, последовательность), санкционируя отношения (их иерархию), то есть определяют действительность. В мифе, отмечал А.Ф.Лосев, «по факту действительность остается той же самой (с которой мы сталкиваемся в повседневной и обыденной жизни — М.С.), только меняется ее смысл и идея»⁵.

Здесь встает проблема конструирования (мысленной реконструкции) этих парадигм, вопрос об их основе, т.к. стратегия символического толкования, ориентация (направление) устанавливаемых парадигматических связей в переплетенных различных по содержанию и происхождению образах не диктует особых (строгих) операционных ограничений. Таковым институализирующим стержнем обычно является логика писательского / читательского концепта (бытовая или сакральная — основанная на законе «мистического сопричастия», «партиципации», по Л.Леви-Брюлю, — философская или поэтическая — здесь доминирует закон воображения, создания художественной действительности, целостного инобытия, — «заковыченная», но логика).

Эти концепты, поэтические «мифы», сквозные смыслы и логика которых организуют художественный материал — координируют и субординируют его, превращают в сложное целое — могут быть как проявлением «коллективного» слоя в творчестве писателя (сознании читателя), так и индивидуального начала. Здесь миф обладает общей моделирующей функцией, а символ — частью (вместе с тем он — конденсатор сюжета мифа, мифологема).

Ограниченность «мифологического» пространства, интерпретирующей идеи сближает символ с аллегорией, а ОСС — с аллегорической структурой (возникает замкнутая кодифицированность элементов-символов). Впрочем, любая актуализация определенных символических значений ведет в некоторой мере к аллегоризации образа-символа.

Следует учитывать, что организация символической парадигмы и ее информации определяется и системой представлений адресата (читателей), которые задают механизм развертывания смысла.

2. При анализе ОСС может изучаться устойчивость системы и ее отдельного/ых элемента/ов (символа/ов).

Выделяются:

а) устойчивые системы (функционируют в рамках одного концепта, одного поэтического мифа); они характеризуются константными, воспроизводимыми образными цепочками, обновление их связано с обращением к новой отправной точке в рамках той же системы и комбинаторным перестроением (изменения являются всего лишь вариациями, которые не вносят серьезных «возмущений» в единую картину);

б) расширяющиеся образные системы (с заметным качественным изменением в процессе функционирования — с отказом и без отказа от «ядра» первоначального мифа, единой концептуальной рамки); изменения здесь необратимы, но старый код узнаваем;

в) перекодируемые образные системы (предполагают качественно другое содержание, перекодировку, перестройку как образной системы, так и мифа); изменения касаются смысла, отношений, иерархических связей и т.п.

Как значимые моменты данного анализа следует отметить отслеживание инерции / предсказуемости смысла (обращается внимание на то, что придает константность системе, неразрывность смысловой цепочке) и непредсказуемости его (обнаруживается оригинальное, творческое переосмысление известного); здесь важна степень отвлеченности от исходных построений и смыслов, насколько восстановима исходная система (ее смыслы) при внесении данных деформаций.

3. Направлением изучения ОСС является ее иерархичность.

Хотя способы означивания многочисленны, несводимы друг к другу и различия между ними не дают повода для оценочных суждений⁶, в иерархии творческого словоупотребления символ обычно находится выше просто поэтического слова: он — семантическая доминанта, задающая семантический код текста, определяющая прочтение других элементов, событий художественного целого, он устанавливает новые содержательные связи (организует текст) и является вершиной, средоточием связей поэтического универсума (идей, образов, эмоций).

Строение самой символической системы тоже подразумевает иерархию: содержательную, то есть отношение символов к смысловому «ядру» мифа / концепта или периферии, и формальную («первичный» смысл символа/ов и начальное его/их употребление — смыслы и связи — в рамках ОСС и последующие употребления и смыслы). Здесь значимо расположение символических единиц (элементов) во временной последовательности и установление причинно-следственных связей.

При решении вопроса об иерархичности в ОСС важно выделение ключевых текстов, где фиксируется тот или иной пласт значений, значимый фрагмент поэтического мифа, который группируется вокруг определенного(ых) символа(ов).

4. Для исследования функционирования ОСС необходимо отслеживать частотность употребления элементов этой системы как в границах отдельного произведения (текста, цикла, иногда, книги) или ряда произведений, так и творчества художника/ов в целом.

5. Отдельным пунктом изучения ОСС должна быть сочетаемость элементов системы в границах текста/ов (цикла и т.д.). Этот анализ многое дает для понимания вариативности и дополнительности символических образов, вычленения образно-смысловых подсистем в символической системе. В рамках данного исследования интерес представляет предсказуемость (взаимообусловленность) элементов образно-символической парадигмы (системы).

Здесь, возможно, следует учесть замечание А.Н.Уайтхеда о сложной, обратимой природе взаимоотношений «символ-смысл», где однозначно не определяется, что есть символ, а что смысл. «Не существу-

ет компонент опыта, которые являются только символами или только смыслами», это «зависит от своеобразного склада данного акта переживания»⁷.

ОСС дает примеры отношений своих элементов как тождеств, противоположностей и просто соположений. Элементы ОСС, вступая в разнообразие отношения друг с другом, создают свой сложный ритм актуальных смыслов.

6. Исследованию подлежит варьирование в рамках ОСС. Это варьирование фиксируется на уровне парадигмы одного образа-символа (один элемент употребляется в разных позициях); на уровне парадигмы образов аналогичного содержания (речь идет об определении сходного в различном, о различных элементах в близких, схожих позициях: об изоморфизме, адеквататах, «синонимах»); а также на уровне парадигмы образов-символов, обслуживающих данный поэтический миф (текст) в целом (совмещение различного). Интересны здесь выявления «насыщенности» варианта тождественным и отличным, интересны как новые оттенки значений, совмещения смысловых полей, общий ассоциативный план, взаимное расширение семантических границ (модуляция) каждого из элементов парадигмы, так и противоречия (вплоть до антитетичных смыслов, установок на парадокс) однородных и разнородных элементов системы.

Следует отметить, что при ограничении избыточности поэтического языка вариации в области символической системы явно избыточны, но они и дают диалектику и полноту представляемого явления, дают то, что можно считать познанием в художественном пространстве.

7. Отдельный вопрос, требующий разрешения при анализе ОСС и парадигмы символов, — это определение инвариантов и вариантов, их отношений в рамках ОСС. Этот вопрос может быть решен с точки зрения или формальной первичности элемента (его употребления), или содержательной полноты его (в последнем случае инвариант — это некий идеальный конструкт, обладающий всей полнотой смысла, но основывающийся на эмпирическом разнообразии).

При подходе к инварианту как идеальному конструкту, который может быть задан всеми *возможными* употреблениями данного символа, их смысловой полнотой, следует различать эмпирическую полноту (все *реально существующие* употребления) и *доступную* полноту, которая должна быть репрезентативна, и при этом не упускать из вида *разовое* употребление символа. (Здесь символ предстает как потенция и актуальная явленность, приближение к полноте явления)

Рассмотрение инварианта как идеального конструкта делает вопрос об обратимости инварианта и варианта некорректным: скорее, речь должна идти об обратимости вариантов или «насыщенности» того или иного варианта смыслами, повышающими его по функции (полноте смыслов) до ранга инвариантной, точнее, близкой инварианту формы. При формальном решении проблемы инвариантной формы и варианта отношения первичности-вторичности вряд ли могут быть обратимы (если

только не заниматься доказательством, что именно позднее функционирование образа как символа перевело и ранние употребления его в категорию символических — т.е. наблюдать обратный процесс символического семиозиса).

Исследование вопроса отношений варианта и инварианта в ОСС подвигает к утверждению, что символический текст выступает лишь как интерпретация (действительности), приближение (к истине), вариант (идеального текста) — в этом тексте не происходит полной реализации языка, и нереализованное здесь, но потенциально возможное не значит несущественное; символический же язык проявляет себя дальше, «шире» границ отдельного текста.

8. При анализе ОСС выявляются реализованные и нереализованные элементы ее парадигм/ы (значимые — и «восстановимые» — пропуски, использование других, непривычных, нетипичных, элементов системы, «изоляция», блокировка характерных значений элемента или расширенная трактовка элемента как части другой системы, перекодирование его — вплоть до снятия символического контекста; эта практика хорошо отслеживается в «оппонировании» футуристами образной системе символистов).

На фоне устойчивости, предсказуемости и урегулированности в символической организации текста/текстов отклонение от ожидаемого, от «нормы» — это не только значимая для художественного сознания деавтоматизация восприятия материала (приема и смысла), но и момент приращения смысла, синтеза, парадокса, выводящего на новый уровень мышления, и т.д. — здесь даже отказ от какого-либо образа-смысла может быть драматическим, ироническим, философским и т.п. поворотом всего поэтического мифа и вместе с тем перестройкой ОСС.

9. Отдельный уровень анализа ОСС — это состав символической парадигмы с точки зрения исторической традиционности-нетрадиционности ее элементов.

Выделяются элементы, характеризующиеся несубъективной устойчивостью: архетипические, мифологические, культурно-стереотипные (здесь и «формулы-образы поэтического языка» — А.Н. Веселовский). «Отстоявшиеся» образы-символы воспринимаются как более близкие к тому, что они обозначают, референт присутствует в знаке явственнее, они более «историчны», отражают этапы развития смысла.

А также отмечаем противоположное традиционной устойчивости качество, т.е. выделяем элементы, обладающие субъективной переменностью, условностью и выражающие субъективные авторские идеи.

Следует отметить «диалогизм» этих — традиционного и нетрадиционного — пластов в полигенетичных по своей природе символах и ОСС: от более-менее значительных нюансов в преломлении художником традиционного материала до конфликта особых смыслов, контекстов данного индивидуального поэтического мира (мифа) и традиционных значений.

Новаторство как отношение к традиции — память о ней и несовпадение с устоявшейся «нормой» — наблюдается и при расширении идейно-культурных связей в рамках взаимодействия вполне традиционных элементов ОСС: здесь именно тот случай, когда и «сумма», и содержание отдельных слагаемых определяют содержание каждого конкретного слагаемого, расширяет семантическое поле отдельных элементов. Синтетичный подход к ОСС, синкретичное содержание ОСС порождает индивидуальное решение проблемы художественного целого. «Деградировавшие» до аллегии и знака традиционные символы наполняются забытыми и новыми смыслами, оживают. Воспроизведение традиционной нормы в другой культурной парадигме приводит к отклонению в означаемом и в означающем.

Нарастание и свобода дешифрующих структур в ОСС делает значения ее элементов неповторимыми, индивидуальными, напряженными (например, парадоксальными в своей полноте), эти значения существуют и в сфере игры, и в сфере концепта.

А.Ф.Лосев вообще считал, что эстетическое соотношение общего и индивидуального как полное равновесие того и другого и является качеством символа, в отличие от аллегии, где это соотношение решено в пользу общего, и олицетворения — в пользу индивидуального⁸.

10. Анализироваться должны и дополнительные функции символики (элементов ОСС), отличные от основной, обозначающей: например, внимание может быть уделено соответствию актуальных значений символов нравственно-художественной топике, этической или религиозно-психологической «аксиоматике» культуры (народа, страны, региона, периода). Может рассматриваться эстетическая характеристика образов-символов, метафорическая и метонимическая функции — т.е. значимыми выступают отношения подобия или отношения смежности (как противоположности — знаковая, рационалистическая, терминологическая или аллегорическая ориентированность символики); изучается направленность символа и ОСС на создание определенных впечатлений и настроений или же на другие эстетические установки.

11. ОСС может характеризоваться с точки зрения ориентированности актуальных смыслов символики на реальный, мифологический или мистический планы бытия. В первом случае актуален «земной», имманентный ряд значений (пусть и являются в чувственных образах скрытые первоначально от поверхностного взгляда отношения, связи, чувства, рефлексии — сущности человеческой реальности). В остальных случаях важен опыт культурно-религиозный (откровения надчеловеческого, которое может и противопоставляться откровению культуры как реальности жизни человеческого духа, образам чистого искусства, отвлеченным «поэтизмам») или трансцендентный (опыт сверхчувственного); тогда это знаки духовных сущностей, выражение сказанного и несказанного (последнее — «индекс», «мистический жест», по А.Ханзен-Леве, в сторону того, что вне человеческого разума). При ориен-

тированности на откровенное и умонепостигаемое «снимается» реально существующий, семантически-буквальный образ, стоящий за именем в его непосредственном прямом употреблении, имя не объективирует свой референт (или денотат).

Следует отметить, что мистическое содержание символа оценивается и как связанное с мистической природой самого символа — символ не случаен, не произволен, а максимально когерентен означаемому, целостен с ним, символ рассматривается как эманация Абсолюта, не искажающая его сущности (в традиции имяславия — означающее важно (свято) так же, как и означаемое, более того, наблюдается некий пафос первого, только в нем и возможно Откровение, оно едва ли не часть символизируемого) — и как определенный мистико-психологический акт, лишь по необходимости «терминологизированный» в том или ином символе, символ только «изображение» Абсолюта, знак Откровения (знак, который всегда меньше, чем понятие, ущербный в свете являющегося высшего), ослабленная передача состояния переживания сверхчувственной истины (означающее не так важно, как означаемое), символ здесь относительно мотивирован и достаточно свободен — он обеспечивает лишь потребность обозначения.

Часто встречается символическая образность «смешанного» типа: в отражении «вечных» смыслов важны и «дольные», реалистичные значения, опыт данного, настоящего, и значения, отмечающие проникновение в сокрытое (осознанную и иррациональную сущность бытия). Платоновско-романтическая традиция фиксирует оппозицию идеальной реальности и мнимого бытия земного мира, соловьевская традиция акцентирует воплощаемость идеального и преображение дольного.

В творческой практике в символе как «месте встречи» внутреннего и внешнего, иррационального и рационального, идеального и материального, горнего и дольного главным объектом художественного постижения было проникновение за оболочку вещей, за внешнее явление, здесь ценились и догадка, и интуиция, и теургический акт, и интеллектуальное упражнение, и ... игра.

12. ОСС может анализироваться в свете такого понятия как «игра»: этот акцент увеличивает внимание к субъективной (субъективно-сознательной) стороне, проявляющейся в процессе построения системы.

Характер игры может рассматриваться как следование определенным правилам (например, стилизация), как нарушение этих правил и создание своего поля игры (остранение), как интеллектуальная игра с ориентацией на познавательные задачи и как игра «в себе», ценная самой эстетикой игры и т.п. В последнем случае символ не столько актуализирует сущностное (является образом формальной акциденции сущности), сколько становится орудием умозрительных спекуляций, впрочем, и это нельзя рассматривать лишь как праздные усилия сознания и воображения: такая «произвольная» игра становится свидетельством свободы художника, шире — человека в мире, который «не вымерен и не исчислен» (Вяч.Иванов. Борозды и межы. М., 1916). Игра

смысловыми компонентами, модификация их актуализирует неосознаваемое, случайное и периферийное здесь не отменяет единства, «когерентности» мышления и мира.

13. В анализе содержания ОСС следует обращать внимание на значения, выявляемые логическим и теоретическим познанием, и на интуитивный пласт смысла.

В подходе к значениям ОСС должны учитываться не только значения, вытекающие из содержания того, что символизирует, обусловленные его природой, но и отличные, противоположные, коренным образом несовпадающие, но этой диалектикой и определяемые. Символ — это в той или иной степени отмечали Аристотель, Гете, Кант, а в наше время этой позиции придерживается В.В.Бибихин⁹ — пробуждает в сознании представления о схожих и противоположных явлениях, и таким образом устанавливается известное единство и всеобщность.

14. Отдельным моментом в изучении ОСС может стать парадоксальность представляемых смысловых сфер (символ, следует отметить, по природе своей парадоксален — апеллируя к образности, т.е. конечному, оформленному, он дает явление бесконечного, подвижного). А.Ф. Лосев так формулировал парадоксальную суть символа: «символ живет антитезой логического и алогического, вечно устойчивого, понятного, и — вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нем от полной непонятности перейти к полной понятности»¹⁰.

В ОСС часто совпадают несопоставимые символические опыты, символы способны выражать противоположные аспекты представляемой ими идеи (в своей потенциальности смыслов противоречить границам догмата), обращаться к различным уровням действительности (реальной и идеальной), к бессознательному и сознательному восприятию ее, к созерцательному, чувственно переживаемому и рациональному опыту, к познанному и непознанному. ОСС не разрушает эти смысловые данности, не обезличивает, не констатирует их отвлеченно, но интегрирует: здесь один конкретный смысловой уровень обращен ко всей системе, часть представляет целое, всеобщее видится в особенном и наоборот. ОСС воссоздает противоречивый в своей целостности, бесконечный, ускользающий в своем смысле образ мира, воспроизводит его в художественном целом.

Антиномичная семантика символа, функционирующего в подобной ОСС, — это все тот же материал «синтетического суждения» — мифа, который и выявляет оппозиции, причем этот материал этически и эстетически не нейтрален (работы Леви-Стросса, В.В.Иванова, В.Н.Топорова), хотя, как известно, бинарные оппозиции имеют определенную эквивалентность пар.

Парадоксальное мышление в символе, мышление различиями и несовпадениями, не исключает тупиков, лакун в развертывании смысла — и в «авторскую» пустоту, в раздвижение пространства между предметом мышления автора входит читательский опыт, его акт мышления, чувствования, осознания. Этот тип активации читательского сознания в символе тоже должен быть отмечен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А.Ф.Лосев. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 38.

² А.Ф.Лосев. Проблема символа и реалистическое искусство. М. 1976. С. 145, 175.

³ Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.

⁴ См. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос.М.,1996 С. 823.

⁵ См. Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М., 1991. С. 65.

⁶ Тодоров Ц. Теории символа. М., 1999. С. 369.

⁷ См. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. — Томск: Водолей, 1999. С. 11, 14.

⁸ См. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М., 1998. С. 197.

⁹ См. Биbihин В.В. Язык философии. М., 1993. С. 194 — 209.

¹⁰ Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 93.

И. Г. Добродомов,
д. ф. н., профессор МПГУ

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ (О ФИЛОНАХ И ФИЛОНАХ)

Любой лингвист, много работавший со словарями, хорошо понимает непреходящую значимость лексикографического материала в историко-этимологических разысканиях, несмотря на несовершенства многих словарей, что иной раз оценивается как препятствие для их эффективного использования при изучении истории слов и что удается преодолеть исключительно путем увеличения количества словарей в историко-филологической базе исследования.

Подготовительные материалы В.В. Виноградова для истории слова *антик*, неосмотрительно напечатанные в его посмертно составленной книге «История слов» под небрежной редакцией Н.Ю. Шведовой в качестве статьи «Антик», заканчиваются в публикации парадоксальным выводом: «На этом материале легко видеть, что восстановление полной семантической истории слова даже в пределах XVIII-XX вв. только по данным толковых словарей почти невозможно».¹ Помещённые в самом конце «статьи», эти даже не очень категоричные слова производят впечатление общего вывода, хотя они таковым не являются: в этой фразе отражена лишь только конкретная не вполне удавшаяся попытка автора обрисовать историю слова *антик* прежде всего с помощью небольшого числа лексикографических источников, что произошло не из-за малой информативности словарей, а из-за их недостаточного количества (девять словарей и словарных материалов). Увеличение числа привлеченных лексикографических источников (до тридцати единиц) позволило более точно описать историю слова *антик* в русском языке.²

В данной заметке я постараюсь показать, как при опоре исключи-

тельно только на не вполне корректно обработанные в словарях словарные материалы, каждый из которых сам по себе заслуживает многих упреков по части корректности и полноты, можно сделать важные выводы по части истории и этимологии слова.

В одном академическом весьма объемном орфоэпическом словаре встречается два однокоренных жаргонных слова: «**фило́н**, -а; **фило́нить**, -ню, -нит»,³ которые никаких трудностей в произношении не представляют, и едва ли помещение этих слов в такой словарь может быть оправдано: они отсутствовали в более строгих словарях.⁴

Еще менее оправдано было помещение этих слов в нормативный по своим установкам краткий «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, куда они в формах: «**ФИЛОН**, -а, м. (прост.). То же, что лентяй. **ФИЛОНИТЬ**, -ню, -нишь (прост.). Бездельничать, лодырничать» попали, начиная с 9-го исправленного и дополненного издания 1972 года, по произволу его бывшего политического рецензента⁵ и упорного редактора Н.Ю. Шведовой в числе 4 тысяч новых слов, введенных в этот чужой лексикографический труд покойного ученого с целью из редактора превратиться в соавтора, что и было осуществлено несколько позже в корпусе словаря уже со вторым составителем и заимствованным названием: «**ФИЛОН**, -а, м. (прост.). Лентяй, лодырь. **ФИЛОНИТЬ**, -ню, — нишь; несов. (прост.). Бездельничать, лодырничать.»⁶ Эта новая и едва ли нужная редакция имела место уже в 21-м, переработанном и дополненном, издании словаря С.И. Ожегова (М., 1989, с. 850): было изменено первоначальное неудачное определение существительного *филон* из «То же, что лентяй» на «Лентяй, лодырь». Но ошибочные стилистические пометы и дефиниции остались в неприкосновенности, что видно при сопоставлении их с пометами и дефинициями сводного словаря русских жаргонов, где эти слова снабжены пометой *угол*, как слова из речи уголовников: «**ФИЛОН**, -а, м. *Угол*. Профессиональный нищий, попрошайка. СРВС, III, 69. **ФИЛОНИТЬ**, -ню, -нит, несов. *Угол*. Заниматься нищенством, попрошайничать. Сн., СРВС, III, 69.

ФИЛОНСТВО, -а, ср. *Угол*. Нищенство, профессиональное попрошайничество. СРВС, III, 69.»⁷

Составители и этого словаря так же, как и Н.Ю. Шведова, обнаружили явную поспешность и упрощенчество в трактовке малознамого для них слова.

С некоторыми отклонениями в семантике дают глагольно-именную пару *филонить* — *филон* и повторяющие друг друга милицейские лексикографы, также далекие от точности: «**ФИЛОН** — 1. Симулянт. 2. Нищий. **ФИЛОНИТЬ** — попрошайничать. **ФИЛОН ЧИСТЫЙ** — человек, правдоподобно симулирующий психическое заболевание.»⁸

Более реально, но также не четко определено значение глагола *филонить* и существительного *филон* в кратких филологических словарях блатного языка: «**ФИЛОН**, -а, м. **Человек отказывающийся от работы; лентяй**. Саша из барака филонов. Понятно? Их подавляет крупный рецидивист [53]. Я филонам не помогаю [72]. В ожидании парохо-

да „Глеб Бокый» они еще поработают на кемской пересылке, и кого-то заставят бегать вокруг столба с постоянным криком: „Я филон, работать не хочу и другим мешаю!»; а инженера, упавшего с парашей и разлившего на себя, не пустят в барак, а оставят обледеневать в нечистотах [65]. Начальница изругала филонов и повелела снаряжать после обеда вторую смену заготовителей дров [55].

ФИЛОНИТЬ, -ню, -нит; *несов.* **Отказываться по какой-либо причине от работы; бездельничать.** Тю-тю-тю!.. Сорвалось... Плохо фило-нили [74]. **ФИЛОНЩИК**, -а, м. **То же, что** и филон (см. **филон**). Таких неудачливых филонщиков товарищи встречали злорадным смехом [74].»⁹

Наиболее правильную дефиницию словам *филон* — *филонить* дал исследователь военного жаргона В.П. Коровушкин, который от половинчатого определения М.А. Грачева „отказываться <..> от работы» пришел к более точному „уклоняться от работы», но это правильное определение и у него оказалось запрятым между толкованиями контекстов или ситуаций: **«филон**, -а, м. 1. *устар.* Симулянт, выдающий себя больным. <..> 2. Уклоняющийся от работы; «сачок» <..> (? < фр. жарг. *filon* „выгодное дельце» —> „нестроевая должность»), **фило́нить**, -ню, -нит; *несов.* — 1. *устар.* Симулировать болезнь. —> 2. Запутывать, лгать <..> —> 3. Уклоняться от работы; бездельничать; «кантоваться»; «сачковать» <..>

4. Попрошайничать <..>. **фило́нство**, -а, *ср.* Бездельничанье; уклонение от работы <..>»¹⁰

Основное значение ‘уклоняться от работы, отлынивать’ хорошо объясняет все зафиксированные в качестве отдельных значений контекстные употребления, которые в арготической и общей лексикографии подаются как самостоятельные значения, влияние чего сказалось частично и в словаре В.П. Коровушкина. Одно из таких контекстуально-ситуативных значений этот автор считает *устарелым*.

Слишком смелое этимологическое сближение русского жаргонного *филон* ‘уклоняющийся, отлынивающий от работы’ и французского *filon* ‘рудная жила, источник’, *народ*, ‘удача, счастье; путь к удаче; выгодное место’,¹¹ предложенное под осторожным вопросом В.П. Коровушкиным, справедливо должно быть решительно отвергнуто по семантической несовместимости русского арготизма и французского слова.

Нельзя ничего извлечь позитивного из привлечения сюда греческого личного имени Φίλων = φνοζ, *Филон*, среди носителей которого, кроме знаменитого иудейско-эллинистического религиозного философа, предтечи неоплатонизма Филона Александрийского (ок. 25 н. до н. э. — ок. 50 г. н. э.), с античных времен известны также: 1) афинский зодчий и писатель IV–III вв. до н. э.; 2) греческий философ академической школы родом из Лариссы, друг Цицерона; 3) греческий врач родом из Тарсосу; 4) преподобный Филон, епископ Каппасийский (V в. н. э.) с днем памяти 24 января. Однако ни один из носителей личного имени *Филон*¹² античности и раннего христианского времени не обла-

дал свойствами, которые способствовали бы превращению личного собственного имени в нарицательное арготическое *филон* 'тот, кто отлынивает'.

Не может быть привлечено к этимологии жаргонизмов *филон* — *филонить* и условное поэтическое имя Филон у русских поэтов в первую четверть XIX века (К.Н. Батюшков, А.А. Дельвиг, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин), поскольку и оно не обладает нужными для этого свойствами.

Совершенно неожиданно этимология для рассматриваемой глагольно-именной пары обнаруживается в старинных условных языках русских торговцев и ремесленников в виде варьирующего названия для полатей (дощатого настила в избе для спанья под потолком), которое отмечено, например, в «Письмах к другу» Ф.Н. Глинки 1816 г. как слово офенского «галичского наречия» Костромской губернии («*филон* — палаты в избе»),¹³ в офенском языке села Мстёра Вязниковского района Владимирской области (*филоны*)¹⁴ условном языке пензенских шерстобитов (*фило́нские, фило́ны, хилоны*),¹⁵ а также в жгонском языке костромских шерстобитов (*фило́ны, пилоны*),¹⁶ причем здесь форма *филоны* отмечена уже в 1854 году в первом жгонском словаре В.И. Даля и преимущественно его помощника Лури со значением «палаты» (так!),¹⁷ а также в «Словаре офенского языка» В.И. Даля (*Филоны — палаты*) и его же «Русско-офенском словаре» (*Палаты — Нары* (ш.)),

Филоны (вл.) с указанием (ш.) на принадлежность слова костромским шерстобитам (жгонам) и (вл.) — на принадлежность владимирским офеням¹⁸.

В недавно вышедшем словаре жгонского языка А.В. Громова при слове *филоны* 'полаты' читается интереснейшая жгонская рифмованная приговорка: «**Филоны**, мн. Полаты в избе. = *Жго́ны на филоны, шошы — на камышы — пимокаты на полаты, валенки на печь.*»¹⁹

Яркая выразительность этой лексикографической иллюстрации становится понятной в свете того тяжёлого труда, который выполняли отходники-жгоны: «*Жго́ну не поседмать на жагре, надо тирить упакы - пимокату не посидеть на заднице, надо катать валенки.*»²⁰ Отдыхать жгонам приходилось очень мало, поэтому излишнее пребывание жгона на полатах-филонах считалось отлыниванием от работы, что отражено в жгонском отыменном глаголе: «**Филонить**. Отлынивать от работы, лениться, бездельничать.»²¹

Выйдя за пределы жгонской языковой среды (без сопровождения производящего имени *филоны!*), явно отыменным глагол *филонить* стал как бы опрошенным непроизводным. На новой почве слово с яркой экспрессией (благодаря наличию в его составе редкого для русского языка звука *ф*) стало обрастать производными. В первую очередь образовалось название действующего лица (деятеля-бездеятеля) *филонщик*, глухо отмеченное М.А. Грачевым у В.Я.Шишкова, не выдержавшее однако, конкуренции с обратным образованием (редериватом)

фи́лон, которым было полностью вытеснено суффиксальное производное *фи́лонщик*, сейчас совсем уже не встречающееся в речевой практике.

В словообразовательной глагольно-именной паре *фи́лоню* — *фи́лон* слова противопоставляются системой флексий — глагольной у глагола *фи́лоню* и субстантивных у существительного *фи́лон* при отсутствии словообразовательных суффиксов у обоих слов пары, что позволяет специалистам по синхронному словообразованию видеть здесь таинственный нулевой суффикс: «Деривационное значение в этих случаях передается значимым отсутствием суффикса, т.е. нулевым суффиксом» — и даже о нулевом аффиксе-морфеме (это при наличии-то флексий): «В аффиксальных способах образования словообразования... учитываются и нулевые морфемы (=значимое отсутствие аффикса...)»²²

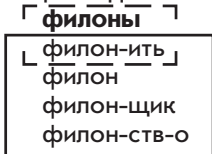
Вероятно, позже появилось название действия *фи́лонство*.

Не лишено любопытства то обстоятельство, что в академический «Орфографический словарь русского языка» (см., например, 33-е изд., М., 1998, с. 381) попал только глагол *фи́лонить*. Это можно истолковать как учет его преобладания в словообразовательном гнезде по значимости и как учет его наибольшей распространенности в русской жаргонизированной речи.

В результате разных словообразовательных актов сформировалось следующее словообразовательное гнездо в русской жаргонизированной речи:

фи́лонить
фи́лон
фи́лон-щик
фи́лон-ств-о

Если же учесть и чисто жгонские истоки этого словообразовательного гнезда и его этимологические основы, то оно приобретает следующий вид:

Здесь в верхний (пунктирный) прямоугольник заключено жгонское словообразовательное гнездо, а в нижний (ограниченный сплошными линиями) прямоугольник — словообразовательное гнездо русской жаргонизированной речи.

Неясно, почему словообразовательная пара *фи́лон* ~ *фи́лонить* не попала в двухтомный «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова (М., 1985): это могло быть сделано как по принципиальным соображениям, так и по небрежности. Характерно, что и косноязычно названный «Новый словарь русского языка. Толково-слово-

образовательный» Т.Ф. Ефремовой (т. 1-2. М., 2000) не включает сомнительную пару *филон* — *филонить*, поскольку последняя явно входит в число слов, «которые до недавнего времени оставались за гранью периферии литературного языка (грубая, жаргонная, бранная лексика)» (т. 1, с. IV).

И А.Н. Тихонов, двухтомный «Словообразовательный словарь русского языка» которого содержит 145 тысяч слов, и Т.Ф. Ефремова в своём также двухтомном толково-словообразовательном «Новом словаре русского языка» (свыше 136 тысяч слов), проявили гораздо больше вкуса, чем Н.Ю. Шведова, неосмотрительно включившая жаргонную пару *филон* — *филонить* в чужой краткий нормативный словарь и которая благодаря этому нарушению воли С.И. Ожегова довела число слов до 80 тысяч. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова перестал быть нормативным и кратким, каким он был задуман.

В изданном Институтом лингвистических исследований в Петербурге большом однотомном словаре на 130 тысяч слов сделана робкая попытка исправить трактовку жаргонных слов *филонить* — *филон* в общих словарях: «**ФИЛОН**, -а, м. Неодобр. Лентяй, лодырь. **ФИЛОНИТЬ**, -ню, -нишь; нее. Разг. Бездельничать, уклоняться от работы. *Ф.* на работе.»

Но, как видно из цитаты, уточнения сделаны здесь весьма осторожно и противоречиво, а потому требовали определенной доработки в дальнейшем, что учтено при более строгом отборе лексики в сокращенной версии этого словаря («Современный толковый словарь русского языка». СПб., 2001), где глагольно-именная пара *филонить* — *филон* оправданно не нашла места в числе 90 тысяч русских слов, объясненных в этом словаре, который в большей степени носит нормативный характер, чем отредактированный Н.Ю. Шведовой однотомник С.И. Ожегова в его нынешнем виде.

В заключение хотелось бы обратить внимание на методические приемы, использованные в данном разыскании.

В основу его положено сопоставление разноречивых и противоречивых в современных словарях фактов, которые также получили историческое осмысление и освещение в историческом аспекте. Иными словами, положительные результаты стали возможными благодаря применению к современному материалу сравнительно-исторической методики, которая оказалась намного плодотворней оголтело-беспардонного синхронизма, на котором сосредоточиваются специалисты по современному русскому языку.

Сравнительно-исторический подход помог осветить в словах *филонить* -*филон* то присутствующее во всяком незначительном слове «таинственное недоумение», о котором в рассказе А.П. Чехова «Свадьба с генералом» (1884) говорил заглавный герой — незабвенный отставной контр-адмирал Филипп Ермилыч Ревунов-Караулов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Виноградов В.В.* История слов. М., 1994, 41. Обзор рецензий см.: *Добродомов И.Г.* К проблемам русской исторической лексикологии в трудах В.В. Виноградова // *Русистика сегодня*, 1996, № 3, 119.
- ² *Добродомов И.Г.* История слов по лексикографическим данным и труды В.В. Виноградова по русской исторической лексикологии // *Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* М., 1999, 21-35.
- ³ Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1983, с. 614.
- ⁴ См., например: *Русское литературное произношение и ударение* / Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. М., 1959.
- ⁵ См.: *Советская книга*, 1949, № 6, с. 93-99.
- ⁶ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка, 9-е испр. и доп. изд. М., 1972, с. 783; *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992, с. 883; 4-е изд., доп. М., 1997, 852.
- ⁷ *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000, 626. За шифром *СРВС, III, 69* скрывается: *Собрание русских воровских словарей: В 4-х тт. Составление и примечания В. Козловского.* New Уогк, 1983, а также: *Сн — Снегов С.* Словесный камуфляж: Толковый словарь лагерно-воровского языка // 24 часа, 1991, № 51.
- ⁸ *Балдаев Д. С., Белко В.К., Исапов И.М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). Одинцово, 1992, 260. Ср. также: *Дубягша О.П., Смирнов Г.Ф.* Современный русский жаргон уголовного мира. Словарь-справочник. М., 2001, 167: «**ФИЛОН** — 1. нищий; 2. лодырь (разг.); симулянт ***Ф. ЧИСТЫЙ** — удачно симулирующий психическое заболевание. **ФИЛОНИТЬ** — 1. выпрашивать; 2. бездельничать (разг.); симулировать».
- ⁹ *Грачев М.А.* Язык из мрака. Блатная музыка и феня. Словарь. Нижний Новгород, 1992, 176, с глухими ссылками на источники: 53 — *Погодин Н.Ф.* Аристократы / *Собр. соч.* в 4 т. М., 1977, т. 1; 55 — *Поляк И.* Песни задрипанного ДПР // *Октябрь*, 1990, № 1; 65 — *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. М., 1990; 72 — *Шаламов В. Т.* Новая проза. Из черновых записей 70-х // *Новый мир*, 1989, № 12; 74 — *Шишков В.Я.* Странники // *Шишков В.Я.* Рассказы; Странники. М., 1986.
- ¹⁰ *Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона. Нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII-XX веков. Екатеринбург, 2000, 303.
- ¹¹ *Ганшина К.А.* Французско-русский словарь. М., 1930, стб. 535
- ¹² Следует отметить, что в справочной литературе редкое имя *Филон* иногда ошибочно трактуется как разговорная форма от *Филимон*. См.: *Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г.* Словарь русских личных имен. М., 1995, 350, это некритически воспроизведено в книге: *Королева И. А.* Фамилии Смоленского края. Смоленск, 2003, 47, а восходит это мнение к необоснованному предположению: «Филон могло <!> быть и стяженной

формой имени Филимон,» — в книге: Федосюк Ю.А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М., 1981, 207.

¹³ Глинка Ф.Н. Письма к другу. М., 1990, 228.

¹⁴ Бондалетов В.Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Условные языки как особый тип социальных диалектов. Рязань, 1974, 107.

¹⁵ Бондалетов В.Д. Финно-угорские заимствования в русских арга. Самара, 1992, 144.

¹⁶ Бондалетов В.Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. Рязань, 1980, 90, 96.

¹⁷ Бондалетов В.Д. Словарь условного языка шерстобитов (жгонский язык в XIX и XX вв.) // Лексика и лексикография. Сборник научных трудов, вып. 9. М., 1995, 29. Как жгонское слово дается здесь и *нары* «палаты» (так!); см. об этом: также, 13, 22.

¹⁸ Последние два словаря В.И. Даля недавно стали доступными благодаря книге В.Д. Бондалетова «В.И. Даль и тайные языки в России» (М., 2004, 335, 398; расшифровка индексов *ш, вл.* почему-то на странице 210).

¹⁹ Громов А.В. Жгонский язык. Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. М., 2000, 75.

²⁰ Громов А.В. Жгонский язык. М., 2000, 32.

²¹ Громов А.В. Жгонский язык. М., 2000, 75. По офенским источникам глагол *фило́нить* не прослеживается.

²² Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, 181, 173.

²³ Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998, 1423.

**А.И. Зимин,
д. ф. н., профессор
Литературного института**

РОЛЬ ЛОГОСА В СТАНОВЛЕНИИ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Термин и понятие Логоса принадлежат, безусловно, греческой культурно-исторической традиции и связаны они с эпохальным периодом перехода от господства мифологического мировоззрения к мировоззрению рефлексивному, философскому. В эпоху эллинизма, когда встретились древнегреческая философия и древнееврейская религия Логос постепенно становится общим для них понятием объяснения своеобразия и многообразия мира. Этот процесс начинается с конца IV в. до н. э., но уже в философии Гераклита (ок. 554-483 гг. до н.э.) утверждается, что огню как единому общему началу всего существующего присущ управляющий им Логос. Поэтому основным признаком подлинной мудрости эллинский мыслитель полагал постижение мудрости мира, а основой мудрого поведения следование мировому Логосу (В I, 30, 41,64. 112), Логос был для Гераклита своего рода мостиком между порядком природы (космоса) и порядком человеческих мыслей, облеченных в слово.

Современные переводы логоса чаще всего отождествляют его со словом¹. Но для человека древней культуры, который еще не различал слово и мысль, мысль тоже определялась термином логос. Это же касается порядка, того, что мы называем повторяемостью событий и явлений, законом. Слово логос было в античном мире словом синкретическим, нерасчлененным на отдельные значения. Оно несло в себе массу возможностей для соответствующего развития рефлексивного мировоззрения.

Это заставляет задуматься о том, как происходило становление и осознание природы слова в культуре, склонной к формированию фи-

лософско-теоретического мировоззрения (а именно такой и была древнегреческая культура). Скорее всего, слово появилось в истории человеческого рода сначала как имя, притом имя индивидуальное. Конечно, мы не присутствовали при возникновении слова и при его распространении, что называется вширь. Но определенного рода реконструкцию здесь можно сделать. Во всяком случае, научно-философский опыт позволяет сделать реконструкцию того, каким образом происходило становление рефлексивного понимания и рефлексивного восприятия мира. Без слова это невозможно. Но здесь есть тенденция к тому, что индивидуальное имя при определенных обстоятельствах может приобретать черты общности. Конечно, когда Иисус Христос называет Симона-рыбака Камнем (Петром), он дает ему индивидуальное имя. До этого таких имен в еврейском лексиконе не было. Симон первый. Он камень, на котором предполагается построить новый храм человеческого духа. Однако по мере того, как Петр становится апостолом, апостолом богочеловека, одним из крупнейших христианских авторитетов, его имя среди христиан получает распространение и тем самым обретает черты общности.

Во всяком случае, на начальных этапах освоения действительности, вычленения при посредстве человеческого внимания того, что для человека жизненно важно, происходило наделение его индивидуальным именем. А индивидуальное имя предполагало определенность вполне конкретного явления, вполне конкретной вещи. Для человека той ментальной активности не существовало понятия «река». Существовало понятие Нила, Тигра, Евфрата, Стикса, Танаиса и пр., но не существовало понятия реки. В процессе словообразования царил конкретика. Все индивидуально, все единично, как единичен конкретный человек. Не было понятия человека вообще. Было понятие носителя определенного, сугубо индивидуального имени. Так, в «Ветхом Завете» сотворенный первый человек получает индивидуальное имя Адама, которое лишь по мере умножения рода человеческого становится общим понятием. Однако даже при этой понятийной общности оно, особенно в христианской традиции, сохраняет черты имени собственного. Аналогичным образом дело обстоит и с именем Евы — женщины.

Эти вещи зафиксированы в библейской мифологии, и, очевидно, они относятся к весьма древнему пласту человеческой мыслительной культуры. Вольно или невольно, но здесь фиксируется практика наделения индивидуальными именами индивидуальных вещей и явлений, которые со временем преобразуются в общие и повторяющиеся.

Человек овладевает миром, приручает его при посредстве труда и слова. С этим приручением совпадает формирование культуры, как того, что ставит человека над миром дикой и чуждой природы, выделяет его из природы и делает собственнo человеком. В результате, мир из беспредельного, хаотичного, стихийного, дикого, чуждого, враждебного человеку постепенно становится определенным, упорядоченным, прирученным, своим, понятным, благотворным. И в этом процессе наряду с трудом важнейшее место принадлежит слову, логосу.

Об этом достаточно много и подробно писалось в марксистской литературе. Однако здесь все еще актуальным остается вопрос: а что первично в процессе такого приручения? Приручение с помощью слова, или приручение с помощью физического действия?

Ставить вопрос таким образом не совсем правильно, потому что одного без другого не бывает. Для человека приручение действием невозможно без какой-то проработки с помощью мысли, в основе которой опять-таки лежит слово. А формирование слова связано с тем, что так или иначе предполагает какое-то действие с различного рода предметами и явлениями. Не сразу появляется слово для обозначения какого-либо индивидуального предмета. Но если оно появилось, то соответствующий ему предмет приручили: да, я знаю, что это камень, дерево, лосось, медведь, на которого я охочусь или от которого прячусь.

Можно сказать, что в основе формирования самого человека и его культуры лежит стихия овладения миром, природой, с опорой на действие и на слово. Вместе с тем на каком-то на этапе развития человеческого мышления должен был возникнуть вопрос: а как это делается? Вот когда возникает этот вопрос, начинает формироваться собственно философия в форме онтологии — учения о бытии и в форме гносеологии — учения о познании. Вот тогда человек начинает задаваться вопросом относительно того, какова природа этого самого слова Логос?

К сожалению, процесс этот ни в логике, ни в философии, ни в филологии до сих пор серьезно не исследован. И тем не менее это — реальная процедура, позволяющая в какой-то степени понять, как шло освоение мира человеком через слово. Более того, уже в древности начинает осознаваться человеком жизненное, творческое и познавательное значение слова. И в Ветхом и в Новом Завете мир творится при посредстве слова. В книге «Бытие» Яхве (Сущий) говорит: «Да будет свет. И стал свет»; «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью». И далее; «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделит она воду от воды... И назвал Бог твердь небом» и т.д. (Бытие, 1, 3, 5, 9 и далее). Бог произносит Слово, которое творит, а после творения дает сотворенному Имя. И видит, что сотворенное им «хорошо».

Даже поверхностное знакомство с мифом о творении мира, представленном в Ветхом Завете, позволяет увидеть, что у его создателей нет еще специального понятия Логоса, но в нем отчетливо зафиксировано творящее действие Слова Создателя. Это, конечно, очень близко к Логосу эллинов, но это все же еще не Логос. Логос как Слово Божие появляется только в Новом Завете, в Евангелие от Иоанна: «В начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог. Все через него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоанн, 1, 1-5).

В Новом Завете подчеркивается, что все сотворенное стало существовать через Слово — Логос. Но Новый Завет появляется в то время,

когда, греческая философия, с ее пониманием безличностного.. Логоса, имманентно присущего $\phi\iota\sigma\iota\zeta(\gamma)$, $\kappa\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma(\gamma)$, была достаточно хорошо разработана и в силу, коммуникативных процессов эпохи эллинизма известна некоторым просвещенным иудеям. Примером тому может служить философская мысль знаменитого Филона Александрийского, в котором многие исследователи усматривают теоретического предтечу христианства. Филон вполне осмысленно ставит греческую философскую мысль на службу нефилософичной иудейской мифологии. Однако он полагает, что «в обоих источниках содержится одна и та же истина, которая, впрочем, в чистом и полном виде дана только в иудейских священных книгах»³. Филон является автором «Аллегорических комментариев к Пятикнижию», где утверждается, что Бог прежде физического мира создал интеллигибельный космос, который «есть ничто иное как Логос Бога, актуально формирующий мир»⁴.

Тем самым Логос отличается и от природы, и от Бога и, пожалуй, впервые определяется как «первородженный Сын несотворенного Отца», или «второй Бог». Но иудейский Бог Отец есть личность и в силу божественного рождения Бог Сын (он же Логос) также в отличие от греческой философии становится личностью. От такого понимания Логоса всего лишь один шаг к его отождествлению с Мессией - Спасителем, что и происходит в христианстве, где это Слово и есть Иисус Христос — Сын Божий, рожденный и несотворенный Богом Отцом. Именно эта мысль на многие столетия становится определяющей особенностью христианского мировоззрения и христианской практики у многих народов, принявших свет христианского учения.

Христианство с момента его возникновения противостоит как языческой религии с ее мифологией, так и в качестве новой мифологии языческой философии с ее теоретическим мышлением и теоретически постигаемой истиной. Как новая мифология новой религии христианство монотеистично, что принципиально отличает его от языческого политеизма с его идолопоклонством и традиционными кровавыми жертвоприношениями. И вместе с тем христианская мифология противостоит христианской философии с ее теоретичностью, потому что христианство в своих канонических текстах принципиально не теоретично. Ни в одном из Евангелий не содержится теории в философском смысле. Но это вовсе не означает, что в них не содержится определенного рода мудрости, которая могла стать и на деле довольно быстро стала привлекательной в глазах значительной части людей античного мира.

Мудрость Нового Завета предстает перед нами не в форме абстрактно-теоретических понятий, а в форме или прямого повествования о рождении, деяниях, смерти и воскресении Спасителя, или в форме притчи. Притча — это, с одной стороны, иносказание, но, с другой стороны, это иносказание, которое указывает на какой-то внутренний, глубинный, чрезвычайно важный смысл христианского учения, который не будучи теоретическим, а потому собственно философским, может при определенных обстоятельствах стать объектом философской реф-

лекции, философского осмысления. Это новый тип мудрости, который пришел как оппозиция языческой религии, с одной стороны, и языческой философии — с другой.

В исторической перспективе в европейском мировоззрении намечается логическая последовательность: языческая мифология — языческая философия — христианская мифология и свойственная ей мудрость. Эта последовательность породила очень серьезную проблему⁵, определившую по сути своей перспективу последующего формирования и развития западноевропейской культуры и цивилизации. Эта проблема напрямую связана с Логосом. Суть этой проблемы сводится к тому, что если христианство с его мифологией оказалось абсолютно непримиримым с языческой религией, то с языческой философией, после довольно непродолжительного периода ее отрицания, христианство вступило в диалог и, испытав на себе ее критический натиск, вынуждено было добиваться с ней сотрудничества.

Главным полем этого сотрудничества становится понимание Логоса в языческой философии и в христианстве, ибо в христианстве Иисус Христос, богочеловек понимается как земное воплощение божественного Слова — Логоса. Поскольку христианство признает предвечный Логос, рожденный Создателем и являющийся основой творения небесного и земного мира, оно не может игнорировать языческую философскую культуру, также ориентированную на Логос. Это заставляет христиан смотреть на языческую литературу и философию как на предтечу христианства, явление творящего Логоса в мире до его непосредственного земного воплощения в фигуре спасителя. Поэтому полностью противопоставлять христианство философии уже в III — IV вв. н. э. становится не интересным.

Еще Тертуллиан (ок. 160 = 220 гг.) позволял себе полностью отрицать истину языческой философии, так как полагал, что она не дается ни одной из существовавших в его время философских теорий, в духе Аристотеля трактовавших истину как соответствие знания действительности. Христианство дало новое понимание истины. В Евангелии от Иоанна Христос говорит о себе: «Я есмь путь и истина и жизнь»¹.

Это непонятно и вызывающе, если такое говорит о себе обыкновенный земной человек. Но если это утверждает богочеловек, то ситуация совершенно меняется. Воплощенное Слово Божье предстает как живая, непосредственная истина, открывающаяся человеку в прямом общении со Спасителем, указывающим ему истинный путь в жизнь вечную. Это, безусловно, мудрость, но мудрость не философского толка. Это понимали философски образованные христиане, вроде Юстина мученика (11 в.), и пытались осмыслить и выразить отношения между этими типами мудрости. С точки зрения Юстина, каждая из философских теорий «видела мир, в котором божественный Глагол бросил свои семена, лишь в связи со своей природой, а потому любая теория могла выразить лишь истину частичную. Но с тех пор, как они вошли в противоречия между собой по глубинным основаниям, обна-

ружилось, что ни одна из них не обладает знанием безошибочным и неопровержимым. Все, что было возвещано правдивым образом, принадлежит нам, христианам. Воистину после Бога мы любим и славим лишь Логос, что родился от Бога, вечный и неизреченный, ибо Он стал человеком для нас, чтобы излечить нас от недугов наших, приняв их на себя. Писатели умели сквозь тьму разглядеть истину, благодаря семенам Логоса, что внутри них, но одно дело семена и подобие, соразмерные их собственным свойствам, и совсем другое сам Логос, участие и подражание в благодати, что от него исходит»⁶ .

Когда же сама христианская мудрость, воплощенная в христианской мифологии, становится объектом философской рефлексии, тогда из нее выделяется целый ряд умозрительных понятий, которых в прямом и непосредственном виде в христианской мифологии не содержится. Эти понятия (первым среди которых было, безусловно, понятие Логоса) и составили основу христианской апологетики и догматики. Вообще без философии вряд ли стала возможной христианская догматика, а без нее вряд стала бы возможной западная теоретическая теология. Именно философия позволила христианству систематизировать многообразие идей, мудрости, которые в непосредственном виде в христианстве не просматриваются. Именно из философской рефлексии христианства и рождается христианская теоретическая теология, которая есть по сути своей рационализированное учение о Христе. Философия, будучи приложенной к христианской мифологии, т.е. применив философский Логос к Логосу мифологическому, смогла создать нечто возвышающееся над мифологией, нечто умозрительное, метамифологическое.

Рождение христианской теоретической теологии автоматически втягивает в мир христианской культуры античную философско-теоретическую ученость. В частности оно втянуло из античной культуры в культуру христианскую семь свободных искусств, составивших в Средние века основу европейского образования, школьной (схоластической) учености. Этому нужно было учиться, а для учебы необходима была школа, которая стала одной из отличительных особенностей западноевропейской культуры.

Последствия христианского просвещения народов Запада и Востока Словом Божьим не являются тождественными, как не является тождественной для них до определенного предела интерпретация самого Логоса. Характерной чертой западного осмысления Логоса уже в Средние века становится его рационализация, сопровождающаяся формированием теоретической теологии, которая стремится к выработке логических доказательств бытия Божьего, как это имело место в творчестве крупнейшего средневекового авторитета в области теологии Фомы Аквинского. Утверждая правомерность существования истин веры и истин разума, Фома все разумное, рациональное ставит на службу вере. Но это разумное и есть то теоретическое, логические принципы которого были сформулированы Аристотелем, активно использованным Фомой для укрепления теоретической базы теологии.

Первоначально христианская культура выступала как единая для Запада и Востока. Но с VI в. начинается размежевание единого христианства на православие и католицизм, продолжающееся вплоть до наших дней. Запад испытал на себе все тяготы варваризации, которые, вместе с тем, предопределили направление и особенности его культурно-цивилизационной эволюции. Христианский Восток продолжал сохранять свою культурную и политическую идентичность⁷. С падением Западной Римской империи для Европы начинается эпоха средних веков, эпоха развития так называемых феодальных отношений.

На ином полюсе развития христианской культуры оказалась Византия, которая выстояла в борьбе с варварами и просуществовала после падения Западной Римской империи почти тысячу лет. Она прекратила свое политическое существование под ударами католической Европы с одной стороны, и исламизировавшегося Востока — с другой лишь в 1453 г., т.е. по европейским историческим меркам — уже в эпоху Возрождения.

На фоне этих исторических движений разворачивалось дальнейшее формирование философской и тесно связанной с ней научной мысли.

Важным условием в данном отношении стало то, что германские варвары разрушили, прежде всего, памятники древней языческой культуры, которые были в основе своей материальным воплощением античной религиозной духовности. Они были важнейшим компонентом античной материальной культуры. Падение этой культуры стихийно расчистило место для более интенсивного распространения христианской культуры, которая к моменту варваризации не имела столь мощного материального воплощения, как культура языческая. Христианство было труднее разрушить, т. к. оно существовало в форме духовных союзов, в форме общин, внутри которых практиковались принципы взаимной выручки и поддержки. В них работал новозаветный принцип объединения ради совместного служения Спасителю: «Где двое соберутся во имя мое, там и я буду с вами».

Главной идеологией, способной объединить людей империи после политического краха, оказалось христианство с его ориентацией преимущественно на духовные ценности. Христианская духовность стала действенным инструментом консолидации людей рухнувшей политической системы и вместе с тем она стала со временем основой культурной ассимиляции и просвещения варваров.

Что касается Византии, то ее христианизация, особенно при поддержке государственной власти, начало которой положил еще Константин Великий, только усилилась. Если варваризованный Запад приобщался к христианству и формировал новую христианскую культуру преимущественно снизу, на основе «самодеятельности» христианских общин, приходов, коммун, то византийский Восток опирался в этом плане на государственно-политическую поддержку императорской власти, государственно-политической иерархии, что, впрочем, не мешало формированию и усилению собственно церковной иерархии. В результате

в Византии сложились весьма специфические отношения между государственной и церковной иерархиями, которые получили название симфонии властей. С этим же оказалось тесно связанным отношение светской и церковной иерархии Византии к образованию, традиционная преемственность которого в ней практически не нарушалась.

Это также существенно отличает мир Византии от мира Западной Европы и с этим связаны различия в организации образования и просвещения.

Церковь способствовала христианизации Западной Европы. Христианство заложило основы культуры Западной Европы. С этим связано то обстоятельство, что культура была единой, ко государственно-политических образований сложилось множество, чему способствовала феодальная организация жизни. Культура одна, а государственно-политических образований множество. Кроме того, католическая церковь со временем стала претендовать не только на духовное руководство, но и на политическую власть в Европе. Это во многом определило борьбу между светскими и церковными властями в Средние века. Это противоречие оказалось главной движущей силой развития Европы.

Византия сохранила свою духовность, свою образованность. Правда, философские школы в Афинах в 529 г. по указу императора Юстиниана были закрыты. Но запрет касался именно философских школ, а не школ общеобразовательных, без которых государство и функционирование государственных учреждений обойтись не могли. Тем самым система античной образованности, система античной мудрости сосуществовала наряду с системой церковно-религиозного образования. Церковь преподавала христианскую мудрость, светская школа давала необходимое государству светское образование. И то, и другое было реальным достоянием византийской культуры.

Сравнение особенностей и последствий христианизации Западной Европы и Византии делает более понятным своеобразие формирования русской христианской культуры. Наиболее важным здесь является понимание того, что языческая Русь, обходявшаяся главным образом религиозно-мифологическим мировоззрением, приняла христианскую мифологию с ее пониманием истины и фактически проигнорировала философскую мудрость античного мира. Отсюда последствия христианского просвещения Руси были принципиально иными, чем последствия христианского просвещения Византии и Западной Европы.

На Руси одна мифология сменилась другой, и утвердилось христианское понимание истины как живой, реально воплощенной в фигуре богочеловека. При таком понимании истины понимания ее как знания, соответствующего действительности, нуждающегося в научно-теоретической и философской разработке, не возникает. Русь, приняв христианство от Византии, приняла вместе с ним и высшую истину, как тогда представлялось, а потому она не нуждалась в какой-либо иной истине уже с силу того, что такая истина могла стоять гораздо ниже живой истины, воплощенной в Иисусе Христе.

Именно этим объясняется то обстоятельство, что русская духовность, русская мудрость до XVII-XVIII вв. оставалась принципиально не научной. Ее Логос лежал вне сферы теоретического мышления, оставаясь живым, образным, сердечным, боговдохновенным соответственно христианской мифологии, что находило отображение в синкретическом характере древней русской книжности. Потребность в научном знании на Руси появляется только в конце XVII в. А в Западной Европе к этому времени Декарт, Лейбниц и Ньютон разрабатывают принципы высшей математики и механики, позволившие поставить инженерное дело на научную основу, а вместе с ним двинуть далеко вперед технику и производство, к тому времени наука уже конституируется в Европе в том смысле, в котором мы и сегодня ее понимаем. Только в результате реформ Петра I Русь стала приобщаться к научно-философской мудрости Западной Европы.

Конечно, для Руси принятие христианства было благом. Но своеобразие его принятия обусловило и своеобразие понимания Древней Русью философии. Ведь для древних книжников философия была синонимом христианской мудрости и ничем другим. Философ — это тот, кто сведущ в христианских вопросах. По сути своей христианство и философия на Руси на долгие века становятся синонимами. И это было очень далеко от того, как складывались отношения между людьми церкви и философами в Западной Европе.

Отсюда и то культурно-цивилизационное расхождение между Россией и Западным миром, которое мы продолжаем наблюдать и в наше время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972. — С. 215-222.

² Более подробно о значении термина «Логос» в античной философии см.: Лосев А.Ф. Логос. // Философская энциклопедия. — Т.3. — М., 1964. — С.246-248.

³ См. Целлер Э. Очерки истории греческой философии. — М.: Канон, 1996. — С.2/8.

⁴ Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т.2 Средневековье. — ТОО ТК «Петрополис», 1997. — С.28.

⁵ Иоанн, 14, 6.

⁶ Цит. по Реале Дж., Антисери Д. Указ. соч. — С.32-33.

⁷ Более подробно об этом см.: Успенский Ф.И. История византийской империи. Т. 1. М., 2001. С. 20-46.

**И. И. Болычев,
доцент Литературного института,
канд. филол. наук**

ПОЭЗИЯ БЕЗ СЛОВ. ЛИРИКА ГЕОРГИЯ ИВАНОВА*

Это выступление можно было бы назвать «распад атома слова», «смысл, раскаленный добела», или более «научно» — «изменение номинативной функции слова в интонационно — смысловом поле стихотворений Г. Иванова».

Выскажем сразу и основной тезис сообщения: номинативная функция слова в стихах Г. Иванова имеет тенденцию ослабевать до полного растворения в этом самом интонационно-смысловом контексте.

Попробуем уподобить слово атому — в классическом его представлении (скажем, начала XX века) — ядро (главное смысловое значение, с которым и связана основная функция слова — номинативная, назывная), а вокруг электронные облака — эмоциональные, ассоциативные и прочие функции слова. В классической литературе сотканые из таких атомов произведения, безусловно, учитывали электронно-побочные функции слова, они были необходимы для сцепления слов (как и в химии), для создания нового вещества или, в филологическом смысле, цельного высказывания, произведения. То есть химически грамотно соединенные слова приводили к созданию некоего нового объекта, уникального и неповторимого высказывания, гармоничного и живого, как, например, стихотворение Пушкина «Мороз и солнце...». Для нас принципиально важно, что слова в стихах Пушкина не перестают «означать», то что они означают» в обыденной жизни или, скажем, в академическом словаре. Более того, возможно одной из главных составляющих

* Статья написана по докладу на Горшковских чтениях Литературного института в ноябре 2003г.

таланта великого поэта была именно его способность к точному словоупотреблению. Пушкин не зря заглядывал в Академический словарь, он выбирал стопроцентно точные слова для выражения стопроцентно точных «содержаний» — эмоций, ситуаций, поступков, жестов (как внешних, так и внутренних), и такая безупречная точность попадания раз за разом в «десятку», возможно, и лежит в основе того изумления, граничащего с ужасом перед сверхъестественным, которое настагает читателя стихов и прозы Пушкина. Нам же важно то, что в классическом словоупотреблении (у Пушкина) делается установка именно на главное, словарное значение слова, на его номинативную, назывную функцию. Кстати сказать, такая лексическая установка, которую вполне логично назвать «классической», подразумевает и аполлоническое, дневное содержание произведений, и соответствующее мировоззрение. Но если мы вспомним Гоголя, то уже у него заметим несколько иное отношение к слову. Уже у Гоголя (по сравнению с Пушкиным) начинают более активно использоваться обертона слов, их периферия, и тем самым в прозе Гоголя, скорее ночной и дионисийской, слова начинают взаимодействовать уже на более глубинном ассоциативном уровне.

Итак, в классике слова в рамках одного произведения, сгруппированные поэтом и связанные друг с другом, не теряют своих обычных, словарных значений, но напротив, выполняют свою функцию в произведении именно благодаря этим естественным значениям, означают то, что означают. Иначе говоря — остаются атомами, мельчайшими частицами вещества, в которых еще сохраняются свойства этого вещества. Ибо дальнейшее дробление, распад атома, приводит к образованию более мелких так называемых «элементарных» частиц нейтронов, протонов, электронов и проч., но уже не обладающих свойством вещества: разрушенный атом водорода превращается в протон и электрон и в химическом смысле исчезает. Если мы продолжим нашу аналогию, то можно сказать, что подобно тому, как атомы и молекулы, состоят из одинаковых элементарных частиц, тем не менее обладают неповторимыми уникальными свойствами вещества, так и слова, состоят из элементарных частиц — звуков, являются своего рода атомами и молекулами смысла. Так вот, как мы уже видели в классике из классических атомов-молекул слов классические гении (Пушкин) создают классические шедевры-высказывания, аналоги классических нормальных веществ — земли, воды, воздуха, известных в физике как агрегатные состояния вещества, — твердое, жидкое и газообразное.

Четвертую классическую стихию — огонь, я опустил намеренно. Ибо эта четвертая стихия, в отличие от трех перечисленных, — не состоит из атомов и молекул, а представляет собой особое, четвертое состояние вещества, которое физики называют плазмой. В этой самой плазме, в этом самом огне, атомы и молекулы распадаются на свои составные части и утрачивают свои свойства. Применительно к словам

— распадаются на бессмысленные (с классической точки зрения) звуки. В этом смысле знаменитое «дыр бул щир убещур» Крученыха — и есть пример неуправляемой словесной плазмы. Высказывание, составленное из распавшихся атомов. Неуправляемая ядерная реакция - атомный взрыв бессмыслицы. Дабы завершить физические аналогии и перейти наконец к Г. Иванову, отмечу, что у Г.Иванова, в отличие от некоторых футуристов, ядерные реакции носили вполне управляемый характер. Разница между управляемой и неуправляемой реакциями сегодня вполне очевидна: с одной стороны свет в доме, с другой — Хиросима, в данном случае — духовная Хиросима.

Поэзия, кстати сказать, шагая в ногу с физикой, в двадцатом веке научилась обращаться со словесной плазмой. То есть «новое» обращение со словом (которое в зачаточном состоянии было всегда у Державина, например затем у Гоголя, ближайший предшественник — Анненский) было свойственно не только Г. Иванову, элементы «плазменного» стиля есть и у Пастернака и, конечно, у Мандельштама. Но у Пастернака процессы несут не всегда управляемый характер (что впрямую отражается на смысле), а у Мандельштама эти элементы осложнены ассоциативной (иногда очень сложной) образностью. Так что для исследования стихи Г. Иванова удобны тем, что в них мы встречаемся с этим феноменом в наиболее очищенном виде. Заметим еще, что фольклор давно с этой плазмой умел обращаться. И в народной песне какое-нибудь «люшеньки-люли», дополненное мелодией распева, могло заключать половину всего «смысла», «содержания» песни. Здесь кстати уместно ответить и на вопрос, зачем вообще нужно это разрушение слова, почему не обойтись старым, классическим. Ответ таков: для высвобождения творческих энергий, тех самых, которые и воздействуют на читателя. А энергии высвобождаются колоссальные. Поэтому и разрушительная их сила велика. Но зато и созидательная огромна. Автор пытается сравниться по энергетике с народной песней.

Для того, чтобы распавшиеся или же сильно деформированные атомы слов, перешедших в иное агрегатное состояние, в своей совокупности все-таки имели вполне определенный (хотя и не всегда «классический») смысл, т.е. были управляемыми, необходима сила, необходимо некое поле, которое удерживало бы все эти раскаленные частицы вместе. В стихотворении таковым полем может быть только интонационно-звуковой строй. Интонационно-звуковое поле и есть та самая узда, которая объединяет распавшиеся атомы воедино, придает смысл. До известной степени интонационно-звуковое поле (которое образуется на более высоком синтаксическом уровне) и само является носителем смысла, гораздо в большей степени, чем это было в классической поэзии. Это поле и разрушает-деформирует слова, оно же их и удерживает. Оно ответственно за общий смысл, утрируя, является главным носителем общего смысла, вступает в сложные взаимодействия со словарными значениями слов, подчиняет их этому главному смыслу, иногда деформируя словарные значения до антонимических.

Вот пример:

Листья падали, падали, падали,
И никто их не мог удержать.
От гниющей листвы, как от падали.
Тяжело становилось дышать.
И неслось светозарное пение
За плескавшей в тумане рекой,
Обещая в блаженном успении
Отвратительный вечный покой.

Если мы (да простит нас Г. Иванов) заменим слово «отвратительный» на «восхитительный», то обнаружим, что силовое поле всего стихотворения, столкнувшись с инородным «чужаком», трансформирует его до неузнаваемости и, придав ему саркастический оттенок, все равно заставляет обозначать «отвратительный». Любопытно и принципиально то, что стихотворение даже от такой некорректной (а в сущности идиотской замены) не рассыпается, не перестает существовать, но переваривает чужака, действует, как единый живой организм, продолжает оставаться собой, сохраняет прежний смысл. (в данном случае почти полного отчаяния).

В стихотворении «Полутона рябины и малины...» первое четверостишие набор абсолютно бессвязных образов и предложений, постепенно дополняясь другими не особенно логически связанными образами и словами, вырастает до реквиема утраченной и дорогой сердцу автора прежней культуре. Этот распад и смешение отдельных слов, образов, культурных реалий нужен для более тонкого и интенсивного выражения общего смысла.

Другой пример словесного сплава — стихотворение «Отзовись ку-кушечка»

.....
Из огня да в полымя, где тонко там и рвется.
Палочка-стукалочка, полушка четвертак.

Перед нами типичный «смысл, раскаленный добела», сотканный из словесного мусора, разогретый до невероятного каления, пронзительно нежный и до цинического отчаяния безнадежный, этот смысл все-таки, вопреки всему, именно благодаря своей раскаленности, в каком то конечном, самом главном своем проявлении, в каком то последнем запредельном своем устремлении — светел и утверждают, . Не жизнеутверждающ. Ибо жизнь миру «никогда и ничего не простит». Просто утверждающ. Метафизически утверждающ. А почему? Да потому что раскален добела. А при таких температурах духа слова распадаются, как атомы. Кстати отметим и различие между «смыслом, раскаленным добела» и «матерной бранью на метафизическом заборе», каковой

являлась, по мнению Г. Иванова, практика неуправляемых словесно-ядерных распадов в роде «дыр бул шир убещур».

Подход, который мы попытались предложить в своем сообщении, в частности позволяет более или менее сносно объяснить, почему, номинально «пессимистические», «негативные», «циничные» и т.п. стихотворения Г.Иванова, оставляют после себя свет, надежду и веру. Они пронизаны этой самой верой на интонационно-звуковом уровне. Грубо говоря, — исходя из словарных значений слов, утверждения Иванова пессимистичны, но слова трансформированы в интонационном поле стихотворения, подстроены под главный смысл и, забыв о своих прямых значениях, работают на главный смысл, позитивный.

Похоже, именно это и имел в виду поэт, употребивший, как и положено поэту, вместо неуклюжего словосочетания «интонационно-звуковой строй», позаимствованное у Блока слово «музыка» (со всеми его обертонами):

Это музыка миру прощает,
То, что жизнь никогда не простит,
Это музыка путь освещает,
Где погибшее счастье летит.

**В.В. Никульцева,
канд. филол. наук, МГОУ**

«О, В ЭТОМ САМЧЕСТВЕ ТЫ ДЕВНОСТЬ УЛОВИ...»

(Гармония контрастов в любовной лирике Игоря-Северянина)*

Одно из поздних стихотворений И.-С. носит название «Гармония контрастов» (1935).¹ В этом оксюморонном сочетании выражена важнейшая поэтическая установка поэта — установка на «смешенье стилей» как разновидность стиля самобытного, которой И.-С. был верен всегда — и в краткую пору «игры в эгофутуризм», и за границей, когда в его творческой манере происходил переход от авангарда к реализму. Наибольшее выражение приём контраста получил в любовной лирике, главной героиней которой является «Её величество Женщина» во всевозможных воплощениях человека-«богодробии», существо непредсказуемое и изменчивое. Противоречивость женской сущности, заложенная в женской душе полярность привлекает внимание И.-С., тонкого лирика и психолога. В книге «Фея Eiole» (1922), в которую вошли стихотворения, созданные в период наивысшего расцвета любовного чувства поэта к Фелиссе Круут, привлекают внимание строки, подчёркивающие неоднозначность восприятия этой женщины, ставшей впоследствии его женой. Так, в стихотворении «Sirel» (с эстонского — «Сирень») Tiiu — ласковое уменьшительное имя возлюбленной — сравнивается с такими разнополюсными понятиями, как *узыв* (от окказионального глагола *узывать* — «звать») и *обман*. В стихотворении «Подругам» сравнения разводятся ещё резче, вступая в антонимические отношения: *Вы — как два дьяволёнка! вы — как два серафима! По-*

* Статья написана по докладу, прочитанному на Горшковских чтениях Литературного института в ноябре 2003 г.

добных контрастных сравнений и антитез — как явных, так и скрытых — мы найдём немало а сборнике:

Лобзанья исступлённое укуса...
(«Расцвет сирени культивируемой»);

Твои глаза усмешливы, но строги
(«Поэза верной рыболовке»);

Твои поцелуи похожи на бурю!

На бездну! на хаос! на зной! на потоп!
(«Твои поцелуи»).

В «Поэзе новых штрихов» явное противоречие усиливается, подкрепляясь словообразовательным хиазмом в составе оксюморона; чувство к «невесточке», сменившей «браконенависть» И.-С. «браколюбовью», достигает своего апогея:

Любимая! ты — ненавистна!
Ты вражий друг! ты дружий враг!

Своеобразный портрет Фелиссы, исполненный яркими словесными красками взаимоисключающих тонов, введён поэтом в стихотворение «Алая монахиня». Алый цвет сразу возникает в причудливом узоре стихотворения. Девушка запомнилась И.-С. в ярко-красном платье в момент первой встречи (см. «Поэзу о сборке ландышей»). Алый цвет — цвет огня, страсти, сильного любовного чувства. Разрушающий и притягательный цвет. В то же время прилагательное *алый* (красный) рождает ассоциации со словом *красивый* (ср. *красна девица*). Красна девица в русском фольклоре недоступна, завладеть ею можно только отвагой, удалством, умом. Злые силы держат её взаперти. Образ монахини рождён благодаря этой ассоциации. Он и манит, и отталкивает одновременно, поскольку связан с понятием запрета, греха. Но любимая недостижима не в силу социальных запретов, а потому, что её душевный уклад, образ мыслей, жизненные правила противоречат той роли женщины, которая определена в сознании мужчины. Она жаждет быть возлюбленной, женой, матерью, а не ода-лиской в «грёзовом гареме» поэта. И это противоречие между мужскими стремлениями и женским «кодексом поведения» рождает контрастирующее восприятие избранницы, духовный мир и физическая красота которой так мучительно притягивали И.-С.

Обратимся к системе художественных образов, созданных И.-С. в стихотворении под несколько странным и загадочным названием — «Медуза».

От описания внешности автор переходит к психологическому портрету любимой женщины. Но если первая часть стихотворения предельно реалистична и в подборе языковых средств поэт точен и традиционно-классичен, то восприятие второй части вызывает некоторое недоумение и затруднено из-за введения неологизмов и символики. Подобное построение текста вызвано определённой авторской установкой, тем психологическим мотивом, который побудил автора к созданию

такого своеобразного лирического стихотворения. Попытаемся выявить цель и мотив поэта.

Стихотворение написано, скорее всего, в 1921 году, когда И.-С. либо был уже женат на Фелиссе, либо готовился к вступлению в брак. Напомним, что его чувство к невесте было крайне сильно, и он смог пробудить ответную страсть в возлюбленной. Однако в «Фее Eiole» есть строки, которые подсказывают разгадку странного отношения к женщине:

— Выпьем за наших любимых — ненавистных! —
сказал как-то мне Бальмонт.
(«Поэза новых штрихов»)

За несколько дней до судьбоносной встречи с Фелиссой Круут (9 октября 1921 года) И.-С. расстаётся с Марией Домбровской, которую считал своей гражданской женой в течение 6 лет. В сборник «Фея Eiole» включено несколько стихотворений, посвящённых ей. Одно из них — «Развенчание» (1919), которое входит в тот же раздел, что и «Медуза».² Не может ли стихотворение «Медуза», в котором сквозит мужское раздражение и ирония, быть посвящено Марии Домбровской?

В начальной, описательной, части произведения подмечаются детали женского портрета. Самая важная и потому первая — *глаза зелёные с коричневыми искрами*. Зелёный цвет у И.-С. — один из любимых. В стихотворении «По грибы — по ягоды» снова подчёркивается эта цветовая гамма:

И очи твои изумрудные
Вонзали в мои свою сталь,
Скрывая за нею запрудную,
Безудержную печаль.

В «Алой монахине» очи также сравниваются с изумрудом. Действительно, Фелисса Круут обладала зеленоватыми миндалевидными глазами, взгляд которых поражал своей серьёзностью и остротой.³ Этот редкий цвет глаз очаровал И.-С., который в ранней поэзии воспевал «то лазорь, то пламя, то фиоль».⁴ В сознании автора «женщина с Севера» неразрывно связана с морем и лесами. Цвет её глаз сугубо индивидуален и в то же время символичен: «ненаглядная Эсточка», дитя природы, капризна и изменчива, как сама природа. Её глаза чисты и лукавы одновременно, что составляет прелесть её женской сущности.

Проведя раннюю молодость в северной столице, И.-С. сформировал свой идеал женщины с бледным аристократическим лицом. Фелисса обладала смуглой кожей «с бронзовым загаром на щеках». В стихотворении того же цикла находим ещё одну деталь: *...И щёки продолговатые / Твои алели, как мак* («По грибы — по ягоды»).

Следующая деталь описания внешности избранницы — её рост. Эта деталь вводится уже не в статике, а в динамике: *Идёт высокая...* Известно, что Фелисса отличалась высоким ростом и была под стать И.-С. Другая важная деталь — рот, губы — появляется в связи с предыду-

щей. Взгляд мужчины скользит снизу вверх и застывает на губах возлюбленной, горящих «вишнёвым пламенем улыбок». Форма губ не важна, важно их выражение. Смех как здоровая эмоция в поле внимания наблюдателя, отмечающего его искренность. Нет никакого сомнения, что перед нами законченный портрет Фелиссы Круут, а не Марии Домбровской, которая имела сине-голубые глаза и бледную кожу лица, хотя также отличалась стройностью.⁵

Первый стих второй строфы завершает портретную зарисовку. Как стилистический приём используется повтор *такая стройная* последовательно с повествовательной и восклицательной интонацией. Это прилагательное подготавливает переход к портрету психологическому, который строится на основе приёма градации определений. Определения *призывная* и *ёмкая* служат средством передачи психологических особенностей женщины: призывая к себе мужчину, она вбирает его душу, порабощает его. Но в то же время поэт ограничивает выбор женщины: повтор синонимов *создана, устроена* подчёркивает психологическую и генетическую детерминированность её поведения: *Она / Так создана уже, уж так она устроена, / Что лнуть к огнистому всегда принуждена...* В Словаре Даля прилагательное *огнистый* имеет значение «огонь в себе содержащий; в чём много огня» (Д., II–1656). Склонность к огню, т.е. яркому и сильному в жизни, означает выбор Фелиссы — она любила не простого мужчину, а «короля поэтов». Кроме того, Ф. Круут ещё до встречи с И.-С. вращалась в литературных кругах, и местный beau monde — Аугуст Алле, Марие Ундер, Хенрик Виснапуу и др. эстонские писатели — признавали её ум, поэтический талант и артистические способности. Таким образом, молодая женщина, по своему происхождению не имеющая права на высокую ступень социальной лестницы (она была дочерью лесника-столяра), в силу своих врождённых качеств вызвала к себе уважение литературной элиты и любовь русского поэта.

Последняя строфа стихотворения самая загадочная. Два первых её стиха содержат антитезу, включающую окказиональные слова. Итак, «вся пророкфорена, и вместе с тем не тронута...» Индивидуально-авторский неологизм *пророкфо?рена* образован от гипотетического глагола *пророкфорить* и мотивирован существительным *рокфор*. К образу рокфора, мягкого французского сыра, И.-С. неоднократно обращался в своей поэзии, и всегда со знаком «-».

Ср.: *...Гнила культура, как рокфор...* («Эго-футуризм. Пролог»; ГК, с. 134);

Рокфорно, а не камамберно,
Жеманно-спецно обуян
 («Пять поэтов»; С, с. 144);

Убожеством своим роскошен,
Приходит Ганс под вечерок
На ужин к гастроному Юре,
Тая амуровые дури,
Весь рокфорический порок...
 («Провыкрутасенная штука»; ПРЯ, л. 3).

В данном контексте причастие *пророкфоренный* имеет значение «прогневший, как рокфор». Известно, что этот сыр содержит пищевые бактерии, способствующие образованию на его поверхности плесени, которая считается съедобной. Визуально рокфор до того непригляден — зелёный, крошащийся, — что не каждый человек способен к нему прикоснуться. Введённое в характеристику Фелиссы, причастие подчёркивает её внешнюю доступность, раскованность; однако второй компонент антитезы определяет скрытую сущность женщины — внутреннюю чистоту.

Эта сентенция подготавливает восприятие следующей антиезы — «О, в этом самчестве ты девность улови!» Неологизмы *самчество* и *девность*, вступая в отношения противоположности, соответственно означают «поведение самки» и «непорочность». «Призывная и ёмкая» женщина обладает чертами невинного ребёнка, и это крайне необычно ещё потому, что в кажущейся алогичности нет фальши, игры, надуманности — всё органично соединено в избраннице поэта.

Психологическая зарисовка завершается ярким штрихом — образом медузы, присосанной к дредноуту. Образ беспозвоночного морского существа всегда привлекал И.-С., причём медуза в его ранней поэзии не воспринимается как нечто отталкивающее, опасное; напротив, подчёркиваются такие её качества, как инертность, тяготение к поверхности (прилипчивость), эфемерность.

Ср.:

На дне морском живут наяды,
Сирены с душами медуз;
Их очи — грёзовые яды,
Улыбки их — улыбки муз
(«Светосон», 1910; 3, с.87);

Не видимся ли миг, не видимся ль столетье —
Не всё ли мне равно, не всё ль равно тебе,
Раз примагничены к бессмертью цветоплетью
Сердца улыбные в медузовой алчбе?..
(«Романс III», 1914; VR, с.22);

Нежно нежилось море голубым сновиденьем,
Вековой медузой, устрицевым томленьем, —
Нежно нежилось море, упиваясь собой
(«Поэза о барашках», 1915;ТБ, с.35);

И целуют медузы
Дно стальное кораблье
(«Прогулки Ингрид», 1916; М, с.28).

Но в той же «Фее Eiole» имеется произведение под названием «Трагедия на лёгком фоне» (1920), где появляется образ медузы-жертвы:

...Медуз
Ко дну дредноута присоска —
Вот в чём моё предназначенье,
Вот символ моего мученья...⁶

Вероятно, этот «символ мученья» и был введён в финальную часть стихотворения под символическим названием. Слово медуза является важнейшим ключевым словом текста. Фелисса обречена на любовь, но любовь солнца («огнистого») опалает, его энергия, чрезмерное проявление любовного чувства, губительны для живого существа. И в этом трагизм любви-жертвы. Именно поэтому заглавие стихотворения заключено в кавычки. Медуза выступает символом притягивающей и вместе с тем отталкивающей любви, символом непредсказуемой — любимой и ненавистной! — женщины, символом моря, чья глубина маняща, но опасна для жизни, в чьих волнах можно обрести и минутное забвение, и вечный сон. Символ контрастирующий, как и всё стихотворение. Образ противоречивый и «гармонически-сладостный» (В. Жуковский), как и сама избранница поэта. Противоречивость её женской природы её женской природы составляет прелестную черту поэтического образа, который с течением времени постепенно трансформируется.

Цикл «Девятое октября», вошедший в книгу «Классические розы» (1931) (именно благодаря этой книге критики русского зарубежья отметили изменение стилистической манеры И.-С., а поэт занял место среди классиков русской литературы), также посвящён Фелиссе Крут. В отличие от ранних стихов, в которых воспевается физическая красота женщины, обладание ею, этот цикл составляют произведения, раскрывающие новый взгляд поэта на любимую, главное в которой — её душевная чистота, супружеская верность, нежность. Женщина, ставшая подругой жизни, венчанной женой, однако, не утрачивает своих девических черт. Остаются всё та же загадочность, притягательность, заманчивая противоречивость поведения.

Ср.:

В устах медлительное: «Разлюбила...»
«Всегда люблю!» — поспешное в глазах
(«В снегах», 1927);

Ты совсем не похожа на женщин других:
У тебя в меру длинные платья,
Утебя выразительный, сдержанный смех
И выскальзыванье из объятия
(«Отличной от других», 1927);

И обязала необязанно
Своею верою восторженной,
Чтоб всё душой ей было сказано,
Отторгнувшею и отторженной
(«Любовь коронная», 1929).

Любовь поэта к женщине — не столько физическая, сколько духовная. С трогательным чувством выписывает он детали её портрета: в «певучих», «оздоравливающих» глазах «свинцовость штормовая и амелистовый закатный штиль», «ветер с моря и поле ржаное»; «демонст-

ративная» женская коса расплетается «каштановым ливнем старомодных волос», чьё касание напоминает «женственный шёлк»; «сомнамбулические» губы «живящи» и «тихи»; «лёгкая походка» родственна «грации дикой козы». Но эта избранная «королём поэтов» женщина выше сравнений, вне сравнений. Её место на пьедестале, воздвигнутом поэтическим вдохновением:

Моя жена мудрей всех философий, —
Завидная ей участь суждена,
И облегчить мне муки на Голгофе
Придёт в тоске одна моя жена!
(«Дороже всех...», 1923).

К сожалению, это желание И.-С. так и не осуществилось. Он умер на руках другой женщины, мимолётная любовь к которой была кармической ошибкой в его жизни, в чём поэт слишком поздно раскаялся.

В своём позднем стихотворении «Фелисса Крут» (1934)⁷ И.-С., будто подводя итоги, снова подчёркивает противоречивость женщины, теперь уже почти потерянной для него, но по-прежнему единственной, загадочной и неуловимой. Фелисса Крут так и осталась в сознании поэта «истинной Мечтой», бесполой «Исканной» и Единственной, «кто для страсти бесстрашна, как лёд...» В её противоречивости таится та сладо-стная гармония, которая делает неизъяснимо прелестными одухотворённые строки любовной лирики И.-С.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГК — Игорь Северянин. Громокопящий кубок. М.: Гриф, 1913.

VR — Игорь Северянин. Victoria Regia. 4-ая книга поэм. М.: Наши дни, 1915.

ТБ — Игорь Северянин. Тост безответный / Собрание поэм. Т. VI. М.: Издание В.В. Пашуканиса, 1916.

М — Игорь Северянин. Миррэлия. Новые поэмы. Т. VII. Берлин: Москва, 1922.

ФЕ — Игорь Северянин. Поэмы 1920 — 1922 гг. Т. XIV. Берлин: Издательство Отто Кирхнер и К°, 1922.

С — Игорь Северянин. Соловей. Поэмы. Берлин — Москва: Издание акц. о-ва «Накануне», 1923.

ПРЯ — Игорь-Северянин. Плимутрок. Рассказы в ямбах, пьесы в рифмах. 1922 — 1924 (34 л.) // РГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 3, л. 50 (об.).

² Название раздела — «Подарки по средствам».

³ См. Письма И.-С. к Августе Барановой, к Ирине Борман и др.

⁴ «Прогулка короля», 1911 // ГК, с. 114.

⁵ См. книгу «Тост безответный», посвящённую М. Домбровской.

⁶ ФЕ, с.94.

⁷ РГАЛИ, ф.1152, оп.2, ед. хр.6, л.4. Имеется вариант в оп.1, ед. хр.3, л.75.

Т. Е. Никольская,
к. филол. н., доцент
Литературного института

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ АНТРОПОНИМА В РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА «АЛЕША БЕСКОНВОЙНЫЙ»*

Алеша Бесконвойный — главный герой одноименного рассказа В.М. Шукшина. О том, что это не личное имя, а прозвище читатель узнает в первых же строках произведения: «Его и звали-то — не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным». ¹ В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской термин *прозвище* определяется как «дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам». ² Следовательно, прозвище способно выполнять характеристическую функцию, а будучи включенным в ткань художественного текста, в дополнение к этой функции способствует непосредственному раскрытию образа его носителя. Это значит, что, сталкиваясь с тем или иным прозвищем в литературном произведении, читатель прогнозирует проявление тех или иных черт или характеристик у персонажа, к которому это прозвище относится.

Какие же предположения может выстроить читатель о герое, носящем прозвище *Алеша Бесконвойный*? В большой степени содержание предположений зависит от лингвокультурологической компетенции читателя. Если он впервые сталкивается с этим словосочетанием, то, по всей вероятности, воспринимает каждый из его элементов по отдель-

* Статья написана на материале доклада на Горшковских чтениях Литературного института в ноябре 2003 г.

ности, в прямом стандартном значении: *Алеша* — гипокористика от календарного *Алексей*, указывает на неофициальную ситуацию общения, нейтрально в эмоциональном и оценочном плане, *Бесконвойный* — передвигающийся без конвоя. Такое прозвище могло бы появиться в тех местах, где возможность перемещаться без вооруженных сопровождающих является значимой. Следовательно, герой рассказа был или находится в момент действия рассказа среди заключенных. По прочтении рассказа становится очевидным, что этот вывод не соответствует истине, а для того чтобы понять, что же послужило основой прозвища, необходимо обладать более высоким уровнем языковой компетенции. Кроме того, подобное поверхностное восприятие номинации не может дать объяснения факту замены одного личного имени (*Костя*) на другое (*Алеша*). В реальной речевой практике встречаются случаи, когда человека именуют не его паспортным именем, а каким-либо другим, генетически с ним не связанным. Однако обычно подобная неофициальная смена имени не связана с особенностями поведения, внешности или обстоятельствами жизни именуемого, то есть, иначе говоря, не имеет прозвищного характера. Личное имя может перейти в разряд прозвищ в том случае, когда оно имеет определенное, одинаково воспринимаемое членами языкового коллектива ассоциативное поле или же когда ассоциативное наполнение перешло в состав семантического центра имени, что по сути своей означает частичную утрату антропонимом ономастического содержания. Гипокористика *Алеша* вызывает отрицательные ассоциации у некоторых групп носителей русского языка, чаще у проживающих в деревне. Так, в некоторых диалектах *Алешей* называли несерьезного человека, лгуна. В частности, В.И. Даль зафиксировал в своем словаре характерное для владимирских говоров употребление слов *Алеха* и *Алеша* в значении *лгун, хвастун, бахвал*. Указанные имена В.И. Даль ставит в один ряд с такими конструкциями, как: *Иванушка простачок, Емеля дурачок, Кузька плут, Наум разумник*, что указывает на устойчивый и сходный характер их восприятия.³ Из этого следует, что антропоним *Алеша*, неся определенный спектр ассоциаций, может относиться к двум сферам ономастического пространства — к личным именам и к прозвищам. Читатель, знающий о существовании прозвища *Алеша*, может предположить, что в рассказе пойдет речь о человеке несерьезном, отрицательно воспринимаемом окружающими. Вероятно, подобная перспекция в принципе не противоречит замыслу автора, но и она оказывается не совсем точной.

Для того чтобы заглавное имя вызвало предположения, совпадающие с художественными намерениями В.М. Шукшина, читатель должен быть компетентен в сфере русской фразеологии, так как *Алеша Бесконвойный* — это не свободное словосочетание, родившееся по воле автора рассказа, а фразеологизм со значением «*безнадежный дурак, глупый, невежественный человек*»⁴, синонимизирующийся с рядом других устойчивых оборотов с опорным словом, генетически

связанным с именем *Алеша*, как-то: *Алеха Сельский*, *Леха Боханский*, *Алеша Колымский* и *Алексей Петрович*. В.М. Мокиенко считает, что все эти идиомы являются результатом «фразеологического развития отрицательных характеристик, социально закрепленных в именах собственных. Алеша — имя, которым называли обычно представителей «черной кости» с приписываемой им глупостью, непонятливостью».⁵

Таким образом, достаточно высокий уровень лингвокультурологической компетенции позволяет читателю предположить, что Алеша Бесконвойный получил свое прозвище по причине того, что был глуповатым, недалеким человеком. Следовательно, еще не прочитав ни строки рассказа, читатель может составить представление о его главном герое.

В тексте литературного произведения происходит развитие значения собственного имени, или его семантизация. В рассказе «Алеша Бесконвойный» семантизация антропонима является отражением сложного творческого процесса и играет существенную роль в формировании художественного образа главного героя. Семантическая сложность заглавного имени собственного определяется полифоничностью рассказа, в котором можно выделить голоса двух рассказчиков. Первый рассказчик далек от автора и представляет собой одного из соседей главного героя. Второй — приближен к автору. Семантизация имени тоже идет по двум путям. Первый путь условно можно назвать эксплицитным, так как рассказчик-«сосед» дает прямую характеристику Алеша, второй путь, где рассказчик-«автор» раскрывает внутренний мир героя, не давая при этом оценки его поведению, можно определить как имплицитный.

В рамках эксплицитного пути семантизации обнаруживается подтверждение того представления о главном герое рассказа, которое мог составить наш гипотетический «достаточно квалифицированный читатель» на основании анализа дотекстового значения прозвища. Однако В.М. Шукшин смещает акцент с главного слова *Алеша* на зависимое *Бесконвойный* и именно его делает отправным пунктом семантизации. Например, в первых же строках повествования рассказчик-«сосед» объясняет, почему герой носит такое прозвище: «А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость». Эти качества Алеша проявлялись в том, что он не работал в субботу и воскресенье и не поддавался влиянию общественности. Словообразовательное значение прилагательного *бесконвойный* поддерживается концентрированным употреблением лексических единиц с префиксом без-: «Впрочем, безответственность его не простиралась беспредельно: пять дней в неделю он был безотказный работник...»; «Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку». Таким образом привлекается внимание к прилагательному *Бесконвойный*, которое приобретает новый смысл в тексте, вырастающий тем не менее на дотекстовом нефразеологизированном значении этого слова. Аппеллятив *бесконвойный* относится к лагерному жаргону и имеет значение «расконвоированный заключенный; заключенный с пропуском».⁶ С точки

зрения заключенных конвоируемых, жизнь бесконвойных кажется более легкой и свободной. Видимо, как раз так и оценивают Алешину жизнь односельчане, им кажется, что он, работая пять дней в неделю, а не семь, как они, имеет более легкую жизнь. Стоит отметить, что в речи рассказчика-«соседа» нет прямой характеристики работы в колхозе, но косвенным образом отражается отношение к работе: в значении «прекращать работу» используется глагол *выпрягаться* («...но наступала суббота, и тут все: Алеша выпрягался»). Выпрягаться может тот, кто ранее был запряжен, то есть много и тяжело трудился (ср. выражение *работать как лошадь*) и был при этом несвободен. Следовательно, некую параллель между положением Алеши в деревне и бесконвойными заключенными провести можно: они обладают большей степенью свободы по сравнению с окружающими. В тексте слово получает дополнительное значение, имеющее оценочный характер: свободный > свободный от обязательств, от ответственности > безответственный. Это значение является доминирующим и определяет направление так называемой эксплицитной семантизации.

Эксплицитный путь семантизации прозвища представлен и в диалоге женщин, наблюдающих, как Алеша носит воду для бани:

«— Ты глянь, глянь, как пружинит! Чисто акробат!..

— И не плескает ведь!

— Да куда так несется-то?

— Ну, баню опять топить...

— Да рано же еще!

— Вот — весь день будет баней заниматься. Бесконвойный он и есть... Алеша».

Здесь читатель сталкивается с прямой характеристикой героя, словесно связанной с его прозвищем: «Бесконвойный он и есть... Алеша». Обычно такие конструкции используются для выражения негативной оценки объекта и состоят из повторяющихся слов, например: *дурак он и есть дурак*. В данном же случае вместо ожидаемого «Бесконвойный» (Бесконвойный он и есть Бесконвойный) появляется «Алеша», и происходит семантическое слияние компонентов прозвища, что приводит к подчеркиванию и окончательной определенности его значения, которое в данном контексте читается как *смешной, странный*.

Таким образом, семантизация прозвища, идущая по эксплицитному пути, пути рассказчика-«соседа», и подкрепленная диалогом женщин, строится на еще дотекстовом прогнозе и направлена на конкретизацию потенциальной читательской перспективы. Причем, само прозвище (его внутренняя форма и дотекстовое значение) играет существенную роль в развитии художественного значения антропонима, являясь стержнем, вокруг которого формируются текстовые смыслы. Эти и другие, вербально выраженные характеристики складываются в образ героя, показывают, как его воспринимают окружающие, отражают мнение деревни об Алеше. Итак, Алеша Бесконвойный — это (а) несерьезный человек, глупый и непонятливый (дотекстовое значение); (б) безот-

ветственный, неуправляемый, упрямый («Убеждай его, не убеждай — как об стенку горох»), смешной и странный в своих движениях и привычках, но в то же время в течение пяти дней в неделю — безотказный, старательный, умелый работник. Кроме того, читателю становятся известны некоторые факты внешней жизни Алеши («летом он пас колхозных коров, зимой был скотником — коচেгарил на ферме», «у него пятеро ребятишек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной чеснок сидел где-то еще во втором, в третьем, в пятом...») и «В субботу он топил баню. ... Накалял баню, мылся и начинал париться. Парился, как ненормальный, как паровоз, — по пять часов парился!»). Таков образ главного героя рассказа, который формируется в результате эксплицитной семантизации.

В речи другого рассказчика, приближенного к автору, прозвище героя получает иное наполнение. Этот путь семантизации представляется имплицитным, потому что в нем, как уже говорилось, отсутствуют прямые характеристики персонажа. Рассказчик описывает одну из суббот, когда Алеша парился в бане. Однако для Алеши это не просто смывание грязи, а дорогое время самых сокровенных мыслей и воспоминаний: «Вот за что и любил Алеша субботу: в субботу он так много размышлял, вспоминал, думал, как ни в какой другой день». Внимание рассказчика, а следом за ним и читателя концентрируется на внутреннем состоянии героя. Алешу покидают суетные мысли и мелкие чувства еще когда он только готовится к бане: носит воду, колет дрова. Две эмоции охватывают Алешу: волнение и радость, но главное чувство, поглощающее его в субботу — это любовь. Любовь Алеши распространяется буквально на все: на погоду («Алеша такую погоду любил»), на огонь в каменке («Он вообще очень любил огонь»), на привычные действия («Тут Алеша любил оглядеться по своему хозяйству в предбаннике...»), «Очень любил пройти он из дома в баню как раз при такой погоде, когда холодно и сыро», «И любил Алеша — от полноты и покоя — попеть пока...», «В бане он любил помурлыкать частушки»), на людей («Алеша любил детей, но никто бы никогда так не подумал — что он любит детей: он не показывал», «Никому никогда не рассказывал Алеша про тот случай, а он ее любил, Алю-то»). Любовь — это и состояние души Алеши: «Последнее время Алеша стал замечать, что он вполне осознанно любит. Любит степь за селом, зарю, летний день... То есть он вполне понимал, что он — любит. Стал случаться покой в душе — стал любить». Лексема *любить* является ключевой в той части повествования, где ведущим рассказчиком выступает «автор», на что указывает и частотность употребления: в этом фрагменте текста слова с корнем *-люб(л)-* встречаются шестнадцать раз, что количественно превосходит все другие слова, называющие эмоции и чувства.

В субботу Алеша размышляет о жизни, любви и смерти, о смысле существования человека вообще и своего в том числе и переживает духовное очищение: «Всякое вредное напряжение совсем отпустило Алешу, мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, ясность — жизнь стала понятной».

Таким образом, в ходе авторского повествования изначальная (до-текстовая) семантика прозвища стирается, эксплицитно выраженная в первой части рассказа семантика уходит на второй план, а перед читателем вырастает новый образ главного героя. Алеша Бесконвойный — это философ, человек, умеющий ценить и любить жизнь во всех ее проявлениях, человек, который может вырваться из плена бытовой рутины, забыть хотя бы на какое-то время о хлебе насущном и «серьезно вдумываться в жизнь: что в ней за тайна, надо ее жалеть или можно помирать спокойно». Очевидно, что такой образ главного героя вступает в противоречие с образом, сложившимся в речи первого повествователя. Эта противоречивость отнюдь не случайна, а имеет определенный художественный смысл, способствует созданию окончательно оформленного образа. Двуплановость образа, двойная (эксплицитная и имплицитная) семантизация прозвища показывают, что Алеша Бесконвойный — одинокий, никем не понятый человек. То, что о нем думают окружающие, не имеет никакого отношения к тому, что представляет собой Алеша на самом деле. Эта противопоставленность Алеша всем прочим окружающим его людям не обозначается в тексте напрямую, но выражается с помощью некоторых композиционных и речевых средств.

Ключом к пониманию двойственности образа главного героя служит его двуименность, на что указывается в первом же предложении рассказа. Причем, обращают на себя внимание глаголы, связанные с именем и прозвищем: «...он *был* Костя Валиков, но все в деревне *звали* его Алешей Бесконвойным» (Курсив мой. — Т. Н.). Настоящее имя героя вводится посредством глагола «был», который, как правило, не используется при номинации. В данном случае он указывает на подлинный, глубинный характер имени, на то, что есть такой человек — Костя Валиков, но для всех он — Алеша Бесконвойный, никто и не вспоминает его имени, как никто не знает его душу: настоящее имя и настоящий его носитель скрыты от посторонних глаз. Глагол *звали*, вводящий прозвище, контрастируя с глаголом *был*, воспринимается как нечто внешнее, случайное. Трудно сказать, была ли значима для В.М. Шукшина этимология имени и фамилии героя, как и, вообще говоря, на основе имеющихся словарей трудно судить о генезисе фамилии Валиков. Однако некоторые предположения все-таки сделать можно. В одном из рассказов В.М. Шукшина («Билетик на второй сеанс») встречается фразеологизм, вероятно, диалектного характера — *всю жизнь прожить валиком*, то есть легко, в свое удовольствие. Можно предположить, что *валик* в данном случае или то, что само «валится» в руки, или тот, кто как будто катится, легко идет по жизни. Такой счастливой легкостью и наполнена скрытая жизнь Алеша Бесконвойного. Однако даже если В. М. Шукшин давал имя главному герою рассказа, не учитывая его этимологии, то он, вероятно чувствовал его ассоциативный потенциал. Довольно часто творческие люди, идя путем интуиции, приходят к такому же результату, какой ученые достигают логическими

построениями и научными теориями. Так, в частности, метод фоносемантического анализа в большинстве случаев показывает, что подбор лексики в художественном произведении оказывается не случайным и способствует более яркому воплощению интересующей автора идеи не только на номинативном, но и на звуковом уровне, хотя вряд ли писатели проводили предварительный анализ значения фонетической формы лексических единиц.⁷ Сопоставление фонетических значений фамилии *Валиков* и прозвища *Бесконвойный* подтверждает эту мысль.⁸ *Валиков* — «величественное, хорошее, радостное, могучее». А ведь понятия хорошего и радостного являются центральными во второй части повествования. Так, описывая приготовления Алеши к бане, рассказчик-«автор» говорит о «тихой радости», о радости, которая «нет-нет да подмоет» сердце Алеши, о его старании «скрыть свою радость», так как «она почему-то всех раздражала, эта его радость субботняя». Получается, что фоносемантика «истинного» имени сближается с текстовой семантикой прозвища, сформированной во второй части рассказа. Фоносемантический анализ прозвища *Бесконвойный* показывает, что оно почти лишено характеристик, отражающих особенности эмоционально-чувственного восприятия: «веселое, быстрое, подвижное, короткое». Единственная характеристика подобного рода — веселый — опосредованно связана с восприятием Алеши односельчанина — «смешной».

В художественном тексте весьма показательным моментом является оценка литературного антропонима героями произведения, а особенно выражение персонажем отношения к собственной номинации. Часто негативное восприятие своего имени указывает на то, что герой чувствует несоответствие своего действительного положения в обществе желаемому, что он не вполне доволен своей жизнью⁹. Так и Алеша *Бесконвойный* свое прозвище воспринимает негативно, считает его несправедливым, тем самым отделяя от себя это именование: «Алеше нравилось, что у них можно, например, занять денег — все как-то повеселей в глаза людям смотришь. А то наладились: «Бесконвойный, Бесконвойный». Глупые».

Таким образом, в тексте рассказа просматривается противопоставление одного человека всем остальным, которое не вербализуется, но вырисовывается с помощью специальных речевых и композиционных приемов. Одним из таких приемов служит разнонаправленная семантизация собственного имени героя рассказа: одно направление отражает восприятие его людьми (дезорентирующая, ложная семантизация — знак непонятости Алеши окружающими), другое — показывает сущность его личности (истинная семантизация).

Если за литературным антропонимом стоит целостный художественный образ, то это может послужить основой деонимизации и, следовательно, послетекстовой жизни имени¹⁰. В этом случае антропоним может выступить в качестве производящей основы нового слова, обобщенно обозначающего наиболее яркую характеристику героя-носителя они-

ма (маниловщина, хлестаковщина, обломовщина и т. п.). Хотя прозвище *Алеша Бесконвойный* и не приобрело общезыкового значения, но оно по крайней мере однажды выступило как апеллатив и словообразовательная база для новой лексической единицы. А. Афанасьев в статье «Бесконвойный. Неюбилейные заметки в связи с юбилеем Василия Шукшина»¹¹ отождествляет автора В.М. Шукшина с его героем Алешей Бесконвойным, одновременно и возвращая прилагательному *бесконвойный* его дотекстовое значение, и обыгрывая текстовый смысл прозвища: «Будет таких внутренних бесконвойных, свободных людей миллионы, и, глядишь, вырвется и сдвинется из хляби наша жизнь. И это тоже, наверное, дальнзоркое пророчество. Пророчество-надежда бесконвойного Шукшина». На апеллативизацию указывают такие факты, как: написание слова *бесконвойный* со строчной буквы, контактное употребление определения *внутренний* и использование слова *бесконвойный* в качестве атрибута по отношению к антропониму. А. Афанасьев образует и новое слово — абстрактное существительное со значением «черта характера» — *бесконвойность*, поясняя его так: «внутренняя независимость», «внутренняя свобода». Очевидно, что новое понятие связано с тем значением прозвища, которое сформировалось в речи рассказчика, приближенного к автору, что еще раз подчеркивает художественную значимость семантизации, в основе которой лежит имплицитное построение.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Цит. по изданию: Шукшин В. Калина красная: Повести и рассказы. — М.: Изд-во Эксмо, 2003.
- ² См. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. С.111.
- ³ Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1. С. 10.
- ⁴ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. С. 22 — 23.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб.: Норинт, 2001. С. 59.
- ⁷ См. об этом подробнее в издании: Журавлев А.П. Звук и смысл: Кн. для учащихся.-2-е изд., перераб. и доп.-М.: Просвещение, 1991.
- ⁸ Фоносемантический анализ проводился с использованием ресурсов сайта www.analizfamilii.ru.
- ⁹ См., например, рассказ В.М. Шукшина «Миль пардон, мадам!», где герой считает, что его имя Бронислав не соответствует фамилии Пупков.
- ¹⁰ Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Учебное пособие. — Ленинград, 1990. С. 9.
- ¹¹ См. газету «Комсомольская правда» от 20 июля 2000 г.

«...И ТОЧНО В ПЕРВЫЙ РАЗ ВИДИШЬ МИР»

(о рассказах Георгия Копытина)

Художественное произведение, созданное писателем в ту или иную эпоху, — это всегда проекция в будущее, потому что оно продолжает взаимодействовать с постоянно меняющимся миром читателя и исследователя. В этом смысле художественный текст можно назвать живым организмом. Он, являясь относительно незамкнутой структурой, существует внутри литературного языка. Для жизни текста, как и для всякого живого существа, необходимо движение. Таким движением является динамика словесных рядов, из которых строятся образы, само сюжетное развертывание, весь композиционный «каркас» текста. Но, чтобы уловить и правильно распознать внутреннюю динамику, а также явление взаимодействия мира текста и мира языка, — очевидно, недостаточно одного лишь лингвистического анализа, ибо в каждом тексте ВСЕГДА будет оставаться нечто непознаваемое, связанное с наитием, вдохновением, подсознанием, т.е. всем тем, что одухотворено Божьей волей и не поддается осмыслению. А. Ким в романе «Остров Ионы» словами героя утверждает: «Нас всех сочинили, братцы! Писатель А. Ким руку приложил. Но ведь писателя А. Кима тоже сочинил кто-то! Так же как и Я был сочинен Автором, имени Которого не знаю...» [1, с. 248]. Мысли писателей поддерживают ученые: «Авторы текстов получают информацию-послание неизвестно откуда, передают ее дальше наугад, не зная своего адресата и не имея уверенности в том, что они адекватно воспроизвели содержание информации» [2, с. 332].

Движение, динамика, как основа повествования, интуитивно осозна-

ется самими творцами. Поэт Юрий Кузнецов, недавно ушедший от нас, писал: «Спустия много лет композитор Георгий Свиридов, большой почитатель Клюева, захотел написать музыку на его стихи, но не смог. Он НЕ ОБНАРУЖИЛ В НИХ ВНУТРЕННЕГО ДВИЖЕНИЯ». «ЕГО ПОЭЗИЯ СТАТИЧНА», — отметил он в дневнике» [3, с. 7].

Поэзия же самого Юрия Кузнецова, напротив, динамична. Это живые тексты, пронизанные глубоким ощущением того, что всё, окружающее человека в мире, — тоже является живым. И оттого, что человек не всегда в состоянии осознать это, рождается чувство одиночества, чувство трагичности собственного существования:

Что хочу от сущего пространства?

Что стою среди его теснин?

Все равно на свете не остаться.

Я пришел и уйду — один [4, с. 40].

Проза забайкальского писателя, выпускника Литературного института имени А.М. Горького Георгия Копытина, словно перекликается с талантливыми строками поэта, также являясь поэтичной, живой, неумиряющей, динамичной. Писатель говорит о вечном движении жизни, что нашло отражение и в его вечно живой прозе: «Ваганов <...> всегда ощущал жизнь как постоянное движение. Как бег с реальными препятствиями. Только это движение истинно, считал Ваганов. Неподвижность может быть любопытной, но никогда — истинной...» [5, с. 124].

Место действия всех рассказов писателя — Забайкалье, но описание природы, людей приобретает общечеловеческое звучание. Художественное повествование часто переходит в философские размышления о смысле жизни: «Горы и небо. Две громады. Две соприкасающиеся величины, по которым измеряется вечность на земле. Они внушают зыбкую мысль о бессмертии.

Я смотрел в окно и думал о том, что значит Михаил со своей бедовой Алкой среди огромной массы человечества? А бабка, с ее причудами? А я, с этой беличьей шапкой? Жизнь человека... Глоток воздуха, капля росинки, вспыхнувшая и тут же погасшая на ветру искра, крохотный миг... Никто ни в чем не повторяет друг друга. У каждого свое» [Алеурская поездка, с. 29]; «До встречи с этим человеком я и не подозревал, как прихотливо переплетаются в замысловатом кружеве жизни узоры добра и зла» [Двое у озера, с. 69]; «Бураков нагнулся через борт, словно стараясь разглядеть в грозной глубине какую-то истину, прикрытую огромной матовой толщей воды. <...> Он думал о том, что в метафоре «быстротечное время» заложен смысл глубокий и точный. Так и жизнь человеческая: отбурлит и растворится в сплошной массе бытия, и попробуй углядеть тогда в этой глади отдельные нити струй...» [Попутчица, с. 98]; «Хлопнул выстрел, такой короткий по сравнению с долгой жизнью» [У матери, с. 108]; «Плахов брел по болотистым зыбунам, он коснулся самих основ жизни: зачем он живет? Не зря ли? В чем смысл такой жизни?» [Дни и ночи, 6, с. 131].

Обратимся опять к поэзии Юрия Кузнецова, чтобы наглядно показать, как близки друг другу два мастера слова, как в поэзии развивается философская тема смысла человеческой жизни:

Ушел из мира человек,
Оставил солнцу тень,
Огню — туман, бродяге — снег,
А топору — кремь,
Осенней буре — листопад,
Долине — тишину,
Слезам — платок, звезде — закат,
Ночному псу — луну.

[Дом. — Там же, с. 300].

Поиски смысла земного существования рождают в человеке чувства одиночества, печали, тоски. Эти образы часто повторяются в прозе Г. Копытина: «А в тусклой вечерней мути — как плавучая тоска — шел не привеченный пока берегом паром» [Попутчица, с. 98]; «Прошлое уже положило свои тени под ее глаза, однако самих глаз — начала мечты — не тронуло. Правда, тоска заполняла их» [У матери, с. 107]; «внушая безотчетную тоску своим хождением» [Антоновна, с. 111]; «Лесистые горы, манящие к себе дикой молчаливой печалью» [Бег в степи, с. 126]; «и Покровский снова <...> остро почувствовал одиночество» [Жил не жил, 7, с. 42]; «Втянув голову в плечи, похаживал милиционер, и его одинокая фигура тоже была похожа на большой оторванный ветром, съезжившийся лист» [там же, с. 46]; «По-осеннему невнятный шорох камыша нагонял тоску, а в глубоких прозрачных лесах уже трубили изюбры» [Дни и ночи, с. 120].

Человек ощущает свое одиночество в неразгаданном им мире, но сама природа у Г. Копытина — живая. Живыми являются месяц в небе, облака, скалы, волны, огни звезд. Философские размышления о месте человека, как части природы, в мире — это развитие классических традиций Ф. Тютчева, Н. Заболоцкого, Ю. Кузнецова, восходящих к «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова, который писал о бессмертии, о воскрешении, что привело бы к всеобщему братству и родству. Именно поэтому в прозе писателя рождается так много метафорических («человеческих») определений не только явлений природы, но и явно неживых предметов: «Я всматривался в прозрачность наступившего дня. Высоко в горах выпал обильный снег. Вершины голцов воссияли на юго-востоке от хребта Черского радостным, гранатовым цветом. Рдевшее солнце бессильно ворочалось на вершинах сосен. И было видно, как оно пытается подняться до середины небосклона. Но стоял ноябрь, и день, лишь только встряхнувшись с утра и сонно поглазев на отбеленные хребты, вскоре тихо и незаметно угасал» [Алеурская поездка, с. 27]; «И когда я осторожно ступаю ногой на лед, он звенит с призывной нежностью, будто стоит где-нибудь неподалеку зеленая елочка, увешанная гирляндами хрустальных игрушек. Ветер бережно

трогает эти игрушки, и они звучат на разные голоса. Словно кто-то невидимый выстукивает серебряными молоточками по хрупкому и прозрачному льду такую же хрупкую и прозрачную мелодию» [Двое у озера, с. 66 — 67]; «Земля и лес устали от обильных дождей. Деревья ежились от сырости и иногда брезгливо встряхивали ветвями, сбрасывая крупные дождевые капли, и тогда лес наполнялся приглушенными шорохами» [там же, с. 78]. Можно привести множество других примеров, отражающих стилистическое своеобразие художественного повествования: «Внизу настороженно сверкал замерзший ручей» [Алеурская поездка, с. 30]; «Рядом лохматился костер» [там же]; «...звезды вокруг нее увяли и подслеповато перемигивались друг с другом» [там же, с. 31]; «... поспешно выплыла луна» [там же, с. 40]; «острый нос скалы уныло повис над ущельем» [Двое у озера, с. 79]; «и деревья в ответ скорбно замахали лохматыми лапами, разнося по тайге горестную весть» [там же, с. 80]; «Осуждая проказы ветра, кедр сердито размахивал лохматой ладонью» [там же, с. 81]; «Сидящая на камне ворона понимающе каркнула» [там же]; «На самой вершине гольца потешался упругий ветер» [там же, с. 82]; «Небо пока было еще в раздумье» [там же] «Тучи неохотно уползли на восток» [там же]; «Испуганный туман поспешно поднялся в горы» [там же, с. 83]; «но деревья <...> гасили ветвями мелодию» [там же, с. 84]; «Озеро больше не вздыхало. Стоявшая в проруби вода промерзла до дна, и озера не стало. Оно умерло» [там же, с. 88]; «сморщилась в недовольной гримасе поверхность озера» [там же, с. 91]; «Осень дышала черным господством воды и темными глыбами гор. На берегу уже пророчески горел маяк» [Попутчица, с. 100]; «по-доброму глядел соседний лес» [У матери, с. 102]; «Чертя хмельные круги, бегали по снегу собаки» [там же]; «Маленькие окна не смотрели на мир, а словно подглядывали изнутри» [Бег в степи, с. 122]; «солнце лениво переместилось» [там же, с. 125]; «отроги гор огрызнулись раскатистым эхом» [там же, с. 130]; «Газик» <...> остановился в настороженном внимании» [Судный день, там же, с. 139]; «За окном боязливо проступали из молочной пелены тополя» [Жил не жил, с. 38]; «вела она на лобастую сопку» [там же, 38 — 39]; «с полусонными зарослями ивняка» [Дни и ночи, с. 110]; «строгая луна» [там же, с. 111]; «солнце жадно сушит литую бронзу рыбьей кожи» [там же, с. 118]; «На стволах мелькали тревожные капли» [там же, с. 122]. Даже простое перечисление «оживших» метафор позволяет читателю увидеть окружающий мир по-другому, словно впервые. Каждая из метафор — это целый образ, неповторимый, это такие образы, которые начинающими писателями могут быть использованы как примеры, на которых можно учиться писать.

В рассказах писателя даже птицы разговаривают между собой, как люди: «Подло, подло», — заволновалась сойка, перелетая с дерева на дерево.

«Так можно, так можно», — радостно вступила в разговор большая черная ворона.

«Бесчеловечно, бесчеловечно», — кричала бессильная что-либо сделать сойка.

«Человечно, человечно», — опровергала ее ворона и с явным одобрением косила глазом на Василькова» [Двое у озера, с. 84].

Наряду с «живыми» метафорическими образами в прозе писателя много неожиданных, ярких сравнений. Так может писать человек, который обладает зрением ребенка, впервые узнающего окружающий мир. И читатель тоже словно останавливается, пораженный точным словом, необычностью взгляда. Важно отметить, что ни один образ, ни одна метафора не повторяются. Это единственные образы. Лишь один образ встречается дважды («березовая грива»): «И сам он (Плахов) тоже был длинен, нескладен и узок, как одноместная кабина в рабочей раздевалке» [Дни и ночи, с. 109]; «и глаза ее, словно глубокие вечерние окна, подсвеченные изнутри» [там же, с. 117]; «Они пошли к поредевшей осенью березовой гриве» [Матушка-водица, светлая вода, с. 7]; «врезался клин светлой березовой гривы» [Жил не жил, с. 41 — 42]; «И осень была прозрачная до звона» [там же, с. 42]; «Только что за горный кряж запало солнце, и на гладкую, чуть выпуклую поверхность озера словно плеснули расплавленной меди» [там же, с. 10]; «Авария согнала оранжевых путейцев» [Попутчица, с. 93]; «Держась на тонких стеблях ног» [Антоновна, с. 114]; «В небе уже дрожали, позванивали обвеянные морозным воздухом крупные звезды. Месяц показался из-за хребта лишь одним рогом, и этот сверкающий осколок холодно венчал горы» [Бег в степи, с. 128]; «горстями накидал в лицо себе жесткую холодную воду» [Жил не жил, с. 49]; «Анна окунула пальцы в его светлые пушистые волосы» [Дни и ночи, с. 124]; «вертолет показался грязным, как запущенное помещение» [там же, с. 129].

Много неожиданных сравнений встречается и в стихах Ю. Кузнецова. И, читая их, как и читая прозу Г. Копытина, испытываешь легкую грусть, что такое не повторяется, что истинные мастера неповторимы:

В небе скобка латунного месяца.
И двуточие грузовика
Низким берегом катится, светится
Сквозь тугой гребешок ивняка.

Ожидаю назначенной встречи,
А дорога идет на авось.
На хвосты пробегающих речек
Нацеплялись колючки звезд.

[Там же, с. 237].

В то же время, наряду с образностью, для художественных описаний Г. Копытина характерна исключительная точность, отличающая врожденную зоркость каждого талантливого писателя или поэта: «Брусничный лист был плотный, хрумкий, еще зеленый, а перезрелая ягода, покрытая тонкой кожицей, казалось, вот-вот лопнет. Но это не так.

Обман зрения. Ягода затвердела на морозе, я набрал ее полную горсть, и она постепенно оттаивала в ладони, становилась прозрачнее, а у меня во рту делалось кисло-сладко» [Алеурская поездка, с. 39]; «...По утрам изрядно подмораживало, инеем побило и окончательно поломало пожухлую траву. Но ближе к полудню легкий морозец отступал, и если вдруг поднимался ветер, то он тут же нагонял из-за хребта тучи, одна чернее другой, и тогда мелкий дождь моросил долго и нудно весь остаток дня, а потом всю ночь напролет да еще захватывал в охотку, если расходился по-настоящему, ознобистое утро» [Двое у озера, с. 71]; «За столом сидел пожилой человек и молча смотрел на них. Слабый свет керосиновой лампы смутно обрисовывал его грубой лепки лицо. Цигейковая шапка была надвинута на брови. Ватник едва помещался на широких плечах. Но все же истинные размеры человека были скрадены сумеречным фоном» [У матери, с. 109].

Незначительные диалектные и разговорно-просторечные вкрапления не являются в прозе писателя чем-то инородным, а как раз и свидетельствуют о движении повествования, делая его в то же время более жизненным, рисуя характеры персонажей реалистически, по-земному: «Он рассчитывал объехать все урочища, где маялись с пудовыми колотами шишкарки, добывающие кедровый орех» [Двое у озера, с. 78]; «но только лед стаивал по закрайкам озера» [Жил не жил, с. 42]; «А через час на маленьком тракторе с прицепом притархтели четверо парней» [Матушка-водица, светлая вода, с. 23]; «от поступи его сторожкой, от чуткой настороженности» [Двое у озера, с. 70]. Ввод в повествование нелитературных словесных рядов характерен лишь для нескольких рассказов и всегда связан с образами персонажей, являясь, следовательно, стилистически оправданным: «Но Петр еще и сам не мог определить, когда вся эта мокрядь, приползавшая откуда-то из-за гор, уйдет, наконец, далеко на запад, уступив место звонкой напряженности приходящего мороза. Покамест было ни то ни се, правда, повыше» [Двое у озера, с. 71]; «Васильков запустил пластинку на патефоне и, поскольку был выпивши, попробовал под этот марш оторвать трепака, потом барыню, а затем сбачать лезгинку, но все это было не то, что ему требовалось, не хватало темпа, и тогда Васильков изобразил твист» [там же, с. 73]; «Это черт знает что такое!» — думал Петр, окидывая строгим взглядом фигуры танцующих.

А они выпендривались каждый на свой лад, хлеще один другого...» [там же, с. 74]; «В запойном угаре пришел он к Рожковскому и, пляя мутные глаза в окна, стал стращать» [там же, с. 77]; «И Петр рад людям разговорчивым, спешит чай, что чернее самой черной ночи, пошвыркать да пару шишек расшелудить» [там же, с. 78 — 79]; «Два дня назад Васильков у отца в Хадакте с трудом выклянчил лошадь и умотал в хребет за орехами» [там же, с. 81]; «Но он не стал делать ни того, ни другого, а зазвездил в лоб кулаком — так глушат быка на бойне, чтобы сразу слетел он с копыт долой, прямо промеж глаз, видно, закатил» [там же, с. 88]; «В юрте шибало неистребимым духом

кислой овчины. <...> Хозяин загоношил, но не мелко, не суетно» [Бег в степи, с. 127]; «Участковый не то чтобы сбрындил» [Судный день, с. 142]; «Он здорово насобачился орудовать кайлом и ломом» [там же, с. 146]; «по нескольку раз кряду» [там же, с. 148].

Реалистические традиции проявляются и в самом построении текста. Например, встречается в его повествовании такой стилистически сложный прием субъективации, как монтаж: «Из зимовья вышел человек. Свет фары укрупнил фигуру, и тень от нее легла вровень с тенью деревьев» [Алеурская поездка, с. 30]; «Чиркнула за цветастой занавеской спичка, осветив на мгновение растущую тень руки с папиросой» [Марфины квартиранты, с. 65 — 66]. Изобразительный прием субъективации продолжает классические традиции Чехова, в частности, описание начинающейся грозы у Г. Копытина словно перекликается с уже ставшим хрестоматийным описанием грозы из повести «Степь»: «Кто-то невидимый долбил огромный кувалдой и никак не мог раздолбить черный купол неба, и то по одному краю, то по другому разбегались трещины, отливающие золотом» [Марфины квартиранты, с. 63]. (Сравним у Чехова: «Налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная, фосфорическая полоска и потухла. Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошелся по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо»).

Жизнь Георгия Копытина оборвалась в 1985 году, но он словно предвосхитил и предвидел нарождающуюся новую прозу конца 90-х годов, и в его рассказах уже проявляются те характерные композиционные особенности, которые станут впоследствии определять строение художественного текста. Это и условность грамматического лица как отражение многомерности личности, мультиперсональности (В.В. Налимов), что проявляется в смене грамматического лица в художественном тексте (например, первое и второе лицо): «И у меня словно что-то обрвалось внутри, так этот печальный вскрик ранил и тревожил. Он пронзил насквозь горы и заструился по увалам. Рожок одарил деревья своей песней, и они тоже запели высоко и стройно.

Оглядываясь в непонятном смятении и точно в первый раз видишь мир» [Алеурская поездка, с. 35]; «И при виде вечернего зарева, отцветающего в его мелких окнах, невольно испытываешь ощущение какой-то тайны.

Сейчас я как раз на подходе к дому лесника. Петр встречает меня на высоком крыльце» [Двое у озера, с. 68].

Для современной прозы характерна и так называемая невыделенная прямая речь: «У рыбы, говорила она, приподнятое у плавников длинное тело с белыми пятнами по бокам и короткая голова» [Дни и ночи, с. 116].

Художественное наследие Георгия Копытина — это лишь две небольшие книжки, изданные в Москве и Иркутске. И, наверное, надо было писать о его прозе значительно раньше, когда он был еще жив. Но главное признание человеческой жизни — это все-таки посмерт-

ное. Вот когда человека уже нет на Земле, а о нем помнят оставшиеся жить дальше, — вот это и будет главным признанием [8]. Проза Георгия Копытина остается современной, она продолжает учить нас видеть и чувствовать жизнь. Это еще одно подтверждение того, что русская литература жива, она не умерла. 2 — 3 февраля 2004 г. в Москве состоялся пленум правления Союза писателей России, выступивший в защиту русского языка. Председатель правления Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев в редакции газеты «Правда» справедливо ответил на заявление министра культуры М. Швыдкого о том, что русская литература умерла: «Странно, нелепо и отвратительно слышать, что русская литература умерла, в то время, когда рождаются одно за другим замечательные произведения русской литературы»[9, с. 1].

Художественный текст является живым, потому что жизнь текста — это всегда его движение. Текст открыт читателю и миру. И потому он вечен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким А.А. Остров Ионы: Метароман, повесть. — М., 2002.
2. Культурология / Под ред. Г.В. Драча. — Ростов-на-Дону, 2001.
3. Кузнецов Ю. Воззрение // Литературная газета. — 2004. — № 1 (выделено мною. — Г.А.).
4. Кузнецов Ю.П. Распутье // Кузнецов Ю.П. Золотая гора: Стихотворения и поэмы разных лет. — М., 1989.
5. Копытин Г.В. Бег в степи // Копытин Г.В. Бег в степи: Рассказы. — М., 1984. (Все рассказы, кроме «Жил и не жил», «Дни и ночи» цитируются по этому изданию).
6. Копытин Г. Матушка-водица, светлая вода: Рассказы. — Иркутск, 1981.
7. Там же.
8. О трагической судьбе Г. Копытина упоминает, не называя его имени, А.Е. Рекемчук. См.: Рекемчук А.Е. Пир в Одессе после холеры: Повести. — М., 2003.
9. Правда. — 2004. — № 12.

**М.С. Черепенникова,
к. ф. н., старший преподаватель
Литературного института
им. А. М. Горького**

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА УИЛЬЯМА БЛЕЙКА

(Проблемы перевода и интерпретации)*

Творчество английского поэта и художника Уильяма Блейка (1757-1827) в причудливом сплетении, напоминающем растительные орнаменты его гравюр, объединило: этику, эстетику и мистику. Жизнь и Судьба, в которых Блейк видел столько необъяснимых противоречий¹ и столько «пугающей симметрии» («fearful symmetry»)² сыграли с этим незаурядным человеком множество странных шуток: сын чулочника, мечтавший о художественной карьере, Блейк провёл жизнь в нищете и безвестности; на его прижизненную выставку пришли лишь ближайшие родственники и друзья, через две сотни лет его работы стали национальным достоянием Великобритании³; желая сказать новое слово в живописи, он сказал десятки новых слов в поэзии; получив, отказ на публикацию своих стихов, он вынужден был прибегнуть к методу «самиздата» и попутно изобрести уникальный способ иллюминированной печати: технику «выпуклого офорта»; плоды его вольнодумства стали частью английской школьной программы, а многие, казавшиеся безумными идеи, скрытыми пророчествами и откровениями интуиции. В наши дни Блейк считается одним из основоположников романтического на-

* Статья написана по материалам доклада на международной конференции англичан (Москва, Литературный институт им. А. М. Горького, сентябрь 2003 г.).

правления в английской поэзии, но самый поразительный факт состоит в том, что многие поэты-романтики даже не знали о его существовании, а те, кто знал, открыто высмеивали⁴. Литературное признание Блейка вообще могло не состояться, если бы в 1847 году молодой художник, будущий глава «Прерафаэлитского братства», Данте Габриэль Россетти (1828-1882), не обнаружил в запасниках библиотеки Британского музея в Лондоне старые, пыльные литографии «несчастливого визионера» и «жалкого безумца» (так называли поэта при жизни) и не открыл его творчество миру. «Позднее» (спустя 20 лет после смерти) открытие Блейка для широкого круга читателей, вызванное новаторством идей и дуализмом художественного виденья ещё ярче подчеркнуло вневременной характер его творчества, не вписывающегося в рамки одного течения и направления, пусть даже и такого мощного как романтизм. Время, с которым Блейк играл в своей поэзии, создало особый график освоения его наследия.

Впервые на русском языке поэзия Блейка зазвучала лишь в 1900-ом году, с приходом символистов. Русская интеллигенция, искушённая в познании английской литературы, конечно, была знакома с его именем и раньше. Ещё до открытия «Манускрипта Россетти», в 1834 — ом году, в журнале «Телескоп», появилась заметка о Блейке, но она ещё вторила английским представлениям о поэте, как об эксцентричном «безумце». Истинное же открытие Блейка для русского читателя совершил К. Д. Бальмонт в 1900 году. Сделанные им переводы вошли в книгу «Из мировой поэзии» (Берлин, 1921). С 10-х гг. Блейка начал переводить С.Я. Маршак, периодически возвращавшийся к этому автору на протяжении десятилетий и одинаково успешно справлявшийся, как с философской лирикой, так и с едкой сатирой, посланной английским поэтом своим литературным оппонентам. В 1956 году вышел его итоговый сборник «Вильям Блейк в переводах С. Маршака». «Пророческие книги»⁵ Блейка стали известны российскому читателю в основном в переводах А.Я. Сергеева и В.Л. Топорова. Эти и другие переводы (В.А. Потаповой, А.В. Парина, В.Б. Миклушевича) отразили имманентную полисемантику поэзии Блейка. Его ключевые произведения малого жанра, такие как: «Тигр», «Зелёное ау», «Заблудившийся мальчик», «Мотылёк», «Больная роза», «Лилея», «Хрустальная шкатулка» и другие, многократно переводились разными авторами. непохожие, иногда диаметрально противоположные русские воплощения одних и тех же стихотворений показали, насколько многообразными могут быть трактовки созданной автором структуры символов.

Сложность идей Блейка и концепций их воплощения объясняется тем, что поэт, ощущавший себя непризнанным пророком⁶, основной задачей мыслящей, одухотворённой личности считал творческое освоение действительности, преобразование мира гармонизирующей фантазией. В своих произведениях он провозглашал объёмный и безграничный «Мир Воображения», который должен восторжествовать над линейностью формального мышления и «Своекорыстием Разума». При

переводе и научном освоении наследия Блейка необходимо учитывать потенциальную полифонию смыслов, во многом вызванную тем, что автор вкладывал в единый образ целый комплекс многомерных задач: это и достижение единства вербального и визуального контекстов (многие стихи Блейка — это живые картины, а колористическое решение иллюстраций является дополнением к тексту); и интертекстуальный диалог с великими предшественниками (Вергилием, Данте, Шекспиром, Мильтоном); и особая рецепция и интерпретация образов Ветхого и Нового завета, а также мистическое, мифотворческое и философское новаторство поэта.

Почти все эти тенденции можно проследить на примере одного из самых известных стихотворений Блейка «Тигр» («The Tyger»): «Tyger! Tyger! Burning bright, / in the forests of the night / What immortal hand or eye / Dare frame thy fearful symmetry?» (172). Так звучит его концовка на английском. Перевод В.Л. Топорова передает яркий, напряженный колористический рисунок произведения и ставит вопрос о сущности мира и замысле создателя: «Тигр, о тигр! кровавый сполох / Быстрый блеск в полных долах, / Устрашительная статья, — / Кто велел тебе восстать?» (173). В созданном гораздо раньше переводе К.Д. Бальмонта ещё глубже поставлен вопрос нравственного выбора, борьбы добра и зла, цели их существования в мире: «Он, создание любя / Улыбнулся ль на тебя? / Тот же ль он тебя создал / Кто рожденье агнцу дал» (522). Бальмонт явно намекает на библейские аллюзии, на многозначный символ «агнца» («The Lamb»), уже появившийся в поэзии Блейка, и отгадывает авторский замысел контраста двух образов, выраженный в словосочетании «tearful symmetry». С. Я. Маршак идет ещё дальше, так как написав: «Тигр, о тигр, светло горящий / В глубине полночной чащи! / Чьей бессмертной рукой / Создан грозный образ твой?» (523), — переводчик сохраняет интертекстуальную связь идей и способов их выражения. Образ «ночной чащи» — «forests of the night» отсылает внимательного читателя к диалогу с Данте (1265-1321), встретившего трёх хищных животных, аллегорий страстей, во мраке подобной чащобы: «Земную жизнь пройдя до половины / Я очутился в сумрачном лесу...»⁷ — «Nel mezzo del cammin di nostra vita / mi ritrovai per una selva oscura...». Похожий мотив встречался и в пасторальной драме Джона Мильтона (1608-1674) «Комус». Таким образом, все три переводческие трактовки: колористическая (эстетическая), философская (этическая) и интертекстуальная (логическая) — заключены в самом оригинале и объединены мистическим видением Блейка.

Интересно, что подобное триединство, порождающее некое четвёртое начало (или объединенное, одухотворенное им), было свойственно блейковскому представлению о мироздании. В символике английского поэта-пророка Вселенная представлена в процессе прохождения через четыре духовных состояния: Рай (Eden) — единство Творца и творения; Порождение (Generation) — распад органической связи между человеком и Богом; Беула (Beulah) — христианский идеал вос-

становления этой связи; Ульро (Ulro) — мир современной Блейку действительности, Ад. При этом идеальное состояние целостного человека, по Блейку, это триединство тела, интеллекта и страсти, облагороженное духом⁹. Подобная градация заметна не только на уровне макрокосма философских идей, но и на уровне микрокосма отдельной строки. В позднем стихотворении «Хрустальная шкатулка» — «The Chrystal Cabinet» (318) наиболее ярко отражена сложная троичная символика: «Another Maiden like herself / Translucent, lovely, shining clear, / Threefold each in the other clos'd - / O, what a pleasant trembling fear!» — «И Дева деялась нездешней, / Сквозя сквозь самое» себя. / Л видел: в ней была другая! / В той — третья, видел я, любя!» (319). Мир «с нездешней Ночью и Луной», в который попадает лирический герой, может представляться как состоянием эмбриона, так и тройным объяснением в любви, но если в свойственной себе манере поэт продолжает играть с семантикой слов, то «three-fold» это не только «тройственность», но и «тройная паства». Тогда Блейк выражает в стихах уже не столько состояния, чувства или параметры земных измерений, сколько проповедует свою мистическую концепцию мироздания. Это его Беула — мир, в котором есть тело интеллект и страсть, но ещё нет духа.

Более ранние произведения Блейка «Песни Неведения и Познания» - «Songs of innocence and of Experience, Shewig the Two Contrary States of the Human Soul» не так таинственны и зашифрованы, но уже несут в себе элементы описанной выше концепции, представляя сложным комплексом бинарных оппозиций и антиномий, симметрично повторяющих одна другую и в то же время полемизирующих друг с другом. Первый цикл, изображающий первичное состояние человеческой души — невинный взгляд на мир, наполнен картинами весны, цветения, образами играющих детей и светлых ангелов. Второй цикл опытным, а порой и циничным взором познания обзирает нищету, рабство, пороки и страсти. Но символический способ выражения, используемый в стихах, свидетельствует о том, что это не просто мажор и минор поэтического жанра, а попытка создания сложной диалектической картины мира, с неизбежной борьбой добра и зла. Этот факт необходимо учитывать при переводе стихов — антиномий, принадлежащих разным циклам, но связанных процессами зеркальной трансформации и эмоциональной травести: таковы противопоставления символов ягнёнка и тигра; два образа Маленького Трубочиста; Дитя радость — Дитя горе; два образа «Святого Четверга»; сияющие, говорящие цветы первого цикла и большие розы второго, зачахшие от соприкосновения с Познанием; таковы две столицы Британии: Лондон яркий, ликующий, молящийся и Лондон прозябающий в грязи, нищете и голоде. При переводческой интерпретации, учитывая семантическое родство парных стихов, не стоит в то же время опускаться до примитивного нагнетания контрастов, так как замысел Блейка нельзя назвать нарочитым и прямолинейным. Искусствоведы заметили, что даже в своих иллюстрациях Блейк избегал черного и коричневого цветов, удачно заменяя тени насыщенными тем-

но-синими и темно-зелеными тонами. Так и в его поэзии нет только «черного» и только «белого»: во многих «Песнях невинности» есть скрытая тревога, а некоторые «Песни Опыта» не лишены надежды. Пе случайно стихи-оппозиции появляются уже в рамках первого цикла: произведение «Заблудившийся мальчик» фабульно и идейно перетекает в стихотворение «мальчик найденный». Образ ребенка, отставшего от отца, а затем нашедшего путь из трясины благодаря свету «болотного огня» (Маршак) или «светляка» (Топоров), не только намекает на библейскую притчу о Блудном сыне, но и выражает собственный взгляд Блейка на историю общения человека с Богом. Утратив после грехопадения возможность открыто говорить с Творцом, человек страстно желает вернуть былую способность (в короткой эмоциональной фразе: «Speak father, speak to you little boy...», —отражены заветные устремления всей эпохи библейских пророков) или вновь обрести хотя бы малую часть утраченного общения в искре божественного огня —откровения, которая может зажечься в каждом сердце. Туманные символы стихов легко расшифровываются в гравюре-иллюстрации: на ней мальчик протягивает руки к лучу света, предчувствуя приближение Отца.

В своём творчестве Блейк стремится не столько к новому устройству, преобразованию мира, сколько к символическому объяснению истории и мироздания. Этот метод сродни восприятию древних пророков, заново взглянувших на вечный мир, и не нашедших никаких других инструментов для реализации этого взгляда, кроме поэзии. Именно поэтому Блейк ведет диалог с предшествующими мастерами поэтического-пророческого слова. В этом диалоге становятся приоритетными 4 направления: первое из них — античная мифология и древние авторы (прежде всего Вергилий); второе — интертекстуальная связь с произведениями Шекспира; третье — библейские аллюзии и реминисценции; четвертое — духовное родство со средневековыми мистиками.

Соединение всех этих приоритетов можно видеть в незаконченной драме Блейка «Эдвард III», вошедшей в сборник «Поэтические наброски» (1783). Форма, исторический антураж и даже заглавие произведения вдохновлены хрониками Шекспира (особенно «Генрихом V»), но мифологической подтект и сюжет «Песни Неестреля» могли сделать эту драму достойной звания Британской «Энеиды». Троянец Брут — «Trojan Brutus» (согласно мифу положивший начало нации бриттов) подобно Энею, который узрел славное будущее Италии, предрекает счастливое будущее сыновей Британии во вполне библейской стилистике: «Здесь встанут города, и ветви яблонь / Надломаются под тяжестью плодов» (83). Показательно, что именно в этой драме впервые появляются символы, получившие развитие в «пророческих книгах»: Орёл — воплощение Гения, Альбион — символ человечества, порабождённого механическим разумом. Мистическая формула этого произведения (как и стихотворения «Песня древнего барда») заключается в соединении, сближении мифологического прошлого с утопическим будущим, перетекание одного в другое обеспечивает счастливый и славный, словно застывший в своей монументальности, момент настоящего.

С библейскими пророками Блейк ведёт диалог на уровне слова: иногда почти прямых цитат, вплетённых в ткань собственной поэзии. Особенно интересно в этом отношении стихотворение «Ночь» («Night»), где лев провозглашает: «Теперь, ягнёнок, я могу/ С тобою рядом лечь./ Пасть с тобою на лугу/ И твой покой беречь 131). Эти слова эхом повторяют стих из книги пророка Исаи (11, 6): «Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком... и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их». Выражение «life's river» «Река жизни» — отсылает нас к Откровению Иоанна Богослова: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца» (22,1). Строка из стихотворения «О скорби ближнего»: «Wiping all our tears away» (140) — соответствует библейскому: «...и отрёт Бог всякую слезу с очей их» (Откровение, 7, 17). Имя Тирза (Tirzah), ставшее у Блейка олицетворением физической страсти, фигурирующее в его стихах (201), а также в произведениях «Мильтон» и «Иерусалим», взято из «Песни Песней» Соломона (6,4). Космический по масштабам призыв к Земле «восстать» и «вернуться» из вступления к «Песням Познания»: «O Earth, O Earth, return!» (146) это призыв к Падшему Человеку подняться, вернуть себе утраченное могущество. По своей эмоциональности это обращение очень близко к словам пророка Иеремии: «О, земля, земля, земля! Слушай слово Господне» (22, 29). И это лишь небольшая часть библейских аллюзий, глубину которых не всегда возможно адекватно воспроизвести в переводах.

Особенный интерес для исследователя и особенно многообразие интерпретаций заложены в собственном мифотворчестве У. Блейка, проявленном в большей степени в «пророческих книгах» поэта. Сложная иерархия его персонажей напоминает «семейную» иерархию греческой и даже индуистской мифологии, где божество может быть не только носителем неких функций, но и олицетворением абстрактной идеи. При этом у Блейка родственные связи в клане божеств становятся формой взаимодействия идей. Важнейшее значение имеет Уризен (Urizen) — символ механического разума и противостоящие ему Лос — «Вечный пророк», олицетворяющий творческий гений, и Орк — символ вольности и прометеевского бунта. Непреодолимой переводческой проблемой становится тот факт, что Блейк обыгрывает в этих именах латинские анаграммы: Los — Sol -Солнце; Orc — Cor — Сердце. Однако и современники Блейка не всегда понимали его идеи, ведь зачастую его целью было намеренное «шифрование» своих «пророческих книг», словно повторяющее методы Мишеля Нострадамуса, но приближающееся скорее к юнговским архетипам. Женские персонажи мифологии Блейка: Лика, Тэль = чаще всего, символы заблудшей, но чистой души, тяготящейся Познанием. При этом имя Thel — несёт древнегреческую семантику и происходит от слов «желание», «воля». Поэт использует в именах индоевропейские корни: «Luvah» — Лува — символ Эроса. Ринтра — один из сыновей Лоса — пророк, олицетворяющий гнев, охватывающий Воображение при взгляде на порочный мир.

Уртона — инстинкт, интуиция — кузнец, работающий в провалах и пещерах. Энитармон (Moon -Луна) — жена Лоса, их дочь Утуна влюблена в Теотормона — символ осторожности, самоконтроля художника, персонаж гамлетовского типа.

Лос, Орк и Мильтон, герой последней поэмы Блейка (1809), на десяток лет предвосхищают байроновского «Каина» (1821)¹² и «Прометей» Шелли (1819), борющегося со всем миром за свою свободу¹¹. Блейковские персонажи полностью отвечают эстетике и бунтарскому духу романтизма. Вступление к поэме «Бракосочетание Рая и Ада» — «The Marriage of Heaven and Hell» (1792-1793) считается самым ранним образцом свободного стиха в английской поэзии. Но переводчику Блейка приходится сталкиваться с тем, что это идейное и концептуальное новаторство сочетается с языковыми архаизмами, соответствующими норма английской литературной речи конца 18 начала 19 века: это устаревшие формы глаголов (art, doth, hast, wilt, canst, seeketh) и местоимений (thou, thee, thy, thyself); особенности написания некоторых слов (desart, thro, giv'n, watry, eune), порою вызванные требованиями так называемой «визуальной рифмы» (eye-rhyme) и нюансами семантики. Однако чаще всего архаичность языка не передается в переводе, так как трудно представить ее в сочетании со словесными каламбурами типа «Nobodaddy» — «Ничей отец» (255), которые получили широкое распространение лишь в авангардистской и модернистской эстетике XX века. Наряду с языковыми изысками присутствуют в поэзии Блейка и кристально простые стихи, такие, например, как «Мотылёк» («The Fly»): «...Then am I / A happy fly, / If I live / Or if I die», при переводе которых архаизмы также неуместны: «...То жить желаю / Мой краткий срок, — / Весь век порхая, - / Как мотылёк» (169).

Таким образом, «пророчества» Блейка затрагивают не только область истории и мифологии, но и область поэтики как таковой. Этот автор удивительно разнообразен и изобретателен: обманчивая простота некоторых его произведений, на первый взгляд похожих на детские считалочки и колыбельные, оборачивается поразительной сложностью философских подтекстов. Именно поэтому, предвосхитив идеи романтизма, он стал любимым поэтом символистов. Даже в ранних его стихах — подражаниях Проперцию и Вергилию, появляются метафоры, свойственные скорее Бодлеру или Верлену: «...Цветы венков свисали / Над лбом рассвета и зари вечерней / Стыдливymi щеками. Разразилось / Под перистыми облаками Лето» (55). Блейк не доверяет до конца даже признанным научными авторитетам и общается с классиками (например, с Шекспиром) так же легко и иронично, как потом с ними будут общаться У.Уитмен, Т.С. Элиот, У.Б. Йейтс: «To be or not to be / Of great capacity / Like Sir Isaac Newton...» — «Быть или не быть, вот в чьм / Вопрос, таким сычем, / Как сэръ Исаак Ньютон?» (87). Неуверенность в непогрешимости математической исчисленности ньютоновской Вселенной — это опережающий поэтический ход Блейка в сторону теории относительности Эйнштейна; сомнение в несокрушимом

благое познания — это прозрение, подобное «Критике чистого разума» и «Критике способности суждения» Канта. Изречение Блейка о том, что древо познания «растёт в мозгу у человека» («There grows one in the Human brain», 188) — это не только предвосхищение открытий психоанализа: то же древо познания, олицетворяющее единство микрокосма человеческого существования и макрокосма Вселенной, появится в XX веке в поэзии Т. С. Элиота: «И ритм биения нашей крови/ И лимфы нашей путь кружной/ В движенье звёзд повторены/ Восходим мы цвести во древо...»¹⁴. В дальнейших строках «Четырёх квартетов» Элиота появляется «движимое древо» — «We move above the moving tree»¹³, и этот гимн нескончаемому движению как нельзя лучше продолжает идею Блейка «Движение — есть вечный восторг». Даже наивный взгляд персонажа Экзюпери — Маленького принца, просившего нарисовать ему барашка, это взгляд блейковского героя «Песен Неведенья и Познания» — ребёнка, свесившегося с облака и попросившего сыграть ему песню об ягнёнке: «Pipe a song about a Lamb»(96).

Все эти странные лишь на первый взгляд мистические прозрения и литературные параллели объясняются тем, что и в детских песенках, и в «пророческих книгах» поэт выразил вневременное значение гуманности и красоты, выявил спиральную сгругтуру исторических механизмов, а также генезис многих научных, политических и социально-психологических явлений, проявившихся в полной мере лишь много лет спустя. Это стало возможным благодаря силе поэтического слова и безграничного, созидющего Воображения. «В одном мгновенье видеть вечность/ Огромный мир — в зерне песка/ В единой горсти - бесконечность/ И небо — в чашечке цветка» (325), — так звучит кредо Уильяма Блейка, постигшего философский дуализм «неведенья» и «познания», «невинности» и «опыта» («Songs of Innocence and of Experience»); ставшего одним из тех авторов, чьё творчество требует постоянного освоения и переосмысления в новых интерпретациях, так как представляет собой эстетический перевод божественных истин на язык поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Подробнее о жизни поэта см.: Елистратова А.А. Уильям Блейк. М., 1957; Wilson Mona. The life of William Blake. London, 1971.

² Блейк У. Избранные стихи. Сборник. Сост. А.М. Зверев. На англ. и русск. яз. М., 1982. С. 172. Здесь и далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием номера страницы в скобках.

³ О творчестве Блейка-художника см.: Bindman David. Blake as an Artist. London, 1977.

⁴ Обнаруживая непонимание замысла Блейка, Кольридж (1772-1834) заявлял, что в «Песнях Неведения» автору не удалось отразить психологию ребёнка

⁵ Под таким названием объединены несколько поэм Блейка, написанных с 1789 по 1820 п. О классификации «пророческих книг» см.: Martin K. William Blake. London, 1975.

⁶ Erdnran D. V. Blake: Prophet Against Empire. New York, 1977, p. 27-30.

- ⁷ Данте Алигьери. Божественная комедия. Пермь, 1994. С. 5.
- ⁸ Dante Alighieri. Divina Commedia. Inferno. Purgatorio. Paradise. Roma, 1993. p. 31.
- ⁹ Beer John. Blake's Visionary Universe. Manchester, 1969. p. 57.
- ¹⁰ Вергилий. Собрание сочинений. Энеида. С.-Птб., 1994. С. 236-240.
- ¹¹ О символическом значении имён в мифотворчестве Блейка см.: Damon S. F. The Blake Dictionary: The Ideas and Symbols of William Blake. Providence, 1965.
- ¹² Более раннее произведение Байрона проникнутое тем же бунтарским духом — драматическая поэма «Манфред» (1817). См.: Байрон Дж. Стихотворения, поэмы, драматургия. М., 1997.
- ¹³ Имеется в виду лирическая драма Шелли «Освобожденный Прометей». См.: Шелли П. Б. Избранные произведения. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Философские этюды. М., 1998.
- ¹⁴ Элиот Т.С. Избранная поэзия. С.-Птб., 1994. С.47.
- ¹⁵ Там же. С. 46.

МАРКО ДИНЕЛЛИ
(Италия)

**«ОТ ТРЕХ БУКВ К ПЯТИ» ИЛИ К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА
РУССКОГО МАТА НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК**

(на материале современной русской прозы)*

Я люблю мат за его магнетизм.

Виктор Ерофеев

В переводе интересно только то, что неизбежно теряется; чтобы отыскать его, стоит иногда садиться переводить.

Элиас Канетти

Рассматривая произведения Юза Алешковского в контексте истории русского и советского языков, Андрей Битов отмечал, что «советские слова в тексте Алешковского следует воспринимать как неперебиваемые в той же мере, в какой неперебиваем мат» (Битов 1991, с. 555). По сути для Битова и советские реалии и мат остаются вне сферы перевода. Тому же, кто не желает мириться с подобным положением вещей, приходится искать новые пути, ломать установленные ограничения, ставить их под сомнение. Главным тогда оказывается вопрос: а можно ли вообще перевести русский мат на другие языки? И если да, что неизбежно теряется в переводе? Эта статья — попытка найти хотя бы часть ответов на заданные вопросы.

По материалам доклада на Озеровских чтениях Литературного института в декабре 2003 г.

Свидетельство остроты и неоднозначности заявленной проблемы — стыдливость русских переводчиков, порой вызывающая улыбку у того, кто хорошо чувствует стилистические различия между языками. Не углубляясь в специфику перевода кинофильмов, упомянем «Плащ Казаковы» (1993), в котором итальянское «*chi cazzo pensi di prendere per il culo?*» передано патетическим «Кого ты хотела обмануть?». Та же неловкость слышна в выступлениях переводчиков, принявших участие в организованной в 1999 г. журналом «Иностранная литература» дискуссии о ненормативной лексике.

Предмет нашего рассмотрения, то есть проблема передачи по-итальянски части русской лексики, обычно именуемой «мат»¹, оказывается в центре внимания исследователя вполне естественно: сама литература последних лет создает предпосылки для того, чтобы сделать ее одним из наиболее спорных моментов теории и практики художественного перевода. Стремясь соблюсти методическую строгость, а также в силу ограниченности объема, сосредоточим наше внимание на рассмотрении нескольких образцов современной русской прозы, в которых, если взглянуть на них с принятой нами точки зрения, мат несет значительную нагрузку. За исключением особо оговоренных случаев итальянский перевод принадлежит автору настоящей статьи.

Переводчик должен учитывать целый ряд факторов. Неизбежно обделяя вниманием прочие важные аспекты функционирования мата, второстепенные для решения задач, заявленных автором настоящего исследования,² сосредоточим наше внимание в плоскости литературы.

Хотя мат уходит корнями в древность, и история русской литературы знает немало писателей, использовавших мат в своих произведениях в более или менее откровенной форме (Барков, Пушкин, Лермонтов, собранные Афанасьевым народные сказки, литературный фольклор, Маяковский, Есенин, Солженицын, Венедикт Ерофеев и др.), официальное пришествие мата в мир изящной словесности свершилось в постперестроечную эпоху, то есть начиная с 1989 г.³ Лишь в девяностые годы в России наконец-то увидели свет тексты современных авторов и писателей прошлого, содержащие неприличные слова и павшие в советское время жертвой цензуры (и потому ходившие в самиздате или публиковавшиеся за рубежом). В наши дни многие авторы нередко обращаются к подобной лексике: Юз Алешковский, Эдуард Лимонов, Владимир Сорокин, Виктор Ерофеев и другие. Параллельно наблюдается всплеск внимания к обсценной лексике в филологической среде: публикуется значительное количество научных работ и неофициальных словарей⁴, о которых лет десять назад трудно было и помыслить и которые связаны с заново открытым «альтернативным» течением в русской культуре. В целом этот процесс⁵ можно свести к простой формуле: «Непечатное слово стало печатным»⁶. Что вызвало резко негативную реакцию властей, культуры и общества. Советский мир, будучи литературоцентричным, воспитал в читателе особую чувствительность к запечатленному на бумаге слову. Явление это заслуживает

отдельного исследования и вполне могло бы претендовать на то, чтобы вылиться в нечто вроде «истории эстетического восприятия в Советском Союзе». Нам же важно отметить то сопротивление, которое и рядовой читатель, и официальная культура продолжают оказывать этому процессу.

В других культурах, например, англоязычной и итальянской, он давно уже завершился. Хотя история итальянской литературы богата подобными примерами (Пьетро Аретино, Джоаккино Белли, Джорджо Баффо и др.), окончательное освобождение общенной лексики в итальянской прозе свершилось после 68-го года, по следам студенческих волнений. В семидесятые появляется немало текстов, в которых сквернословие используется прежде всего для создания речевого портрета определенного поколения⁷. В литературе тех лет можно найти великое множество образцов подобных социолектов (возможно именно из-за этого лингвисты и составители специализированных словарей рассматривают их исключительно как «жаргон», как правило, с пометкой «молодежный»⁸). Восемидесятые начинаются с «Altri libertini» Тонделли (1980)⁹, где можно обнаружить не только obscene, но и богохульные выражения. Через двадцать дней после выхода в свет книгу конфискуют по обвинению в оскорблении общественной нравственности, однако, год спустя суд города Мондови (Кунео) полностью и безоговорочно оправдал текст, его автора и издателя. Остановить процесс, набравший силу, как снежная лавина, было уже невозможно. Сборник рассказов начинающих писателей «Молодые людоеды» (1996) доказывает, что ныне все языковые табу сметены. То же можно сказать и о переводах иностранной литературы на итальянский язык:

«Allora infilati la giacca, cazzo!»

All'inizio del viale non c'era neanche un taxi. Ce n'erano sempre un sacco solo quando uno non se ne faceva un cazzo. E' agosto, in teoria, ma ho le palle talmente gelate che quasi mi si staccano. Non sto ancora male ma mi sta arrivando, cazzo, poco ma sicuro.

«E questo sarebbe un posteggio di taxi. Un posteggio del cazzo.[...]»¹⁰

Объективная разница в восприятии итальянским и русским читателем¹¹ — исходный постулат переводчика, постоянно сверяющего себя с камертоном «динамической эквивалентности»¹²: сохранить эмоциональное воздействие и экспрессивность оригинала в тексте перевода совсем не просто. Эта сторона важна, и все же это лишь поверхностный слой всей массы вопросов, затрагивающих непереводаемость мата. Ниже нам еще предстоит столкнуться с темными местами, которые такой подход не позволяет осветить.

Помня о неизбежности потерь, попытаемся выделить первый уровень перевода мата на итальянский. Рассмотрим ряд примеров из романа Юза Алешковского «Николай Николаевич», классического произведения такого рода:

И закусывая, а то окосеешь и не поймешь ни хуя. (Алешковский Ю. 1996, 19)

E butta giu un boccone, senno t'inciocchi e poi non capisci piu un cazzo (Aleskovskij Ju. 2002, 9)

Дверь кто-то дергает, орет и бушует. Я вышел, объяснил, что химией обхавался и что дверь не зуб — не хуя ее дергать. (Алешковский Ю. 1996, 21) Qualcuno dava strattoni alia porta, urlava e smaniava. Uscii, spiegai che mi ero strafogato di sostanze chimiche e che mica la porta e un dente, non serviva a un cazzo tirare. (Aleskovskij Ju. 2002, 12)

Тут я сел на пол и стал хохотать. Ни хуя себе работа! (Алешковский Ю. 1996, 22) A questo punto mi sedetti per terra e sbottai a ridere. Ma guarda tu che cazzo di lavoro! (Aleskovskij Ju. 2002, 13)

Вопреки общепринятому убеждению, объясняющему непереводаемость мата на иностранные языки необычайной гибкостью русского словообразования, перевод этих выражений на итальянский не составляет особого труда. Все три функции мата в современной русской литературе, выделенные А. Зориным, — миметическая, экспрессивная и концептуальная (Зорин 1996. с. 132-133), с точки зрения языка не являются непреодолимым препятствием для переводчика, прибегающего, в частности, к компенсации на разных уровнях. Как видно из примеров, и язык оригинала и язык перевода использует слова, обозначающие мужской половой орган, в значении «что-то», «ничего» в отрицательных высказываниях. Этот пример служит иллюстрацией одной из основных функций обценной лексики, как в русском варианте (мат), так и в итальянском варианте («turpiloquio»). Нередко эта лексика утрачивает денотативную функцию, более того, наблюдается тенденция к потере лексической единицей ее первичного значения, место которого занимает множество возможных значений, определяемых употреблением и контекстом. Помимо того, во всех языках обценная лексика является маркированной в плане экспрессивности. Следуя одной из предлагаемых классификаций, например, Левина (1996), можно проанализировать сходства и различия между языком оригинала и языком перевода, обнаруживая в них поразительные аналогии.

Мат — исходное сырье языка Алешковского, носитель живого карнавалного начала; он столь же открыт и понятен, как и физиологический, номинальный мат Лимонова. Однако современная русская литература, нередко обращается к мату, словно стремясь указать на скрытый, глубинный смысл. Приведем два примера, в которых использование мата, не попадающее в вышеназванные категории, выражает семантические оттенки, столь тесно связанные с русским языковым и культурным контекстом, что их адекватный перевод на иностранный язык оказывается проблематичным.

Первый пример — рассказы и романы Владимира Сорокина (Сорокин 1992, Сорокин 1998). В его произведениях можно нередко встретить повторяющуюся схему¹³, затрагивающую прежде всего их языковую сторону. Иногда резко, иногда постепенно язык сорокинской прозы трансформируется из нормативного, избыточного советскими клише и являющимся родом культурной «пленки» (Пригов 1992, с. 116-

117), в неподконтрольный, инстинктивный, естественный. Язык разлагается в брань, сквернословие, лишенные смысла звуки, шум, и дальше — в тишину, белый лист.

Не случайно, что переход этот осуществляется именно через мат. Он выполняет не только экспрессивную или миметическую функцию. Его эвокативный потенциал вытекает из метафорической роли мата (проявление истинного): мат неистово врывается в контекст, и после его вторжения становится очевидным, что контекст-то сам надуманный, ненастоящий. Мат — это темное дно официального, тоталитарного языка; темное дно тоталитарного порядка — это хаос, негатив, выражаемый матом. Здесь мат проявляется как антимир русской культуры. И если в прозе «усиливается интерес к «грязному» слову, мату как детонатору текста» (Ерофеев 1997, с. 14), происходит это, прежде всего, потому, что современная проза в значительной степени занимается исследованием негативного. Как озвучить переводчику это дикое, катартическое эхо, порожденное низвержением табу, действующего только в рамках определенной культурной системы — советской и постсоветской?

Второй пример — рассказ Виктора Ерофеева «Третий лишний». На загородной экскурсии, во время ужина в ресторане, женщина (Марина) рассказывает свою несчастную жизнь двум мужчинам, один из которых в нее влюблен (Борис). Узнав, что все мужчины так или иначе связанные с Мариной, умерли, Борис встает из-за стола:

— Я сейчас приду, — сказал Борис и, аккуратно отодвинув стул, мягкой поступью вышел из зала. В туалетной комнате он старательно, с мылом, вымыл руки и остановился перед зеркалом.

— На хуй, на хуй, на хуй, — быстро пробормотал он и неумело, мелко перекрестился. Из туалета он пробрался в раздевалку, сунул гардеробщику рубль и, схватив плащ в охапку, побежал к машине. До Москвы было ехать двадцать шесть километров.

Борис выжил тогда, хотя все-таки едва не погиб, чудовищно отравившись грибами.

Напряжение, возрастающее на протяжении всего рассказа, взрывается в самой последней строке. Трижды повторив заклинание, герой осеняет себя крестным знамением. Здесь мат явно выполняет не только миметическую функцию, создавая определенный социальный колорит. Его функция — магия, заклинание. По сути он выступает в своем изначальном смысле (Успенский 1996 и Жельвис 1997), связанном с культовыми функциями матерной брани в славянском язычестве. Как его перевести? Повторенным трижды банальным «Vaffanculo!», до того затасканным и приевшимся итальянскому уху, что даже его появление в тексте шлягеров давно уже никого не шокирует?

Пришествие мата в современную прозу — проявление сложной реальности, корни которой скрыты в глубинных слоях русского сознания. И если в мате есть нечто непере译имое — это его аура, его энергия, способная вызвать к жизни темный загадочный мир, путь в который западные языки давным-давно позабыли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ В этом значении слово «мат» — сокращение от «матерная брань». (Шанский Н., Боброва Т. 1994, с. 181; см. также Плущер-Сарно 2001, с.75-80) Разобраться в определениях, предложенных лингвистами за последние годы и зачастую лишь частично отражающими суть этого пласта языка, — задача не из простых: обсценная лексика, бранная лексика, непристойная лексика, инвективная лексика, заветная идиоматика, неприличное слова, цензурные слова, непечатные слова, матерные слова, матизмы, табуированная лексика, ненормативная лексика и т.д. Мы будем понимать мат в узком смысле, согласно предложенному Левиным определению ОВ (обсценных выражений): «законченные — хотя бы относительно, то есть, может быть, требующие синтаксического или коммуникативного (напр., диалогического) «замыкания» — в смысловом и коммуникативном отношении речевые сегменты, содержащие хотя бы один обсценный корень. Последние могут быть заданы списком. Ядро этого списка составляют три общеизвестных матерных корня». (Левин 1996, с. 108).
- ² Общий анализ мата как факта языка см. в фундаментальной работе Успенского (1996).
- ³ Зорин 1996. с. 134.
- ⁴ Приведем краткий перечень сих драгоценных инструментов переводчика: классика — переложенный с английского Флегон (1992); антология и словарь Ф. Н. Ильясова (1994); академически строгие Буй (1995) и Мокиенко (1995); за ними следуют Колесников и Корнилов (1996), включающие и мат, и прочую обденную лексику; наконец, претенциозный толковый словарь Ахметовой (1997). Из последних новинок — словарь Плущер-Сарно(2001)
- ⁵ Об его истории см. Зорин 1996.
- ⁶ Кестер-Тома 1993, с. 2.
- ⁷ См.. например, роман «Porci con le all» (Ravera L. e Lombardo Radice L. 1975).
- ⁸ См.. например, словари Forconi (1988) и Lotti (1992).
- ⁹ «Altri libertini» — буквально «Новые распутники» в значении эпикурейцы, вольнодумцы, отвергающие всяческие правила и предрассудки, навязываемые им обществом и церковью. Протестанты и католики называли «либертенами» тех, кто, отдавая предпочтение опыту и разуму, ставил под сомнение явленную в откровении истину. В рядах первых либертенов — противники Кальвина Клод де Женев и Франсуа Компаре, позднее — Гассенди и Фонтанель (прим. перев.).
- ¹⁰ Welsh 1999, с. 10.
- ¹¹ Исключение — богохульства (bestemmie). Как известно, в итальянском и испанском языках самых сильные выражения полинают не мать, а Мадонну (см. Жельвис 1985, с. 300). Вообще табуированная зона итальянского языка — оскорбление божества. Мат в его экспрессивной функции соответствует итальянскому богохульству. (см. примеры в Kovalev 1995, с. 193)
- ¹² Хотя в последние годы термин, предложенным Найдой, неоднократно попал под огонь критики специалистов по теории перевода, все же за ним стоит понятие, сохраняющее смысл для практической работы переводчика.
- ¹³ Анализ сорокинской прозы и использования в ней мата см. Липовецкий 1997, с. 257-274.

БИБЛИОГРАФИЯ

АА.VV. 1996

Gioventu cannibale, Einaudi, Torino.

Aleskovskij Ju. 2002. Nikolaj Nikolaevic: il donatore di sperma, traduzione e cura di Marco Dmelli, Voland, Roma (переводы выполнены по изданию Юз Алешковский, Николай Николаевич // Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. М.: ННН, 1996, 17-68.)

Forconi A. 1988. La mala lingua. Dizionario dello slang italiano, Milano.

Kovalev V. 1995. Dizionario russo-italiano e italiano-russo, Zanichelli, Bologna.

Lotti G. 1992. Le parole della gente. Dizionario dell'italiano gergale, Mondadori, Milano.

Ravera L. e Lombardo Radice L. 1975. Porci con le ali, Roma, Savelli

Tondelli P.V. 1980. Altri libertini, Feltrmelli, Milano.

Welsh, I. 1999. Trainspotting, trad. it. di Giuliana Zeuli, Guanda, Parma (vers. or.: Trainspotting, London, 1993).

Алешковский Ю. 1996. Николай Николаевич . Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. М.: ННН, 17-68.

Ахметова Т. В. 1997. Русский мат. Толковый словарь. М.: Колокол-пресс.

Битов А. 1991. Повторение непройденного // Алешковский Ю. Собрание сочинений в 3-х томах. Том 3. М.: ННН, 1996, 537-557.

Буй В. 1995. Русская заветная идиоматика (Веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры.

Ерофеев Виктор 1994. Третий лишний // Русская красавица: Роман. Рассказы. М.: Союз фотохудожников России, «Молодая гвардия», 443-447.

Ерофеев Виктор 1997. Русские цветы зла. М.: Подкова.

Жельвис В. И. 1985. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. Под ред. А. К. Байбурина. Л.: Наука, 296-320.

Жельвис В. И. 1997. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир.

Зорин А. 1996. «Легализация обценной лексики и ее культурные последствия» 11 *Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература.* Сборник статей / Сост. Н. Богомолов — М.: Ладомир, 121-139.

«Иностранная литература» 1999. "Всех этих слов на русском нет..." («Круглый стол» «ИЛ», посвященный переводу ненормативной лексики) // Иностранная литература №7. Ильясов Ф. Н. (Под ред.) 1994 Русский мат (Антология). М.: Лада М.

Кестер-Тома З. 1993. Стандарт, субстандарт, нон-стандарт // Русистика, 1993, № 2.

Колесников Н. П., Корнилов Е. А. 1996. Поле русской брани. Ростов-на-Дону: Феникс.

Левин Ю. 1996. «Об обценных выражениях русского языка» // *Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература.* Сборник статей / Сост. Н. Богомолов — М.: Ладомир, 109-120.

Липовецкий М. 1997. Русский постмодернизм. Екатеринбург.

Мокиенко В. М. 1995. Словарь русской бранной лексики. Берлин: Dieter Lenz Verlag.

- Плуцер-Сарно А. 2001. Большой словарь мата. Том первый. СПб.: Лимбус Пресс
- Пригов Д. А. 1992. А им казалось: в Москву! в Москву! // Владимир Сорокин, Сборник рассказов. М.: Русслит, 1992, 116-118.
- Сорокин В. 1992. Сборник рассказов. М.: Русслит.
- Сорокин В. 1998. Собрание сочинений в 2-х томах. М.: Ad Marginem.
- Успенский Борис 1996. «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии» / *Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература. Сборник статей* / Сост. Н. Богомолов — М: Ладомир, 9-107.
- Флегон А. 1992. За пределами русских словарей.
- Шанский Н. М., Боброва Т.А. 1994. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина.

Перевод А.Я.

Е. Ю. Марунина, аспирантка
Литературного института
им. А. М. Горького,
научный рук. проф. Б.Н.Тарасов.

«СВОБОДНЫЙ СТИХ» ЖАКА ПРЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ «РАЗРУШЕНИЯ»

Творчество французского поэта Жака Превера (1900-1977), яркое и актуальное, отмечено влиянием сюрреализма как значительного художественного течения XXв. Но поэт, заимствовав методы, тем не менее, сумел преодолеть пределы этой школы¹, используя в совершенно новых целях теоретические постулаты и практические достижения сюрреалистической мысли. Речь идёт о многоплановом пересмотре эстетики «разрушения» жанра, стиля и образа как способов самовыражения в принципиально новой концепции поэтического языка в «свободном стихе»². Эти аспекты и освещены в настоящей статье.

1.Новый поэтический язык Ж.Превера как средство «разрушения»-традиционной поэзии

Новая эстетика творчества, столкнувшись с жизненными реалиями XXв., потребовала от литераторов активного переосмысления роли художественного слова в повседневной речи. Отношение поэта к литературному языку двойственно. С одной стороны, критики отмечают, что Превер внимателен к ритмике стиха. С другой стороны, назвав книгу *Слова*, поэт хотел заставить *слушать слово*³, раскрывающее *бесконечные смыслы* в образах. Эта двойственность в частности воплощена в особом экспрессивном использовании стилистических приёмов — каткрезы, оксюморона, реализации метафоры, контрпетрии (acroфонической перестановки). Так в сборнике *Fatras* спонтанная игра слов *Je vous salis, ma rue//Et je m'en excuse...* вместо ожидаемого *je vous*

salue, создаёт комическую ситуацию. Напротив, буквальное осмысление устойчивых выражений в тройном подтексте: *tirer le sort* (предсказывать судьбу) и *tirer au mauvais sort* (стрелять, не целясь или вытащить из строя наугад), определяет трагизм безысходности и бессилие человека перед судьбой и обстоятельствами в *Complainte du fusillé*:

Ils m'ont tiré au mauvais sort par pitié//J'йтais mauvaise cible...

...Ils m'ont tiré au mauvais sort par les pieds

et m'ont jeté dans la charette des morts//des morts tirés des rangs des rangs de leur vivant...//Et je suis la près d'eux//vivant encore un

peu

tuant le temps de mon mal//tuant le temps de mon mieux.

Игра слов конкретна в шаржах на конфронтацию представителей социальных слоёв. Таковы отношения народа и клириков в *La Crosse en l'air!* и экспозиции *Tentation de la description d'un Doner des Tktes...* Французский литературовед Р.Сабатье отмечает, что творчество поэта подобно коллажу⁵. Это способ, не навязывая «разрушения» языка, взглянуть на меняющийся мир своими глазами.

Превер выражает свой взгляд на поэзию в лирической автобиографии с гармоничным сочетанием поэтических и прозаических строк. Например, зачин *Un enfant sous la troisième...(Histoires)* — стихотворение в прозе из хореических стоп: *Un enfant sous la troisième j'habitais au quatrième une maison de dix-neuvième...* Но о песнях парижских кварталов рассказано поэтически, криком души человека, для которого любить естественно, как жить: *Et comme le cri des cœurs tracés au couteau sur les murs, avec entrelacés les prénoms de l'amour, le chant secret des rues se fait entendre en chœur, comme au plus beau de tous les anciens jours...* Далее в поэтической форме перечисляется, что наделено даром песни:

Chants de la rue de la Lune, de la Rue du Soleil et de la Rue du Jour
Refrains du passage des Eaux, //De la rue de la Source, de la rue des Cascades,

De la rue du Ruisseau...//Et de l'impasse Jouvence et de la rue Fontaine
Et du Dessous des Berges//Et de la rue Grenier-sur-l'Eau...

Форма компенсирует свои ритма (хорей-ямб). Причём каждая песня наделена жанровой принадлежностью: *Rondes de la Place des Fêtes, de la Rue des Fillettes et de la Rue des Écoliers, de la Rue des Alouettes et de la Colombe...*//*Comptines de la Rue du Renard et de la Rue aux Ours et de la Rue des Lions, de la Cité Jonas et de l'Impasse de la Baleine...*//*Romances du Passage des Soupirs//et du Passage Désir et de l'Impasse des Souhais et de l'Impasse Monplaisir et de l'Impasse de l'Avenir...*

Красноречивы «говорящие» названия вымышленных улиц и переулков Парижа, созданные оксюмороном: *Passage des Soupirs* — Проезд Вздохов; *Passage Désir* — Проезд Желания; *l'Impasse des Souhais* — Тупик Надежд; *l'Impasse Monplaisir* — Тупик Моя Радость; *l'Impasse de l'Avenir* — Тупик Будущего... А рядом — реальная топография: *rue*

de Chevalier de la Barre, rue Étienne Dolet, rue Francisco Ferrer... Этот синтез реального и вымышленного и приближает к реальности, и придаёт сюрреалистичность. Пёстрая картина жизни города показывает, что и в обыденном есть возвышенное, а светлые моменты иногда омрачаются трагедией. Поэтичность стилистически оправдана введением лексем по темам: вода и источники; птицы; животные; мир детства. Их объединяет единый зачин — анафора⁶. Хаос названий «рождает» по сюрреалистической модели *бесконечных смыслов* образ потока песен, наводняющих город: *de la rue de la Source, de la rue des Cascades, de la rue du Ruisseau...et de la rue Grenier-sur-l'Eau...*

Способы воплощения Преве́ром сюрреалистической трансформации стуют разделить на две группы: переосмысление значений слова без разрушения и разрушение графической оболочки, придающее новую экспрессию. В *La Crosse en l'air!* искажённый текст *Отче наш* в молитве Папы Римского и обращение рабочего к Папе на аудиенции «поэтичны». А обращение к памяти любимой *Barbara*⁷ субъективно напоминает поэтическую прозу, несмотря на рифмы —ассонансы [a]-[r]: *Oh Barbara//Quelle connerie la guerre//Qu'es-tu devenue maintenant//Sous cette pluie de fer//De feu, d'acier, de sang//Et celui qui te serrait dans ses bras//Amoureusement//Est-il mort, disparu ou bien encore vivant...*

Модернистская игра временем⁸ в этом вполне реалистичном повествовании создаёт «сюрреалистический» колорит дополнительной взволнованности. Благодаря ритму это — поэзия, но в то же время — проза разговорной речи.

В *Tentative de description d'un doner des Têtes...(Paroles)* можно считать поэтическими не только строки: *Ceux qui pieusement, //Ceux qui copieusement//Ceux qui tricolorent//Ceux qui inaugurent, //Ceux qui croient, //Ceux qui croient croire, //Ceux qui croa-croa...* с единоначалием *Ceux qui...* рифмами и ассонансами на [r], но и следующие⁹: *..Ceux qui plantent en rkve des tessons de bouteille sur la grande muraille de Chine; //Ceux qui mettent un loup sur leur visage quand ils mangent du mouton; Ceux qui volent les œufs et n'osent pas les faire cuire; //Ceux qui ont quatre mille huit cent dix mitres de Mont-Blanc, trois cents de la Tour Eiffel, vingt-cinq centimètres de tour de poitrine et qui en sont fiers...* Ритм при отсутствии столбцов подчёркнут зевгой: 4810м Мон-Блана, 300м Эйфелевой башни, 25см окружности груди.

Иной вариант сюрреалистической трансформации предложен поэтом в *La Crosse en l'air! : Et le Saint Père continue sa prière: Que votre volonté soit faite...c'est peut-être cette vache d'évkque qui l'a envoyé pour me sectionner le gésier s'il fait un pas de plus je tire sur la sonnette pour appeler les carabiniers...sur la terre comme au ciel...Il n'a pourtant pas l'air mauvais...c'est peut être un gros industriel du textile qui vient pour que je casse le mariage de sa fille et s'est déguisé en loqueteux pour que je lui fasse un prix...donnez-nous aujourd'hui notre pain*

quotidien...*si tu crois m'avoir c'est moi qui l'aurai, mon vieux...pater noster qui ktes aux cieux...peut-ktre que c'est un de mes fils naturels...Il va m'appeler papa me demander les ronds...me voila dans de beaux draps...quel dommage qu'on ne soit plus au temps des Borgia, au temps des oubliettes et des petits flacons...ne nous laissez pas succomber a la tentation...Je vais quand-mkme lui poser quelques questions...Sed libera nos a malo...Amen...* Внутренние рифмы этого прозаического отрывка придают сходство с духовным текстом по структуре и содержанию. Абсурд молитвы в потоке сознания Папы дискредитирует христианскую мораль шокирующим сочетанием возвышенного и низменного и буквальным осмыслением максим во «внутреннем монологе». «Портрет» Папы после аудиенции — воплощение всех пороков духовенства: ...*Pour ce qui est du veilleur // Il est parti depuis longtemps // eh oui za fait déjà un bon quart d'heure... // Un bon quart d'heure qu'il est parti*

laissant le Pape avec ses grandes manœuvres, // ses grandes orgues, ses petits ennuis // le pape seul dans la grande salle de son Vatican seul // Comme au milieu d'une assiette sale // Un vieux cure-dents...

Этому монологу созвучно *Pater Noster (Paroles)* как «вариация» на тему: *Отец наш что на небесах // Там и оставайся.: Notre Pire qui ktes aux cieux // Restez-y*

Et nous nous resterons sur la terre... // Avec ses mystires de New-York

Et puis ses mystères de Paris // Qui valent bien celui de la Trinité...

Avec les épouvantables // malheurs du monde // Qui sont légion...

Avec leurs tortionnaires // Avec les maotres de ce monde

Les maotres avec leurs prktres // leurs traotres et leurs reotres

Avec les saisons // Avec les années // Avec les jolies filles et avec les vieux cons

Avec la paille de la misère // Poussant dans l'acier des canons.

Отсутствие концевых рифм, как в «свободном стихе», компенсировано рядом рифмующихся слов, проясняющих ход мыслей автора в анализе внутреннего облика героев: *prêtre—священник* и *maotre—господин; traotre—предатель* и *reotre—солдафон; соп—дурацкий колпак, дурень* и *сапон—пушка*.

Детален и анализ психологии преступника-убийцы в *Le Retour du pays (Paroles)*. Аналитизм и экспрессивность определяют сюрреалистичность сюжета и образа. Поэзия «прозаизируется» при воспроизведении плана убийства, передавая состояние аффекта в параллелизме бытовой хроники: *Il se promène-il entre-il raye-il sort-il allume*. В этом — принципиальное отличие от простейшего сюрреалистического акта по А.Бретону: *..выйти на улицу с револьвером в руках и, покуда хватит сил, не целясь, стрелять куда попало в толпу*¹⁰.

Поток сознания у Ж.Превьера отличен от психологизма Л.Арагона, который, дополняя описание З.Фрейдом симптомов «раздвоения личности», утверждает даже тройственность человека (*l'homme triple*) во

вращающихся зеркалах, где эти трое отражаются, изменяясь внешне и внутренне: *et les miroirs ont tourné...*¹¹ В свою очередь создавая остро-социальный подтекст психологизма, Превьер вводит семантические пласты с помощью полисемии: слово как единицу языка разговорного и образ как единицу языка поэтического.

«Глобальность» сюрреалистической революции выражена в абсолютизации образов вне контактёра (читателя, зрителя, слушателя, собеседника). Таковы абстракции: *новый смысл, ошеломляющий образ катакретических сочетаний типа растворимая рыба в атоматических текстах А.Бретона, Ф.Супо, С.Дали*¹².

Превьер в свою очередь конкретизирует «абсолютное», избобличая уродства, возникающие из-за нежелания жить в ладу с собой, обществом, природой в «портретах» животных, наделённых речью, мышлением, чувствами¹³.

Не будучи мастером психологического портрета¹⁴, поэт не даёт имён или наделяет героев «говорящими» именами: тёмная личность *oncle Grésillard (grésil—мелкий град)* в *Le Refour du Pays* или *l'homme a tête de veau ou de n'importe quoi qui se mange* в сознании умирающего от голода человека в *La Grasse matinée (Paroles)*.

Можно заметить, что автор не отстранённо живописует «типы-характеры» и модели поведения, а «привязывает» их к конкретным социальным типам: *..каждый надевал ту голову и ту гримасу, которую хотел...* Таковы «головы» на званом обеде в Еписейском дворце: *Une fête d'amiral anglais...une tkte de boule puante; une tête de Gallifet; des têtes d'animaux malades de la tête; des têtes d'Auguste Comte; des têtes de Rouget de Lisle; des têtes de Sainte Thérèse; des têtes de fromage de tête; des têtes du pied; des têtes de Monseigneur et des têtes de crémier...*¹⁵. Здесь синецдоха создаёт коллективный портрет представителей политического «бомонда», сравнимых со стадными животными или неодушевлёнными предметами, играя экспрессивную идеологическую роль в отражении социального аспекта реальности в сюрреалистическом видении действительности.

«Свободный стих» Превьера воплощает свободу видения картины мира и пересмотр роли «поэтического» слова, отныне проясняющего реальность. Поэт говорит с нами простым языком о вечном — Гармонии, Красоте, Любви, в который раз обращаясь к этим общечеловеческим темам.

Чувства мужчины и женщины показаны автором *Слов* как естественная духовная близость неповторимых личностей. Их настроения, взгляды, жесты, поступки мотивированы эмоционально в *Rue de Seine...la femme continue sans se laisser//Continue sa question inquiète...l'homme la regarde//Ses yeux tournent//Il fait des gestes avec les bras comme un noyé//Et la phrase revient...* Средствами «внешнего психологизма» переданы противоречивые чувства к любимой в *Pour toi mon amour*:

Je suis allé au marché aux fleurs//Et j'ai acheté des fleurs//Pour toi mon amour

Je suis allé au marché aux oiseaux//Et j'ai acheté des oiseaux//Pour
toi mon amour

Je suis allé au marché a la ferraille//Et j'ai acheté des chaones
De lourdes chaones//Pour toi mon amour//Et puis je suis allé au
marché aux esclaves

Et je t'ai cherchée//Mais je ne t'ai pas trouvée//Mon amour¹⁶.

Коллизия стихотворения в том, что для лирического героя Превера возлюбленная оказывается недоступна при попытке поработить её
любви. Желание подарить цветы, птиц естественны. Но цепи?! И
автор дистанцируется от героя, несмотря на повествование от первого
лица: я пошёл...я купил...я искал.

Структура двух первых трёхстиший практически идентична, доказы-
вая, что поступки и мысли автора и лирического героя не противоречат
друг другу. Но в третьей и четвертой терцинах логика героя противоречит
ходу мыслей поэта, что выражено в сбое ритма. Укороченная
строка *Et je t'ai cherchée*, незаметно сбивая ритм, показывает, что
поиск любимой заведомо обречён на неудачу: Любовь-птица не может
быть закована в цепи или посажена в клетку.

Сравнивая новации Превера в изображении чувств с натурализмом
Арагона, окунающего в низменные «первоосновы сексуальности», утоп-
ленные в нецензурной лексике борделя, а затем «опозитизированные»
как высшая степень удовлетворения желаний (*Ф, délicat con d'Irène! C'est
ici, homme enfin digne de ton nom que tu te retrouves a l'échelle de tes
désirs...¹⁷*), понимаешь, насколько лиричен, целомудрен образ любви
у автора **Слов**.

Необходимость возврата в реальность социально осмыслена в сценке
с неоднозначным названием *Écritures Saintes (Paroles)* — шуточном
аналоге памфлета *La Crosse en l'air!*¹⁸. В шарже на образы и догматы
богословия воплощён дуализм Бога и Дьявола — Кролика и Зайца. Бог
не лучше своего антипода — оба сравнимы с животными: *Dieu est un
grand lapin//Il habite plus haut que la terre//Tout en haut la-haut dans
les cieux//Dans son grand terrier nuageux...и un grand lièvre rouge//
avec un fusil tout gris//Pour tirer dans l'ombre de la nuit...* Богочеловеку
отказано в человечности: *жирный кролик* породит лишь кролика... На-
конец, Бог «воплощён» в индейку на богатом столе в Рождество: *Dieu
est aussi une grosse dinde de Noël//Qui se fait manger par les riches//
Pour souhaiter la fkte a son fils...*

Поскольку Бог и Дьявол — персонажи отрицательные, конфликта
между ними нет, а есть игра слов *table* с *Sainte Table*, где стол —
намёк на *Тайную Вечерю* и *Скрижаль Завета*, и выражений *être aux
anges* и *faire du pied*. Это сюрреалистический «дуализм наоборот» в
«детской» рождественской сказке: *..Alors, les coudes sur la Sainte Table/
/Le Diable regarde Dieu en face//avec un sourire de côté//et il fait du
pied aux anges//Et Dieu est bien embkté*. Это ритмизованная проза с
рифмами типа *côté-embêté-piété-éternité*. Идиомы в изменившемся кон-
тексте или понятые дословно, меняют смысл, ставя под сомнение доб-

роту Бога: *..il rêve aux bons tours // qu'il va jouer au Bon Dieu*. Этому же служат реализации метафор, «расчленения» идиом при сравнении Бога со скупщиком-процентщиком: *Dieu est aussi un prêteur sur gage // Un vieil usurier // Il se cache dans une bicoque // Tout en haut de son mont-de piété // Et il prête a la petite semaine // Au mois au siècle et a l'éternité...*

Итак, конкретность «глобального» образа в идиомах приводит к банальности изображения отрицательных героев и явлений, что вкупе с сознательностью письма, вобравшего опыт сюрреализма и объективность ока кинокамеры, определила выбор лексики и экспрессивных приёмов поэзии Превера¹⁹.

3. Свобода творчества как «разрушения» в поэзии Ж.Превера и эстетике сюрреализма

Представления о свободе творчества как «разрушении» у сюрреалистов и Превера различны. Одни показывают абсурд реальности. Поэт (осознанно!) — абсурд мира, вывернутого наизнанку, дабы вывернуть его налицо²⁰.

Один из принципов сюрреализма — возможность сближения любых без исключения слов²¹, призванных вызывать определённую эмоциональную реакцию, близкую к шоку. Даже заимствованный из XIX в. у Лотреамона «чёрный юмор» объясняется своеобразно истолкованными единством и борьбой противоположностей и статичностью, амбивалентностью, непрояснённой «отношения», «оценки»²². Например, статичность создают «глаголы состояния» (*Je est un autre*, А.Рембо) вкупе с «прилагательными цвета» (*La terre est bleue comme un orange*, П.Элюар; *le buisson est rouge comme un œuf quand il est vert*, А.Бретон) в сравнительных конструкциях с союзом *comme* и глаголом *être*.

Дабы понять, как сюрреалисты компенсируют динамику поэтического образа реальности, приведём пример автоматизма в поэзии: *Liberté couleur d'homme // Quelles bouches voleront en éclats // Tuiles // Sous la poussée de cette végétation monstrueuse // Le soleil couchant // Abandonne le Perron d'un riche hôtel particulier // Lente poitrine bleue où bat le cœur du temps // Une jeune fille nue aux bras d'un danseur beau // et cuirassé comme Saint-Georges // Mais ceci est beaucoup plus tard // Faibles Atlantes...*²³ Это цепочки образов — строка-поэтический образ. Отсутствие пунктуации создаёт неопределённость синтагм, изолированность лексем, статичность («динамичен» лишь образ биения сердца времени). И первая особенность автоматического письма — привязанность к настоящему: большинство глаголов действия в настоящем времени. Попытки создать временную соотнесённость приводят к отсутствию ориентиров, ибо сравнивать не с чем. Другая особенность — соответствие реальным и «подсознательным» сюрреалистическим картинам в нагромождениях силлептических конструкций. Третья — «фонематичность» из «экспериментов» Дада и конкретистов по подмене зрительного образа шумовыми «ассоциациями»²⁴.

В свою очередь, Превек понимает свободу творчества как созна-

тельное разрушение языка поэзии в пользу зрительного образа, например, в стихотворениях *On* и *Sang et Plumes*²⁵. «Герой» первого — *On*, неопределённо-личное местоимение, исключающее конкретизацию субъекта. Кажется, речь идёт о неизвестной общности людей или предметов. Затем вводится образ бонны-гувернантки, только что в душе униженной (...*qui vient d'être humiliée en elle-même...*). Вопрос, кем? Экспозиция (*c'est un mardi vers quatre heures de l'après-midi*) никаких ассоциаций не вызывает. А трагедия «обезличенной» бонны — в сознании, что *годна на всё*, умея всё (антанаклаза *la bonne est bonne a tout faire...*), ничего не может поделать с несовершенством мира, людской несправедливостью и своей несостоятельностью, о которой не смеет заявить. Ибо она, как и её...*мёртвый, но немного живой* ребёнок (*un enfant mort mais tout de même encore un petit peu vivant*) из обезличенных по «имени» *On*, изгнанных из реальной жизни:...*Elle sait bien// Que la première larme versée// Toutes les autres larmes viendraient //Et cela ferait un tel vacarme// Qu'on ne pourrait le supporter// Et qu'on la chasserait// Et que cet enfant mourrait tout a fait//...Alors elle se tait.*

Этой ситуации близка другая, показывающая царящую в мире пугающую неопределённость: *On ne sait plus que dire//on ne sait plus que penser//on ne sait plus comment tout cela va finir//on ne sait plus où on en est//vraiment//Quelle bande de ons//dit le garde-barrière en pleurant...*²⁶. Здесь шире масштаб эстетической задачи. И если первая раскрывает коллизии личности при утрате собственного «я», то другая — обезличенность мира, потерявшего социальный облик.

В *Sang et plumes* с помощью своих любимых образов — *кровь и птицы*, поэт уподобляет свои воспоминания *истекающему кровью жаворонку*, обречённому *клевать из его руки зёрна забвения*. Образы реальности создают почти сюрреалистическую картину хрупкой жизни, неизбежно «утекающей» в небытие:

*Alouette du souvenir//C'est ton sang qui coule//Et non pas le mien
Alouette du souvenir//J'ai serré mon poing//Alouette du souvenir/
/Oiseau mort joli*

Tu n'aurais pas dû venir//Manger dans ma main//Les graines de l'oubli.

Реалистичность повествования в сюрреалистическом контексте абсурдного миропорядка определена в творчестве Ж.Превьера социальной сюжетом и часто выражена чисто грамматическими средствами. Например, полисемия глагола *porter* как способ «разрушения» языка, идеального и реального образа и результатов труда в буржуазном мире²⁷ показана в *L'Effort humain (Paroles)*:

*...L'effort humain ne porte pas un petit enfant sur l'épaule droite
un autre sur la tête//et un troisième sur l'épaule gauche
avec les outils en bandoulière//et la jeune femme heureuse accrochée
a son bras*

L'effort humain porte un bandage herniaire//Et les cicatrices des combats

Livrés par la classe ouvrière // Contre un monde absurde et sans lois...

Рифма ключевых слов подчёркивает обличительный смысл противопоставления мира труда в лице рабочего миру Капитала. Аллегория Труда наиболее жизненна в собирательном образе рабочего, пожертвовавшего семейным благополучием в борьбе за социальную справедливость и несущего...*боевые шрамы, полученные рабочим классом в борьбе против беззакония абсурдного мира.*

Шуточный аналог этого противопоставления угнетённых и угнетаемых — *Cancre (Paroles)*, считалка с перекрёстными рифмами (неточной в нечётных — *tkte-aime* и точной в чётных строках *cœur-professeur*) и ассонансом на [e] и [œ]: *Il dit non avec la tête // Mais il dit oui avec le cœur // Il dit oui a ce qu'il aime // Il dit non au professeur...* Учитель противопоставлен не ученику, которого суровым голосом вызывает к доске, заставляя решать задачи и примеры, а всему, что любит и чему говорит сердцем «да» ученик-двоечник. Так в оригинале появляется вместо личностной характеристики Он и пассивный залог: *Il est debout // On le questionne // Et tous les problèmes sont posés...* При этом школьная «чёрная» доска (*tableau noir*) воспринимается «штампом» образования вне духовных запросов ребёнка²⁸.

В *D'après nature (Fatras)* фигура человека как творца сущего противоречива, ибо, созидая реальность, он разрушает гармонию природы: *Cette fleur n'est pas sortie de sable // Comme ce verre. // Ce verre n'est pas sorti de terre // Comme cette fleur // La main qui modela ce vase // Et l'autre main ailleurs qui cueillit cette fleur // Ne sortaient ni de côte d'Adam ni de cuisse de Jupiter // Ni d'aucune autre boote de prestidigitateur...* Это философское экзистенциальное понимание жизни как *Dasein* по Хайдеггеру стилистически подчёркнуто зевгмой, точной рифмой *verre-ferre*, неточной — *fleur- prestidigitateur* и ассонансом *Jupiter-prestidigitateur*. Мир людей и их творений при кажущейся гармонии несовершенен, зыбок и непрочен, как дюны. Он обречён на уничтожение временем и силами природы: *Le vent déplace les dunes // Le temps efface les monuments // Et chacun s'en va avec sa chancune // Et disparaot et reparaot // Et se retrouve et s'ignore // Alternativement // En toute simplicité // Comme sang dans les veines // Poisson dans la mer // Arkte dans le gosier.*

Такова образная картина социального мира и жизни, навеянная осмыслением Ж.Превера сюрреалистической эстетики в остросоциальном контексте и оцененная критикой неоднозначно. Например, исследовательница А.Бержан, полностью отрицая влияние сюрреализма на творчество поэта и говоря о его популярности, объясняет её в первую очередь *равнодушием к социальным вопросам*²⁹. М.Яснов возражает: *..Сюрреализм...оказался близок поэту и как искусство иронии, насмешки, осмеивающее...клише мышления и общественного поведения*³⁰. С ним согласен М.Светлов, считая, что именно сюрреалистическая эстетика «разрушения» определяет социальное звучание поэзии Жака Превера³¹.

Иными словами, переживание опыта сюрреализма на фоне динамики общественной жизни повлияло на личность и творчество поэта, превратив бунтаря в яркую индивидуальность с оригинальным мышлением, новатора в области жанров и образов. Это сделало его поэзию открытой каждому, определив актуальность звучания с точки зрения активного переосмысления социальных явлений через пересмотр роли, экспрессивных функций и возможностей поэтического слова и языка повседневного общения в их взаимном обогащении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ **Хмельницкая Т.Ю.**, Кровь и птицы. В чём современность поэзии Ж.Превера? // Хмельницкая Т.Ю., Голоса времени, М-Л, 1963.
- ² Это обусловлено общими предметно-оценочными критериями и специальными-исторический, семейно-бытовой, детективный, авантюрный (литература, кино, драма); пейзаж, портрет, натюрморт (изобразительное искусство). Литературный энциклопедический словарь, ред. **М.Кожевников** и **П.А.Николаев**, М, 1987.
- ³ **Балашова Т.В.**, Игровая техника сатирической инвективы: Ж.Превера // **Балашова Т.В.**, Французская поэзия XX века, М, 1982.
- ⁴ **Fatras**, op.cit.
- ⁵ **Sabatier R.**, Jacques Prévert // **Sabatier (Robert)**, La poésie du vingtième siècle - II: révolutions et conquêtes, P, 1982.
- ⁶ **Гаспаров М.Л.**, op.cit.
- ⁷ *Paroles*, op.cit.
- ⁸ **Гус М.С.**, Модернизм без маски, М, 1966.
- ⁹ **Гаспаров М.Л.**, op.cit.
- ¹⁰ **Breton A.**, Manifestes du surréalisme, op.cit
- ¹¹ **Aragon L.**, *La Mise a mort*, P, 1965.
- ¹² **Breton A.**, **Soupauff Ph.**, Les Champs magnétiques, P, 1967; **Dali S.**, L'Œne Pourri, S.A.S.D.L.R., N1, 1930.
- ¹³ *Histoires*, op.cit.; *Des Vctes...*, P, 1950.
- ¹⁴ **Балашова Т.В.**, op.cit.
- ¹⁵ *Paroles*, op.cit., p.8.
- ¹⁶ *Ibid.*, op.cit. p.43.
- ¹⁷ **Aragon L.**, *Con d'Irène* // **Aragon L.**, O.C., v.1, P, 1997.
- ¹⁸ **Хмельницкая Т.Ю.**, op.cit. Атеизм поэта отличен от русского богоборчества из-за различия национальных характеров. Неприятие фальши религии – в скептической усмешке: Превера покарывает Бога кончиком своего иронического пера. Но это вряд ли справедливо по отношению к памфлету *Штык в землю!* Балашова Т.В., op.cit.
- ¹⁹ **Gasiglia-Laster D.**, *Paroles de Jacques Prévert*, P, 1993; **Backer W.-E.**, *Camera Eye* // **Backer W.-E.**, *Jacques Prévert*, op.cit.
- ²⁰ **Chardire B.**, Jacques Prévert: inventaire d'une vie, P, 1997.
- ²¹ **Breton A.**, Manifestes du surréalisme, P, 1996.
- ²² **Балашова Т.В.**, Метафора сложная и метафора сюрреалистическая // **Балашова Т.В.**, op.cit.
- ²³ **Breton A.**, Il n'y a pas a sortir de la // **Breton A.**, Clair de terre, P, 1966.
- ²⁴ **Кукаркин А.В.**, op.cit

- ²⁵ On, Sang et Plumes//Spectacle, P, 1951.
- ²⁶ Petite fête sans cervelle//La Pluie et le Beau temps, P, 1955.
- ²⁷ **Балашова Т.В.**, op.cit.
- ²⁸ **Duhme J.**, Pour de vrai et pour rire//Prévert J., *Cancre*, P, 1990.
- ²⁹ **Bergens A.**, Jacques Prévert, P, 1969.
- ³⁰ **Яснов М.**, «Утка под Ватерлоо с Наполеоном под соусом».О стихах Жака Превера//**Преввер Ж.**, Сена встречает Париж, СПб, 1995.
- ³¹ **Светлов М.И.**, К читателю//Преввер Ж.,*Избранная лирика*,М,1967.

**Светлана Кочерина,
студентка V курса**

**«БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» И «ДНИ ТУРБИНЫХ» М. БУЛГАКОВА:
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РАЗЛИЧНЫХ РЕДАКЦИЙ***

Отличие романа от пьесы состоит, в частности, в том, что если роман становится полноценным и полнокровным произведением, как только автор допишет последнюю фразу и поставит точку, то пьеса — лишь первый шаг к жизни, к реализации самостоятельного существования, называемого с п е к т а к л е м. Драматическое произведение, написанное по мотивам романа, можно считать экспериментальной проверкой каждого характера, слова, жеста, поступка на их правдивость, подлинность. Проза бывает философской, лиричной и т. п., а пьеса может быть только живой. Вспомним почти автобиографичный эпизод, описанный Булгаковым в «Театральном романе», когда главный герой представляет себе пьесу как «коробочку», «волшебную камеру», где играют и живут не плоские картинки, а «трехмерные» персонажи, «фигурки, что описаны в романе» («Театральный роман», с. 374). Кстати, именно влиянием театра МХАТовцы объясняют большинство исправлений, вносимых автором в текст различных редакций драмы.

Почти десять лет Михаил Афанасьевич Булгаков писал о семье Турбиных. Пытался сделать выбор между драмой и романом, менял сюжет и время действия, перекраивал характеры героев и их судьбы, перерабатывал композиционную структуру и систему персонажей,

* Статья написана по материалам доклада, прочитанного на Горшковских чтениях Литературного института в ноябре 2003 г.

переписывал реплики, диалоги и целые сцены. Материал был настолько сложным, что писатель приступал к его разработке неоднократно (в октябре 1920 года во Владикавказе появляется спектакль «Братья Турбины» с подзаголовком «Пробил час»; в 1921 году автор пишет пьесу о докторе Бакалейникове), при этом некоторые из его попыток закончились неудачей и были либо не завершены, либо уничтожены самим автором. Таким образом, за итоговим произведением, представленным на суд читателя и зрителя, тянется шлейф из в а р и а н т о в и р е д а к ц и й. Для нашего исследования и сопоставления предполагается использовать следующие тексты Булгакова: роман «Белая гвардия», финал романа «Белая гвардия» (19 глава), опубликованный в журнальной версии («Новый мир», №2 — 1987, с. 150 — 163), пьеса «Белая гвардия», вторая редакция пьесы «Белая гвардия», где существенные изменения касаются четвертого, заключительного акта, фрагменты первого варианта пьесы «Дни Турбиных», и, наконец, итоговый, сценический вариант — пьеса «Дни Турбиных».

Исследуя драматический текст, нужно учитывать, что «слово в драме подлежит рассмотрению как мысль, как чувство, как образ («тропы»), как звукосочетание, как ритм; но, прежде всего, оно подлежит анализу как действие в ряду, в цепи других действий, ибо это есть слово-действие — словесный поступок», о чем писал Волькенштейн (Волькенштейн В. «Драматургия», М.: Искусство, 1937, с.12). Соответственно анализ структурно-композиционных изменений романа и пьесы, реплик героев, авторских ремарок необходимо проводить в контексте так называемого «т е а т р а л ь н о г о» ф а к т о р а, диктуемого жесткими законами сцены. Многие театроведы отмечали, что в первоначальной редакции пьесы был ряд существенных недостатков: большой объем, частая смена места действия, что усложняло процесс смены декораций, слабые, «рыхлые», подчас излишне затянутые диалоги, многословность, а также отсутствие стройной системы персонажей. Именно поэтому текст нуждался в столь значительных переработках, которые велись по следующим направлениям: 1) отказ от прямолинейности, нарочитой театральности, а также от драматургических и режиссерских штампов; 2) четкая прорисовка речевых характеристик; 3) ориентация текста на устное, сценическое воспроизведение, выражающаяся в упрощении синтаксических конструкций и подчинении текста ритму дыхания актера. Для этой же цели Булгаков убирает труднопроизносимые звукосочетания, а также несценические приемы (например, звукоподражание).

Первые редакции булгаковского текста изобилуют н а р о ч и т о й т е а т р а л ь н о с т ь ю, когда герои, как бы водрузившись на котурны, произносят патетические монологи, сервированные автором для лучшего зрительского понимания самыми простыми, «любовыми» сценическими приемами. Особенно это заметно в последнем акте пьесы, который из-за своей смысловой, эмоциональной, идеологической насыщенности часто бывает слишком схематичен и прост, в то время как развязка базируется не только на информационно-вербальных фраг-

ментах, где персонажи говорят о происходящем не только впрямую, но и на п о д т е к с т е, а также на целом ряде сценических средств, создающих нужную атмосферу для з р и т е л ь с к о г о в о с п р и я т и я (свет, музыка, звуковое сопровождение и т.д.).

Можно проследить, как автор, многократно перекраивая финал, постепенно отыскивает новые решения вполне традиционных тем (расставание, предвидение своей трагической судьбы, надежда на будущее и пр.).

Так, в пьесе «Белая гвардия» Николка по просьбе Студзинского играет юнкерскую песню — «на прощание» (пьеса «Белая гвардия», с. 108). Его песня, действительно, прощальная, что приносит атмосферу грусти, безысходности и безвозвратности. Это создается определенным подбором слов песни («прощайте... прощайте... съемки закончились... уходят и поют... взором отчаянным» — пьеса «Белая гвардия», с. 108). Скорее всего, песня показалась автору слишком простым, прямолинейным отражением происходящего. Текст чересчур открыто вызывал у зрителя определенные эмоции. Финал словно навязывался автором и, можно сказать, был нарочито театрален. Мы видим, что появляется прямая ссылка на сценичность действия, хотя до этого Булгаков старался придерживаться пусть иллюзорной, условной, но все же правдоподобности. Раньше перед нами была квартира Турбиных, сейчас — сцена. И герои начинают себя вести не как реальные люди, а как актеры, выполняющие указания режиссера: Николка эффектно выходит с гитарой «к рампе» (там же, с. 108), Мышлаевский обращается к «господам-зрителям». Далее Булгаков создает мезансцену, прибегая к традиционным штампам, когда драматург начинает прописывать звуковое и световое режиссерское решение. Мелодия Николая «странно» сливается с «неясной оркестровой музыкой». Действительно, странно, хотя, конечно, при большом желании можно предположить, что по роковому стечению обстоятельств, редкому в реалистических пьесах, оркестр играет ту же песню, что и Николка. Можно даже усмотреть символическое значение этого факта. Затем автор идет на новую условность, объяснение которой крайне трудно подыскать: «Свет внезапно гаснет». По какой причине? — сквозняк задувает все только что зажженные свечи? Ответ кроется все в тех же традициях символистского театра: драматургу необходимо обособить, выделить главного героя. И вот появляется ремарка: «Остается лишь освещенный Николка у ramпы» (там же, с. 109). Примечательна и последняя ремарка, перед самим занавесом: «Гаснет и исчезает» (там же, с. 109).

Булгаков, став по-настоящему театральным человеком, понимал, вероятно, все недочеты своего финала. В первом варианте «Дней Турбиных» рампа уже не упоминается, Николка поет песню «Скажи мне кудесник, любимец богов...», нет уже и игры со светом. Сцена гаснет лишь в самом конце (первый вариант «Дней Турбиных», с. 362). Исчезает и обращение Мышлаевского «Товарищи зрители» (пьеса «Белая гвардия», с. 109, вторая редакция пьесы «Белая гвардия», с. 358, пер-

вый вариант «Дней Турбиных», с. 359). В итоге исчезает и погружение сцены в темноту. Фактор правдоподобия, более отвечающий требованиям драматургии и сценографии XX века, оказался для Булгакова важнее, чем эффектно-театральная условность и символическая насыщенность текста.

Другим примером отказа от нарочитой, схематичной театральности может служить сцена с портретом Тальберга. В ремарке пьесы «Белая гвардия» Шервинский «выламывает портрет из рамы, рвет, бросает в камин» (пьеса „Белая гвардия», с. 100), а в «Днях Турбиных» лишь «рвет портрет из рамки, бросает за диван» («Дни Турбиных», с. 155). В романе «Белая гвардия» мы находим крайне экспрессивное повествование с использованием разговорной лексики («выдрал», «разодрал»). Первая ремарка слишком напоминает театральный романтический жест, когда герой или героиня в порыве безудержной страсти швыряют в огонь письмо, портрет и т.д. Бросить за диван — куда более прозаично и буднично. Никакой патетики, никакой позы, чего и добивался автор.

Для той же цели Булгаков убирает пространную реплику Лариосика, где он сравнивает волосы Елены то с рожью в час заката, то с нимбом. Подобные сопоставления-штампы на сцене часто выглядят либо забавными, почти пародийными, либо глупыми. Также М.А. Булгаков перерабатывает финальную реплику Мышлаевского, который в пьесе «Белая гвардия» возражает Лариосику: «Но нет, для кого пролог, а для меня эпилог. Товарищи зрители, белой гвардии конец. Беспартийный штабс-капитан Мышлаевский сходит со сцены; у меня пики» (пьеса «Белая гвардия», с. 109). Автор отказывается от подобной чрезвычайно высокопарной фразы, рассчитанной на театральную патетику, столь соблазнительную для многих драматургов: здесь и шекспировский образ широкого сравнения жизни и театра (пролог, эпилог, «сходит со сцены»), и использование античного приема парабасы, когда актеры снимали маски и обращались к зрителю от своего лица («Товарищи зрители...»), и попытка сделать из Мышлаевского традиционного резонера-моралиста, который под занавес комментирует и объясняет все происходящее («белой гвардии конец»), и великолепный пример намеренного снижения после пафосного высказывания («у меня пики»).

Большое значение Булгаков придает ориентации текста на у с т н о е, с с е н и ч е с к о е, в о с п р о и з в е д е н и е. Прежде всего, он кропотливо работает над прорисовкой речевых характеристик своих героев, делая ее мотивированной и целесообразной. Так, по изначальному замыслу, Николка должен был слегка заикаться, что во многом объясняло несколько странное построение фраз, которое можно принять за косноязычие. Эта особенность выражается в часто вставляемых в реплики «А-а!», словно человек собирается с мыслями и готовится произнести трудно дающееся предложение. Можно заметить ненужный союз между подлежащим и сказуемым («на улице все буржуи и радуются» — пьеса «Белая гвардия», с. 101), а также несогласованность единственного и множественного числа в соседних пред-

ложениях: «Конная дивизия уходит, — рассказывает он Алексею, — Едут и оглядываются» (там же, с. 101).

При учете особенностей текста, создающегося не для прочтения, а для воспроизведения, для автора крайне важно упрощение синтаксических конструкций. Подобный случай мы видим в диалоге Николая и Лариосика, утверждающего, что волосы у Елены «золотые». Николка в ответе сохраняет число и падеж предыдущей реплики: «Рыжие, Лариончик, ты не сердись. От этого в нее все и любляются. Нравится каждому — рыжая» (там же, с. 102). Дважды, но в разных формах повторяется прилагательное «рыжий». При этом данное прилагательное выступает в качестве определений разных существительных (рыжие — волосы и рыжая — Елена), что вносит неясность в повествование. Также, автор использует сложную в грамматическом и синтаксическом плане конструкцию «Нравится каждому — рыжая». В итоговой редакции Булгаков переписывает монолог Николки: «Рыжая она, Ларион, рыжая. Прямо несчастье! Оттого всем и нравится, что рыжая» («Дни Турбиных», с. 156). Автор ставит определения в одну форму, что облегчает восприятие текста; и упрощает последнее предложение. В первом варианте мы видим пример сложноподчиненного предложения с придаточной частью причины, в котором, следуя законам устной речи, автор опускает союз «потому что» и подлежащие в главной и придаточной части, впрочем, легко восстанавливаемые из контекста. Фраза могла бы выглядеть так: «*Она* нравится каждому, *потому что она рыжая*» [курсивом выделены возможные члены предложения — С. К.]. Многократно было проверено, что в сценическом воспроизведении даже при максимальном интонировании тире плохо воспринимается (за исключением простых, привычных фраз, где после тире ставится указательное местоимение «это»). Во всяком случае, при прочтении вышеприведенной фразы тире слышится как запятая или точка, и таким образом теряется указание на причину, а вместо этого появляется присоединительная конструкция («Нравится каждому, рыжая» или «Нравится каждому. Рыжая»). Вероятно, учитывая все вышеперечисленные факторы, Булгаков отдает предпочтение развернутому сложноподчиненному предложению с придаточной частью причины, нарушая при этом прямой порядок следования частей предложения. Обычно придаточные причины помещаются после главной части предложения. В противном случае подчеркивается обоснование какого-либо факта: «Оттого всем и нравится, что рыжая».

Другой проблемой, с которой неизбежно сталкивается каждый автор, непосредственно работающий с режиссером и актерами (как это делает Булгаков), становится подчинение текста ритму действия актёра. Рассмотрим полилог о политике, в котором участвуют Николка, Мышлаевский, Студзинский и Лариосик (а в пьесе «Белая гвардия» и Алексей Турбин). Нужно отметить, что итоговый вариант фразы более приспособлен к сценическому воспроизведению: автор не просто удлиняет, расширяет текст, но с помощью знаков препинания выстраивает новую ритмическую схему, облегчающую про-

изнесение реплики. Сопоставим обе редакции, а для этого расставим паузы (короткую паузу отметим одной косой чертой, а длинную — двумя): «И главное, / удивительно, / на улице все буржуи и радуются!» и «И главное // — удивительнее всего, / что все радуются, / даже буржуи недорезанные». Булгаков меняет запятую на тире, что значительно удлиняет паузу, акцентируя внимание зрителей на смысле всего говорящегося. Он добавляет дополнительные слогы во втором отрезке («удивительнее всего»). При помощи изъяснительного союза «что» частично удлиняется пауза между вторым и третьим отрезком фразы. Далее подчеркивается значение действия («радуются»). В первом варианте семантическое ударение стояло на обстоятельстве места («на улице»). Затем Булгаков вводит обособленное уточнение («все..., даже буржуи недорезанные»). Все это подстраивает динамику реплики под ритм дыхания актера, что дает возможность правильно расставить логические ударения и таким образом донести до зрителя максимальное количество смысловых единиц. Анализируя первый вариант, мы можем заметить ритмический сбой в начале фразы, выражающийся в том, что паузы следуют после каждого слова. Вследствие этого значение самих слов теряется.

Следуя законам сценической речи, Булгаков убирает и т р у д н о - п р о и з н о с и м ы е з в у к о с о ч е т а н и я. К примеру, исправляется реплика Николки: «Чисто как у большевиков! честное слово! Троцкий если бы увидел, прямо **бы обнял** нас [несценичное повторение звуко сочетаний, а также зияние „о-бы-об“ — С. К.]. Порядок образцовый. И физиономии у всех сознательные» (с. 104). Изменения касаются и диалога-объяснения Елены и Шервинского. «У нас в доме никто не лжет, и я не хочу, чтобы это прививалось», — высказывает Елена Васильевна (пьеса «Белая гвардия», с. 99). Первая реакция Шервинского — удивленное явно непонимание, кажущееся довольно наигранным, неискренним и, вероятно, театральным: «**Неужто я уж** такой **лгун**, Леночка?» (там же, с. 99). Абсолютно неприемлемая для сцены фраза, построенная на плохопроизносимых звуках: у-ж-т-у-ж-т-у. В итоге Булгаков переписывает реплику заново, оставив лишь основной смысл: «А от чего мне, Леночка, исправляться?» («Дни Турбиных», с. 154). Автор «очищает» речь Елены от избыточных эмоционально-экспрессивных частиц, носящих явно разговорный характер. «Бог мой! — в пьесе «Белая гвардия» восклицает Елена, увидев переодетого Шервинского. — **Да на кого же вы похожи!**» [ненужный для сценического воспроизведения акцент на созвучии же/жи, тем более что из-за интонационного деления фразы подобный повтор звучит как рифма] (пьеса «Белая гвардия», с. 98). Вместе с этим Булгаков убирает из реплик Елены излишнюю, нарочитую литературность, книжность, которая часто выглядит как манерность и жеманность. Автор изначально ввел в речь Елены слова и обороты, свойственные провинциальным гимназистками и институткам, у которых в моде были различные иноязычия. Сюда относятся такие реплики героини: «Нехорошо бы вам было, **мосье** Шервинский, если бы я сама об этом [о портсигаре] узнала!» (пьеса «Белая

гвардия», с. 99), «Какой-то **готтентот**, человек, лишенный всякой морали» (там же, с. 99). Первую реплику, отягощенную звуковыми повторами («Нехорошо **бы** вам **было**, мосье Шервинский, если **бы** я сама **об** этом...»), автор сокращает до «А вот если бы я узнала!..» («Дни Турбиных», с. 154). А «готтентот» заменяется «дикарем» (там же, с. 154). Также Булгаков убирает несценические приемы звукоподражания. В итоге реплика Шервинского «... на тротуаре столкнулся с каким-то типом. Ну, думаю, **фю... фю...** большевик. А он мне и говорит эдаким коммунистическим голоском...» (пьеса «Белая гвардия», с. 98) звучит иначе: «... а уж какие-то пролетарии по тротуарам так и шныряют. И один говорит...» («Дни Турбиных», с. 153).

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть ту огромную роль, которую сыграл в редакторской правке Булгакова так называемый т е а т р а л ь н ы й ф а к т о р. Если бумага, по мнению многих, стерпит все, то театр не простит и малейшей огрехи, будь то непрофессиональность режиссуры, небрежность актерской игры или погрешности текста. Сцена безжалостно высвечивает любой недостаток, и подчас одна неказистая реплика, один необдуманый или немотивированный жест перечеркивает весь авторский замысел, искажает смысл, губит даже самую глубокую и интересную идею.

Булгаков, приобщившись к высочайшим проявлениям театрального искусства, прекрасно понимал, какими должны быть его исправления, к чему должны вести. Отсюда его комплексный подход к языковым средствам, которые он рассматривал с точки зрения семантики (идеи, мысли, чувства, концепции и взгляды), орфоэпии (произношение, звукосочетания, ритм, паузы), синтаксиса (знаки препинания, типы предложений по цели высказывания, сложные и простые синтаксические конструкции письменной и устной речи), стилистики (тропы, функциональные разновидности стилей, словесные ряды). Не оставался без внимания и анализ слова как словесного поступка, как действия в ряду других действий. Многое менялось в произведении. В большинстве случаев подобные изменения стремлением автора к сценичности. Для этого текст максимально конкретизировался, пространственные описания сводились до размеров емкой ремарки, рассуждения превращались в лаконичные реплики, в тщательно структурированные монологи. Действие упрощалось, сжималось, динамизировалось. Четко прорисовывалась как система персонажей в целом, так и каждый образ по отдельности. Главной же целью была органичность, жизненность всего произведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1) Монографии, статьи

Виноградов В.В. «О языке художественной литературы», М.: Учпедгиз, 1959
Вишневская И.Л. «Драматургия в идеологическом воздухе Октября» // «Парадокс о драме: Перечитывая пьесы 20-30-х годов» (составитель И.Л.Вишневская), М.: Наука, 1993, с. 7-55

- Вишневская И.Л. «Разрешается к представлению...» // «Парадокс о драме: Перечитывая пьесы 20-30-х годов» (составитель И.Л.Вишневская), М.: Наука, 1993, с. 86-153
- Волькенштейн В. «Драматургия», М.: Искусство, 1937
- Горшков А.И. «Лекции по русской стилистике», М.: Литературный институт им. А.М.Горького, 2000
- Горшков А.И. «Русская словесность: от слова к словесности», М.: Просвещение, 1996
- Зайцева И.П. «Поэтика современного драматургического дискурса», М.: Прометей, 2002
- Лоусон Дж.Г. Теория и практика создания пьесы и киносценария, М., Искусство, 1960
- Лурье Я.С. «Примечания к пьесам «Белая гвардия» и «Дни Турбиных» // «Пьесы 20-ых годов», Ленинград: Искусство, 1989, с.510 — 536
- Нинов А. «Михаил Булгаков и театральное движение 1920-ых годов» // «Пьесы 20-ых годов», Ленинград: Искусство, 1989, с. 4-32
- Розенталь Д.Э. «Практическая стилистика русского языка», М.: Высшая школа, 1974
- Смелянский А. «Михаил Булгаков в Художественном театре», М.: Искусство, 1986
- Стрельцова Е. «В числе погибших быть не желаю...». Михаил Булгаков» // «Парадокс о драме: Перечитывая пьесы 20-30-х годов» (составитель И.Л.-Вишневская), М.: Наука, 1993, с. 244-278
- Хализев В.Е. «Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование)», М.: Издательство МГУ, 1986
- Чудакова М.О. «Жизнеописание Михаила Булгакова», М.: Книга, 1988
- Чудакова М.О. «Михаил Булгаков: глава из романа и письма» — вступительная статья // Новый мир — N2 — 1987 с. 138 — 149
- Яновская Л.М. «Творческий путь Михаила Булгакова», М.: Советский писатель, 1983
- 2) Тексты
1. Булгаков М.А. «Белая гвардия» // «Белая гвардия»; «Мастер и Маргарита», Минск: Мастацкая літаратура, 1988, с. 16-272
 2. Булгаков М.А. «Глава из романа «Белая гвардия»» // Новый мир — N2 — 1987, с. 150 — 163
 3. Булгаков М.А. «Белая гвардия» // «Пьесы 20-ых годов», Ленинград: Искусство, 1989, с.35-109
 4. Булгаков М.А. «Дни Турбиных» // «Пьесы 20-ых годов», Ленинград: Искусство, 1989, с.110-160
 5. Булгаков М.А. «Белая гвардия. Вторая редакция. Сцены из четвертого акта» // «Пьесы 20-ых годов», Ленинград: Искусство, 1989, с. 355— 358
 6. Булгаков М.А. «Дни Турбиных. Отрывки из первого варианта пьесы» // «Пьесы 20-ых годов», Ленинград: Искусство, 1989, с. 359-362
 7. Булгаков М.А. «Театральный роман (записки покойника)» // «Романы: Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Театральный роман. Мастер и Маргарита», Кишинев: Лит.артистикэ, 1988, с. 347— 461.

Л.Ю. Сурова,
аспирантка ИМЛИ,
выпускница Литинститута

ТЕКСТУАЛЬНАЯ ЗАГАДКА ГЛАВЫ «СЕРЕБРЯНЫЙ СУНДУЧОК» ИЗ РОМАНА И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Художественные тексты скрывают в себе множество тайн — тайн, глубоко укорененных в тексте, вытекающих из природы самих текстов; их авторы сгущают жизнь, зашифровывая через символы и образы окружающий мир согласно четко выстроенной звуковой системе.

Нужно умение, чтобы прочесть художественный текст полноценно, нужно раскодировать его: «...каждая деталь и весь текст в целом включены в разные системы отношений, получая в результате одновременно более чем одно значение. Будучи обнажено в метафоре, это свойство имеет более общий характер»¹. Каждый текст — свой мир, свое поле, — ограниченный внешне от всего, чем он не является; внутренне, интертекстуально, к нему тянутся ниточки, нити из среды, его взрастившей. Находясь вне системы, подпочвенно, они сигнализируют о наличии параллельной системы, пересекающейся с основной, через подсистему раскрывается основная система, рождаются новые смыслы.

Получается род некоторой игры: сперва читатель как бы копирует в сознании понятные слова, у него складывается некоторая картина, рождаются ассоциации; и чем обильнее у него ассоциации, тем картина ярче, но ассоциации должен подсказывать сам текст: «Автор как бы дает насладиться обилием смыслов и возможных истолкований текста. Механизм игрового эффекта заключается не в неподвижном, одновременном сосуществовании разных значений, а в постоянном сознании возможности *других* значений, чем то, которое сейчас принимается»².

Непонятное читателю, что останавливает внимание, заставляет за-

держаться, замедляет чтение, и есть внесистемное, отсылающее либо к психологии писателя, либо к его культурной среде. Следовательно, обнаружив какую-нибудь текстуальную загадку, нам придется обратиться к плану психологии или к плану истории (или к обоим).

И чем значительнее художественное произведение, чем ближе оно тяготеет к тому, чтобы стать литературным памятником, тем обильнее оно на текстуальные загадки (или, пользуясь терминологией Ю. Лотмана, «внесистемные элементы»). Разглядеть их и найти соответствующую им систему помогает знакомство с процессом перехода черновых записей, набросков, первоначально публикуемых отрывков в целостное произведение, монолит, в текст, ставший для нас шедевром.

Разбираемое нами произведение «Лето Господне» И.С. Шмелева не задумывалось как роман с самого начала, а появлялось как серия очерков в эмигрантской печати. Практически у каждой главы сложившегося впоследствии романа существует газетный или очерковый двойник. Шмелев, создавая из очерков роман, делая очерки главами романа, вносил соответствующие изменения. Какие-то очерки по тем или иным причинам подвергались значительной переработке, на другие авторское перо не обрушилось потоком исправлений. Так на очерк «Серебряный сундучок» автор потратил много сил и энергии, прежде чем создать из него главу.

Как очерк «Серебряный сундучок» задумывался задолго до конкретного вербального воплощения (1943 г.). У Шмелева в 1933 г. созрел план очерка о целителе Пантелеимоне, о почитании мощей святого в старой Москве, в дореволюционной России /см. письмо И.С. Шмелева И.А. Ильину от 5 декабря 1939 года³/. Пристально взгляды в этот текст, вчитаемся с лупой в руках, чтобы за узорной вышивкой Шмелева разглядеть канву, по которой клались шелковые нити. Композиционно «Серебряный сундучок» распадается на две части: в первой повествуется как бреют отцу голову, как ухудшается его самочувствие и о страшном цветке арме, знаменующем внезапным цветением дурное. Вторая часть — рассказ о приглашении монахов с мощами св. Пантелеимона в надежде на исцеление отца.

Обратимся ко второй части главы, и поднимем агиографический пласт, житийную литературу, детально рассмотрим житие св. Пантелеимона. Житие этого святого излагается в очерке под своим углом, в тексте главы угол зрения меняется за счет внесенных автором исправлений.

Из ряда сопоставлений выплывает на поверхность текстуальная загадка и ее предстоит разгадать, или прокомментировать ход авторской мысли, раскрыть сплетение нитей авторской психологии.

Первые жития святых создаются после прекращения гонений в IV веке, когда появляется потребность оправдать поклонение реликвиям, мощам пострадавших за веру христиан. В основном это были мученики, т.е. рассказы о мучениках и об их мучениях за Христа, даже если это и «биоусы» (биографические жития), то кульминационный их момент — пытки и смерть святого.

Пересказ жития в главе «Серебряный сундучок» разбит во времени на два отрезка. По завершении обеда на Троицу вечером, маленький герой романа Ваня заходит в каморку своего дядки Горкина и застаёт конец жития: скорняк Василь-Василич «вычитывает» житие для Горкина. Ваня узнает как, а не за что претерпел муки Пантелеимон; из числа многочисленных пыток выбрано терзание дикими зверями. О других пытках пока не сказано. Стоит заметить, что травля дикими зверями часто встречается в мартириях и рождает массу прибавлений правдивых или выдуманных. Звери ведут себя по-разному: либо нападают на самих мучителей, либо не замечают гонимых, либо совершается поистине чудо — звериная природа укрощается до овечьей. Последний случай описан в житии Пантелеимона. Никакого комментария к факту усмирения львов Шмелев не считает нужным давать. Пространное житие, вышедшее отдельной книгой⁴, подробно объясняет поведение львов.

Краткое описание жития, составленное монахом Афонской Горы⁵, перечисляет случай со львами как рядовой, ничем не выделяя из других мучений.

Для очерка Шмелев поспешил давать какие-либо объяснения чуду со львами; сообщается сам факт травли зверями.

В главе романа появится подробность о нетлении животных, произошедшем от общения со святым.

Очерк

...как царь Максимлиян терзал Святого и травил дикими львами, но ничего не мог причинить худого. Потом усекли Святому главу мечом...

.....

...никто и не прикоснулся...

Глава

...как царь Максимлиян терзал Святого и травил дикими львами, но не мог причинить смертной гибели, и тогда повелел воинам, дабы усекли Святому главу мечом...

...никто и не коснулся святых тел, потому что они не тронули Святого, а легли покорно у его ног.

Видно, что в очерке отрывок из жития передается в пересказе, причем очень сдержанном и упрощенном, затем текст насыщается книжными оборотами, стилизуется под житийное повествование. Тем самым читатель получает возможность попристутствовать в мастерской Горкина в момент «жалостного вычитывания» скорняком рассказа о Святом Целителе. В очерке мы непосредственно не прикасаемся к житию, а слышим лишь его удаленный от нас во времени пересказ.

Подобная замена осуществлена и при дальнейшей передаче жития Пантелеимона. Скупые речевые обороты, порой отдающие разговорной интонацией — «ну-ка вылечите сего слепца» — замещаются в основном тексте оборотами, иллюстрирующими непосредственно житийный рассказ. И опять мы как бы вместе с Ваней держим в руках небольшую книжечку скорняка и по ней прослеживаем жизненный путь мученика.

Очерк

Я прочел книжечку скорняка, где все написано про Целителя Пантелеимона. И что же оказалось! Он жил где-то на Востоке и был ученый доктор. Сам языческий царь повелел обучать его врачебной науке, дабы он стал царским врачевателем. И он хорошо стал лечить, во Имя Христа. И было видение одному священнику в том граде, чтобы вышел за ворота. Тот вышел и увидел красивого мальчика Пантелеона, а это значит по-нашему — Все — лев, будто Всесильный. Священник позвал мальчика в свой дом и стал ему говорить про Иисуса Христа. И потом научил христианской вере, окрестил тайно и дал ему имя Пантелеимон — Всемиловитый. И тогда Пантелеимон стал делать чудеса. И все прознали, какой Целитель живет в их городе, и стала про него большая слава. Другие врачеватели сказали царю, что Пантелеимон лечит силою волшебною. И тогда царь захотел прознать, как лечит Пантелеев. Привели слепого, которого врачеватели языческие не могли вылечить. Им Пантелеимон и говорит: «Ну-ка, вылечите сего слепца...». Они стали призывать своего Асклепия, но ничего не вышло. Тогда Пантелеимон сказал им: «Ваш Бог — истукан бесчувственный, а мой — Господь Иисус Христос, и Он мне поможет». И коснулся ложечкой до глаз слепого и сказал: «Во имя истинного Господа Иисуса Христа исцеляется сей раб Божий». И слепой прозрел. И были еще разные исцеления. Царь не поверил и велел пытать Пантелеимона разными муками, чтобы он признался в колдовстве и поклонился идолам: сажал Пантелеимона в расплавленное олово, вешал вниз головой на древе и палил свещми, травил дикими львами, топил в море, но ничего не мог сделать: Пантелеимон выходил невредим (из пыток).

Глава

Я прочел книжечку скорняка про Целителя Пантелеимона. Он жил в давние времена, когда язычники мучили христиан. Жил где-то на Востоке и был ученый врачеватель. Сам языческий царь повелел обучить его врачебной науке, дабы он стал царским врачевателем. И он хорошо стал врачевать, во имя Христа. И было видение одному священнику в том граде, чтобы вышел к воротам. Тот восстал ото сна и вышел. И увидал красивого юношу Пантелеона, что значит «Вселев», или — «Все-сильный». Священник позвал его к себе и стал говорить ему про Иисуса Христа. И потом научил христовой вере, окрестил тайно и дал ему имя Пантелеимон — Всемиловитый. И Пантелеимон стал лечить еще лучше и даже совершал чудеса. И все прознали, какой Целитель живет в их граде, и стала про него великая слава. Другие же врачеватели серчали и донесли царю, что Пантелеимон творит чудеса силою волшебною. И тогда царь захотел дознать. Привели слепого, которого врачеватели языческие не могли вылечить. Сказал им Пантелеимон: «вылечите сего слепого силою вашего врачевательного бога Асклепия!». Они стали призывать своего Асклепия, но не могли излечить. Тогда Пантелеимон сказал им: «ваш бог — истукан, а мой — Господь Иисус Христос, и Он мне поможет». И коснулся лжицей своей глаз слепого и рече:

«во имя истинного Господа моего Иисуса Христа, исцеляется сей недугующий». И слепой прозрел. Царь разъярился и повелел терзать Пантелеимона всякими муками, чтобы он признался в волшебстве и поклонился идолам: сажал Пантелеимона в расплавленное олово, вешал вниз головой на древо, строгал когтями железными и палил свечами горящими, травил дикими львами, топил в море, но Пантелеимон был невредим.

Создавая эффект присутствия читателя при совершающемся событии, автор ведет повествование изнутри событий, меняет на них свою точку зрения со внешней на внутреннюю. «Этот прием явно имеет целью вовлечь слушателя внутрь самого действия рассказа, поставить его на то место, на котором находится герой рассказа»⁶.

В очерке авторская позиция объясняется адресатом излагаемого повествования. Если вспомнить, как начиналась работа Шмелева над «Летом Господним», адресат станет вполне определенным. «Лето Господне» начинает свое существование от очерка «Наше Рождество», адресованное к внучатому племяннику, а в его лице и ко всем детям Русского Зарубежья. В очерке присутствует и некий рассказчик — взрослый человек, и слушающий — ребенок. Но в последующих очерках четкая граница между ними теряется и взрослый рассказчик уже не обязательно сам автор и авторское «я», а ребенок не обязательно конкретный личностный адресат. Романное действие позволяет подставить на место рассказчика — Горкина, а на место слушателя — Ваню. Вряд ли ребенок в возрасте семи лет самостоятельно разберется в священных предметах. По ходу повествования неоднократно приходится наблюдать, как Горкин разъясняет своему подопечному различные стороны жизни, и чаще всего имеющие непосредственное отношение к религии.

Еще раз пройдем глазами пересказ жития и остановимся на незаметной детали, незаметной, если не сравнивать переложение жития с «настоящим» житием.

Кроме полного жития есть и краткий его аналог⁷. И полное, и краткое житие повествует о детстве Пантелеимона. Полное житие подробно сообщает о матери и отце святого, что основы христианского учения заложила в него рано скончавшаяся мать, отец по традициям того времени отдал юношу обучаться «эллинской премудрости» и пожелал, чтобы сын его был доктором. Пантолеон — имя, данное при рождении, — рос в языческой вере, поклонялся вместе с отцом языческим богам, и постигал науку Гиппократову у некоего врача Евфросина. Царь заметил способного юношу и Пантолеону предназначалась участь царедворца, если бы не обращение в христианство. Пантолеона крестит пресвитер Ермолай. В кратком житии о событии, перевернувшем жизнь Пантолеона, сказано сдержанно: «Пантелеимон, носивший тогда имя Пантолеона, оказал быстрые успехи в этой трудной науке и обратил на себя внимание императора Максимиана, пожелавшего сделать его главным врачом при своем дворе; но прежде чем это предназначение

царя исполнилось, по воле и домостроительству Царя царей, хотящего всем спастися Господа, Пантолеон был обращен пресвитером Ермолаем в христианскую веру»⁸. Полное житие рисует картину обращения в подробностях, но, отметим, так же реалистически, без присовокупления чудесного.

Утверждение в вере происходит не сразу, новообращенный еще колеблется, ему предоставляется на деле испытать действенность Божьей благодати: Пантелеимон пробует призвать Христа над ребенком, умершим от укуса ехидны — ребенок оживает. Эпизод воскрешения ребенка не упускается даже кратким житием. У Шмелева в передаче жития подчеркивается именно чудесность встречи Пантелеимона с пресвитером.

Очерк

И было видение одному священнику в том граде, чтобы вышел за ворота. Тот вышел и увидел красивого мальчика Пантелеона...

Глава

И было видение одному священнику в том граде, чтобы вышел к воротам. Тот восстал ото сна и вышел. И увидал красивого юношу Пантелеона...

Видение, чудесный сон, встреча у ворот — эпизоды, переселяющие в атмосферу необыкновенного. «Настоящее» житие стремится сочетать обыкновенное с чудесным, сообщить нечто, психологически опровергающее поведение мученика.

Если положить рядом, с одной стороны, жития, а с другой — то, как перелагает их Шмелев, мы увидим свойственную художественным текстам апокрифичность, т. е. исключительно авторский взгляд на общеизвестный факт, сюжет и т. п. Поскольку, в данном случае, автор имел дело с определенным канонem, то, относясь к нему с почтением, Шмелев прибегнул к апокрифичности, которую мы бы назвали поэтической вольностью. Теми же осторожными приемами Шмелев пользуется при обращении к другому почитаемому в старой России житию — «Житию Василия Нового», но известно оно больше под «Мытарствами блаженной Феодоры». В сюжете этого жития апокрифичность заложена изначально, т. к. оно близко стоит к апокрифическим сказаниям о путешествиях душ праведников и самой Богородицы в страну умерших.

О хождении Феодоры по мытарствам «вычитывает» опять скорняк Василь-Василич в главе «Говенье». Нам не дано знать сам ли слушал Ваня это «вычитывание» или только Горкин, а затем пересказал Ване. Когда Шмелев писал «Говенье» в виде очерка, то не снабжал текст фразеологией, явно могущей принадлежать Горкину. Позднее очерк перерабатывался в главу романа, и все усилия автора были направлены на создание эффекта «чужой речи»; автор переходит на точку зрения одного из персонажей. Или скажем, используя слова Б. Успенского: «... мы имеем здесь случай перевода авторского текста на индивидуальный язык персонажа»⁹. Чтобы стало понятно, какую работу Шме-

лев проделывает над очерком, приведем некоторые выражения, добавленные в текст главы (из отрывка главы предшествующего переложению видения Феодоры, и, включая переложение): «ангели вознесут на крылах», «на питрахили», «отпустит — скажет — помолится» (вместо «отпустит»), «аз недостойный иерей прощаю-разрешаю», «вычитывал» (вместо «читал»), «такое видение сна ей было» (вместо «такое видение ей было»), «Господу, ведь, откроешься, а Он все — о про нас ведает» (вместо «Господу откроешься»), «все-то про все записано» (вместо «все-то записано»), «страшилась-трепетала» (вместо «страшилась»), «самые эти главные, смрадные и звериные» (вместо «эти смрадные и звериные»), «в самом-то уголке».

Шмелев передает хождения Феодоры по мукам кратко, излагая самую суть. «Эти», злые духи, по смерти хотят затащить Феодору в ад, Ангел откупает душу от мытарств добрыми делами, он достает дела из мешочка в ответ на грехи в списках «этих». Кульминационный момент истории совершенно такой же, как и в народной сказке, когда герой должен выдержать решительное испытание и победить. Подобное случается и с Феодорой; ее душа, водимая Ангелом, достигает последнего мытарства и если не окажется чем откупиться — погибла, но, к счастью, как раз, оказывается доброе дело, «в самом-то уголке».

«Канонический» текст «Мытарства блаженной Феодоры и страшный Суд Божий» подробно рассказывает о каждом в отдельности мытарстве; спасалась от них Феодора не по добрым делам, а по молитвам святого старца, того самого Василия Нового, в состав жития которого и включен рассказ о загробных мытарствах Феодоры, ходившей за святым Василием в его болезни. Поэтому и заслуживает она его спасительные молитвы. В каноническом житии сказано, что праведники «восходят на небо без всяких препятствий, и святые ангелы являются им защитниками, а святые угодники Божии молятся о спасении душ таких, праведно живших людей»¹⁰ (11).

В главе «Говенье» мы можем услышать отголосок вышеприведенной цитаты из жития. Ваня в хрестоматии прочел о старичке и посаженной им горошине. Гороховый росток дорос до неба. Историю о старичке досказывает Ване Горкин, влагая душеполезный смысл: старик до неба не долез по гороховой плети, не пустили грехи. И далее добавляет: «А праведные и без гороха могут, ангели вознесут на крылах (добавлено в основном тексте). А он /старичок/ исхитрялся: по гороху, мол, в рай долезу! Не по гороху надо, а в сокрушении о грехах». Добавленное в позднейший текст главы «ангели вознесут на крылах» помогает установить источник высказываний Горкина — текст «Мытарств»; рассуждение о грехах Горкин заимствует из него. Но сам рассказ о Феодориных мытарствах Горкин передает по-своему, не руководствуясь «каноническим» описанием. И главное: в «каноническом» тексте видение было не самой Феодоре, а ученику старца Василия; ученик Григорий спрашивал у старца, что стало с умершей Феодорой, и сподобился видения.

Очерк «Говенье» говорит о простом виденье; только после Шмелев добавляет «видение сна». В «Серебряном сундучке» исправления подобно рода: сначала пресвитеру дано простое видение о Пантелеимоне, затем видение становится сонным. Хождение Феодоры, якобы во сне, по мытарствам отсылает к апокрифической традиции, к апокрифам, составляющим целую группу среди разного рода апокрифических сказаний, — это упомянутые нами рассказы о прижизненном сподоблении увидеть посмертную судьбу людей: путешествие в рай и ад; часто путешествия совершаются во сне. Исследование древнерусских апокрифов приводит В.В. Милькова к важному для нас заключению: «... апокрифические сведения о небесном рае мы получаем из видений, тогда как земной рай неизменно описывается в жанре хождений»¹².

Сон Феодоры звучит в Горкинской интерпретации, как и комментарий к сказке про старика и горох. По нравоучению Горкина о старике понятно, где мыслит он существование рая. У Горкина — небесный рай. В свое время (из Новгородских летописей под 1347 г.) вопрос о локализации рая породил спор между новгородским архиепископом Василием Каликой и тверским епископом Феодором Добрым. До нас дошла лишь критика Василия на Феодора, по которой исследователи заключают о воззрениях самого Феодора: «С некоторой степенью надежности мы имеем основание предположить, что Федор Добрый прибегнул в богословских спорах к аллегорическому методу толкований, с позиций которого он переосмыслил не согласующиеся между собой сведения о рае земном и рае небесном и сделал вывод не в пользу чувственного рая»¹³.

Сам же Василий мыслит рай буквально: нетленным и земным, как описывает рай Писание; Адама и Еву изгнали из Сада, но сам Сад неуничтожим. Наравне с Писанием Калика опирается в своих доводах на апокрифические сказания. «В апокрифах для новгородского владыки важными оказались не столько соответствия с ветхозаветными постулатами о земном рае, сколько наивная вера в достижимость райских пределов»¹⁴.

Известным знатоком и любителем апокрифов был А.М. Ремизов — собрат Шмелева по перу, родня по замоскворецкому детству, а в старости даже сосед — поселились в послевоенном Париже на одной улице. Знакомство Ремизова с апокрифами начинается с дядюшкиной библиотеки; библиотека купцов Найденовых стала частью Румянцевской. Среди памятников древнерусской литературы писателя привлекали «повести и сказания о ветхо— и новозаветных лицах, в которых раскрывались тесные контакты между Богом и Человеком в первозремена после сотворения мира»¹⁵. Кроме чтения славянских манускриптов в Санкт-Петербургском Археологическом Институте в 10-12 гг. XX в. и сведений из библиотечного мира Найденовых, апокрифическую, легендарную атмосферу создавали образы из детства, получившие воплощение в книге воспоминаний о замоскворецком детстве «Подстриженными глазами».

Шмелев целомудренно подходит к житиям, присоединяет к каноническому свою деталь-выдумку. Он маскирует этот «прием». Художественная вольность Ремизова иная; он буквально показывает на пальцах суть своего метода, в упомянутой книге «Подстриженными глазами»: «В Кремле, в Благовещенском соборе, указывая на стену, мне сказали: «Вот кит, поглотивший пророка Иону». Перед китом толпилось немало любопытных, а особенно усердные к чему-то прикладывались. Я долго всматривался: где? И вдруг увидел «своими» глазами: мне ясно представилось — «излучилась» пасть серого глазатого зверя, его задымленные внутренности — ряд сводчатых келий, и в одной, самой тесной, сдавленной и колышущейся, согнувшийся старичок над книгой: маленький свет — тоненькая свечка в руке. Эта тоненькая свечка навсегда у меня в глазах. Ее ясный свет и теплый душистый воск — моя первая книжная память: легенда»¹⁶.

В «Лете Господнем» находим не менее интересные примеры того, как рождается апокриф в детском, или в родственном детскому, народном сознании. Горкин постоянно переиначивает незнакомые по звучанию слова: «ефимоны», «питимья». Так в Рождественском повествовании о волхвах, вместо «волхвов» появляются близкие в звуковом соотношении «волки». Из-за звуковой несообразности рождается красивый миф о поклонении плотоядных зверей, волки идут на поклон к Христу и Христос прощает их.

Создатели апокрифов стремились восполнить недостающее в каноническом тексте житий, недостающее, по их мнению, потому что изначально цели канонического жития и апокрифического не одни и те же. Канонические сочинения преследовали свою цель: дать пример для подражания, показать «идеального человека» как понимает его христианство, дать христианский идеал жизни. Еще раз напомним о мучениях; центральным событием первых житий были эпизоды многочисленных пыток. Дополнительных чудес, кроме тех, что происходили во время пыток, не полагалось канонам.

Житие Пантелеимона, как говорилось, повествует об обычном обращении в веру, присутствует элемент сомнения. Шмелев, передавая обращение Пантелеимона, сосредоточивается на чуде. Чуда ждут домочадцы маленького Вани; «домашние» надеются на благоприятный исход болезни отца — на выздоровление. В очерке мы встретим человеческие сомнения, веру в приметы, указывающие на дурной исход болезни: завывание Бушуя, дворовой собаки, внезапное и одновременное цветение растений в доме. Именно в очерке верят приметам, а не чудодейственной силе призываемого святого. Но только через обращение к очерку нам удастся найти систему, которая породила шмелевскую «апокрифичность». Из главы автор убирает благочестивый совет, подаваемый Ване, чтобы он молился св. Пантелеимону в тех же выражениях, как и Богородице. Не случайно святой мученик и Пречистая неразлучны в сознании простых людей. Призывание в дом Царицы Небесной — иконы Иверской Божией Матери и ковчежца с мощами

св. Пантелеимона, судя по воспоминаниям о Москве конца XIX века, — обычное явление, не обязательно связанное с болезнью, а своего рода обычаем, часть быта любой купеческой семьи.

Помимо ссылок на художественную вольность, чудесная встреча Пантелеона с пресвитером, окрестившим святого, объясняется исходя из реальности, из реального детства Шмелева и московской топонимики. Купеческая семья Шмелевых не отличалась богатством; первое крупное предприятие — изготовление кирпича на нужды оправляющейся после пожара 1812 года Москвы — не задалось по вине держателя дела: найдена партия нестандартного кирпича, за этим последовал штраф.

«Кирпичный процесс» приходится как раз на момент покупки знаменитого дома на Большой Калужской, в Замоскворечье, месте расселения многих купеческих семейств. В воспоминаниях В.Н. Харузиной, содержащих сведения о замоскворецком детстве и о быте своей купеческой семьи¹⁷, упоминается о прогулках с гувернанткой-иностранкой в районе Большой Калужской, в сторону Донского монастыря, по Донской, куда одним боком выходил дом Шмелевых.

Главными объектами внимания на протяжении прогулок делались церкви, архитектурные достоинства церквей, красота убранства. Маленький Ваня, разумеется, не мог прогуливаться из конца в конец Замоскворечья под присмотром строгой бонны. Такую строгую бонну ему заменял Горкин: они совместно ездили на Болото, посещали Донской монастырь. И если уж иностранка с вверенными ей детьми считала за долг посетить встречные храмы и рассказать детям о настенной живописи, то, тем паче, дядька из народа многое, наверное, мог порассказать о святынях — всего не вместишь в тесную романную строку.

Приходская церковь Шмелевых — церковь Казанской иконы Божьей Матери; вблизи нее на Большой Якиманке еще два храма: Благовещения Пресвятой Богородицы и свв. апостолов Петра и Павла.

Церковь Благовещения прежде носила имя Иоакима и Анны, затем осталась в честь родителей Богородицы один придел, но сохранились иконы, посвященные их житию. До сих пор в храме Иоанна Воина на Якиманке можно видеть икону предположительно из разрушенного храма Благовещения. На иконе изображена чудесная встреча праведных Иоакима и Анны у ворот города, после явления во сне ангела обоим супругам. Ангел предвестил, отчаявшейся в надежде на чадородие Анне, что у нее родится дочь. В подтверждение ангел сказал, что, восстав, Анна обретет своего мужа у городских ворот — так и случилось. Один из сюжетов иконы Рождества Богородицы изображает встречу благочестивых супругов.

Иконографический сюжет вкрался в повествование о святом Пантелеимоне; сознательно или подсознательно писатель привнес в канонический рассказ впечатления раннего детства.

Так и родился «апокрифический» эпизод встречи Пантелеимона со своим учителем у ворот города, эпизод при дальнейшей переработке

из очерка в главу романа обставляется чудесностью. Это связано с переходом на точку зрения Горкина. И мы через эту «апокрифичность» познаем сущность народного сознания, с его верой, тяготеющей не только к чудесному, но и к поэтически-метафорическому выражению себя и мира. Именно это народное сознание стремится донести Шмелев, прежде всего до молодых эмигрантов, утративших связь с Родиной своих родителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. // Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб.: «Искусство — СПб», 2000, С.76.
- ² Там же, С.77.
- ³ Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: В 3 т. Т.2.(1935 — 1946). / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы; расшифровка и текстол. подгот. писем И.С. Шмелева О.В. Лисицы. — М.: Русская книга, 2000, С.283.
- ⁴ Житие, страдания и чудеса св. великомученика и целителя Пантелеимона: В 2-х частях — Афонского Русского Пантелеимонова монастыря издание, Изд. 11-е. — М.: 1903.
- ⁵ Житие, страдания и чудеса св. великомученика и целителя Пантелеимона. — СПб.: 1869.
- ⁶ Успенский Б.А. Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, 2000, С.125.
- ⁷ Безобразов П. Византийские сказания. — Юрьев, 1917.
- ⁸ Житие, страдания и чудеса св. великомученика и целителя Пантелеимона. — СПб.: 1869, С.10.
- ⁹ Успенский Б.А. Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, 2000, С.97.
- ¹⁰ текст печатается с издания «О мытарствах преподобной Феодоры и других видениях преподобного Василия Нового» / заимствовано из разных душеполезных книг, а также рукописей, хранящихся в библиотеках святой Афонской Горы/, составитель игумен Антоний, 1907 г.
- ¹¹ Мытарства блаженной Феодоры и страшный Суд Божий. — Льялово: ООО «Адрес-Пресс», 2002 /Религиозное издание/, С.22.
- ¹² Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1999 /Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 1/, С.209.
- ¹³ Там же, С.206.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т.6. Лимонарь. — М.: Русская книга, 2001, С.658.
- ¹⁶ Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т.8. Подстриженными глазами. Иверень. — М.: Русская книга, 2000, С.104.
- ¹⁷ Харузина В.Н. Прошлое. Воспоминания детских лет. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. М.М. Керимовой и О.Б. Наумовой. — М.: Новое литературное обозрение, 1999.

**О.А.Тузова,
аспирантка Литинститута,
научный руководитель
проф. А. И. Горшков**

ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА РАССКАЗЧИКА В РОМАНЕ Р. Т. КИРЕЕВА «ЛОТ ИЗ СОДОМА»

В творчестве Р.Т. Киреева большое место занимает так называемый «Светопольский цикл» — повести и романы, действие которых разворачивается в городе Светополе. И, как отмечает сам писатель, «города Светополя, где происходит действие почти всех моих романов, повестей и рассказов, нет на карте, зато есть город Симферополь. Он-то и послужил прообразом Светополя. Здесь я рос, здесь учился в автодорожном техникуме, после окончания которого работал в автобусном парке слесарем и диспетчером»¹.

Роман «Лот из Содома» можно охарактеризовать как повествование, ведущееся рассказчиком, который назван местоимением «я». Этот рассказчик — внук Вероники Потаповны, 12-летний мальчик. Можно, наверное, сказать, что ему приданы биографические черты автора, не забывая, однако, о том, что Р. Т. Киреев пользуется, по словам В. В. Виноградова, «широким правом перевоплощения и видоизменения действительности»².

Рассказчик выступает с воспоминаниями о событиях тех лет, когда он был ребенком. Роман написан в форме воспоминаний, наличие элементов биографии автора приближает его к автобиографическим произведениям.

Автобиографические произведения широко представлены в русской литературе. Их жанровые особенности подробно проанализированы Н. А. Николиной³. Автобиографические произведения, указывает ис-

следователь, неоднородны. Развитие этой жанровой формы привело к возникновению разветвленной внутрижанровой системы, в которую входят:

- 1) собственно автобиографии;
- 2) автобиографические тексты, включающие воспоминания о прошлом;
- 3) автобиографии и воспоминания, тяготеющие к беллетристике;
- 4) художественные произведения, использующие жанровую форму автобиографии и опирающиеся на реальные факты жизни автора⁴.

Роман Р. Т. Киреева ближе всего к четвертой группе, но однозначно отнести его к этой группе мы не можем.

Для автора «Лота из Содома» служит образцом Л. Н. Толстой: «<...> не автобиографию писал Толстой, а роман в форме автобиографии... Не поняв этого, поверив в сугубую автобиографичность и простодушие автора, поневоле станешь в тупик, узнав, что пронзительные сцены с матерью героя все до единой выдуманы <...>»⁵.

Из этого замечания следует, что для Р. Т. Киреева прежде всего важны не «реальные факты жизни», а вымысел.

Рассказчик в «Лоте из Содома» повествует о своих детских впечатлениях, воспоминаниях. Н. А. Николина выделяет как особую жанровую форму в автобиографической прозе XIX–XX веков автобиографическую повесть (рассказ) о детстве. Так можно охарактеризовать и тип повествования у Р. Т. Киреева.

На такой композиционный тип повествовательных текстов указывает и А. И. Горшков: «Довольно распространенной композиционной формой являются «рассказы (повести) о детстве», написанные от 1-го лица. В них рассказчик выступает в двух лицах: как ребенок, подросток, юноша во время описываемых событий и как взрослый, зрелый человек во время их описания. <...> Рассказчик является здесь в двух разных «ликах», его «я» принадлежит одному человеку, но двум разным характерам, разным образом: ребенку, юноше — действующему лицу и взрослому, описывающему минувшие события»⁶.

Несмотря на то, что рассказчик «Лота из Содома» наделен биографическими чертами автора, роман — не автобиография: рассказчик здесь не является главным героем. В центре повествования находится Александр Грушко, которому и посвящена книга: «Сане Грушко посвящается эта книга. Александру Богдановичу Грушко — его памяти»⁷. Рассказчик же в системе персонажей не играет главной роли.

По словам В. В. Виноградова, «изображение событий с точки зрения непосредственного наблюдателя усиливает и подкрепляет реалистической «тон» и стиль воспроизводимых сцен, создавая иллюзию прямого отражения действительности. Несмотря на субъективную призму персонажа, и именно благодаря ей, возрастает «объективная» точность, достоверность изображения»⁸.

На указанное отношение героя и рассказчика обращал внимание сам Р. Т. Киреев: «Самобытная, сложная, крупная, богато одаренная

(а иначе какое нам дело до ее «дум!»), она <личность автора> грозит выпереть на первый план, заслонив собой все остальное. О других вроде бы людях говорит такой писатель, перед тобой же не другие люди, а он сам. <...> Я хочу сказать, что проза, где все держится на авторском «я», должна быть с этим самым «я» особенно осторожна. <...> Это относится <...> особенно к тем романам, где налицо тождество — или почти тождество — автора и рассказчика»⁹.

Таким образом, в центре романа оказывается Саня Грушко. Его образ дан как бы с двух сторон: в детском, непосредственном представлении героя-ребенка и в размышлениях и воспоминаниях взрослого.

При такой «двуликости» образ рассказчика-взрослого приближается к образу автора. Рассказчик-взрослый не обладает авторским всеведением, однако его сфера шире, чем у рассказчика-ребенка. Образ ребенка связан с временным промежутком от появления до смерти Сани Грушко (с незначительными отсуплениями в прошлое, до-Санино время. Образ рассказчика-взрослого охватывает также и будущее ребенка, то, что случится после смерти Сани. Он имеет возможность не только вспоминать свои детские впечатления и анализировать их, но и обнаруживать отголоски событий, свидетелем которых был ребенок, в будущем.

Как отмечает Н. А. Николина, «детская картина мира частично сохраняет элементы мифологического мышления, поэтому оказывается особенно близкой писателю или поэту. Детская речь так же, как и поэзия, преобразует и умножает значения слов, «вырывает» их из традиционного контекста»¹⁰.

В романе Р. Т. Киреева оппозиция «детского» и «взрослого» мира выражается в противопоставлении значений многозначного слова — в употреблении детьми чужих, «взрослых» слов.

В повествовании появляется притчевый образ Игры; ребенок, свидетель разговоров взрослых об Игре, воспринимает их слова в прямом значении.

«Слово *игра* — в том смысле, в каком оно фигурирует в моем рассказе, — я впервые услышал именно тогда.

Воспринял я его буквально. Игра — значит игра, нечто подобное гигантским, что ли, шахматам, только гораздо сложнее (и гораздо увлекательнее!), коль скоро такие умные, такие образованные люди все-речь занимают этим» (290).

Для ребенка характерно конкретно-чувственное представление действительности. «С помощью образа устанавливается соответствие (сначала субъективное тождество) реальных свойств и свойств знаков языка. Манифестацией установления такого соответствия являются образные связи, устанавливаемые ребенком между словами и предметами, формами слов и отношениями предметов, а на более высоком уровне — между предложениями и целыми ситуациями»¹¹. Ребенок прохо-

дит ступень образной связи означаемого и означающего, на уровне слова как лексической единицы — это связь предмета и наименования.

Слово «игра» в сознании мальчика сразу же воплощается в образы конкретных игр: шахмат, лото, волейбола.

«<...> если, предположим, Винч сюсюкал: «Он, золотце ты мое, всего лишь пешечка в игре, пешечка», — то мое воспаленное воображение рисовало огромную, во весь город, шахматную доску, по одну сторону которой восседает в чесучовом костюме Винч, а по другую — Клеопатра, и между ними послушно двигаются живые вымуштрованные фигурки» (320).

Как такие же атрибуты игры, подобные шахматным фигуркам, но загадочные, невиданные, воспринимает ребенок и «терминологию Игры» — слова, сопровождающие понятие «Игры» в речи взрослых:

«Мне не приходило в голову, что выражение «сделать правильный ход» или, предположим, «сыграть ва-банк» не следует понимать впрямую, что, «делая ход», никто никаких фигур не двигает и карт не выбрасывает. Слыша же загадочные слова «диссертация», «факультет», «кафедра», «реферат», «вакансия», «соискатель» и прочие (а словами этими и Жора Базанов, и Профессор, и Винч сыпали постоянно), я тоже воспринимал их как терминологию игры, таинственная суть которой, чувствовал я, мне недоступна» (290).

В сознании взрослых людей конкретика уступает место абстракции, обобщению; в их речи слово «игра» выступает в символическом значении, что подчеркивается его написанием с заглавной буквы — *Игра*.

«Невдомек было мне, что помимо собственно игр — тех же шахмат или, скажем, лото (лото в те бестелевизионные вечера было особенно популярно), — помимо волейбола и прочих спортивных забав, существуют еще игры иные. Со своими неписаными законами. Со своими лидерами и аутсайдерами. Со своими асами. (Папа Винч, например.) От моего детского ума ускользало принципиальное отличие Игры, которую вели эти люди, от обычных игр-развлечений. Последние не скрывали, что они всего-навсего игры, не прятались, не выдавали себя за дело, за работу, та же Игра, нечаянным свидетелем которой я стал, была игрой тайной и к развлечениям никакого отношения не имела. Я видел ее со стороны, причем видел лишь незначительную часть ее, да и то искаженно, глазами ребенка» (291).

Как отмечает Н. А. Николина, «в автобиографических повестях о детстве регулярно воссоздается процесс познания мира в слове и через слово»¹². Осваивая элементы чужой речи, ребенок расширяет границы собственного мира. Эта причастность чужому миру взрослых возвышает его над сверстниками:

«У меня, Саниного, так сказать, приближенного, допытывались, что за девочка такая. <...>

— Из Игры, — ответил я кратко.

— Из какой игры?

— Из Большой. — И принялся растолковывать, а-ля Эксперт, что игры существуют не только у нас, но и у взрослых.

Посыпались догадки:

— В домино?

— В карты?

Я снисходительно улыбался:

— В карты! Карты — это чепуха!

Все растерянно замолчали. Если уж карты чепуха! Карты, в которые проигрывают не только деньги, но и людей...» (418).

Ребенок, осваивая незнакомый мир, живо реагирует на все, с чем сталкивается. Активно воспринимая все, что говорится о вещах, ему пока недоступных, он «переводит» «чужое слово» на понятный ему язык чувственных образов.

«Об этом — что он простой мужик — Винч твердил постоянно, и я, помню, рисовал себе эдакого широкоплечего парня то ли в сапогах, то ли в валенках, но вот как превратился он в нынешнего холеного старца, этого я понять не мог» (382).

Все, что кажется ребенку необычным в речи взрослых, все, на чем заостряется его внимание, в его сознании получает чувственно-конкретный образ: так, например, при словах «Враги торжествовали» рассказчику «виделся длинный ряд зрителей, которые смеются, жмут руки друг другу и тычут пальцем в продувшего Винча» (462). При освоении незнакомого слова ребенок обращается к чувственным впечатлениям, связанным в его сознании с образом Винча, при этом он воспроизводит однажды увиденное в мельчайших подробностях. Таким образом незнакомое абстрактное понятие включается в ряд знакомых, конкретных предметов. Важную роль в построении образа играет и звуковая форма осваиваемого слова:

«Крах! Воображение рисовало, как все рушится в доме резкого старика, разбегаются — кто куда — согбенные фигурки, штукатурка отлетает (хотя совсем недавно был ремонт), сотрясается от мощных ударов потолок и на черное пианино ложится белая пыль. Винч бесильно скалит зубы. Ни души вокруг, он один, и даже возчик в соломенной шляпе (без доньшка) спешит вон со двора на пустой подводе» (462).

В речи ребенка слово служит для обозначения предмета, в речи взрослых в нем же появляется элемент оценки — слово «служит не только средством наименования <того или иного> предмета, но также <...> средством выражения субъективной оценки со стороны говорящего»¹³.

В романе Р. Т. Киреева достаточно отчетливо противопоставлены детский и взрослый миры: дети чаще всего обозначены местоимением «мы». «Я буквально в рот ему смотрел. И не я один — весь двор. Говоря это я, конечно, имею в виду своих ровесников. Ибо же не взрослые были для меня *всем двором*» (276). Употребление взрослыми слов в символическом или просто переносном значении дается на фоне их восприятия детьми:

«Они (взрослые. — О.Т.) так и говорили, заслышав звон бьющейся

посуды: «Ну, начинается концерт! И мы, малолетние зрители, жесткие в своей неутолимой жажде развлечений, торопились объявить спешащим на шум: «Концерт! Дима-танкист концерт дает». При этом глазенки наши блестели» (287).

Здесь противопоставляются два значения слова «концерт» — прямое («публичное исполнение музыкальных произведений и других номеров по определенной программе») и переносное, стилистически маркированное («неодобр. О проявлении недовольства, выливающегося в скандал или истерику»).

Миру взрослых свойственно несоответствие обозначения и обозначаемого, не только в сложных перепетиях Игры, но и на простейшем бытовом уровне. Рассказчик-ребенок сталкивается с этим явлением в речи бабушки: «коридор, который бабушка настойчиво именовала комнатой»; «то, что бабушка расплывчато называла вторым светом, с трудом пробивалось в забранное решеткой окно» (280).

Ребенок, понимая слова буквально, вскрывает несоответствие между словами и поступками персонажей романа — Винча, Эксперта, Клеопатры:

«— <...> речь о Клеопатре. По моим наблюдениям, она не очень хороший тактик, но она великий стратег. А стратегия, как известно, строится на доскональном изучении предмета. Будьте бдительны, Александр Илларионович! Эта дама беспощадна.

И мог ли я после подобных разговоров рисовать себе эту людоедку иначе, как не зловещей старухой? Седые патлы, нос крючком, а уж зубы не меньше винчевских...

Каково же было мое изумление, когда я увидел миловидную женщину с добрыми глазами. Аккуратный носик, красивые зубы и никаких, разумеется патл. А шея! Белая-белая, нежная...

Но это еще что! Это еще проглотить можно было. Но вот как она и Винч обрадовались друг другу! Не испугались, не шарахнулись в разные стороны, не проследовали, на худой конец, мимо с ледяным видом, а встретились как старые друзья» (403).

Этот контраст между наивным «детским» восприятием слова и абстрактно-метафорическим его употреблением взрослыми позволяет автору показать фальшь мира «игроков» и «игроведов».

Конкретно-чувственный образ игры принадлежит миру детства, символическое значение Игры — миру взрослых. Между двумя этими полюсами находятся молодые люди, для которых игра уже распространялась на человеческие отношения, но еще сохраняет элементы детской игры-забавы.

«Ровно два листика вынесла Ия. Ни больше, ни меньше... Это была тоже игра, но игра с маленькой буквы, игра-забава, игра-развлечение — в отличие от Игры-монстра, опутывающей своими вкрадчивыми щупальцами доверчивых и слабых людей» (349).

В этом мире игр и игроков особое место занимает Саня Грушко. Он причастен и детским играм, он их постоянный участник и организа-

тор. Он вносит элементы игры в отношения с окружающими — Ией, Вероникой Потаповной, ее внуком (ребенком-рассказчиком) и другими детьми. Неутомимый фантазер, он по любому поводу устраивает праздники, все его действия пронизаны «духом карнавала». Он также вступает и в Игру взрослых. При первом знакомстве он представляется аспирантом, а это слово — из терминологии Игры, благодаря ему Саня включается в мир Игры, становится в глазах ребенка-рассказчика особенным, не похожим на других человеком:

«А вот Папа Винч, а Залецкий, а Жора Базанов, а Саня имели редкую возможность выбрать для себя час, когда можно всласть поговорить и всласть попариться. Для меня, привыкшего, что человек работает от и до, понятия не имевшего о разного рода библиотечных и творческих днях, это было еще одним доказательством, что Игра и есть их основное занятие. Именно Игра, а не лекции или, скажем, научные изыскания, про которые они лишь упоминали вскользь» (358).

Саня Грушко, хотя и участвует в Игре, не опутан ее «вкрадчивыми щупальцами». Если у «мастера Игры» Винча слово и поступок постоянно расходятся, то при описании действий Сани на первый план выходит прямое значение слова — там, где ожидалось бы переносное:

«Но Саня сказал: «Достанем» — и достал, причем достал в буквальном смысле слова, на глазах изумленной очереди, которая ждала у наглухо закрытой кассы неизвестно чего.

Перед ним неохотно и подозрительно расступались. Он приблизился к окошку, но ни стучать, ни звать никого не стал. Подняв руку, осторожно извлек (достал) из-под черного, стеклянного, с серебристыми буквами трафарета «касса» аккуратно сложенные билеты» (439).

Таким образом Саня Грушко возвращает фальшивому, ложному миру Игры его подлинное значение.

Проследив, как функционируют в тексте «Лота из Содома» различные значения одного многозначного слова, мы можем очертить сферу рассказчика-ребенка и сферу взрослого. Развитие языкового сознания персонажа характеризуется движением от конкретного предмета, номинативного значения слова — к абстрактному понятию, символическому, многозначному слову, несущему в себе оценку действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Киреев Р. Т. Уроженец города, которого нет на карте. // Портрет несуществующей теории, М., 2000, стр. 33.

² Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971, стр. 128.

³ Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М., 2002.

⁴ Там же, стр. 12.

⁵ Киреев Р. Т. Уроженец города, которого нет на карте. // Портрет несуществующей теории, стр. 37.

⁶ Горшков А. И. Лекции по русской стилистике. М., 2000, стр. 149.

- ⁷ Киреев Р. Т. Лот из Содома. М., 2001, стр. 275. Далее цитируется это издание.
- ⁸ Виноградов В. В. О языке Л.Н. Толстого. // «Литературное наследство», т. 35-36, М., 1939, стр. 172.
- ⁹ Киреев Р. Т. На круги своя. // «Литературное обозрение», № 6, 1985, стр. 56.
- ¹⁰ Николина Н. А. Цит. соч., стр. 194.
- ¹¹ Шахнарович А. М. Общая психоллингвистика. М., 1995 г., стр. 50.
- ¹² Николина Н. А. Цит. соч., стр. 193.
- ¹³ Черкасова Е. Г. Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора). // Вопросы языкознания, 1963 г., № 2, стр. 36.

ПУШКИН И ПУШКИНИСТЫ

«ДНЕВНИК №1»

В момент смерти Пушкина, в половине третьего пополудни, 29 января 1837 г. Жуковский остановил часы.

Спустя три четверти часа после кончины Пушкина, когда тело вынесли в ближайшую горницу, Жуковский «запечатал кабинет своею печатью». Он исполнял повеление Николая I, сказавшего ему еще накануне смерти поэта: Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги. Ты после их сам рассмотришь». Об этом рассказал Жуковский в своем известном письме к отцу поэта, Сергею Львовичу, о последних днях жизни Пушкина.¹

Повеление императора было неукоснительно исполнено, но не совсем так, как думал Жуковский: — « в помощь» ему был назначен начальник штаба корпуса жандармов генерал-майор Леонтий Васильевич Дубельт. Он-то и рассмотрел все рукописи Пушкина, а роль Жуковского была — присутствовать, в сущности, в качестве понятого, при своего рода, «посмертном обыске» кабинета Пушкина.²

«Нужно отдать справедливость Дубельту, — пишет М.А.Цявловский, дело по разбору бумаг Пушкина он провел с достаточной тщательностью и вниманием. Занятиям его велся «Журнал», документ исключительной важности в истории рукописей Пушкина.³ «Журнал, веденный при разборе бумаг покойного Александра Сергеевича Пушкина», заполнялся с перерывами с 7 февраля по 15 марта 1837г., в двух экземплярах, для Жуковского и Дубельта и подписывался ими обоими.⁴

20 февраля в журнале записано: «Просмотрен журнал Пушкина»⁴ Это был известный нам дневник поэта 1833-1835 гг.⁵

Пушкин писал дневник в тетради /альбоме/ большого формата в

твердом переплете, скрепленном замком, жандармы сорвали, замок и на внутренней стороне передней крышки переплета при осмотре обнаружилась помета: «№2.»

Поскольку «ни в описях протоколов, ни в описи, представленной Николаю, нет и намек на то, что дневник был в двух тетрадах»⁶ М.А.-Цявловский провел сравнение описей разных протоколов. Это привело ученого к бесспорному выводу о том, что в день смерти Пушкина в его кабинете была лишь одна тетрадь дневника, что же касается пометы «№ 2», М.А.Цявловский обоснованно предположил, что она относится к нумерации рукописей, составленной Дубельтом.⁷

25 февраля 1837г. экземпляр описи всех рукописей Пушкина /«дубельтовский»/ был представлен Николаю для просмотра.⁸

Рукописи Пушкина долго хранились на квартире Жуковского. Во второй половине 50-х годов, по семейному соглашению, за исключением писем к Наталье Николаевне, они перешли в собственность старшего сына поэта, Александра Александровича и, в ознаменование открытия в 1880г. в Москве памятника Пушкину, были переданы им в библиотеку Румянцевского музея, где стали доступны для всех. Только одну рукопись, дневник отца, Александр Александрович оставил у себя. В течение нескольких десятилетий сын поэта, ревниво оберегавший дневник от посторонних глаз, давал разрешение на публикацию его отдельных мест.⁹ После смерти Александра Александровича в 1914г. дневник перешел к его сыну, пока, наконец, в 1919г. не оказался в библиотеке Румянцевского музея.¹⁰

Так было положено начало научному изучению дневника. В 1923 г. вышли сразу два его издания, московское и петербургское.¹¹

Естественно, как московский, так и петербургский редакторы дневника не могли пройти мимо таинственной цифры «№ 2» и дали ей объяснение.

В итоге своих, несколько расплывчатых, рассуждений московский редактор В.Ф.Саводник пришел к выводу о том, что помета «№2» относится к «иной группе бумаг» Пушкина, «первой» книги дневника не было, и дошедшая до нас тетрадь «№ 2» есть его единственный существующий текст.¹² Но с комментарием в петербургском издании дело оказалось сложнее. Так, редактор его несомненно, авторитетнейший пушкинист — того времени Б.Л.Моздалевский, указал, что существование еще одной тетради дневника «ничем не подтверждается», и таинственный «№ 2» скорее имеет отношение не «собственно к дневнику», а к какой-то тетради вообще. Это записано на с.У книги, но через несколько страниц, в статье другого замечательного пушкиниста, П.Е.-Щеголева, также предваряющее издание, читаем: «До нас дошел не весь дневник Пушкина, то, что печатается теперь, воспроизводит рукописную тетрадь № 2, тетрадь же № 1 нам не известна».¹³

Следующая страница в истории дневника Пушкина связана с именем дочери А.А. Пушкина от его второго брака Елены Александровны Розенмайер /1889-1943/. Елена Александровна была фрейлиной, после

революции оказалась в Константинополе, где до 1923г. еще оставалась переводчиком, драгоманом, русского посольства в Турции. Приблизительно в 1924 г. Е.А. сообщила о наличии у нее некоторых пушкинских реликвий, а главное — неизданного дневника не то в 1011, не то в 1100 страниц! М.А. и Т.Г. Цявловские, которые тщательно фиксировали все события, связанные с поисками пушкинских рукописей, начиная с 20-х годов, посвятили этой истории немало внимания. И в 1971 г. Т.Г. Цявловская опубликовала специальное исследование о поисках неизвестного дневника.¹⁴

Напомним следующее: Е.А. Розенмайер никому не показывала якобы находящийся у нее огромный неизданный дневник Пушкина, сказала только, что ранее 1937г. он не может быть опубликован. Очень нуждавшаяся, она вела переговоры то о передаче его в Пушкинский дом, то о продаже известному коллекционеру А.Ф. Онегину.

Наступил 1937г. Дневника так никто и не увидел.

Возник закономерный вопрос: не выдумала ли Е.А. Розенмайер версию о существовании неизвестного дневника? Ведь такое предположение, как справедливо считал Б.Л. Модзалевский, а затем М.А. Цявловский ничем не подтверждается! Важно было и мнение хранителя рукописей Румянцевского в музея Г.П. Георгиевского, который «совершенно категорически» отрицает возможность такого, то есть, во всяком случае, он ручается, что у Александра Александровича Пушкина его не было.¹⁵

Так, по записям Цявловской, «надежды и сомнения» пушкинистов «сменяли друг друга!» Е.А. Розенмайер в полной нищете умерла в Ницце в 1943г.¹⁶

Дело о неизвестном дневнике Пушкина можно было считать вполне законченным. В 1967г. в Пушкинском доме была проведена графическая экспертиза цифры «№2» на внутренней стороне переплета тетради-альбома дневника Пушкина. Экспертизу провели Н.В. Измайлов, Т.Г. Цявловская и О.С. Соловьева. Эти лучшие специалисты по чтению рукописей Пушкина установили, что помета сделана рукой Дубельта.¹⁷

Вот что мы читаем об этом в записях Т.Г. Цявловской за 1970 г.: «Несколько лет тому назад в Московском музее Пушкина состоялся обмен мнений о так называемом дневнике». На этот раз спор велся между И.Л. Фейнбергом, с одной стороны, и Н.В. Измайловым и Т.Г. Цявловской, с другой. Первый отстаивал версию о существовании дневника №1, а два оппонента ему активно возражали.¹⁸

Фейнберг потратил не один год на поиски неизвестного дневника Пушкина, его статья о пропавшем дневнике датирована еще 1962 годом.¹⁹

Что говорили Фейнбергу: «Цифра «№2» написана не Пушкиным, а после смерти поэта — Дубельтом; никакого отношения к дневнику она не имеет».

К сожалению, в печати не был опубликован детальный отчет об этой дискуссии, и мы можем руководствоваться только указанными краткими заметками Цявловской. Но в 1976г. Фейнберг включил в свою но-

вую книгу статью 1962г. о пропавшем дневнике. В этом новом издании нет ни слова ни об экспертизе трех ученых 1967г., ни о заседании в музее Пушкина.²⁰ Ту же статью без всяких изменений Фейнберг печатает в последнем прижизненном издании. Такое обращение исследователя-историка с историческим фактом не только подрывает доверие к его концепции, но просто делает ее ненаучной.

Но каковы же аргументы Фейнберга? Дневник, пишет он, мог и не находиться в III отделении после «посмертного обыска», мог быть уничтожен, как «могущий повредить» памяти Пушкина». Разумеется, под «вредом» для памяти Пушкина император мог понимать наличие в дневнике резких антиправительственных высказываний поэта. Другое возможное обстоятельство, рассуждает Фейнберг, — дневника по каким-то причинам не было в день смерти поэта в его кабинете.

Если проследить за ходом рассуждений Фейнберга, то главное слово в них — «мог». «Мог» находится, «мог» и не находится. «Мог» быть уничтожен, «мог» и не быть уничтожен! — И все в таком роде. Так, ничем не подкрепленные предположения создают ничем не подкрепленные выводы.

А вот как обстоят дела в действительности. Читаем запись в дневнике от 21 мая 1834 г.: «Кто-то сказал о гос./ударе/и далее по-французски: «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» / 7X11,330,487/. П.Е. Щеголев сразу догадался: «Этот кто-то, конечно, сам Пушкин.»²¹ Фейнберг понимал, насколько слабы выдвинутые им версии и потому сосредоточил все внимание на одной гипотезе — о том, что неизвестный дневник Пушкина находится у английских потомков младшей дочери поэта, Натальи Александровны /1836-1913/.

Нам не обойтись без краткого упоминания родственных связей потомков дочери поэта Натальи Александровны. Их Фейнберг считал возможными владельцами неизвестного дневника. Родословная таблица их была составлена Т.Г.Цявловской, и здесь даются лишь некоторые пояснения.²²

Жизнь младшей дочери Пушкина сложилась весьма драматично. В первом браке она была замужем за гвардейским офицером М.Л.Дубельтом, сыном «того самого» Дубельта. Дубельт—сын подвергал ее побоям, и в 1868г. Н.А. добилась развода. Тогда же она вступила в брак с германским принцем Николаем Нассауским, и у нее родилась дочь Софья /1866-1927/. Поскольку Н.А., по рождению не, принадлежала к владетельному дому, брак этот считался неравноправным /morganатическим/, а Н.А. получила титул графини Меренберг. Ее дочь Софья в 1891г. вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича Романова. Так внучка Пушкина стала женой внука Николая I. Александр III согласия на этот брак не дал, и супруги навсегда остались в Англии. Софья получила титул графини /леди/ Торби. У леди Торби были две дочери, Надежда и Анастасия. Надежда Михайловна после замужества оказалась в прямом родстве с принцем Манеттенем, родным дядей мужа нынешней английской королевы Елизаветы II. Другая

дочь Анастасия Михайловна, леди Зия, к которой перешел архив матери, леди Торби стала владелицей одиннадцати писем Пушкина к невесте и одного письма, к будущей теще — Н.И. Гончаровой. В 1927г. леди Торби обещала оставить после своей смерти С.П. Дягилеву одно письмо Пушкина, но не успела. В 1929г., почти перед самой смертью, Дягилев у ее семьи купил письма Пушкина и намеревался их опубликовать. Но тоже умер. После смерти Дягилева весь его архив был выкуплен С.М.Лифарем, роскошно издавшим хранившиеся у него подлинники писем.²³

Этот генеалогический обзор имеет прямое отношение к спорам о неизвестном дневнике. Не может быть так, чтобы на протяжении чуть ли не столетия лица, владевшие бесценным сокровищем /вспомним, что Е.А. Розенмвйер говорила о дневнике деда объемом в 1000 с лишним страниц/, никогда не обмолвились о его существовании. И — другой вопрос: откуда у этой больной, жившей на грани нищеты женщины, столь непомерного объема рукопись? Конечно, из семейных рассказов ей было известно, что ее отец не отдал в Румянцевский музей дневник деда. Дневник она не видела, это возбуждало ее фантазию и привело к сочинению сказки об огромной рукописи. Не знала она, живя во Франции, что в 1919г. Юлия Николаевна Пушкина везла на крыше вагона из Лопасни в Москву драгоценный альбом! Все исследователи, включая Т.Г. Цявловскую, к сожалению, повторяли слова знавшего Е.А. Розенмайер Н.И. Тютчева: — «Неумная, бесцветная». Но послушае другой голос — это дневник Бунина. «10 апреля 42г. Был в Ницце, Бюффа, Пушкина... Ее... нищенское существование».

«7 сентября 43. Вторник. Нынче письмо из Ниццы: Елена Александровна Пушкина умерла 14 авг. после второй операции. Еще одна человеческая жизнь исчезла из Ниццы — в чья же! Родной внучки Александра Сергеевича! И м.б. только потому, что по нищете своей таскала тяжести, которые продавала и перепродавала, чтобы не умереть с голоду!»

Этот рассказ дополняется записью в дневнике жены Бунина, Веры Николаевны: «Вчера получила печальное известие о смерти Лены Пушкиной. Бедная. Умерла, не выдержав второй операции. Помню ее девочкой -подростком в Трубниковском переулке с гувернанткой. Распущенные волосы, голые икры... Кто бы мог подумать, что такая судьба ждет Лену? Нищета, одиночество, смерть в клинике... Она была умна, но, вероятно, с трудным характером... Гордилась своим родом...»²⁴

Но был ли у английских потомков Пушкина «неизвестный дневник»? Новая эпоха дела окончательный ответ на этот вопрос. Этим мы обязаны отечественному ученому — кристаллографу В.М. Фридкину. По роду работы он часто бывает на международных конгрессах в Европе и Америке и сочетает основную деятельность с изучением материалов по русской литературе в архивах многих стран. Воспользовавшись пребыванием в Англии, он решил поехать к внуку леди Зии, сэру Николасу

Филлипу в его поместье Лутон Ху , близ Лондона .Сэр Николас подробно рассказал гостю о разговорах с леди Зией по поводу автографов Пушкина и мемориальных вещей, связанных с поэтом. И вот что он сказал о судьбе потерянного дневника Пушкина: «ей /леди Зии/ ничего об этом дневнике не известно». Свой рассказ сэр Николас закончил такими словами: «Если неизданный дневник Пушкинина существует, то его никогда не было в Англии»²⁵

Подойдем к нашей теме с другой стороны. Допустим — и это правда, что И.Л. Фейнберг весьма поверхностно и легкомысленно придумал гипотезу об английских потомках Пушкина как владельцах «пропавшего дневника». Но, может быть, Е.А. Розенмайер нечего не придумала, и каким-то образом рукопись Пушкина оказалась в ее руках. Выше мы уже говорили о том, что никакого дневника у внучки Пушкина не было. Теперь есть возможность проверить наше предположение — словами самой Е.А. Розенмайер. И мы уже знаем точную дату, когда эти слова были сказаны. 8 июля 1931г. в Медоне, на юге Франции, Марине Цветаевой довелось встретиться с Е.А. Розенмайер. Эту встречу она описала в мемуарном очерке «Встреча с внучкой Пушкина». Очерк, как всегда у Цветаевой, пристрастный: : «Белобрысая, белобровая, белоглазая немка, никакая, рыба, с полным ртом, приставшего к небу сала /жирно картовит/».

— У Вас есть какой-нибудь листок Пушкина?

Она с удовольствием и даже горделивой улыбкой:

— Ни-че-го. Папа все отдал в Академию наук.²⁶

Так мы узнаем от автора легенды о неизвестном дневнике Пушкина, что такого дневника у нее никогда не было.

И.Д. Фейнберг был так увлечен придуманной им историей неизвестного пушкинского дневника, что не считал нужным обременять свои построения какими-либо доказательствами. Поэтому спорить с ним невозможно, да и не нужно. Фейнберг предлагает целый набор версий: «Пушкин мог вести дневник и до осени 1833г., когда появилась в нем первая запись» ; «мог и не вести», «мог продолжать дневник и в 1835,и в 1836 году, и оттуда можно многое узнать о семейной драме поэта. ^Здесь для Фейнберга не имеет значения, что такое было бы для поэта совершенно невозможно психологически. Ему важно лишь одно -посеять у читателя мысль о возможности существования неизвестного дневника.

Но на одной пушкинской записи остановиться необходимо, Это знаменитое место дневника от 1 января 1834г.: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры / хотя это довольно неприлично моим летам/, но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau / XII, 318 /. Во всех деталях отечественными пушкинистами личность маркиза де Данжо /1638-1720/, придворного при дворе Людовика ХIУ изучена. В течение 36 лет Данжо вел дневник, в который собирал «мелочные подробности о частной жизни короля.»²⁷

Применительно к нашей задаче эта запись может иметь следующее значение. Обратимся к хронологии. Пушкин выехал из Петербурга 18 августа 1836г. в длительную поездку — Нижний Новгород, Казань и Симбирскую губернию для собирания материалов по истории Пугачева, 1 октября поэт приехал в Болдино, и лишь 20 ноября возвратился в Петербург. Никаких дневников, естественно, он за это время не вел. И через четыре дня после возвращения домой появляется первая запись в дневнике — это и было его началом. И слова — «Так я же сделаюсь русским Данжо», — написанные спустя месяц от начала дневника есть план работы. Здесь главное слово — «сделаюсь», т.е. «буду писать как Данжо, начну писать, как Данжо».

Никаким «Русским Данжо» Пушкин, разумеется, стать не мог, но что идея вести дневник у него неизбежно оказалась связанной с новыми обстоятельствами жизни и осмыслением своей исторической роли — это бесспорно.

Таков конец истории «пропавшего дневника» Пушкина. Она поучительна. Мы видели трепетное отношение к ней всех, занимавшихся Пушкиным. Они понимали, что если есть хотя бы малая надежда найти дневник, поиски нужно продолжить. По-своему, того же хотел Фейнберг. Но он не желал мириться с бесперспективностью своих действий и упорно продолжал двигаться в пустоту. Он много сделал для изучения исторических трудов Пушкина²⁹, но в деле с «пропавшим дневником» не смог преодолеть искушений - «сделать открытие». А это уже не было наукой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М.А.Цявловский. «Посмертный обыск у Пушкина». В кн.: ..А.Цявловский. Статьи о Пушкине.; М., Изд. АН СССР, 1962, с. 76. дальнейшие ссылки на эту статью, представляющую извлечение из неопубликованной до сих пор книги Цявловского « Истории рукописей Пушкина», даются «Цявловский».
2. Цявловский, с.279. Отношение Дубельта к Пушкину было всегда определенным. Когда в 1839г. А.А.Краевский опубликовал в «Отечественных записках» «неизданное стихотворение» поэта, Дубельт напасал издателю: «довольно этой дряни, сочинений-то вашего Пушкина при жизни его напечатано, чтобы еще и по смерти его отыскивать неизданные его творения, да и печатать их», /Цит. по кн: «Пушкин. Письма последних лет».Л., «Наука», 1969, с.400.
3. Цявловский, с.279-285.
4. Там же. с.287
5. А. С. Пушкин, Полное собр. сочинений в 16-ти томах. М-Л.Изд.АН СССР. Т.ХII, 1949, с.314-337, 437-439, 473-474.
6. Цявловский, с.295.
7. Там же, с.295-296.
8. По указанию императора, рукописи поэта, в том числе и дневник, были возвращены Жуковскому. Себе Николай оставил лишь копию французских записок бабки, Екатерины II, коротко написав карандашом на экземпляре описи III Отделения: «Ко мне» см. С.Сухонин. Дела III Отделения Собственной его Величества Канцелярии об А.С.Пушкине. СПб, 1906, с.197.

9. Цявловский, с.334.
10. Красочный рассказ об этом записал в 1956г. И.Л.Фейнберг со слов Юлии Николаевны Пушкиной, вдовы последнего владельца дневника внука поэта. Григория Александровича. Она жила тогда /в 1919 г./ в г. Лопасне, под Москвой. Собираясь в дорогу, она зашила большой по размеру дневник в холст и спрятала его под платье.Ехала она в Москву на крыше вагона, «дневник торчал так, что кто-то, не разобравшись сказал ей: «Туда же, беременная, а лезешь на крышу!» Юлия Николаевна дневник довезла и сдала под расписку хранителю Румянцевского музея Григорию Петровичу Георгиевскому, /см. Илья Файнберг. Пропавший дневник — в кн. Илья Файнберг. Загадочный набросок Пушкина, М., «ПРАВДА», 1978, с.42-43 / «Библиотека «Огонек» № 40/. В дальнейшем указывается: «Библиотека «Огонек».
11. «Труды Государственного Румянцевского музея. Дневник А.С. Пушкина., М., 1923./ В дальнейшем — «Московское издание»/. Дневник Пушкина, 1833-1835, М.— Пг, ГИЗ 1923 — в дальнейшем, -»Петербургское издание». «Московское издание» в основной части комментировал В.Ф.Садовник.
12. «Московское издание», с.30-31.
13. «Петербургское издание», с. V, XIV.
- 14.»Вокруг Пушкина», — «Наука и жизнь», 1971, № 6, с.с.67-76. Эту журнальную публикацию заметок Т.Г.Цявловской через тридцать лет сменила книга — М.и Т. Цявловские, Вокруг Пушкина, М., НЛЮ, 2000.
- 15.Там же, с.69. По отзывам хорошо знавшей его Т.Г.Цявловской, это был крайне неприятный человек. Получить у него рукопись Пушкина для работы было невероятно трудно. Это, впрочем, сочеталось у него с отличным знанием фонда Пушкинских рукописей в музее. До революции Георгиевский состоял членом Союза русского народа и очень не любил евреев. Он почему-то считал Сергея Михайловича Бонда, чисто русского человека, евреем / С.М. был потомком французского крестоносца из числа осевших когда-то на Кавказе после очередного крестового похода/. Переубедить Георгиевского было невозможно, так, встретившись в музее с К.П.Богаевской, он сказал : «Были Ваши «французы», Бонда, Эфрос!» (Абрам Маркович Эфрос работал тогда над книгой «Рисунки поэта» и часто бывал в музее вместе с Бонди.)
16. Вокруг Пушкина, 1971, № 6, с.73
17. Там же.
18. Там же.
19. И.Л.Фейнберг. «Неизвестный дневник Пушкина?»/»Огонек», 1962, № 7, с. 16-17.
20. Илья Фейнберг. Читая тетради Пушкина. Изд. 2-е., «Советский писатель», 1931,.с. 334-342.
21. «Петербургское издание», с. XXV. 22. Вокруг Пушкина, с.71.
23. М.Л.Гофман и Сергей Лифарь. Письма Пушкина к Н.Н.Гончаровой. Юбилейное издание 1837-1937. Париж 1935. Факсимиле писем исключительно качества, на той же бумаге /с возможным приближением/ что и подлинные письма. На с.24 воспроизведен трогательный и волнующий документ — снимки с обложек пакетов рукой Натальи Николаевны, в которых хранились письма Пушкина.

24. В. М. Фридкин. Пропаший дневник Пушкина. Рассказ о поисках в зарубежных архивах. М. «Знание», 1987, с. 181.
25. Там же с. 192.
26. Марина Цветаева. Собрание сочинений в семи томах. М., «Эллис Лак», т.4, 1994, с.602-604, 676-677.
27. Л.В.Крестова. Почему Пушкин назвал себя русским Данжо? / К вопросу об истолковании «Дневника» / — Пушкин. Исследования и материалы, Т. № М.-Л., изд. АН СССР, с. 267-277.
28. «Пушкин. 1833 год», «Пушкинское общество», 1933, с.с.71,74.
29. С.М.Бонди. Сокровища пушкинской прозы — «Литературная газета», 1955, 6 августа.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Е. С. ШАЛЬМАНА

1. «План статьи о правах писателя» Пушкина. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1964, т. XXIII, вып. 6. С. 531-538.
2. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина / Хронология и литературные отношения. Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1979, т. XXXVIII. № 3. С. 179-195.
3. «Письмо к издателю» (Пушкин, А. Б. Белинский) / Освободительное движение в России. Саратов, изд. Саратовского ун-та. 1978, вып. 7. С. 51-64.
4. «В гостях у Ахматовой». Советская библиография. 1991, № 2. С. 101-104.
5. «Пушкинист Ксения Богаевская» (к 80-летию). Русский язык и литература в киргизской школе. Бишкек, 1991. № 5. С. 45-46.
6. «А все-таки это Пушкин». Синтаксис. № 31. С. 110-118. Париж, 1991. № 3.
7. «Вокруг «Тени Баркова» (Письмо по поводу)». Независимая газета. 1992. 14 января.
8. «О М. Д. Беляеве и его книге». В книге «Беляев М. Д. «Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников». СПб, Библиополис. 1993. С. 109-111.
9. «Трудом наполненная жизнь» (о Т. Г. Цявловской). Библиография. 1993. № 2. С. 113-116.
10. «Красота. Доброта. Щедрость». Там же. С. 116-118 (совместно с К. П. Богаевской).
11. М. Д. Беляев. Об Алексее Максимовиче Пешкове и его окружении». Публикация, вступительная заметка и примечания. Библиография. 1992. №№ 3-4, 5-6. С. 2, 130-141, 164-175.
12. М. А. Цявловский. «Пушкин и Москва. Пушкин и греческая революция двадцатых годов XIX века». «Октябрь». 1994. № 6. С. 184-191 (совместно с К. П. Богаевской, публикация и комментарий).
13. «Как мы идем к юбилею Пушкина». «Столица». 1994. № 38. С. 57.
14. «Соперница Запретной розы». Стихотворение Пушкина К. А. Тимашевой». «Октябрь». 1995. № 2. С. 177-182.
15. А. С. Пушкин. «Тень Баркова» (контаминированная редакция М. А. Цявловского в сопоставлении с новонайденным списком 1812 г.) / М. А. Цявловский. Комментарии. Вводная заметка к тексту и публикация комментария. Philologica. 1996. № 5-7. С. 139-195, 154-157, 159-265.

ПОДМЕНА*

(к событиям вокруг «Словаря русского языка» С.И. Ожегова)

Как иногда важно ходить в книжные магазины. Статью бы эту не стал писать, если бы не зашел. Лето было на излете. Пора жаркая, но приходилось сидеть в прокопченной Москве — приемные экзамены. Будущие мастера словесности. Между экзаменами — поход в огромный книжный магазин, что напротив Моссовета. Совсем не хуже, чем за границей. Какое разнообразие, сколько разных, когда-то стоящих в дефиците или «самиздате» книг и сколько заинтересованного народа. Ой, надо потерпеть объявлять нашу страну нечитающей. Может быть, «толстые» журналы, которые уже давно запятнали себя снобизмом и групповщиной и не читают? Но не это тема моей статьи, которая и не написана бы была, если б не этот случайный поход. Но сузим панораму обзора прилавков, учебников, лиц, обложек книг, плакатов и объявлений. Сфокусируемся на одной книге, к которой, кстати, прикреплен небольшой аншлаг «Лучшая продажа июля» — С.И. Ожегов. Словарь русского языка». Это не по его ли поводу пару — тройку месяцев назад кипели страсти в газетах, писали статьи и поминали разные слова?

* Статья эта была написана осенью 2003 года и тогда же передана для опубликования в «ЛГ». Отделом науки газеты она была решительно отвергнута, не помогли хлопоты самого главного редактора.

А ведь были, помнится, времена, когда «ЛГ» печатала полемические материалы на одной полосе под рубрикой «Два мнения по одному вопросу». Где те времена? Увы!.. Такова теперь практика «оплаченных страниц» общественного издания. Автор.

Открываю словарь — «Под общей редакцией проф. Л.И. Скворцова». Тот самый, даже не скажу новый, скажу «Ожеговский» словарь. Мне бы раньше надо было написать эту статью на правах давнего друга этого Л. И. Скворцова, проректора нашего института, ученого, лектора, повторяю, — друга, но тогда шли не вступительные, а переводные экзамены, защиты диплома. А может быть, я втайне для себя ждал этой бирочки «лучшая продажа»? Покритикуем себя за трусость. И потом, насели на бедного Скворцова такие люди, с такими именами, что невольно заробеешь. В «Литературной газете» в июле этого года тоже была статья, почти инвектива, может быть, с нее и начнем? Какие имена!

Е.П. Чельшев, академик РАН, зам. председателя Совета по русскому языку при правительстве РФ, специалист по индийским литературам направления социалистического реализма;

Ю.Н. Караулов, член-корреспондент РАН, директор Центра русского языка Московского лингвистического университета, финно-угровед, специалист по семантическим полям и структурам (идеографии);

В.Г. Костомаров, академик РАО, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Госинститута русского языка им. А.С. Пушкина, специалист в области методики преподавания русского языка как иностранного и языка СМИ;

Я.Н. Засурский, декан факультета журналистики МГУ им.М.В.Ломоносова, специалист по современной американской литературе. Титулы высокие, имена звонкие, но кто из них имел хоть какое — то отношение к составлению, редактированию или хотя бы рецензированию толковых словарей русского языка? Нет, начнем с сути дела.

Перед самой войной, будучи одним из главных авторов-составителей «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова в 4-х томах и ведя исследовательскую работу, профессор С.И. Ожегов, так и не ставший, кстати, академиком, — но академия, как известно, действует у нас по своим, очень таинственным и изысканным правилам, — итак, профессор С.И. Ожегов начал готовить свой однотомный толковый словарь, вышедший 1-м изданием в 1949 году. Интересно, что почти немедленно этот словарь, так же, как словарь Даля и словарь Ушакова, сделался у нас широко известным, популярным и привычным. Как пиво «Очаковское» в наше время. Бренд. Запомним это слово. Профессор Л.И. Скворцов — ученик С.И. Ожегова. И это запомним. После шести или семи изданий, после смерти С.И. Ожегова, в издании словаря наступила пауза. Но потом издательство «Русский язык» решило возобновить выпуск этой полезной и любимой в народе книги. Здесь ничего не поделаешь: русский народ всегда был народом литературоцентричным. Вот так и вышло первое после смерти Ожегова издание словаря. По счету 9-е. Редактором его по предложению ученика Ожегова Л.И. Скворцова стала Шведова, тоже человек, близкий к покойному ученому. Шведова и Скворцов, кстати, работали тогда в одном учреждении — Институте русского языка АН СССР (ныне им. В.В. Виноградова) на Волхонке.

Теперь пропущу годы и годы, издание за изданием, всего их было 23 и сразу же перейду к знаменитой русской народной сказке. Сказки иногда лучше, чем что бы то ни было, отражают типичные русские сюжеты. «Была у лисы избушка ледяная, а у зайца лубяная». Покойный Ю.В. Трифонов очень здорово осветил эту, опять-таки чисто русскую, я бы даже сказал советскую, тему — «Обмен». Этот долгий и мучительный обмен, как и положено нашему осторожному и коварному времени, шел довольно долго. Последний выпуск знаменитого словаря с указанием одного автора произошел в 1990-м году, а уже через два года, с 1992-го, авторов стало двое — С. И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Это случилось через тридцать лет после смерти знаменитого филолога. Что произошло?

Я отчетливо понимаю психологию Шведовой, ставшей на многие годы почти хозяйкой словаря. Она в нем обжилась, занялась, как опытная хозяйка, ремонтом, усовершенствованиями. В какой-то момент ей, возможно, даже показалось, что она все это и придумала, конструкцию, принцип хода словарных статей, интонацию всего словаря. Она стала вносить свои поправки и корректуры. Наверное, каждый редактор и продолжатель вносит свои корректуры. Но не каждый съемщик квартиры, не каждый обменщик получает право на прописку и право на жилплощадь. В конце концов, может быть, формально основная ценность словаря заключена в его бренде, в прославленном имени покойного филолога. Но с 1992 года бренд изменился, на верхней строчке титульного листа появилось два имени: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Я невольно подумал, какой мог бы состояться удивительный курьез, если бы профессор Бодуэн де-Куртенэ, редактировавший 3-е издание словаря Даля и тоже кое-что туда внесший, поставил свое имя рядом с именем исконного автора. А не выходит ли уже у нас и словарь Ушакова под двумя или тремя фамилиями?

Для такого энергичного демарша — поставить свою, не на слуху, но академическую фамилию — к этому времени Н.Ю. Шведова стала академиком РАН — рядом с неакадемической, но знаменитой фамилией Ожегова у академика РАН были свои весомые основания. Что там у нас по этому поводу говорит авторское право? А авторское право говорит, что если в какое-либо произведение добавить тридцать процентов свежего материала да изменить название, то все произведение как бы становится новым, и значит мы будем иметь новое произведение. Представим себе теперь, что академик Посохин добавил бы сзади, на Васильевском спуске к Храму Василия Блаженного еще одну папэрть, некий помост, с которого могли бы играть современные музыканты во время избирательных концертов, то в сокровищницу мировой архитектуры мог попасть еще один новый памятник. Это выглядело бы как храм Покрова на рву, с приделом Василия Блаженного и папэртью. Авторы: Посохин и Посник Барма. В принципе это не воспрещено никому. Можно ценить Пушкина, Данте Алигьери, есть еще свободный Толковый словарь Ушакова и много других произведений и имен, кото-

рые являются самыми популярными брендами. Как хорошо сказал Набоков о том, как важно для писателя или творческого человека, когда история хотя бы полой своей шинели касается его имени!

Но что же, все-таки, добавила академик Шведова в «свой» с профессором Ожеговым словарь? Ее поправки и дополнения можно разделить на несколько групп.

Группа первая — вмешательство в авторский текст Ожегова. Пример. Слово «ватка» толкуется Ожеговым как «кусочек ваты». У академика возникает некая подробность «кусочек медицинской ваты». Ценное дополнение.

Группа вторая — страсть к энциклопедизму. Возьмите к примеру слова «ген» или «близнецы» и вы убедитесь, что их толкование полностью повторяет толкование в БСЭ и в энциклопедических словарях и справочниках. Стоп, здесь отметим, что при жизни С.И. Ожегова Большая Советская Энциклопедия еще не начала выходить. Новаторство.

Группа третья, самая, наверное, значительная — политические термины. Здесь столбовая дорога, ведущая к искомым тридцати процентам.

Объяснение термина «военный коммунизм» занимает двенадцать строк словарного столбца в «совместном издании» против трех строк в сокровенно Ожеговском. Расширение смысла.

Группа четвертая — уточнения к карте народов мира. В Ожеговском словаре каждое толкование названия народов мира, в частности славянских, началось с указания на происхождение и язык. Например: «Болгары — южнославянский народ, составляющий основное население Болгарии», «Русские — восточнославянский народ, составляющий основное население России». В этой четвертой группе терминов академик Шведова делает минус поправки. И получается: «Русские — народ, составляющий основное население России». Мне лично мало, я не могу жить без своих корней и своей истории.

Группа пятая — уточнение к наименованиям лиц и к терминам, но со знаком плюс. Вот, например, появляется в новом издании словаря слово «юдофоб» с энергичной пометой «то же, что антисемит». Но вы попробуйте найдите слово «русофоб», столь же часто употребляемое в современной российской публицистике. Этого слова, как ни странно, в словаре нет. Какой же здесь «плюрализм»? Словечко тоже, кстати, появилось в «новом» словаре с неожиданным значением «философское учение, согласно которому существует несколько (или множество) независимых духовных начал бытия». Только «духовных начал»? Ась? Какой же это тогда плюрализм? А не заглянуть ли тогда лучше по прямой, так сказать, специальности — в философский словарь! И поправить такое «широкое» определение.

Ну ладно, это все вопросы толкований, престижа, этики. Нам ведь, читателям, все равно: «Словарь Ожегова-Шведовой» или просто «Ожегова...»? Ну, наследники возмутились: почему кто-то пользуется не только «брендом» семьи, но и деньгами? Боюсь, что не только деньги

здесь важны. Читателю не совсем всё равно. Читатель, конечно, не всегда на уровне сознания отдает предпочтение тому или иному явлению, но интуиция его редко обманывает. Заметили ли мы все, что все чаще и чаще, если касается «простого продукта», покупатель отдает предпочтение продукту русскому, отечественному. Это в основном касается продуктов питания — мяса, колбас, овощей, консервов. Но процесс этот ширится. На Ломоносовском проспекте в Москве очень успешно работает магазин, который так и называется «Отечественная мебель». В общем, и читатель уже отдает предпочтение «отечественному» и по преимуществу отстоявшемуся, уже имеющему определенную репутацию. А сколько за последние 20 лет появилось разных, в том числе и претендующих на объемность словарей, но что мы там, широкая масса читателей и, с легкой руки родителей, студентов помним? Опять же те самые названия — Даль, Ушаков, Ожегов.

Давайте уже не «перестраивать» то, что имеем. А так, как обычно. Хотели как лучше, а не сделали или не сохранили даже того, что было всегда.

Теперь попробую коснуться деликатного момента. Только ли «денежный вопрос» интересовал наследников, сына и дочь С.И.Ожегова, людей не только по родству, но и профессионально связанных с нашей культурой. Как мы могли видеть, — нет. Слишком уж они долго терпели дописки, поправки, дополнения к Словарю своего отца — одной из самых знаковых работ в русской культуре. Но вот когда носители знаменитой фамилии увидели, что у них появляется новый родственник в лице академика, когда обнаружили, что прославленный бренд, звонкий, как герцогский титул, начал приобретать иные, расширенные формы, вот тут эти сын и дочь позаботились, чтобы одно из издательств вернулось к первоначальному, строго, без самоволия отредактированному варианту. Мысли об утраченных гонорарах, об экспрессивном соавторстве, о подмене бренда, состоявшего из одного автора, брендом, состоящим из двух, — это всё мои домыслы. Так же как и грустные соображения о налогах и авторских отчислениях, — всё это тоже мои домыслы, но одновременно и вопросы, которые ждут ответов. Что там у нас в этом случае утверждало римское право — ищи кому выгодно? Отложим эту работу, вернее, переадресуем ее, с согласия наследников, компетентным органам.

Но почему по этому поводу, очевидному любому, даже не владеющему филологическими навыками человеку, вдруг возникает некая «волна». Зная характер нашей публицистики, работающей порой на заказ, можно было бы предположить, что здесь, как и в случае, скажем, с нефтью или имуществом, возникают «деньги». Но не только они.

Любопытно то, что в письме, которое подписано тремя академиками, есть подпись декана факультета журналистики Московского университета (ну, декан понятен: в это время идут выборы в академию, декану нужны голоса). Правда и деканские страдания — да простят

меня за длинное отступление — кончились пустыми хлопотами. На филологическом фронте в академии развернулись такие страсти и склоки, что президиум, наблюдая за борьбой филологических группировок, отобрал у гуманитариев место и отдал физикам. И вот четверо вполне достойных и известных людей стали, защищая честь мундира академика, «критиковать» нового редактора «канонического» словаря С.И. Ожегова — Л.И.Скворцова. Много ли великолепная четверка нашла промашек? Видимо, немного, потому что одни и те же примеры переходили из статьи в статью. Стоит ли здесь их приводить? И стоит ли доказывать, что редактор Словаря человек компетентный?

Отмечу с горечью, что «письмо четырех» переполнено передержками, подтасовками, а то и прямыми инсинуациями или заклинаниями вроде «проигнорировав волю автора», « дискредитирует имя С.И.Ожегова», «компрометирует имя Ожегова», «искаженный текст» (не приводя ни одного примера «искажения»); «правка непоследовательна, небрежна, часто случайна» (опять-таки без подкрепления убедительными фактами и цитатами). Главное — навесить ярлыки, да покруче. Выходит, титульный редактор 24-го издания Ожеговского словаря — случайный в этом деле человек? Вовсе нет: Л.И.Скворцов — ученик проф. С.И.Ожегова, после его смерти он 20 лет руководил сектором культуры русской речи Института русского языка РАН. Вместе с Н.Шведовой он готовил 9-е, посмертное издание Ожеговского словаря (об этом говорится в «Предисловии» от издательства «Русский язык» во всех изданиях словаря 1972-1988 гг.). Он много сделал для увековечения памяти своего учителя: издал ряд статей и даже в издательстве «Просвещение» книгу «С.И.Ожегов» (серия «Люди науки»). Он же подготовил и издал сборник его трудов: С.И.Ожегов. «Лексикология. Лексикография. Культура речи».

Ну так почему, собственно, решили академики и примкнувший к ним декан написать это письмо? Я внимательно обнюхал его со всех сторон, пытаюсь найти в нем блестящие выдающегося стиля, который, по идее, должен быть свойствен пестуну всей нашей журналистики — и демократической и другой: увы, увы мне, бедному! Все эти блестящие утонули в сплошной функциональности. Неправое дело редко рождает красноречие, скорее, закралось коварное подозрение, что, привыкнув за долгие годы иногда ставить свое имя под авторским коллективом, академики и нынче подмахнули чужой или правленный трудолюбивыми помощниками текст.

Но ладно, Бог с ними, с красотами текста. Я могу выстроить такую модель. Кто-то уговорил, упросил, по-женски воздействовал на великолепную четверку — дескать, выручай, ермилка! Кому и зачем это надо? И здесь позволю себе прямо не отвечать на вопрос, а пуститься в одно сугубо традиционное русское рассуждение.

А действительно, разве у нас в России так ценится решение суда, высказывание элиты, утверждение телевидения? Вон Чубайс утверждает, что все будет хорошо, реформирует, а цены на электричество

растут. Или Греф при каждом телевизионном свидании с президентом декларирует о количестве процентов, на которые вырос валовой доход, а разве лучше стали жить в деревне, в провинции, разве меньше стало у нас беспризорных? А если говорить современным языком прессы, у общественного мнения своя точка зрения. В России вообще очень важна эта точка зрения народа, точка зрения общества, то, что говорят не возле трона, а в поле, на паперти или возле колодца. Вот попытка академиков и примкнувшего к ним декана и есть попытка, добрая в своей основе и, может быть, даже гуманная, — сбить это общественное мнение, легализовать подмену, возможно из соображений корпоративных, идущих от широты взгляда, плюрализма духа. Но этого не получилось. Важно еще и независимо от достоинств и достижений — полюбит ли какое-нибудь явление или какую-нибудь личность народ. Два имени на одном словаре народу не понравились. Вот и проголосовали заодно «лучшей продажей июля».

**О ТОМ, КАК ХИТРАЯ ЛИСА ПРОСЛАВИЛАСЬ НА ВСЕ ЛЕСА,
НЕГОДНОЕ ПРИДУМАВ СРЕДСТВО ЧУЖОЕ ЗАХВАТИТЬ НАСЛЕДСТВО**

(Про Льва, Лисицу, четырёх Волков и мудрого Дятла)

Басня-баллада

К событиям вокруг «Словаря русского языка» С.И.Ожегова в 2003 году

Бесспорно, прохиндеи хватки,
Да вот не любят «правды-матки».
Мысль справедлива и проста:
Нас, русских, губит доброта.
Мы низких подлостей не знаем
И через это погибаем, —
Любой вкруг пальца обведёт
Наш сверхдоверчивый народ!
Вины его в том вовсе нет
(Таков уж наш менталитет),
Не переделать нас, видать...
Об этом стоит рассказать
И на примерах показать,
Поведав, на какие средства
Идут, чтоб захватить наследство.
И не ищи, читатель строгий,
Ты здесь каких-то аналогий,
Поскольку дело было встарь,
Когда зверями правил Царь...
Однажды некая Лисица
Ко Льву (!) решила подселиться

(Приняв в расчёт, что он подданный
В связи с какой-то личной датой).
— «Моя нора пошла на слом,
А у тебя — просторный дом;
Я никого тут не стесню,
Полы мыть буду раз на дню,
С тебя соринки обирать,
Еду готовить и стирать...»
(Замечу я, что жил наш Лев,
Уж года три как овдовев).
— «...Я помещусь здесь в уголочке
По праву внучки или дочки.
И пусть судачат, что хотяя,
Нам боги вместе жить велят:
В «Энциклопедии лесной»
Иду я следом за тобой!» -
Вот так закончила Лиса,
Смиренно опустив глаза.
— «Ну что ж, живи, — ответил Лев,
Враз почему-то протрезвев. -
Да помни, кто хозяин здесь,
Так что в дела мои не лезь,
Не то... Р-рык!..
— «Что ты, Львуша, что ты!
Не усумнись ни на пол-йоты.
Зачем пугаешь? Бог с тобой!
Беречь я буду твой покой:
Ведь я послушна и смирна,
Не пью ни пива, ни вина;
Увидит весь лесной народ,
Что нет тебе со мной забот!»
... Лиса, условий не наруша,
Жила со Львом душою в душу:
С утра по дому хлопотала,
Льва, как умела, ублажала,
Сдавала в стеклопункт посуду,
По пьянке Льва склоняла к блюду
И вскоре ... родила Лисёнка,
Весьма похожего на Львёнка!
Конечно, шум прошёл по лесу
(И ДАЖЕ ПРОСОЧИЛСЯ В ПРЕССУ!)
Да что со Льва-то взять: он — Л е в,
Узнай, попробуй, царский гнев!
А что касается Лисицы,
Она вжилась в образ Львицы:
Хоть незаконный, да — отец
(И перспективен как вдовец)...

Но вот День Траура настал,
Поскольку Лев наш дуба дал
(Точней же так сказать о нём:
Почил Владыка вечным сном).
По лесу — вой со всех сторон,
Стон, плач и карканье ворон
(Представит каждый, кто умён,
Всю пышность царских похорон).
С неделю беспробудно пили
(Столетний бор чуть не спалили),
Когда же надоело пить,
Решили память закрепить.
И новый Царь (тигровой масти)
В том принял личное участие:
Дом, где скончался Царь зверей,
Велел он превратить в Музей.
— «Какой Музей?! — Лиса взвопила.-
Я дом наш в терем превратила:
Соорудила два крыльца,
Гнилых сменила три венца,
Переустроила хозблок
И расписала потолок;
Из шкафа сделала кладовку,
Всю обновила обстановку:
Везде навешала картин
И постелила ковровин,-
Теперь вполне он Лисий дом,
Как чисто Львиным был при нём!»
... Такая, в общем, ерунда.
Доходит дело до суда.
И там Лиса, избрав момент,
Ввернула главный аргумент,
Судье сказавши: «Ваша честь,
А ведь у Льва — наследник есть!
Пусть и не чисто львиной масти,
Но он своей достоин части.
И если Лев — его папаша,
Растёт в наследстве доля наша:
Клянусь хвостом и головой,
Теперь весь корпус дома — мой!»
Судья решил: писать запрос,
И — заседание перенёс,
Чтобы добиться чьей-то визы
И заключения экспертизы...
Но тут вмешался мудрый Дятел
(Царя покойного приятель)

И настучал на целый лес
Про хитрый Лисий интерес:
Мол, Льва Лисица обокрала
(За что её повесить мало!)
И беспардонно влезла в дом,
Хозяйкой став чужих хором. -
«Её доделки — бестолковы,
Они не трогают основы.
То, что дополнила Лисица,
Оно ни к чёрту не годится:
Ведь сохранилась вся структура
И общая архитектура!
Противно мне, что псевдо-Львица
Могла так низко опуститься:
Нельзя ж, хоть с боем, хоть без боя,
Себе присваивать чужое,
Духами называть зловонье,
А нормой жизни — беззаконье;
И буду я через печать
Во все инстанции стучать!»...
На это праведное мнение
Тотчас нашлось опроверженье
(Оно, хотите вы или нет,
Способно затянуть сюжет).
Не знаю, кто и кем проплачен
(Вопрос весьма неоднозначен,
И от ответа нету толка),
Но вдруг четыре старых Волка
Письмо толкнули в «Литгазете»¹,
Где описали склоки эти;
Четыре насчитав обмана,
Большого напустив тумана,
В свидетели взяв небеса,
Что в споре том права ... Лиса!
Она умна, собой пригожа,
А если пух на рыльце — что же?
Ведь в наше время (каждый знает)
И не такое, мол, бывает...
Но с а м музейный Львиный дом
Навек спасён её трудом!
Короче, если разобраться,
Не надо спорить и ругаться,
А, дело бросив на весы,
Признать соавторство Лисы!
(Верней, конечно, совладенье,
Но это так, для уточнения)...

Кто натравил всю эту свору,
Я по сию не знаю пору;
Но цель — ясней не может быть:
Им надо воду замутить.
Да вот от грязной той водицы
Теперь вовек им не отмыться!
(Но у волков своя натура:
Что грязь? была бы целой шкура!)
Такой вот вышел оборот,
И суд не то чтобы на год,
Он затянулся на века,
Без окончания пока;
И бурно обсуждает лес
Весь этот шкурный интерес...
(Мораль):
Не знаю, вспомнил кто иль нет
По аналогии сюжет —
О том, как нынче, а не встарь,
Загублен был один словарь,
И шум прошёл на всю страну
Про «русско-шведскую» войну?²
Словарь, конечно, словарём,
Да только дела суть не в нём
(Хотя и в нём, конечно, тоже:
Ведь брать готовое — негоже!),
А в том что я сказать решаюсь,
В детали слишком не вдаваясь:
В ПРОДАЖНО-БЕСПРИНЦИПНЫЙ ВЕК
В ЗАГОНЕ ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК.
А ТЕ, КОТОРЫЕ «В ЗАКОН Е»,
ДАВНО КОМАНДУЮТ НА ТРОНЕ,
И ПРОЦВЕТАЮТ БЕЗ ГРАНИЦ
ДЕЛА БЕЗНАВСТВЕННЫХ ЛИСИЦ!
Зачем мы отдаём на милость
Волкам закон и справедливость?—
В итоге может так случиться:
Сожрут нас Волки и Лисицы!
Но будем верить, что Творец
Положит этому конец.
P.S.
Возможно, выглядит, как бред,
Сей «лингвистический» сюжет,
Но Дятел — безусловно прав,
На беззаконие восстав:
Когда устои жизни шатки,
Нет средства лучше «правды-матки»!

Июль 2003 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Имеется в виду опубликованный в «Литературной газете» (28 мая-3 июня 2003 г., № 21) материал: «Четыре обмана. Открытое письмо учёных в защиту труда и имени Сергея Ивановича Ожегова». Авторы этого «безадресного» (кому?) открытого письма: Е.Чельшев, академик РАН, зам. председателя Совета по русскому языку при Правительстве РФ; Ю.Караулов, член-корреспондент РАН, директор Центра русского языка Московского лингвистического университета; В.Костомаров, академик РАО, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Госинститута им. А.С.Пушкина; Я Засурский, декан факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова.

Развёрнутый ответ на это открытое письмо опубликован мною тогда же в «Книжной газете» (№ 11/12, июнь 2003): Л.И.Скворцов. Четыре псевдообмана, или Кто наводит тень на плетень? (Открытый ответ на открытое письмо в «ЛГ» по поводу 24-го издания «Словаря, русского языка» С.И.Ожегова (М., 2003).

См. также статью С.Н.Есина «Подмена» (К событиям вокруг «Словаря русского языка» С.И.Ожегова) в настоящем издании.

² См. основные публикации в порядке хронологии:

Володченко В. И стал Ожегов соавтором (Почему знаменитый «Словарь русского языка» беззащитно используется изворотливыми людьми). — «Парламентская газета», 16 апреля 2003 г., N 70;

Реформатский И. Ожегов выходит в свет один, без пары. — «Труд», 22 апреля 2003 г.;

Реформатский И. Ожегов остаётся Ожеговым! — «Парламентская газета», 7 мая 2003 г.;

Щиц М. Нет слов (Битва под Ожеговым). — «Российская газета», 7 мая 2003 г., № 16;

Астахова А. Словарный боезапас (Из-за судебной тяжбы знаменитый словарь Ожегова в ближайшее время может превратиться в библиографическую редкость). — ж. «Итоги», 13 мая 2003 г., N 7;

Лесков С. Язык до суда доведёт. — «Известия», 17 мая 2003 г.;

Скворцов Л. В защиту Ожегова. — «Известия», 26 мая 2003 г.;

Лукьянова И. Слово и дело (Российская Академия наук вступилась за честь Ожегова). — ж. «Ломоносов», 2003 г., № 6;

Сугой О. Многострадальный «Ожегов». — ж. «Наука и жизнь», 2003 г., № 7;

Лошманов Р. Ненормативные страсти (Интервью с Л.И.Скворцовым). — «Россия», 2 октября 2003 г., № 166.

Модестов Н. Автор известен, авторство не ясно? — «Московская среда», № 34 (92), 8-14 сентября 2004г.

**ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ
В ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ (ДОКЛАДЫ №№ 521-546)**

521-е заседание. 28 марта 2001 г.

А. С. Демин

**«Железные папорзи» и архаизирующее повествование
в «Слове о полку Игореве»**

В «Слове» есть темное место в обращении к князьям: «А ты, буи Романе и Мстиславле!.. Суть бо у ваю железный папорзи подь шело-мы латинскими. Теми тресну земля»¹. К непонятному слову «папорзи» подыскиваются две основные параллели — «повороза» и «паперси»². Первой рассмотрим параллель из летописной повести под 1216 г. о битве новгородцев с суздальцами на реке Липице; в тексте повести по Новгородской Карамзинской летописи сообщается, в частности, такая деталь о князе Мстиславе Удалом: «бе бо у него топоръ с *поворозою* на руце, и сечаше темь»³. Чем можно доказать, что это параллель? Прежде всего слова «папорзи» и «повороза» кажутся близкими по созвучию, тем более что в Московско-Академической летописи, содержащей тот же текст о Липицкой битве, занимающее нас слово написано еще ближе орфографически: «бе бо у него топоръ с *паворозою* на руце»⁴.

О связи «паворозы» именно с «папорзи» свидетельствуют также неоднократные, но до сих пор не отмеченные случаи фразеологического сходства повести о Липицкой битве со «Словом о полку Игореве», причем большинство параллелей встречается в том самом отрывке повести, где упомянуты «паворозы». Перечислим их по ходу отрывка.

1. Повесть: «А забудем, *братье*, дома, жены и дети» (с. 122); «Слово»: «дорога, *братие*, забыв чти, и живота, и... отня злата стола, и своя милыя хоти... » (с. 48), — совпадают слова «забыти» и «братие», переключаются синонимичные слова «домы» и «живот», «жены» и «хоть», а возможно, также «честь» и «отний стол».

2. Повесть: «а коли *любо* умирати»; «Слово»: «*хоцю* главу свою приложити» (с. 44), — тут, правда, лишь смысловое сходство выражений «любо умирати» и «*хоцю* главу приложити».

3. Повесть: «ссед с *коней*... *боси* поскочиша... полезше же с *конь*,

также поидоша боси, завиваючи ноги»; «Слово»: «поскочи горнастаемъ... въврѣжесе на брѣзь комонь и скочи с него босымъ влъкомъ... избивая гуси и лебеди» (с. 55), — совпадают слова «поскочити» и «босый» (а «босость» — очень редкий мотив); переключаются по смыслу «ссести с коней» и «скочити с коня»; наконец, созвучны слова «завивати» и «избивати» (в повести первоначально, вероятно, было более разное: «боси забиваючи ноги», а не искаженное «завиваючи»).

4. Повесть: «побежени же бывше полкы силнии»; «Слово»: «бьшеть притрепаль своими сильными плъкы» (с. 50), — совпадает словосочетание «сильные полки», синонимичны слова «победити» и «притрепати».

5. Повесть: «се бо слава ею и хвала погыбе»; «Слово»: «усобица княземъ на поганья погыбе» (с. 49), — совпадает слово «погыбе» в приложении к абстрактным понятиям.

Возможные переключки со «Словом» встречаются и перед рассматриваемым отрывком из повести.

1. Повесть: «Одинъ есмы брат съ Ярославом» (с. 116); «Слово»: «одинъ братъ, одинъ светъ светлыи — ты, Игорю» (с. 46).

2. Повесть: «стояша за щиты всю ночь, кликоша бо въ всех полцех» (с. 120); «Слово»: «Дети бесови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты» (с. 47).

3. Повесть: «и бишась ти день и до вечера» (с. 120); «Слово»: «бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полуднию...» (с. 49).

Какой же конкретное была связь повести со «Словом»? Выясняется, что фразеологическое сходство со «Словом» отсутствовало в самой ранней версии повести в Новгородской первой летописи обоих изводов, а появилось оно только в более поздней версии повести, восходящей к летописному своду 1448 г. и дошедшей в нескольких летописях XV в.⁵, среди которых текст повести в Новгородской Хронографической летописи конца XV в. в результате симптоматичной описки вдруг ни к селу ни к городу упоминает половцев⁶. Таким образом, не ранее середины XV в. на повесть как-то повлияло «Слово», но не обязательно само «Слово», а, возможно, исчезнувшая его переработка, предшествовавшая «Задонщине», могла повлиять на текст повести в середине XV в. Но вывод о параллели «папорзи — повороза» ясен: как бы то ни было, слово «повороза» в повести оказывается действительно так или иначе связанным со словом «папорзи» в «Слове о полку Игореве», что дополнительно оправдывает исправление искаженного «папорзи» на правильное «поворози», предложенное Д. Дубенским, а затем Ю.М. Лотманом на основании палеографических соображений⁷.

Теперь можно осмыслить слово «папорзи — паворзи». Судя по параллели из летописной повести о Липицкой битве, «паворза» означала нечто вроде ленты или ремня: с ремнем — поворозою на руке был топор у князя во время сечи⁸. Значит, некие ремни означали «папорзи — паворзи» в «Слове о полку Игореве», только смысл словосочетания был уже переносный — имелись в виду ремни особого рода или не

совсем и даже вовсе не ремни: «железные папорзи», т. е. железные полоски или ободки, опоясывающие ряды железных нагрудников у воинов, когда цельной кирасы еще не изготовляли. Раз «папорзьями» означает совсем другой предмет — нагрудники, то, значит, перед нами не изобразительная метафора, не символ, а иносказание, обозначение одного предмета через другой предмет, т. е. метонимия.

Такое толкование данного словосочетания наводит на предположение об одной из повествовательных особенностей «Слова», в котором сочетание необычного эпитета с существительным нередко являлось иносказанием: «опуташа въ путины железны» (с. 50) — железные путины — это не обычные пути, которыми опутывают, а что-то, напоминающее цепи или гибкую проволоку⁹; «на Немизе... молотятъ чепи харалужными» (с. 54), — ясно, что харалужные цепи — это в данном случае не цепи, а мечи, которыми «веють душу отъ тела»; «зелену паполому постла» (с. 48) — имеется в виду не паполлома — покрывало, а трава в роли савана; и т. д. — можно умножить примеры предметных иносказаний в «Слове».

Перейдем к рассмотрению второй параллели к «папорзьям», которая добавлена В.Н. Перетцем из «Хроники» Георгия Амартола, где в одном из рассказов говорится, как византийский цесарь заботился о сохранности «предивнаго и единокаменнаго столпа... на красоту же ему и на лепоту медяны обручи прекова и мнози *поперсьци*»¹⁰. Параллель здесь та, что «папорзи» и «поперсьци» являются словами хотя и разными, но созвучными; тоже и сходными по смыслу, ведь «папорзи», «поворозы» и «поперсьци» означали примерно одно и то же: ремни или пояса, очевидно, нагрудные металлические¹¹. Недаром вслед за Ф.И. Буслаевым В.Н. Перетц склонялся к поправке «паперси» вместо испорченного «папорзи», со значением «латы»¹².

Вторая параллель позволяет высказать еще одно предположение о литературной манере автора «Слова о полку Игореве». Кажется, не так уж и важно, какие именно из созвучных слов первоначально стояли в тексте памятника, потому что не терминологическое, а усиительное переносное значение всей фразы было здесь самым важным: «Суть бо у ваю железны папорзи (поворозы, поперси) подъ шеломы латинскими» — означало сплошную закованность головы и тела воинов (а возможно, и коней) в железо. Этот-то мотив окованности воинов металлом и повторялся в данном месте «Слова» как, несомненно, важный: тут же упоминаются Ярослав Осмомысл на «златокованнемъ» престоле со «своими железными плъки» (с. 52); у других князей «храбрая сердца в жестоцеъм харалузе скована» (с. 51), иных — «опуташа въ путины железны» (с. 50); половцы тоже предстают в виде «железныхъ великихъ плъковъ» (с. 50).

Семантическая особенность «Слова о полку Игореве», наблюдаемая в данном случае, по-видимому, была вот какой: во фразы и выражения автор регулярно вкладывал настолько расширительный, переносный, иносказательный смысл, что в пределах такого смысла становилось

возможным менять конкретные слова внутри фразы по созвучию, по родственности значений или как-либо еще, чем и занимались позднейшие переписчики, а затем и исследователи «Слова».

Кроме «паворозей-паперсей-папорзей» приведем еще примеры словесной толерантности «Слова о полку Игореве». Так, оказывается допустимым, чтобы ошибки писцов и научные реконструкции взаимно соприкасались и чтобы звучала двояко, например, фраза: то ли «что ми шумить, что ми звенить *давечя*», то ли «что ми шумить, что ми звенить *далече*» (с. 48), — все равно выражается ощущение отдаленности автора от описываемых событий. Так же двояко может звучать, например, обращение к ветру: то ли «бъшеть горъ подь облакы веяти», то ли «бъшеть *горé* подь облакы веяти», — все равно где-то далеко вверху. Еще пример двоякости звучания: то ли «меча *времены* чрезь облакы», то ли «меча *бремены* чрезь облакы» (с. 52), — и в том, и в другом случае передается представление о чем-то затруднительном для метания, но с силой *метаемом*¹³. Таково семантическое коварство «Слова» — плата за широкую иносказательность.

В заключение обратимся к контексту фразы с «папорзьями». «Папорзи-паворозы-паперсци», вместе с латинскими шеломами обозначавшие тяжкую железную амуницию воинов¹⁴, вполне естественно связывались с непосредственным продолжением повествования в этом месте «Слова»: «Теми тресну земля» (с. 52), т. е. от тяжелого вооружения треск и гром шел по всей земле¹⁵. Подобные земельно-звуковые мотивы, притом неприятные, типичны для «Слова»: «*гримлють сабли... трещать* копия харалужныя... среди земли Половецкыи» (с. 48); «*быти грому великому... земля тутнетъ... половци идуть*» (с. 47); «*половци неготовами дорогами побегоша... кричать телегы*» (с. 46); «*кликну, стукну земля... вежи ся половецкии подвизашася*» (с. 55).

Отсюда делаем еще один предположительный вывод о литературной манере «Слова о полку Игореве»: связь иносказаний, переносных, трудно уловимых ныне переосмыслений была ведущей в ходе повествования этого памятника; причудливые семантические связи в логике повествования «Слова» еще требуют прояснения. Вот на какие предположения об иносказательной литературной манере автора «Слова о полку Игореве» наводят две параллели к слову «папорзи».

Но можно сделать еще более широкий и, кажется, неожиданный вывод об ориентации автора «Слова» на старинное повествование XI в., но не на современное ему повествование XII в. И действительно, нет аналогий светскому иносказательному изложению, характерному для «Слова», среди произведений XII в., а вот в XI в. по крайней мере одна аналогия есть, и какая — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, переведенная с греческого на Русь в середине XI в.¹⁶ Именно в «Истории» Флавия и именно в речах героев, сконструированных древнерусским переводчиком сочинения, встречается экспрессивная метонимия, причем наиболее часто в первых трех книгах «Истории», насыщенных

фольклорно-легендарным материалом в отличие от последующих книг, составленных очевидцем событий¹⁷.

Ограничимся примерами, структурно близкими «железным папор-зам» «Слова о полку Игореве», — метонимическими сочетаниями существительных с прилагательными в «Истории» Иосифа Флавия: «въ единъ путь смъртныи ведошася» (путь смертный — казнь); «повемъ язычскую злобу» (языческая злоба — заговор с целью убийства); «душа наша темну храмину оставивши» (темна храмина — тело); «потят будеши серпом небеснымъ» (серп небесный — смерть); «отъятися от римских рукъ» (римские руки — власть Рима); «иссухають съльнцемъ жатвеннымъ» (солнце жатвенное — зной); «укрепи мышци иудейскы» (мышцы иудейские — войска Иудеи); «не терпящи буря конное» (буря конная — натиск конницы); и пр.¹⁸

Подобную иносказательную манеру старых экспрессивных речей, по-видимому, взял за образец автор «Слова о полку Игореве», но пользовался «старыми словесы» гораздо гуще и старательнее своих прдшественников.

Архаизирующая повествовательная ориентация автора «Слова» подтверждается и другими сходжениями с «Историей» Иосифа Флавия. Так, именно в сочинении Флавия присутствовали древние мотивы скованности войска металлом («окованы быша железомъ»¹⁹) и громыхающего треска оземь от тяжести вооружения («падеса ниць с великим громом, запен си о камень с тяжкымъ оружиемъ»²⁰). Иносказания в «Истории» Флавия также допускали замену слов без ущерба для смысла метонимии (ср.: «потят будеши серпом небеснымъ», а в другом списке: «пожат будеши серпом небеснымъ»²¹). Наконец, немало конкретных фразеологизмов «Истории Иудейской войны» использовано в «Слове о полку Игореве»²².

Предположение об архаизирующей повествовательной манере автора «Слова о полку Игореве», конечно, надо проверять на многих параллелях с памятниками. Однако показательно, что исследователи уже высказывали мысль об архаичности языка и архаичности идей «Слова» для XII в.²³ Так автор «Слова» героизировал свой рассказ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Л.А.Дмитриев, Д.С.Лихачев, О.В.Творогов. Л., 1967. С. 52. Далее страницы указываются в скобках. Орфография текста передается с упрощениями.

² Перетц В. Слово о полку Игоревім: Пам'ятка феодальної України Русі XII віку. Вступ. Текст. Коментар. У Київі, 1926. С. 280; Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 150—151; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В.Л. Виноградова. Л., 1973. Вып. 4. С. 53—54; Бобров А.Г. Папороз // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 4. С. 11—13.

³ ПЛДР. М., 1981. Т. 3 / Текст памятника по «Новгородской Карамзинской летописи» подгот. Я.С.Лурье. С. 122. Далее страницы указываются в скоб-

ках. Орфография древнерусских текстов здесь и далее передается с упрощениями.

- ⁴ Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. / Изд. подгот. А.Ф. Бычков. СПб., 1897. С. 472.
- ⁵ О версиях повести, как называет их исследователь, см.: Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 96-115.
- ⁶ Там же. С. 103. Вместо «нынешние полцы» появились «нынешние половце» — еще один отзвук «Слова о полку Игореве».
- ⁷ Лотман Ю.М. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 34-40.
- ⁸ См.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 2. Стб. 856—857. Ср. также в «Киевской летописи» под 1147 г.: «ужемъ за ноги уворозиша», т.е. обмотали (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Текст памятника подгот. А.А. Шахматов. Стб. 352). В книжных описях упоминается «евангелие с поворозами», т. е. с лентами или ремешками. Благодарю И.А. Комарова за это указание и за консультацию по древнерусскому воинскому наряду. Библейские параллели слову нашел С. В. Дёгтев.
- ⁹ Ср.: Адрианова-Перетц В.П. Указ. соч. С. 130—132.
- ¹⁰ Истрин В.М. Книги временъныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пгр. 1920. Т. 1: Текст. С. 339.
- ¹¹ В греческом тексте «Хроники» здесь употреблено слово «*λωροί*», заимствованное из латинского *lorum* — ремень. В более позднем переводе «Хроники» в XIV в. это слово переведено как «поясы». Благодарю за консультацию В.А. Матвеевко и Л.И. Щеголеву, в переводе которых это место звучит еще и так: «для красоты и великолепия он оковал (его) медными обручами и множеством опоясок» (Матвеевко В.А., Щеголева Л.И. Временник Георгия монаха (Хроника Георгия Амартола): Русский текст, комментарий, указатель. М., 2000. С. 271).
- ¹² Перетц В. Указ. соч. С. 280. Правда, один из исследователей настаивает, что «паперси, поперсьци» означали часть конского убора, ремень на нижней части конской груди (Орел В.Э. «Слово о полку Игореве» и его этимологическое изучение // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. с.129).
- ¹³ Про «времены» как предметы вращения, метательные диски или мячи см.: Мурьянов М.Ф. «Слово о полку Игореве» в контексте европейского Средневековья // *Paleoslavica*. Cambridge (Massachusetts), 1996. Vol. 4. P. 120, 123, 127. Есть еще реконструкции: «камены» и «пламены» (там же. С. 106), но и эти исправления в тех же смысловых пределах.
- ¹⁴ Ср. весовое описание амуниции Голиафа в «Хронике» Георгия Амартола: «шлемъ медянь на главе его, и въброня, в ня же ся облачаше, имущи сикль 5000 меди и железа, и ножнице медяны на ногу его... копые 600 сикль железа, и щить медянь...» (С. 125). Одна лишь броня весила 50—60 кг, а наконечник копья — 6 или 7 кг.
- ¹⁵ О значении слова «треснути» см.: Перетц В. Указ. соч. С. 280; Адрианова-Перетц В.П. Указ. соч. С. 107, 134.
- ¹⁶ Мещерский Н.А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 112.

- ¹⁷ О фольклорности первых книг «Истории», о метонимичности изложения Иосифа Флавия, о творчестве древнерусского переводчика см.: Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 39—40, 84—86, 82 и др.
- ¹⁸ Там же. С. 216, 221, 239, 258, 277, 295, 300, 315.
- ¹⁹ Там же. С. 376.
- ²⁰ Там же. С. 402.
- ²¹ Там же. С. 258.
- ²² Там же. С. 104-105.
- ²³ Ср.: Винокур Г. О. К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. С. 98 (работа 1938 г.); Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 241, 255, 267, 302, 308.

522-е заседание. 4 апреля 2001 г.

Н. П. Гордеев

Риторика обличителей и почитателей Дмитрия Самозванца

Как пишет Ю.В. Рождественский, «история риторики есть история стилей жизни». Новая риторика, очевидно, отражает новые взгляды, идеи и веяния — в противоположность старой. Речь идет об умении излагать («изобретать») мысли соответственно цели и обстоятельствам. Очевидно, риторике любой эпохи следует изучать как ее культуру и историю. Начало XVII в. занимает особое место в истории России: реформы Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца, усиление феодального гнета, стихийные бедствия (жестокие неурожаи и массовый голод), крестьянская война и Смута — недостаточно исследованные историками — явились преддверием Тридцатилетней войны и оставили неизгладимые следы в русской истории и культуре.

При изучении риторики периода Смуты нельзя забывать, что воцарение Дмитрия Самозванца означало новую оттепель, либерализацию, подъем экономики, улучшение жизни всего населения и европеизацию страны, а гибель царя-реформатора всколыхнула все русское общество снизу доверху и привела к его расколу.

Чтобы подавить народное сопротивление и жажду реформ, реакционно настроенным верхам и официальной церкви пришлось, в частности, повести массивную пропаганду. Агитационные сочинения (например, послания патриарха) зачитывались в церкви. Действовала жесткая цензура, порождавшая самоцензуру. Так, предполагается, что повесть «Како отомсти...», датируемая 1606 г., была написана на основе послания патриарха. «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (1612) читался 22 октября в московской церкви Введения Богородицы на Сретенке.

А.С. Аверинцев традиционно определяет риторику как «искусство хвалы и хулы». Однако «хвала» и «хула» — слова родственные и, видимо, равнозначные (например, в устах льстецов Эмпедокл, которого

Аристотель считал родоначальником риторики, представлял мир как гармоничное смешение элементов, то соединяемых Любовью, то разъединяемых враждой). Такая трактовка более всего подходит к риторике Смутного времени. А.М. Панченко относит к русским «публицистам» рассматриваемой эпохи монаха (Палицына), приказного дьяка (Тимофеева), двух князей Рюриковичей (Шаховского и Катырева-Ростовского). Сюда же можно было бы присовокупить патриарха Гермогена с его посланиями и неизвестного автора повести «Какое отомсти...». Последний мог бы быть собратом Тимофеева, т. е. приказным, который предпочел остаться неизвестным. Следует отметить популярность «Летописной книги», приписываемой то Шаховскому, то Катыреву-Ростовскому, — популярность, способную побуждать копиистов делать от себя добавления.

Так, блестящую характеристику царя Дмитрия I в конце этого сочинения или, по крайней мере, восторженный отзыв в стихах мог дать скорее всего грамотей простого звания — ерославской исходатай» из ярыжек. Он — единственный русский почитатель Дмитрия, выступивший в защиту реформатора.

Подобные произведения в значительной мере написаны по канонам гомилетики и носят назидательный религиозно — нравственный характер. Их цель — убедить народ в предательстве, еретичестве и кровавых замыслах Дмитрия Самозванца. Как и любая проповедь, они заканчиваются поучениями в христианском духе и славословием царю (в данном случае Михаилу Романову). Сказанное относится и к основному тексту «Летописной книги».

Для большинства русских сочинений характерно сочетание азиатского стиля (плетения словес) с аттическим (деловая проза). «Плетение словес» наиболее характерно для Тимофеева. Иностранцы же авторы предпочитают рациональную «протестантскую» риторику, делающую упор на выражение мыслей. Они приводят гораздо больше фактов и относятся к Дмитрию I, по крайней мере, с меньшей предвзятостью, если не восхищаются им, как Буссов и Маржерет.

Возьмем описание сражения войска Самозванца с Борисовой ратью в «Летописной книге»: «и брань жесточайше по обе страны, падают трупие семо и овамо. Уже солнцу уклонившуся на запад и покры я земля ночьюю тмою и тако преста брань». Эти ряды бессознательных предложений, упоминание, что сражение закончилось лишь после заката солнца, бесконечные архаизмы напоминают «Задонщину» и «Слово о полку Игореве». Аверинцев отмечает, что сходные приемы свойственны еще гомеровской «Илиаде». Орлов указывает, что злоупотребление стереотипными шаблонами типично для средневековой литературы. Участник того же сражения Жак Маржерет пишет по-военному: «20 декабря обе стороны сошлись и после двух— трехчасовой стычки разошлись без особых потерь, разве что Дмитрий упустил там хороший случай из-за неопытности своих капитанов в военном искусстве». Этот безыскусственный, но ясный и точный стиль, казалось бы, без

малейшего намека на риторику, позволяет сообщать весьма важные сведения о сражении и производит сильное впечатление на читателя.

Еще Платон противопоставлял риторическое искусство этике и придавал наибольшее значение последней. В риторике различаются три направления: эристика, предполагающая выигрывание спора любой ценой и любыми средствами, диалектику как поиск и утверждение объективной истины и софистику — видимое сочетание диалектики со стремлением выиграть спор любой ценой (Рождественский). Диалектика требует объективного рассмотрения всех фактов и исключает эмоциональное давление на слушателей или читателей, что свойственно средневековой проповеди.

Предвзятость в отборе фактов и чрезмерная эмоциональность характерна для всех русских сочинений Смутного времени. Так, в «Летописной книге» утверждается, что Дмитрий хотел насадить в России католичество и «кровь христианскую многую пролия». Это не соответствовало действительности. В повести «Како отомсти...» утверждает, что он хотел превратить монастыри в обычные дома и заставить жениться монахов, тогда как реформатор лишь хотел упорядочить монашескую жизнь. Правительство Годунова объявило «царевича» расстригой Гришкой Отрепьевым, но претендент появился в Польше за несколько лет до появления подлинного Отрепьева на Украине, а «чернецом» он не был — лишь скитался по монастырям в течение семи лет.

Для обличительной риторики характерно множество отрицательных синонимов: окаянный Рострига, предтеча антихриста, богоборный антихрист, хульник иноческого жития, попратель иноческого чина, чернец, отвергший обеты своя, незаконный царь (избранный всей страной!), законпреступный царь и т.д. Они переходили из одного сочинения в другое и должны были оказывать эмоциональное давление на русских людей.

Тимофеев мастерски владеет эллипсисом: «Яко же море не познавает в пределех своих малех держащихся в нем животных до единого, сице же царюющему не бе знай ни род сего, не имя его, — он же дерзну сицевому усынотворитися, якоже к Богу приближением приравнися!» (здесь же умело употреблены литота и риторическое восклицание). В «Летописной книге» находим типичный параллелизм: «и согласишася все воинство купно, и оружие своя воздвигоша, и на царевых воевод награсно нападаша и, поймав, во град Путивль связанных поведоша до онаго мнимаго царевича» (параллельные однородные предложения с глаголами на конце). Таких примеров можно найти много.

Но, как пишет Державина, для сочинений Смутного времени наиболее характерны сравнения и метафоры. Весьма ярки уподобления в «Хронографе» 1617 года: Отрепьев нагрянул «аки лютая буря», «аки лютый зверь, иже спяй в горах», «аки вебрь из дубравы многодревняя», «аки смертодыхательная скорпия, яже зрением уморяя многих». В «Како отомсти...» он предстает «яко же Арий безумен» (часты сравнения с Юлианом Отступником и Иудой). Обильны и метафоры. Так, в «Плаче...» сказано: «и не придя в сытость сицевого бесовского яда» — Самозванцу было мало «преступлений», которые он совершил преж-

де. В «Како отомсти...» он же «вонзи страх в сердце человека» (подобно мечу). Можно также привести пример из «Хронографа»: «воздвиза пламень ярости». Хворостинин похваляется, что разговаривал с Дмитрием, «высителные слова отсекая острием словеснаго меча».

Блистательны и антитезы. В «летописной книге» русские люди радуются приходу «царевича»: «Мертв бе и оживе, изгибе и обретесе». «Како отомсти» порицает Дмитрия: «Наименова себе не точия царем, но непобедимым кесарем» (хотя сравнения Самозванца с византийскими императорами довольно часты). «Хронограф» негодует: «Сей же бысть от родства не славных, ни великородных, но от последнихъ людей служивыхъ в чину детей боярскихъ». Зато у анонимного автора «Двоестрочия» в «Летописной книге» то же самое противоречие вызывает восхищение: «Понеже он бысть убогий чернец и возложи на ся царский венец...». Словом, почти к каждому из сочинителей можно применить оценку данную «Хронографом» Самозванцу: «...Речением же многословен и ко книжному прочтанию борзозрителен, но не на благо...».

Иностранные авторы гораздо более скупы на риторические приемы. Но и они владеют ими. Так, Геркман пишет о врагах Самозванца: «завистливые преследуют удачливого своим ядовитым жалом». Другая употребленная им метафора не менее выразительна: Дмитрий замечает, что «час смерти его приближается, что свеча его уже догорает». У Массы находим сравнение: «Воеводы взирали на Дмитрия, как на восходящее солнце» (что объясняет их нежелание сражаться против царевича). Можно привести антитезу того же автора: «Он, хотя и был героем и воином, но также и распутником». Или риторическое восклицание: «О, как они были ослеплены!»

Но, как Тимофеев выделяется риторическим мастерством среди русских авторов, так среди иностранцев особенно заметен Конрад Буссов. Он пишет гораздо более скромно и убедительно, чем Тимофеев, но гораздо менее скупится на риторику, чем, скажем, Исаак Масса и Жак Маржрет. Он пишет сдержанно, однако блестяще владеет синонимами, эпитетами и антитезами, нередко и к месту включает латинские цитаты и пословицы. Описывая гибель Дмитрия, он прибегает к антитезе: «Так внизу в грязи валялся отважный герой, который еще вчера восседал во всем почете и прославился во всем мире». Если Тимофеев сравнивает Самозванца с Иудой, то Буссов пишет, что убитый пострадал от заговорщиков, как Иисус Христос. Буссов поразительно точно сравнивает это кровавое событие с Варфоломеевской ночью, когда во время свадьбы короля Генриха Наваррского с сестрой Карла IX был убит адмирал Колиньи и тысячи других гостей-гугенотов. Участь, постигшую Дмитрия, он называет «трагическим зеркалом» для всех монархов.

Очевидно, средства риторики в описании характера и деятельности Дмитрия Самозванца резко обрисовывают духовное видение упомянутых авторов, их мировоззрение и политические взгляды. Налицо столкновение духа Средневековья и Нового времени, временное торжество прошлого в российской действительности.

523-е заседание. 11 апреля 2001 г.

М. Е. Бычкова

Предки поэта Евгения Боратынского

Генеалогические материалы из серии разысканий о предках русских литераторов.

524-е заседание. 18 апреля 2001 г.

А. А. Горский

К вопросу о составе русского войска на Куликовом Поле

В докладе рассматривается вопрос о том, отряды из каких русских земель и княжеств участвовали в походе великого князя Дмитрия Ивановича на Дон в 1380 г. Подробные сведения об этом, содержащиеся в поздних источниках — «Сказании о Мамаевом побоище» (начало XVI в.) и летописном своде 1539 г., — полностью противоречат друг другу. Они были сопоставлены со сведениями ранних источников о составе войск Дмитрия в походах на Тверь 1375 г. и на Новгород 1386—1387 гг. Это сопоставление позволило сделать вывод, что данные «Сказания» недостоверны, а перечень, находящийся в своде 1539 г., опирается на ранний и в основе достоверный источник. Суммируя данные ранних (конца XIV — начала XV в.) источников о Куликовской битве («Задонщины», краткой и пространной летописных повестей, сведений о походах Дмитрия 1375 и 1386—1387 гг., а также фрагмента об «уряжении полков» в своде 1539 г.), можно полагать, что против Мамаю выступили: во-первых, отряды с территории великого княжения, то есть от городов (и окружающих их волостей) Москвы, Коломны, Звенигорода, Можайска, Волока, Серпухова, Боровска, Дмитрова, Переяславля, Владимира, Юрьева, Костромы, Углича, Галича, Бежицкого верха, Вологды, Торжка; во-вторых, силы из княжеств Белозерского, Ярославского, Ростовского, Стародубского, Моложского, Кашинского, Вяземско-Дорогобужского, Тарусско-Оболенского, Новосильского; а также отряды князей-изгоев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей и Романа Михайловича Брянского и, возможно, отряд новгородцев; не исключено участие отрядов из Елецкого и Муромского княжеств, а также Мещеры.

525-е заседание. 25 апреля 2001 г.

А. О. Шелемова

О традиционалистской поэтике и ее преодолении в «Слове о полку Игореве»

Крайне невразумительное выступление по поводу своей книги «Слово о полку Игореве»: поэтика пространства и времени».

526-е заседание. 16 мая 2001 г.

А. В. Каравашкин

Презентация монографии «Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский»

527-е заседание. 23 мая 2001 г.

А. Л. Никитин

Презентация книги «Основания русской истории»

528-е заседание. 30 мая 2001 г.

Р. А. Симонов

Презентация книги «Естественнонаучная мысль Древней Руси»

529-е заседание. 6 июня 2001 г.

Н. В. Трофимова

Следы «Сказания о Мамаевом побоище» в летописной повести «О приходе крымского царя Сафа-Гирея на Русскую землю» в 1541 г.

Воскресенская летопись — один из крупнейших летописных памятников XVI в., содержащий материал по русской истории от легендарных времен до 1541 г. включительно. Значительную часть текстов свода составляют воинские повести, большинство которых летописец перенес из предшествующих памятников, главным образом из Московского свода конца XV в. и Ермолинской летописи. Некоторые более или менее существенные изменения внесены в повести 1149, 1185, 1471, 1480, 1506, 1514 гг. причем в основном они сводятся к структурному уточнению с помощью введения подзаголовков, соединению частей из разных летописных статей, реже проводится стилистическая правка. Кроме того, автор Воскресенской летописи ввел в нее «Повесть о разорении Царьграда турками» Нестора-Искандера под 1453 г. и, вероятно, сам написал повесть о приходе Сафа-Гирея на Русь в 1541 г.

Такое соотношение «чужого» и «своего» в воинском повествовании Воскресенской летописи характеризует ее автора скорее как компилятора, нежели как писателя. Вполне естественно, что, столкнувшись с необходимостью создать оригинальную повесть о событии своего времени, автор не только использовал накопленный в процессе переработки предшествующих сводов опыт, но и имел в виду конкретный литературный образец, что было обычным в средневековой литературе. По моим наблюдениям, таким образцом было «Сказание о Мамаевом побоище» в редакции, называемой Л. А. Дмитриевым¹. Основной причиной обращения летописца к произведению внелетописному о давнем событии послужило, вероятно, сходство двух походов на Русь — Мамаю и Сафа-Гирея. Оба хана собрали огромные силы и ставили

целью установить свою власть над Русью. Оба не дошли до Москвы, в битве потерпели поражение и вынуждены были ни с чем уйти. Повестей, содержащих подобный ход событий, в летописях не было, за исключением разных вариантов повести о Куликовской битве, один из которых помещен в Воскресенской летописи. Можно полагать, что именно по этой причине летописец не обратился к ней, не желая повторения сходных особенностей в рамках одной летописи. С другой стороны, очевиден интерес автора к внелетописному материалу, ярко проявившийся в том, что он привнес в свое произведение самостоятельную повесть Нестора-Искандера.

В то же время, нужно сказать, что создатель Воскресенской летописи проявил большой такт в работе с литературным образцом. Он не мог воспользоваться конструктивными принципами «Сказания», поскольку, во-первых, события его времени не имели полных аналогий с походом татар на Русь; во-вторых, летописные повести, которые он переписывал и отчасти перерабатывал, пользовались иными приемами построения произведений. Летописец XVI в. мотивировал ход событий строго прагматически, в отличие от автора «Сказания», который давал в большинстве случаев религиозно-символическое объяснение событий. В связи с этим в повести XVI в. не используется такое важное средство изображения событий, как библейские аналогии, многократно уменьшается количество библейских цитат, отсутствует форма видений. В стилистическом отношении автор также следовал традиции своего времени, вводя документальные и разговорные элементы. Тем не менее создатель повести 1541 г. использовал лишь отдельные эпизоды «Сказания», отражавшие совпадающие события конца XIV и XVI вв., а также стилиевые обороты и образы, несколько раз повторяющиеся в раннем памятнике или встречающиеся только в нем. Большее количество заимствований содержится в первой половине повествования, рассказывающей о выступлении хана в поход, подготовке московского князя к обороне Москвы и отправлении войск на врага, битве и бегстве Сафа-Гирея с места сражения. Вторая половина повести, рассказывающая о безуспешной осаде Пронска, уходе вражеского войска и возвращении русских воинов в Москву, практически не имеет аналогий со «Сказанием», вероятно, потому, что сильно различаются сами события.

В отличие от большинства повестей в Воскресенской летописи повесть 1541 г. начинается вступлением, рассказывающим об отношениях, сложившихся между Русью и Казанью, и посылке Иваном IV воевод с войсками во Владимир, на случай похода на Казань. Этот рассказ служит мотивировкой дальнейших событий, решение Сафа-Гирея идти на Русь объясняется тем, что хан узнал о выходе большого русского войска в Казань и решил воспользоваться слабостью обороны Москвы. Вступление есть и в «Сказании о Мамаевом побоище», и оно также рассказывает о побуждениях, заставивших Мамаю выступить на Русь. Мотивировка событий дана религиозно-символическая: дьявол подстрекал хана захватить Русь и искоренить православие.

Следующий сходный фрагмент появляется в рассказе о подготовке московским князем обороны города. После сражения у города Осетра, когда были захвачены пленные и князю рассказали о силах врага, он, отправив войска к Пахре, пошел в церковь и произнес две молитвы, обращенные к Богородице и чудотворцу Петру, с просьбами о помощи и заступничестве. Молитвы достаточно редко появляются в воинских повестях Воскресенской летописи, соединение же сразу двух аналогичных по смыслу лирических фрагментов оказывается особенно заметным, тем более что они обнаруживают стилистические совпадения с молитвами, помещенными в «Сказании». В нем есть молитвы, обращенные к тем же святым, следующие в том же порядке (им предшествует еще одна — Христу). Молитва Богородице в обоих памятниках вводится упоминанием образа, к которому обращаются герои: «юже Лука евангелистъ написа» (390)²; «юже Лука евангелистъ, живъ сый, написа...» (32)³. Фрагмент этой молитвы: «Пошли милость свою, да не ркутъ погании: где есть Богъ ихъ, на него же уповають?» (390) перекликается с отрывком другой молитвы в «Сказании», произнесенной князем на Куликовом поле и обращенной к Христу: «Да не порадуются о нас врази наши, и рекутъ страны неверныхъ: Где есть Богъ их, на нь же уповаша?» (41). Неточная цитата из Псалтири 78:10, вошедшая в молитву, встречается также в повести о Куликовской битве, помещенной в Воскресенской летописи, в молитве Димитрия Ивановича Христу после получения известия о предательстве Олега Рязанского, среди ряда других реминисценций из Псалтири.

Близки по тексту и молитвы, обращенные к митрополиту Петру:

Сказание о Мамаевом побоище

Повесть 1541 г.

Тебе бо Господю прояви последне- а вжегль тя Богъ намъ светлую му роду нашему и вжегль тебе свещу и постави на свещнице, тобя намъ, светлую свещу, и посъстави дароваль Богъ роду нашему и все- на свещнице высоце светити всей му христианству крепкаго стража земли Русской... Ты бо еси стражъ наш крепкий (32).

а вжегль тя Богъ намъ светлую свещу и постави на свещнице, тобя дароваль Богъ роду нашему и все- му христианству крепкаго стража (390).

Повторяя образы более раннего памятника, автор повести сокращает их, снимая один из случаев тавтологии («на свещнице... светити»), соединяя две фразы в одну. Сама метафора: святитель Петр — светлая свеча — происходит из жития, где приведен рассказ о сне матери Петра до его рождения, в котором она увидела «агнецъ доброзрачен на руку своюю, имущи на рогу своюю древо, различныя цветы имуща, и свеча пресветлыи светящаяся». Аналогичного обращения к святителю Петру в воинских повестях предшествующей и современной памятнику эпохи мною не обнаружено. Сходство разобранных эпизодов подчеркивается тем, что после молитв в обоих памятниках следуют сообщения о благословении: Димитрия Ивановича митрополитом Киприаном, а Ивана Васильевича митрополитом Иоасафом.

Сразу за сценой благословения в повести 1541 г. помещено описа-

ние совета бояр и митрополита о дальнейших действиях и судьбе малолетнего великого князя. Вводится этот фрагмент обращением Ивана к митрополиту Иоасафу: «Веси, отче, настоящую сию беду на ны, яко царь Крымской прииде на землю нашу...» (390), буквально повторяющим обращение Дмитрия за советом к митрополиту Киприану: «Веси ли, отче нашъ, ныне настоящу сию беду великую, яко безбожный царь Мамай грядеть на насъ» (20). Вся сцена построена на речах действующих лиц, высказывающих разные мнения: одни считают, что князь должен покинуть Москву, чтобы не подвергаться опасности; другие — что ему лучше остаться в городе. Бояре, отстаивающие первую точку зрения, приводят в пример отъезд Василия Дмитриевича из Москвы в момент нашествия Едигея; а митрополит, отстаивающий вторую позицию, ссылается на разорение Москвы Тохтамышем в результате того, что Дмитрий Иванович уехал из Москвы, не подготовив ее к обороне. Именно аргументы митрополита, доказывающего, что московские князья покидали город для сбора войск, а не боясь опасности, и его напоминание о том, что для обороны можно использовать силы, собранные во Владимире для похода на Казань, решают спор в его пользу.

Мнение митрополита оказалось решающим и в «Сказании о Мамаевом побоище». Дмитрий должен был решить вопрос: следует ли сразу собирать войска против Мамаю или попытаться откупиться дарами. Отстаивая второй путь решения проблемы, Киприан, как и Иоасаф, опирался на события прошлого, вспоминая историю Василия Великого, Юлиана Отступника и Меркурия. После решения совета Иван Васильевич приказывает укреплять Москву и отправляет посольство в войско с просьбой к боярам оставить распри и послужить царю, который за это пожалует не только их самих, но и их детей. Пространная сцена совета бояр и обращения их к войску, основанная также на речах персонажей, содержит целый ряд текстуальных совпадений со «Сказанием о Мамаевом побоище». Обещая награду воинам и память погибшим, Иван произнес: «А которого васъ Богъ възметъ, и азъ того велю въ книги животныа написати» (392). Этой награды просили для себя в случае гибели воины перед Куликовской битвой, обращаясь к Дмитрию: «Въ книги съборныа написати насъ, памяти ради русскимъ сыномъ» (42).

О единодушии русского воинства и боярства в решении последовать просьбе царя «за христианство страдати», автор говорит: «аки единомусты, глаголаху» (392). Оборот этот дважды встречается в «Сказании»: в первом случае так характеризуется ответ князей на призыв Дмитрия вместе с ним «за веру Христову... пострадати»: «реша вси купно, аки едиными усты» (30); второй раз так же «все множество людей, яко едиными усты реша» (30) в ответ на призыв Дмитрия собрать войско у Коломны. Одинаковы не только ситуации, в которых появляется эта формула, но и слова героев, которые ее сопровождают. В «Сказании» князья выражают согласие «главы своя положити за святую веру христианскую...» (30), в повести 1541 г. — «за христианство головы свои класти» (392). «Хотимъ съ татары смертную чашу

пити» (392), этот оборот встречается неоднократно в двух повестях — о разорении Рязани Батыем и в «Сказании»: «утре бо нам с ними пити общую чашу» (39), «хощу с вами ту же общую чашу испити» (43), «пити многим людем смертна чаша» (47). Воеводы в повести 1541 г., видя единодушные войска, «обрадовашася радостию великою и обретоша словеса ихъ, яко некое съкровище» (392). Сходная характеристика состояния героев неоднократно появляется в «Сказании». Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич «възрадовастася радостию великою» (37) приходу в войско Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского; готовясь к бою, «сынове рускые възрадовашася радостию великою» (38); Дмитрий Иванович, посетив преподобного Сергия, пошел в Москву, «радуясь, аки съкровище некрадомо обрете» (31). Совпадает в двух повестях и характеристика чувств воинов, стремящихся вступить в битву. «Сказание»: засадный полк «непрестанно покушающесе, яко званнии на бракъ сладкаго вина пити» (44).

Повесть 1541 г.: после первой перестрелки с татарами «отъиде страхъ отъ сердець ихъ, въоружившесе храбростию, аки на бракъ званы, хотя битися съ татари» (393). Редким явлением для воинских повестей было описание войска, помещенное летописцем в повести 1541 г. Оно дано глазами крымского царя, пораженного многочисленностью и организованностью сил врага: «И узре же царь: идуть болшие пльки да и правая рука и левая; и начать царь зрети и дивитися, что идуть люди многие, учредивъ полки красно видети, и люди цветны и доспешны, книждо въеводы въ своемъ пльку» (393). Зрелище это вызывает страх Сафа-Гирея и гнев на приближенных, сообщавших ему, что большая часть русского воинства ушла к Казани. В Воскресенской летописи есть только одна повесть, перенесенная из Московского летописного свода конца XV в. — о походе Святослава на волжских болгар в 1220 г. — содержащая описание войска. После победы Святослав узнал, что побежденные ждуть в Исадах, и «повеле же воемъ своимъ оболочитися во броня, и стяги наволочити, и наряди полкы въ насадехъ и лодияхъ, и поиде полкъ по полце, бьюще въ бубны и во трубы и въ сопели» (175)⁵. Это описание отличается от вышеприведенного по функции: в нем подчеркивается не многочисленность и сила, а внешние атрибуты войска, которому предстоит пройти перед побежденными.

Ближе по назначению к описанию повести 1541 г. картина выступления русского войска в поход, увиденная глазами князей, в «Сказании о Мамаевом побоище»: «...богатыри же рускые и их хоругови, аки живы пашутся, доспехы же рускыхъ сыновъ, аки вода въ вся ветры колыбашесе, шоломы злаченыя на главах ихъ, аки заря утреняя въ время ведра светящися, яловци же шоломовъ ихъ, аки пламя огненное, пашется» (39). Прямых аналогий с описанием в повести XVI в. в этом фрагменте нет, но он также подчеркивает силу и красоту войска, выступающего на битву. Сходна и оценка вида войска в двух повестях. В «Сказании о Мамаевом побоище» ее дают литовские князья, присоединившиеся к воинству Дмитрия: «Нестъ было преже нас, ни при насъ,

ни по насъ будетъ таково вѣиство уряжено» (39). В повести 1541 г. сам Сафа-Гирей произносит: «... а язъ столко многихъ людей нарядныхъ, ни кутарниковъ, ни аргамачниковъ, не лучилося видати въ одномъ месте, а старые мои татарове, которые на многихъ делехъ бывали, тоже сказываютъ, что столко многихъ людей нарядныхъ въ одномъ месте нигде не видали» (393).

«Старые татары», упомянутые ханом, появляются еще в одном фрагменте повести 1541 г. Именно их советом, обоснованным ссылкой на поход Темир-Аксака, не сумевшего захватить Москву, но взявшего по дороге Елец, объясняется решение Сафа-Гирея на обратном пути осадить город Пронск. В «Сказании о Мамаевом побоище» перед походом на Русь Мамай спрашивал «старых татар» о Батыевом нашествии, и они рассказали ему об этом событии, И в том, и в другом памятнике этот собирательный образ олицетворяет собой мудрость и опыт, но в обоих случаях авторы допускают анахронизм: как старые татары времен Куликовской битвы сами не могли ничего знать о нашествии Батя, так татары времени Сафа-Гирея не могли быть свидетелями нашествия Темир-Аксака на Русь. Фигуры эти в обеих повестях условны, но выполняют одинаковую роль.

Характеризуя главу вражеского войска, летописец XVI в. неоднократно обращается к тексту «Сказания». Рассказав о бегстве хана, автор возвращается к моменту его прихода на Русь, вспоминая его гордость и уверенность в своих силах: «уподобльшеса прежнимъ Еллинскимъ царемъ, богы ся называаше, а во адъ снидоша» (394). Истоки этого сравнения можно видеть в характеристике Мамаю: «еллинъ сыи верою, идоложрецъ и иконоборецъ» (25). Мотив похвалы врага также появляется в обоих произведениях: «Прииде же на Рускую землю съ великою похвалою» (394); ср.: «Он же безбожный Мамай начать хвалитися» (25). Противопоставление образа врага — льва и русских людей — овец в повести 1541 г. встречается в одном фрагменте: «аки левъ, хотя въсхитити Христово стадо словесныхъ овецъ» (394); в «Сказании» два образа разнесены по разным эпизодам: Мамай пошел на Русь «аки левъ ревыи пыхаа» (26), бояре говорят, что, если Дмитрий погибнет, они будут «аки стадо овчее, не имуще пастыря» (43).

Слова Сафа-Гирея, обращенные к московскому князю: «Преиду на тя, и стану подь Москвою и распущу войско свое, и пленю землю твою» (394) напоминают речь Мамаю к татарам с тем же обещанием: «Егда дойду Руси и избию князя их, и которые грады красные довлеютъ нам, и ту сядем и Русью владеем...» (26). Обещания врагов сопровождаются и аналогичным комментарием авторов, неточно цитирующих Псалтирь 117: 16: «А не веды того, яко Господня рука высока есть» (394); ср. «А не ведый того оканный, яко Господня рука высока есть» (26).

Состояние бегущего Сафа-Гирея передано фразой: «побеже съ великимъ страхованием, не можааше и на коне седети, и повезоша его въ телеге» (394), имеющей иной литературный источник: повесть о

битве Ярослава со Святополком на реке Альте в 1019г., которая есть в составе Воскресенского свода. О состоянии потерпевшего поражение Святополка в ней сказано: «и бежащю ему, нападе на нихъ страхъ, и разслабишася вся кости его, и не можаше седети, несяхуть вои на носилахъ» (II, 425). Появление этой реминисценции из очень древнего текста, вероятно, тоже связано с текстом «Сказания», автор которого упоминает Святополка неоднократно: «Ныне же сего Олга оканнаго новаго Святъплька нареку» (28), «пожреть мя земля жива, акы Святоплька» (35), «Ярославъ, перевезеся реку, Святоплька победы» (38), «помози ми, яко же... пръвому Ярославу на Святоплька» (41). Такого настойчивого упоминания имени данного исторического персонажа мы не встречаем в других воинских повестях, хотя в летописной повести о Куликовской битве, помещенной в Воскресенской летописи, Святополк также упомянут в числе врагов, побежденных героями библейской и русской истории (III, 63).

Сходна оценка чувств, испытываемых вражескими полководцами, потерпевшими поражение в бою: Сафа-Гирей «говориль своимъ княземъ, что получить великое бесчестие» (394), Мамай «не мога тръпети, видя себе побежена и посрамлена и поругана» (48). Одинаков и результат чувств, испытываемых персонажами. Мамай «И паки гневашеся, яряся зело, и еще зло мысля на Русскую землю» (48), а крымский хан принял совет и осадил Пронск, «да не ркутъ людие, что царь приходиль на Рускую землю, а Руси не учиниль ничего» (394).

Таким образом, значительная часть повести 1541 г. по Воскресенской летописи содержит аналогии с Основной редакцией «Сказания о Мамаевом побоище». Автор использовал текст более раннего памятника в тех случаях, когда совпадали по содержанию отдельные эпизоды двух событий или создавались близкие образы. В то же время летописец не слепо следовал за своим предшественником, а отбирал наиболее яркие и уникальные фрагменты «Сказания». В стилистическом отношении заимствованные фрагменты чаще всего упрощались автором XVI в., вводились в общее русло повествования Воскресенского свода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 306-359.
- ² Текст повести 1541 г. цит. по изд.: Русские летописи. Рязань, 1998. Т.3: Воскресенская летопись. Другие тексты по тому же своду приводятся с указанием тома и страницы. Орфография передана упрощенно.
- ³ Текст основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» цит. по изд.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
- ⁴ Клосс Б.М. Избранные труды. М., 2001. Т.2. С.28.
- ⁵ Цит. по изд.: Русские летописи. Рязань, Т.2. 1998.

Обличительные наименования

(на материале русской литературы XVII — первой половины XVIII вв.)

Как показывает анализ русских полемических сочинений XVII — начала XVIII в., в них ученая полемика практически всегда подменялась бранью, направленной против оппонента; на место научного спора, участники которого стремятся найти истину, ставилась защита порядка; брань же являлась реакцией на такое нарушение. Важным атрибутом инвективного высказывания являлась концентрация сведений о пороках оппонента.

Правда, бытуют и наименования, которые, не являясь бранными в обыденной речи, приобретают пейоративную (обличительную) функцию в инвективной, эмоционально окрашенной речи. Например, в «Повести о бражнике» название героя бражником указывает на несовместимость его поведения со «званием». В известном стихотворном доносе 1704 г. архимандрита Хутынского монастыря Феодосия Иова находим следующий фрагмент: «...и он, чернец, твоему повелению учинился ослушен и силен». Оппонент, враг получает такое именование не потому, что он ему отвечает, а напротив, потому что он этому наименованию не соответствует: являясь чернецом, ведет себя не так, как ему положено себя вести, нарушает порядок.

Но чаще враг получает эмоциональное наименование, соответствующее его нарушающим порядок поступкам или поведению. Так, в «Лабиринте» Эберхарда находим: «Это он, лицемер, обольщает медовою речью неискусшенных, и в них точит погибели яд».

Бранные обличительные наименования иногда расценивались как приводящие к уничтожению противника удары. Довольно необычным является избивание оппонента языком: «Оставив же Евлогия, Великий Антоний начат языком бити разслабленного. И глагола ему: клосне и разслаблене, недостойне небес и земли». Герой этого рассказа нарушил порядок, проявил неблагодарность. Бранные слова предстают как удары языка.

Нагромождение инвективных наименований может стать приемом. В «Обличении на Лихудов» дьяка Афанасия находим: «...новые прелестницы, бешенные собаки, темнообразные иноземцы с лукавыми своими учениками, лютые звери, скверные нетопыри, слепые совы, нечистья души, окаянные человеки, новые Каины, вторые Иуды, плотные демоны, прелестные змиеве... ученики их иноземческому зело не потреблены, аще они, иноземцы, и учены, правда и истина...» Афанасий заменяет нагромождение бранных наименований логически связанными именами: от зверей и птиц к библейским персонажам. Повторяются здесь слова «иноземцы» и «прелестники» «прелестные». По всей видимости, этот повтор и указывает на главную вину оппонента. Враг осуж-

дается за нарушение установленного порядка. Действительно, иноземец не знает уклада другой земли и при этом соблазняет людей.

Та же идея нарушения порядка постоянно присутствует и в других полемических текстах второй половины XVII — XVIII начала вв. В «Щите веры» читаем: «А злоба еретическая между православными множится и ширится, яко лютый недуг, глаголемый гаггрена, все тело церкви святых мало по малу обкруживает и изъядает». В «Жезле правления» неоднократно указывается причина появления в текстах бранных наименований. В «Жезле правления» про Никиту Пустосвята говорится, что он «...дерзнул есть возвести мрачныя свои очеса в светлыя лучистыя богословии, их же не токмо не исправи, но в конец погубил есть». Или там же: «Яко бо козлиць бегая и плодоносная древеса объядает и губит, свиния же скверным носом вертоград рыет и нивочтожествует, тако и скотоумный сей Никита сотвори в саде благоплодовитом, и в вертограде благовонноцветном святых писаний».

Та же мотивировка обличения врагов за нарушение порядка содержится и в других текстах эпохи. В более поздней «Пращице» епископа Питирима старообрядцы «такowym своим беснованием велие во благочестивых соделали смущение и мятеж»; «всячески убо вси еретицы востающыя на церковь, якоже и вы, хотяще ю разрушити и в небытие свести, но сами точию вси погибоша». В другом любопытном тексте Петровской эпохи — «Увещании Синода против самоубийств» — бранных наименований удостоивается оскорбитель царского достоинства: «...в нынешнее время тем же суесловием прелестивший себе, явился злодей разстрига Василий Левин, которые желая страдания, не помня же суда Божия, не устрасился перед простым народом произнести безумныя злословия своя на державнейшего помазанника Божия, власть высочайшую и неприкосновенную». Враг осмелился обличать самого монарха, да еще прилюдно. Тем самым он нарушил чин, порядок. Очень много бранных наименований встречается в «Увете духовном» (1682).

В некоторых текстах поясняется, что же такое порядок. В «Увете духовном» читателю предлагается выбрать образ жизни: «Всяк же да разумевае сие, како подобает в мире сем жити, и как жителствуют на вселенной люди смотрети. Множеству ли последовати людям или единому злодеицу; царем ли подобает повиноватися или за мужики безумными гонятися, презрев их. Пастырем ли истинным послушание лучши отдавати или басноватым таимичищным врагом внимати; в пастве ли достоин быти и под началом или яко скоту без пасения на всякия грехи и своеволи бродити, мудрых ли и разумных слушати достоин или кто безумствует, воздержным ли людям сокровища веряют или пьяницам и вертопрахам то предавают». То есть антитетически представлено *правильное поведение*.

В переводном «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей»: «Христианския князи и государи ищучи Божия славы и чести и слову пространения и подданным своим покой чиня. Христианския со-

юзы и соединения супротивно язык турков и татар и иных гонителей. И сие честное и доброе христианское славное имя и те воры богоотступники и клятвы преступники государю своему вместо смуты и волнования соединением называют, потому что то слово волнование им кажется слово непригожее, а я бы хотел его прямым именем дьяволеванием назвати, и они и тому что волновальцами назвати не достоин, потому что они не человечески, но все дьявольски делают». Брань напрямую связана с защитой порядка. Отсюда сравнение настоящего положения дел с идеалом. В «Учении и хитрости» постоянно вспоминаются рыцарские времена, когда поведение воинов было основой порядка в войске.

В печатных текстах 40-х годов XVII в. брань, как правило, является реакцией на нарушение моральных устоев. Рейтары-предатели не только представляют угрозу государству, но и оказываются банальными изменниками. В «Службе и житии Сергия и Никона Радонежских» (М., 1646) в главе «О архимандрите Матфее» неблагоприятному архимандриту видится святой Никон: «Зрит себе пришедша во обитель преподобных и сrete его блаженный Никон, держа жезл пастырский в руке своей, обличая его и глаголя ему с яростию: что убо, лицемере, егда болезнь одержим, тщательне к нам приходиши. Исцеление же получив, паки отходиши, но отныне пребуди тамо, идеже возлюбил еси жити, к нам никакоже приходи». Аналогичные мотивы можно обнаружить в «Прологе» (в слове «О расслабленном»).

Обличаемый противник может перейти на сторону ругателя и перестать быть врагом. Так пытается обратиться беглецов Вельхаузен: «Тако же я всех чти любительных ратных людей болшей или малой меры прошу, чтобы им сие мне в зло не поставити, что кабы я в начале сего дела им к бесчестию писал; но потому как во всяких здоровых стадах коростовыя овцы живут и я сим мыслил про тех, которые на то злоподвижные и им воспоминаю, чтобы им того отстати и возвратитися и прилежно с радением ратному строю и науку и взыскати, потому что еще время возвратитися исправитися».

Такая мягкость возможна и в словесных войнах второй половины XVII в. Так, в «Увете духовном» Афанасий Холмогорский пишет: «Издадеся книга сия Увет духовный во утверждение благочестивых людей, во уверение же и обращение к покаянию от прелести расколников святая церкви». Значит, речь идет о тех, кто еще в состоянии вернуться на правильный путь, причем оговаривается способ исправления таких людей: «Братия, аще впадет человек в некое прегрешение, вы духовнии направляйте такового духом кротости».

Совсем другое дело — инвектива как способ уничтожения врага. У Феофилакта Лопатинского обличение — это последняя мера борьбы с раскольниками, когда другие средства себя исчерпали. Например, в изданном в 1745 г. «Обличении неправды раскольнической» обнаруживается именно такое объяснение: книгу долго не издавали, так как «се же всемерно ожидаемо было по непрестанным святейшаго Синода попечениям, что реченни невидящи света всем благопотребнишаго

благоволения Божия о спасении человеческого промышляющего, начнут поне от времени ко времени навывать, беззлобно приметить и уразуметь внутреннее грубия тмы своея бедство, а противу того узнать и почувствовать всеблаженнейшую свободу пресветлаго благочестия Христовы Церкви». Но, признав потом «крайнее их удаление от пути истины *невозвратно*, за благо избрал» издать книгу.

Для автора обличительного сочинения враги не только нарушают правильный, но и пытаются установить свой, неправильный порядок. К нему стремятся самовольно назначающие командиров и называющие «волнование соединением» изменники-солдаты из «Учения и хитрости». Свой порядок предлагают и старообрядцы. Видимость порядка создают католики, лютеране и турки. Но, в глазах автора, все организованное врагами, не имеет никакого отношения к истинному порядку.

Иногда при описании отрицаемого авторами полемических сочинений ложного порядка использовались образы, традиционно характеризовавшие истинный порядок. В этих случаях речь шла о потенциальной возможности договориться с врагом и создать порядок на основе этого соглашения. Так, хотя важнейшими чертами порядка являются тишина, мир и покой, во внутрискорообрядческой полемике XVII в. сторонники раскольничьей записи ссылались на слова Феофилакта Болгарского: «Не всяк мир и согласие добро, но есть егда и которы, и расколы — Божия вещь мнится», — осуждается порядок (известно, что для этих старообрядцев слово «раскольник» не воспринималось как бранное) и поощряется его разрушение.

Но чаще обличаемый герой — это разрушитель старого порядка, новый порядок устанавливается им неосознанно. В «Повести о Фроле Скобееве», где самое частое бранное наименование — «плут», героя таким образом называют стольники Ордын-Нащокин и Ловчиков. При этом они по-разному относятся к поступкам Фрола Скобеева. Для Ордина-Нащокина (и, вероятно, автора) брань здесь является реакцией на нарушение всего уклада жизни, а для Ловчикова — плутня мошенника, но без подрыва основ. Слово «плут» Ордын-Нащокин повторяет в каждой обращенной к Фролу Скобееву фразе. Бранное наименование, содержащееся в каждой строке обвинительного текста, было характерным элементом инвективной письменности: так же построено, например, опубликованное М. Семевским письмо Меншикова о плутнях монаха Порфирия. Однако в случае с «Повестью о Фроле Скобееве» можно предположить, что Ордын не только клеймит героя, но этим наименованием указывается и жанр произведения — плутовская новелла.

Попоставим «Повесть» с ремейком XVIII в. — «Новгородских девушек святочным вечером» Ив. Новикова. У Новикова герой представлен как известный тип — плут по натуре, плут неугомонный. Уже после семейного примирения он обманывает тестя и выманивает у него больше крестьян, нежели тот полагал дать молодым. В «Повести» же бранное наименование (плут) порождено необычностью поступка. Подоб-

но тому, как в «Увещании Синода» автор не знает, как назвать совершенное преступление, но при этом находит именование для преступников («окаянные сумазброды»), так и невиданное доселе преступление Фрола Ордин-Нащокин называет плутней, а разрушителя уклада — плутом. Невиданный преступник пока еще подпадает под старую категорию «плутов».

Таким образом, в беллетристике и в обличительных трактатах оппонент рассматривается как угрожающий существующему порядку враг. Этим обстоятельством объясняется ожесточенность полемики в XVII — начале XVIII вв. Многогранность понятия «порядок» позволяет установить иерархию подобных преступлений: от нападков на веру и церковь как основы общего порядка до забвения нравственного императива (неблагодарность, бесчестие и т. п.). Всех преступников объединяет агрессионное стремление разрушить существующий порядок. Брань представлялась действенным средством борьбы с таким агрессивным врагом.

531-е заседание. 19 сентября 2001 г.

Заседание, посвященное 100-летию Ольги Александровны Державиной. Выступили: В. П. Гребенюк, Е. И. Державина, В. И. Левочкин, А. Л. Никитин, О. В. Гладкова, Е. Л. Конявская, А. С. Демин.

532-534-е заседания. 25-27 сентября 2001 г.

Участие ОИДР в конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси», организованной журналом «Древняя Русь: вопросы медиевистики».

535-537-е заседания. 3-6 октября 2001 г.

Конференция «Мир житий», организованная ОИДР. См. сборник «Мир житий». М., 2002.

538-е заседание. 10 октября 2001 г.

И. В. Дергачева

Синодик как литературный памятник: история и традиции.

Возникновение литературного Синодика в России связано с определенными социально-историческими предпосылками. Поэтому этот интереснейший памятник книжности, получивший благодаря особой популярности название «народной книги»¹, возникает и имеет богатую рукописную традицию именно в России, не выходя за ее пределы. Можно говорить лишь об определенной корреляции этого памятника с латинскими «Ars moriendi».

Однако еще до возникновения Синодика-литературного сборника в конце XV в. на Руси уже существовали два других, более древних, типа Синодика. Первый — давший название всем трем типам памятника

— Синодик Вселенский², представляющий собою часть «Чина в неделю православия», составленного в Византии в 843 г. на основании протоколов VII Вселенского собора в память победы над иконоборцами и читающегося с тех пор в соборных церквах с архиерейским служением в первую неделю Великого поста. По функции — это литургический памятник, содержащий: 1) Пролог или Предисловие, в котором выражалось благодарение Богу за торжество православия («Должное к Богу летное благодарение...»); 2) краткое изложение догматов православной веры; 3) провозглашение вечной памяти умершим поборникам православия и многолетия живым; 4) анафематствование еретических учений и их проповедников.

В русской письменности первое упоминание Вселенского синодика встречается в «Повести временных лет» под 1108 г.³

Второй тип Синодика — Помянник, иногда имеющий в качестве варианта самоназвание «Синодик», — включает перечисление ряда имен лиц живых и умерших, поминаемых во время церковных служб. Следовательно, этот тип Синодика — также литургический памятник. Своим происхождением Помянник связан с диптихами, употреблявшимися в церкви с самого начала возникновения христианства (существовали диптихи крещальные, святых-мариологии, живых, умерших)⁴. Записи имен лиц за здравие и за упокой напоминают по своему составу два последних типа. К. Т. Никольский справедливо отметил определенное тождество функций диптихов и Вселенского синодика.

Помянники представляют огромный исторический интерес как своей информативностью, так и достоверностью сведений, ибо непременным условием для записи имен в них являлось внесение определенных вкладов. Помянники существовали родовые, монастырские, воинские. По времени поминовения, а соответственно, и по размерам вкладов Помянники делились на «вседенники» и «вечные»⁵. Ценнейшую информацию о вкладах «на помин души» представляют кормовые книги, некоторые из которых и сами включают имена для поминовения.

Третий тип Синодика по содержанию и составу связан с первыми двумя. Он представляет собою Помянник, расширенный синодичными предисловиями, имеющими телеологический сюжет и представляющими либо заимствованные из переводной литературы, либо, реже, оригинальные русские произведения, объединенные общей темой поминовения усопших. Своим возникновением он обязан определенным социально-политическим обстоятельствам, сложившимся на Руси к концу XV века. На фоне эсхатологических ожиданий конца света, связанных с истечением седьмого тысячелетия от сотворения мира (1492 г.), возникает ересь «жидовствующих». «Если ограничиться сугубо религиозно-богословской оценкой, то учение новгородско-московских монотеистов можно свести к отрицанию идеи конца мира, воскресения мертвых, Страшного суда и воздаяния. Поэтому обличители ереси имели все основания квалифицировать подобные заблуждения как саддукей-

ство»⁶. Иосиф Волоцкий известен своими страстными полемическими сочинениями, осуждающими ересь «жидовствующих»⁷.

Но не только публицистические сочинения вышли из-под пера Иосифа. Новый тип памятника письменности — Синодик с литературными предисловиями (Синодик-литературный сборник) обязан своим происхождением борьбе, которую преподобный Иосиф вел с еретиками. В Синодике своего монастыря 1479 г.⁸ он помещает перед Помянником три предисловия, которые образуют древнейшую редакцию, известную по 14 спискам XV—XVII вв.⁹ Тексты, выступающие в качестве синодичных предисловий, представляют собою выдержки из Слов Иоанна Златоуста¹⁰. В первом Слове говорится о спасительной силе Синодиков на Страшном суде, во втором — развивается идея преемственности родового поминовения, в третьем Слове содержится обращение к духовным пастырям, игуменам и иереям, с призывом поминать и тех, кто скончался в нищете, не имея возможности дать вклад на помин души (новый штрих к портрету «стяжателя», сыгравшего большую роль в русской истории).

Указанные тексты, ставшие первым синодичным предисловием, предваряли Помянник. Однако после Помянника Иосиф помещает дополнительные «предисловия», озаглавленные им как «Сказание, имущее сведетельство от божественных писании, о спасительных и душеполезных книгахъ — о сенанице и о повседневномъ поминании, како подобаеть намъ о сихъ попечение имети и какова польза бываеть от сего живимъ же и умершимъ душамъ»¹¹.

Далее следуют выдержки из святоотеческой литературы на тему пользы поминовения усопших. В словах Григория Двоеслова приводится деление грехов на непрощаемые и те, что возможно искупить даже посмертно. В слове Иоанна Дамаскина о Макарии Египетском об обретеннии черепа язычника («Святого Иоанна Дамаскина. Приидем же паки от сих на друга, тож силна и единообразна. Глаголю же Палладиеву еже к Лаусу повестную книгу. В ней же по великому и чудотворцу Макарию всеистинну написана суть, како сухую лбину вопрошая...»)¹² указывается единственный непрощаемый, по мнению составителя Синодика, т. е. Иосифа Волоцкого, грех — грех людей, познавших Христа, но отвергшихся от Него. Синодик—сборник с предисловиями был составлен преп. Иосифом в период подготовки к последнему собору на еретиков. Приверженцы ереси «жидовствующих» были богоотступниками, следовательно, грех их был не прощаем и они были осуждены не только при жизни (казни главных еретиков последовали в 1505 г.), но и посмертно, на вечные муки. «Умер бо душею мертвый Алексей протопоп», — сказано об одном из еретиков в соборном постановлении 1490 года, процитированном в «Просветителе» Иосифа Волоцкого¹³. Этот текст, являющийся, по сути, концепционным ядром синодичных предисловий, станет одним из самых популярных во всех редакциях Синодика¹⁴.

Следующий далее текст о царе Траяне, которого с помощью молитв, поста и всеобщего стояния Григорий Богослов избавил от вечно-го мучения, нестерпимого мраза, огня негасимого и тьмы крошечной, содержал прозрачный для современников намек на роль самого Иосифа в борьбе с ересью и его влияние на великого князя, первоначально покровительствовавшего «жидовствующим»¹⁵.

В Слове св. Никифора Ксанфопула, помещенном составителем следом, содержится указание на принципиальное отличие Синодиков от других церковно-учительных сборников, столь популярных на Руси: «Аз же к симъ глаголю: «Добре, яко первомученица Фалконилу спасе и велики Макарие и святые Григорие, тако же и святые исповедници о нечестивых моляхуся, и о мучителех, и о еретицех. Як бяху велиции чудотворци и богоноснии мужие. Смотри же, паки о коемъ есть прошение их и молитва, не о еллинех ли и идослужебницех и о еретицех и всяческих священных и чюжих от Бога и о безакония делателех. Зде ж верныи о верном...». Речь идет о той части Синодика, которая является ядром сборника — Помяннике со списками имен лиц, поминаемых за здравие и за упокой. «Верныи о верном» — это, конечно, не только имена поминаемых христиан (аналогия в Чине православия — поминание поборников православия), но и содержащиеся в синодичных предисловиях свидетельства святых отцов о пользе поминовения.

В следующем по хронологии списке Синодика Иосифо-Волоколамского монастыря, составленном в 1526 году, одиннадцать лет спустя после смерти игумена его учеником Серапионом Полевым, «последствия» были опущены¹⁶. Однако в списке 1598 года Волоколамского Синодика их текст был восстановлен вновь¹⁷. Так Иосиф Волоцкий создал новый Сборник, новый тип Синодика — Синодик с литературными предисловиями, где ключевое положение Григория Двоеслова о грехах прощаемых и непрощаемых явилось образцом для появления новых синодичных статей, заимствовавшихся из разных источников, в которых иллюстрировалась мысль о посмертном блаженстве праведников и возможности спасения душ грешников, при условии, если они не были богоотступниками.

Важно подчеркнуть, что Синодик с предисловиями — произведение авторское и время его возникновения связано с определенной социально—политической обстановкой и позицией автора. Предисловие к Синодику, написанное другим выдающимся деятелем эпохи, Нилом Сорским, как таковое в Синодик как особый вид сборника не превратилось. То, что А. И. Плигузов справедливо определяет как «Устав Нила Сорского и предисловие к Синодику, написанное именем Нила»¹⁸, является по сути церковно—учительным Словом «иноку, хотящему истинно спастися въ времена сия»¹⁹. Подборка цитат из святоотеческих писаний вставлена в монологическую проповедь на религиозно-нравственную тематику: «О различии еже на нас мысленыа борбы, победыи побеждениа и о еже тщаливно противитися страстемъ», «О борении нашемъ еже к симъ и яко памятию Божию и хранением сердца,

сиречь молитвою и безмльвием умным побеждати сих...», «О еже како и чемъ укреплятися въ настоянии ратеи мысленаго подвига», «О обдержании всего делания в жителстве нашем», «О различии нашего борения и победы, на осмь начялнейшихъ помысль страстныхъ и прочихъ»²⁰.

Следующее далее Слово «О памяти смертней и о страшном суде, како поучатися о сих, да стяжимъ сии помыслы въ срдцыхъ нашихъ», близкое по тематике синодичным предисловиям, посвящено памяти смертной, важнейшей из всех добродетелей: «Яко же бо всех брашень нужнейши хлебъ, сице и память смерти прочих добродетелей. И не возможно есть алчующему не поминати хлеба, такоже и хотящему спастися не поминати смерти, рекоша отци»²¹. Однако в отличие от Иосифа Волоцкого исихаст Нил озабочен не инвективами на еретиков и декларированием необходимости поминовения души для ее спасения, в том числе и внесением вкладов в монастыри, а указанием на необходимость заботиться о душе при жизни. В немалой мере способствует этому воспоминание «яко же рекоша святи в писаниих о различных страшных смертех». Нил Сорский кратко перечисляет различные виды смерти в назидание живущим, чтобы они готовились к смертному часу еще при жизни. Следующее далее описание неизбежного второго пришествия Христова, грядущего судить всех живущих, встречается в основном лишь в синодичных предисловиях церковных иерархов (как, например, в синодичном предисловии, атрибутируемом патриарху Иову). Анонимные составители синодичных предисловий, как правило, ограничивались в основном проблемами «малой эсхатологии», то есть интерпретацией посмертной участи человека, не решаясь затрагивать тему «большой эсхатологии»²² — сокровенную тему второго пришествия Христова.

Через пять Слов («О слезах», «О хранении от духа гневнаго», «О отсечении и бес попечении истиннем, еже ес умрътвие от всех», «О еже не преж времени и подобными мерами сия делания подобаеть творити», «Божиею помощию възмогаем») следует Молитва с поминанием усопших и перечислением различных видов смертей — «Творение Нила старца. Внимаи известно глаголемымъ. Помяни, Господи, душа усопших рабъ своихъ и рабынь, еже от руки Божиа създания человека»^{22а}.

Если тексты Нила Сорского на эсхатологическую тематику литературной традиции не получили, то Молитва стала неотъемлемой частью большинства Синодиков с предисловиями, в том числе и редакции Иосифа Волоцкого. Известно использование Иосифом Волоцким текстов, усваиваемых Нилу Сорскому и являющихся, видимо, его переводом, в собственных произведениях, например, в «Послании иконописцу»²³.

В XVI в. законодательные акты способствуют развитию Синодика. В 1548 г.: «...Благодарный и христолюбивый царь и великий князь Иоанн Василиевич всеа России самодержецъ. По благословению отца и богомолца Макариа митрополита Московскаго и всеа России, устави

общую память творити благоверным царем и князем, и боляром, и христоролюбивому воинству, и священническому и иноческому чину, и всем православным христианом. От иноплеменных на бранех и на всех побоищах избиенных, и в плен сведенных, и гладом, и жаждою, и мором, и наготою, и мразом, и всякими нужными всякими смертьми умерших, и во всяких пожарех убиенных и сожженных, скончавшихся, и в водах утопших, и всех православных христиан, всячески умерших²⁴. И повеле по них митрополиту и со всеми соборы пети понахиды и обедни служити и общую милостыню повелел давати, и корм уставил в болшей плате на митрополита и на все соборы. И сию общую память во всех православных христианех повелел и в прочая лета поминати на честь Богу и на похвалу своему государьству. И оттоле повелел тое общую память написати на Москве в соборные книги, чтобы та память незабвенна была во веки²⁵.

Стоглавый собор 1551 г. законодательно закрепил теоретические положения синодичных предисловий редакции Иосифа Волоцкого: «Которые боголюбцы давали святым церквам на память своим душам по своих родителех в вечный покой и в наследие вечных благ...по всех по тех боголюбцах, которые давали вотчины и села и купли, уставити по них кормы и на памяти их пети понахиды собором, и обедни служити, и братию кормити по монастырскому чину, а имена их написати в синодик и поминати по церковному уставу...да и по отшедших душах преставльшихся служити соборами за упокой, по всем соборным вселенских понахидам, да и прочие понахиды собором служити, по которым вотчины даваны и кормы годовые ставят»²⁶.

Видимо, результатом официальной обработки Иосифовой редакции явилось появление в Синодниках, включающих Макарьевский указ о поминовении усопших, единообразного названия «Синодик святых соборных и апостольских церкви сиречь помянник прежде отшедших душ к Богу» и специальной статьи о великих князьях, идейно обосновывающей русское самодержавие²⁷.

Итак, древнейший список, в котором до нас дошла первая редакция Синодика с предисловиями, относится к 1479 году и принадлежит руке самого Иосифа Волоцкого²⁸. В первую редакцию входили — трехсловное синодичное предисловие, Молитва о поминовении усопших и Помянник. К этой редакции помимо протографа относятся следующие списки: 1) Синодик Павло-Обнорского монастыря, до 1481 г. (ГИМ. Собр. Барсова. № 952); 2) Синодик Волоколамского монастыря, список 1526 г. с Синодика 1479 г. (ГИМ. Собр. Епархиальное. № 411); 3) Синодик Новгородской Борисоглебской церкви, 1552—1560 г.²⁹; 4) Синодик Михайлова Золотоверхого монастыря, 1553—1560 г. (ЦНБ АН УССР. 537 П / 1743); 5) Синодик Московского Большого Успенского собора, 60-е годы XVI в. (ГИМ. Собр. Успенского собора. № 64); 6) Синодик Московского Большого Успенского собора, 60-е годы XVI века (ГИМ. Собр. Успенского собора. № 65); 7) Синодик Троице-Сергиева монастыря, 1575 г. (РГБ. Ф. 304. Собр. Троице-Сергиевой лав-

ры. III. № 25); 8) Синодик Киржачского монастыря, до 1585 г. (РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. № 43); 9) Синодик Московского Богоявленского монастыря со списком имен лиц, казненных Иваном Грозным, 1599 г. (ГИМ. Собр. Епархиальное. № 706); 10) Синодик Троицкого монастыря на Цне-реке, 1620 г. (ГИМ. Собр. Барсова. № 961); 11) Синодик Киржачского монастыря, до 1631 г. (РГБ. Ф. 304. Собр. Троице-Сергиевой лавры. № 816); 12) Синодик соборной церкви дьяка Михаила Патрекеевича Насонова, 1633—1640 г. (РГАДА. Ф. 181. Собр. Архива МИД. № 342/722); 13) Синодик Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1673—1690 г. (РГБ. Ф. 214. Собр. Оптиной пустыни. № 327).

2-я редакция Синодика-литературного сборника относится к середине XVII в. и связана с именем первого русского патриарха Иова (умер в 1607 г.)³⁰. Синодики этой редакции объединяются построением: Помянник, как и в 1-й редакции, следует за предисловиями, имеется общее поминовение в редакции патриарха Иова 1597 г., а также наличием постоянно повторяющихся в Предисловии текстов, первые три из которых были заимствованы из 1-й редакции: 1) Трехсловное синодичное предисловие Иосифа Волоцкого; 2) «Таже от слова святаго Леонтия презвитера Царя Града, о поминании умерших. Вонми разумно, аще над гробом ты ныне вино пиеши...»; 3) «И по сем поучение от слова Дорофеева о нашем житии»; 4) «Сие предисловие общаго синодика еже есть помянника. Избрано бысть от божественных писмен...»; 5) «Слово от божественных писании, яко не подобает поминати себе за упокой живу сущу...».

В предисловии этой редакции указывается на то, что она новая и дается ключ к пониманию последующей структуры синодиков: «Мы же грешнии по Божии милости избрахом помянник сеи от тех же правил святых отец, от канонов и от молитв, и от прочих божественных писмян, что бывають в синоксарех певаемая по усопших. И собрав в поминание всех умерших, обще положихом им память, совокупя в един состав...якоже ж и святым многим составлена бысть Миняя общая, такоже и сеи помянник составлен бысть...»³¹.

К редакции патриарха Иова можно отнести следующие списки: 1) РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского. № 156. Нач. XVII в.³²; 2) РНБ. Собр. Титова. № 3996. 1674—1685 г.; 3) РГАДА. Ф. 396. Собр. Оружейной палаты. № 3714. 1633 г.; 4) ГИМ. Собр. Барсова. № 974. 2-я половина XVII в.

Синодики Иосифовой и Иововской редакций приобретают дополнительную функцию — четью. Общее поминовение и Помянник по-прежнему предназначались для чтения во время церковной службы, тогда как сами предисловия стали служить для общего чтения в монастырских трапезных, а также келейного и домашнего.

В середине XVII века, когда русское общество оправилось от потрясений Смутного времени, развитие Синодиков вступает в новую фазу. Литературные элементы предисловий Синодика охвачены общим про-

цессом беллетризации, характерной для русской письменности той поры. С усилением четвѐй функции состав предисловий максимально расширяется. Он превращается в Синодик-литературный сборник, в который помимо общего предисловия и Помянника входят тексты литургические, литературно-учительные, назидательные, апокрифические, исторические, агиографические, а также естественно-научные и календарного характера, объединенные общей темой поминовения усопших. Синодик может даже обособляться от Помянника и состоять только из предисловий³³.

Синодик XVII—XVIII веков становится одной из самых распространенных на Руси книг, не тиражируемых, а каждый раз составляемых заново, но по принципу, заложенному Иосифом Волоцким и патриархом Иовом. В третьей четверти XVII—XVIII вв. возникает сборник с названием «Лекарство душевное» (в синодичных предисловиях Синодики определяются как книги «душеполезные»)³⁴. В списках «Лекарства душевного»³⁵ общими являются название сборника («Лекарство душевное воспоминание смертное, сиречь синодик. Повести зело душеполезны суть. Избраны древних святых мужей, трудившихся Бога ради, царствия ради небеснаго и своего ради спасения, его же ради восприяша венць нетленныя, и царствию небесному наследницы быша») и предисловие, заимствованное из 1-го синодичного Слова Иосифа Волоцкого. Далее следуют «повести зело душеполезныи», разные в трех списках, но объединенные общей синодичной тематикой. Представляется возможным назвать этот сборник синодической книгой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. Ч. II. С. 80.

² Вселенский Синодик имеет богатую дореволюционную библиографию. См.: И. В. Дергачева. Типология Синодиков в русской письменности XV—XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3. Ч. 2. С. 246—254. Общая картина бытования Вселенского Синодика в пределах Московской митрополии представлена в работе В. В. Дергачева «Вселенский синодик в древней и средневековой России» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (3). М., 2001. С. 18—29.

³ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 187.

⁴ См.: Вениамин. Новая скрижаль или объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных. СПб., 1858. С. 163.

⁵ Список литературы о Помянниках см.: И. В. Дергачева. Типология Синодиков в русской письменности XV—XVII вв. С. 247, 257—260. Пример полной документально обоснованной расшифровки родовой памяти в Помяннике см.: Дергачев В. В. Родословие Дионисия Иконника // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1989. С. 210—225. См. также монографическое исследование о Помянниках: Steindorff L. Memoria in Altrussland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge/ Franz Steiner Verlag/ Stuttgart, 1994. Связь вкладов и поминаний прослежена в работе: Людвиг Штайндорф. Поминание усопших как религиозная и общественная долж-

ность монастырей в Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2000. С. 103—116.

- ⁶ М. Н. Громов, В. В. Мильков. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С. 326.
- ⁷ Библиографию см.: А. И. Плигузов. «Ответ кирилловских старцев» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (5). М., 2001. С. 1,2.
- ⁸ ИРЛИ. Оп. 23. № 52. Это древнейший список 1 редакции Синодика, автограф Иосифа Волоцкого.
- ⁹ См.: Ирина Дергачева. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика). Otto Sagner Verlag. München, 1990. С. 38, 39. Публикацию этих предисловий по рукописи Синодика Павло-Обнорского монастыря (ГИМ. Собр. Барсова. № 952., до 1481 г.) см.: Там же. С. 130, 131.
- ¹⁰ В автографе начало синодичного предисловия не сохранилось, текст начинается со Слова Иоанна Златоустого «Аще нецци дети будут тати или разбоиницы, или пияници...». Однако в современном ему списке Синодика Павло-Обнорского монастыря (ГИМ. Собр. Барсова. № 952) все три Слова сохранились полностью. Публикацию по этому списку см.: Ирина Дергачева. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков. С. 130, 131. Далее орфография упрощена.
- ¹¹ ИРЛИ. Оп. 23. № 52. Л. 40—44. Публикация: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 354—357. Описание и датировку рукописи см.: Ирина Дергачева. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков. С. 103—104.
- ¹² ИРЛИ. Оп. 23. № 52. Л. 51 об.—52 об. Источником этого текста является «Скитский патерик». В кратком виде встречается в «Слове Иоанна Дамаскина в субботу в мясопустную» из Синаксаря, помещенном в печатном Сборнике М., 1647; в Прологе под 19 января, в сборнике Иоанникия Голятовского «Души людей умерлых» — Чернигов, 1687, л. 28 об. и др.
- ¹³ Источники по истории еретических движений XIV—начала XVI вв. // Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI вв. М.; Л., 1955. с. 468—475.
- ¹⁴ Он встречается также в рукописях: РГБ. Муз. № 4116; РГАДА. Ф. 381. № 274; ГИМ. Увар. № 987 а; ГИМ. Барс. № 974; РГАДА. Ф. 196. I. № 1470; РГБ. Ф. 178. № 9465; РГБ. Ф. 218. № 606; РГАДА. Ф. 1192. II. № 559; РГАДА. Ф. 181. № 633; ГИМ. Муз. № 194; РГАДА. Ф. 396. № 3714; РГБ. Ф. 310. № 156; ГИМ. Хлуд. № 181; РНБ. Ф. I. № 323; РНБ. О. I. № 68; РНБ. Ф. IV. № 200 и др.
- ¹⁵ См. ИРЛИ. Оп. 23. № 52. Нач. : «Паки то иже глаголет яко Григорие убо Беседовникъ стареишаго Рима епископъ...». Этот очень популярный в синодичных предисловиях текст заимствован из 4 книги «Собеседований Григория папы римского, Двоеслова. Пролог: 10 июля», а также из «Слова Иоанна Дамаскина в субботу мясопустную».
- ¹⁶ ГИМ. Собр. Епархиальное. № 411.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1192. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. Оп. II. № 559.
- ¹⁸ А. И. Плигузов. «Ответ кирилловских старцев» // Древняя Русь. № 3 (5). М., 2001 г.

- ¹⁹ РНБ. Соф. 1489. Л. 294—387 об.
- ²⁰ Там же. Л. 294—358 об.
- ²¹ Там же. Л. 353—353 об.
- ²² Термины введены В. В. Мильковым. См.: В. В. Мильков. Древнерусские апокрифы. М., 1999. С. 284, 321.
- ^{22a} РНБ. Соф. 1489. Л. 385—387 об. Приношу благодарность Г. М. Прохорову за любезно предоставленный список этого текста. Публикацию см.: Ирина Дергачева. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков. С. 19—21. Об атрибуции текста этой Молитвы Кириллу Иерусалимскому и ее переводе, принадлежащем перу Нила Сорского, см.: Там же. С. 16—24.
- ²³ Боровкова-Майкова М. К литературной деятельности Нила Сорского // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1911. CLXXVII. С. 4—6.
- ²⁴ Ср. с перечислением разных видов смерти в Молитве Кирилла Иерусалимского в переводе Нила Сорского.
- ²⁵ РГБ. Ф. 214. Собр. Оптиной пустыни. № 327. Л. 6, 6 об.
- ²⁶ Стоглав. Собор, бывший в Москве при государе царе и великом князе Иване Васильевиче. СПб., 1863. С. 230.
- ²⁷ РГБ. Ф. 214. Собр. Оптиной пустыни. № 327. Конец XVII века; РГАДА. Ф. 181. Собр. Архива МИД. № 342/722. 2-я треть XVII века; РГАДА. Ф. 381. Собр. Синодальной типографии. № 273. XVII век; ГИМ. Собр. Уварова. № 252, до 1652 года.
- ²⁸ Протограф 1-й редакции — ИРЛИ. Оп. 23. № 52. Л. 40—44.
- ²⁹ Опубликован, см.: Шляпкин И. А. Синодик 1552—1560 годов Новгородской Борисоглебской церкви. Белоостров, 1911. С. 1.
- ³⁰ Некоторые соображения относительно авторства этой редакции Синодика, усваиваемого патриарху Иову, см.: Ирина Дергачева. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков. С. 39—49.
- ³¹ РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского. № 156. Л. 7—8. Нач. XVII в.
- ³² Уникальной особенностью этого списка являются киноварные заголовки, которыми составитель разметил процесс складывания редакции.
- ³³ См., например: Синодик лицевой сер. XVII века — РНБ. О. I. № 407, 112 л., состоящий из 30 синодичных статей; Лицевой Синодик последней трети XVII века — РНБ. Собр. Титова. № 2595, 48 л., состоящий из 16 синодичных статей.
- ³⁴ См.: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. // Записки Императорского Московского археологического института / Ред. Успенский А. И. М., 1913. Т. I. С. 88. и сл.; Кошелева О. Е. Лицевые церковно-учительные сборники «Лекарство душевное» в книжной культуре XVII в. (К вопросу об атрибуции памятника) // Тезисы всесоюзной конференции по истории средневековой письменности и книги. Ереван, 1977. С. 46—47.
- ³⁵ Известны следующие рукописи «Лекарства душевного»: РГБ. Ф. 92. Собр. Долгова. № 54. 3-я четверть XVII в.; Московская государственная Оружейная палата. № 9312. 1670 г.; РГАДА. Ф. 181. Собр. Архива МИД. № 597. 1-я четверть XVIII в.

«ПЧЕЛА» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУСИ И ВИЗАНТИИ

Восприятие на Руси богатейшего культурного наследия Византии изучается давно и плодотворно. Однако, как это часто бывает в науке, то и дело обнаруживаются области, в которых еще много белых пятен. Именно к таким областям относится восприятие на Руси византийской политической теории и идеологии. Существует ряд монографий и статей на эту тему — однако проблема настолько сложна, настолько зависит от состояния источников и методов их интерпретации, что полученные до сих пор данные ни в коей мере не могут считаться окончательными.

Как античная, так и средневековая политическая идеология включала в себя в качестве составной части представления об идеальном правителе. В самом деле, требования, предъявляемые к правителю были призваны обеспечить нормальное функционирование государства и благосостояние его граждан. Точно так же граждане государства в своих же собственных интересах обязаны были помогать правителю в осуществлении его власти. Представление о взаимной зависимости и обоюдных обязанностях правителя и подданных является необходимым элементом всех византийских политических теорий. Нас в этой паре противоположностей будет интересовать только идеальный правитель, поскольку образ идеального подданного (сам по себе также важный, и, кажется, еще никем не исследованный) в византийских политических теориях не столь ярко выражен.

Существующая литература об образе правителя в Византии, характере императорской власти, официальной политической идеологии насчитывает сотни названий. Что же касается аналогичной проблематики в применении к Древней Руси, то здесь положение совершенно иное. Существующие обзорные работы относительно поверхностны, поскольку недостаток места постоянно препятствует анализу огромного фактического материала. Тем не менее, существует ряд хороших монографических исследований, например, об «Учительных главах» Агапита в русской письменности, о политической теории, отразившейся в русских летописях, в последнее время — о политических взглядах. митрополитов Илариона и Никифора, а также Владимира Мономаха. Именно такие монографические исследования отдельных памятников и должны послужить основой для создания фундаментальной истории политических идей на Руси — отсюда их безусловная ценность и актуальность в наши дни. Исследование одного из интереснейших переводных сборников русского средневековья — «Пчелы» — может внести особый вклад в изучение древнерусской рецепции византийской политической идеологии. Сначала, однако, необходимо сделать краткие вводные замечания о том, что же собой представляла политическая идеология Византии.

В нашей исторической науке высказывалось мнение, что византийская политическая идеология сформировалась под влиянием нескольких культурных — факторов: «антично-эллинистических традиций, римской государственности и христианства» (Г. Л. Курбатов). С этим троичным делением можно было бы согласиться при одном существенном уточнении. Дело в том, что как «антично-эллинистические», так и «римские» традиции были сами по себе неоднородны — они эволюционировали от ранних, полисно-республиканских форм к традициям имперской экспансии на Восток и существенной «ориентализации» государственной жизни. Эллинистические государства, расширяясь, становились из мононациональных многонациональными и мультикультурными, — отсюда неизбежно возникали идеи своего рода «экуменизма», объединяющего различные этнические группы не только общей территорией, но и универсальной (имперской) идеологией (в которую могла органично включаться и религия).

Такая эволюция была характерна как для эллинистических монархий, так и для Римской империи. Напомним, что Византия никогда и не называлась иначе чем «Римская империя». В этом своем качестве, сохраняя культурную преемственность с античностью, Византия унаследовала от нее древнейшие, еще полисные представления о власти и правителе.

На протяжении веков, в зависимости от конкретных историко-культурных обстоятельств, эти представления то уходили в тень, то возрождались вновь. Однако главную роль в политической идеологии государства играли, наряду с христианством, не полисные, а именно имперские элементы древнейшего эллинистического и римского наследия. К таким элементам можно отнести идею сакральности верховной власти (первоначально никак не связанную с христианством) и проистекающую из нее теорию «подражания» монарха атрибутам божества («человеколюбец», «спаситель», «победитель», «промыслитель» и др.). Сюда же можно отнести византийский религиозно-политический мессианизм, представление об иерархическом устройстве обитаемого мира (иерархия государств), и проистекающий из него гегемонизм, бюрократическое управление завоеванными территориями как воплощение идеи «порядка», представление о юрисдикции императора даже над фактически неподвластными ему территориями и т.п. У истоков византийской идеологии стоит Евсевий Кесарийский, сформулировавший концепцию христианского государства, — и эта концепция носит ярко выраженный имперский характер. Даже в «Учительных главах» Агапита Диакона императору Юстиниану I (527-565), насыщенных идеями классического и эллинистического времени, упоминается «корабль всемирной империи». Имперский характер византийской идеологии особенно ярко проявлялся во внешней политике и дипломатии.

Таким образом, формулу Г.Л. Курбатова можно уточнить следующим образом: *официальная политическая идеология Византии формировалась в основном из имперских элементов греко-эллинистического и римского идеологического наследия (с подавляющим*

преобладанием последнего) и санкционировалась христианской религией. Организационное и ритуальное оформление византийской государственности не избежало влияния со стороны деспотических восточных монархий (сакрализованная символика власти, организация императорского двора и придворных ритуалов, институт евнухов). Однако в идеологии империи это влияние не нашло отражения — официально Византия признавала только авторитет греко-римской античности и христианства.

Переходим к рассмотрению собственно «Пчелы» как памятника древнерусской книжности. Она представляет собой обширный сборник цитат из Священного Писания, отцов Церкви, но главным образом — из античных философов, ораторов и государственных деятелей. Изречения в «Пчеле» распределены тематически, по главам, которых в древнейшей редакции насчитывается 71. Принципиально важно учитывать следующие два обстоятельства. Во-первых, «Пчела» составлена в Византии, а значит, несмотря на обилие цитат из языческих авторов, изначально является памятником христианской византийской культуры. С другой стороны, она переведена на древнерусский язык на Руси. Утверждать это с большой степенью вероятности позволяет наличие в переводе ярких языковых русизмов, а также общие особенности языка и рукописной традиции памятника. М.Н. Сперанский обоснованно датировал перевод временем до конца XII — начала XIII в.

Древнерусский перевод «Пчелы» — один из наиболее удачных переводческих опытов во всей древнерусской книжности. Переводчик превосходно владел греческим языком и очень редко допускал неточности в понимании текста — многие из них представляют собой не столько ошибки перевода, сколько своеобразные интерпретации оригинала, имеющие целью приспособить текст чужой культуры к отношениям и реалиям Древней Руси. Анализ этих отклонений от смысла оригинала может дать важную информацию о древнерусской ментальности и особенностях древнерусского восприятия византийской политической идеологии. Для анализа русской политической мысли домонгольского периода такие сведения могут быть весьма полезны, поскольку других источников политической идеологии от этого времени сохранилось очень мало. Еще одним важным свойством древнерусской «Пчелы» является произведенный переводчиком отбор греческих текстов. Дело в том, что на византийской почве существовало много редакций этого флорилегия, но до сих пор не найдена рукопись, которая бы точно соответствовала по набору цитат древнерусской версии. Именно поэтому издатель русской «Пчелы» В.Семенов (СПб., 1893) был вынужден подбирать греческие соответствия к переводу по нескольким греческим рукописям и изданиям. (Далее ссылки на это издание.)

Итак, мой доклад будет посвящен анализу античных и византийских политических идей в том их преломлении, которое они получили в процессе отбора и перевода материалов греческой «Пчелы» в Древней Руси. Именно отбор текстов для перевода, а потом уже особенности

переводческой техники и передачи смысла представляют собой творческий вклад переводчика в создание древнерусской версии «Пчелы». Этот собственный вклад и будет главным предметом нашего анализа. Фон изложения будут составлять особенности византийской политической идеологии: те, что были восприняты на Руси, и те, что так и не нашли применения в древнерусской политической культуре.

Среди переводных византийских памятников политического содержания «Пчела» до сих пор удостаивалась лишь беглого внимания исследователей. Еще в начале XX века она вообще не воспринималась как источник политических идей на Руси. Так, в своей классической монографии 1916 г. В. Е. Вальденберг утверждал, что на Руси были известны лишь четыре произведения византийской политической литературы «Учительные главы» (Capita admonitoria) Агапита (VI в.), «Учительные главы» Василия I (вторая половина IX в.), «Житие Феодора Студита» с некоторыми сведениями о соотношении церковной и светской власти и творения Симеона Солунского (XV в.), известные в ряде списков XVII в. Несколько слов (и то лишь в связи с цитатами из Агапита) посвящают «Пчеле» В.Е. Вальденберг (в статье 1926 г.), И.Шевченко и Ф.Дворник. Таким образом, специальное исследование политических идей древнерусской «Пчелы» с учетом ее текстологии, техники перевода и византийских параллелей в науке отсутствует.

Специально политическим вопросам посвящена глава 9 древнерусской «Пчелы» «О власти и о княжении» (с. 96-112). В нее вошли изречения античных греческих мыслителей: Аристотеля, Демокрита, Диогена, Исократы, Менандра, Плутарха, Платона, Фукидида, Еврипида; из римлян — Марка Порция Катона, Музония Руфа, Диона Кассия; из ранневизантийских писателей — Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Агапита Дякона. Формальным вступлением к 9 главе (как и к другим главам «Пчелы») служат цитаты из Ветхого и Нового Завета — однако в содержательном отношении они играют явно подчиненную роль. Авторитетность «Пчелы» для древнерусской политической теории проявилась в том, что многие статьи 9 главы перешли в официальный юридический сборник конца XIII — начала XIV вв. «Мерило праведное».

Какие же особенности византийской политической мысли отразились в 9 главе древнерусского перевода «Пчелы»?

В начале главы на материале библейских цитат говорится не столько о свойствах идеального правителя, сколько о должном отношении к власти. Далее под именем Иоанна Златоуста следуют наставления собственно для правителя. Среди необходимых ему качеств выделяется прежде всего смирение. Отмечается также *чинность* (с. 97.9), *воздержание от гнева и зависти* (с. 97.13-18), *подчинение всего подвластного ему Божьим законам* (с. 97.14-15), *«свободный ум»* (в смысле свободы от страстей) (с. 97.15-16, ср. с. 109.1-2).

Одним из важных свойств правителя, сформулированным еще античными стоиками, является *воздержанность*. Согласно «Пчеле», человек, лишь по видимости правящий, а в действительности являющийся

рабом страстей, вызывает насмешки подданных (с. 98.1-3). Неподвластность страстям определяется как «уравновешенность, разумность», ведущие «къ божественному закону». Интересно упоминание «божественного закона». В оригинале упомянут обычный «закон», который под пером русского переводчика превращается в «божественный». Здесь не место подробно излагать христианское понимание «божественного закона», отразившееся в переводе, — отметим только, что по общему смыслу фразы под «божественным законом» следует понимать прежде всего христианские новозаветные заповеди любви, милосердия и жертвенности. Таким образом, в древнерусской версии «Пчелы», в отличие от греческого оригинала, сильнее выражен христианский элемент и на князя возлагается *обязанность следовать евангельским заповедям*. Аналогичное древнерусское добавление встречаем и ниже по тексту в цитате из Агафона, где содержится напоминание князю о том, что он обязан править «по законам». Греческое множественное число «по законам» превращается в переводе в целую фразу: «яко законъ ему поручень от Господа» (с. 109.13-14). Под «законом, порученным от Господа» определенно скрывается только что упомянутый «божественный закон» христианского милосердия и справедливости. Таким образом, древнерусский переводчик вновь уточнил оригинал, заменив следования законам конкретной религиозно-моральной ответственностью князя за соблюдение воли Господа.

Авторитетом преподобного Максима Исповедника обосновывается такое качество идеального правителя, как *отеческая любовь к подданным*. Устами греческого ратора Исократы князь получает следующее наставление: «пѣцися о людехъ и смотри непрестанно, како бы княжилъ надъ ними радостно» (107. с. 19-23).

Отеческая любовь и забота неотделимы от *кротости* правителя в осуществлении власти — «Пчела» упоминает о ней неоднократно со ссылками на Иоанна Златоуста (с. 97.28-98.1), Иоанна Дамаскина (с. 100.27), Клитарха (с. 104.6), Александра Македонского (с. 105.13 — без опоры на греческий оригинал!).

Необходимость любви и милосердия диктуется не только соображениями нравственности, но и политическим расчетом: так, согласно историку Ксенофону, жестокость и необузданность в управлении недальновидна и вредна: чем больший страх внушает правитель своим подданным, тем больше у него врагов, и чем неразборчивей он в гневе, тем скорее смогут его враги сплотиться против него (с. 100.29-101.7). В дальнейшем эта мысль подтверждается изречением, приписанным философу Демокриту.

Забота о подданных неотделима от такого качества как *щедрость*. В «Пчеле» (со ссылкой на Филона Александрийского) проповедуется идея *подражания Богу в щедрости* — подобно Богу, идеальный правитель ни в чем не нуждается, но щедро оделяет просящих у него.

Проблемы суда и справедливости также нашли свое отражение в материалах древнерусской «Пчелы». Важное условие неограниченной

судебной власти правителя — его *высокая личная нравственность*. Только нравственно безупречный («безпорочный») правитель имеет моральное право карать и миловать подданных по своему усмотрению (с. 100.3-7). Здесь же вновь содержится призыв к *милосердию*: лучше ради блага достойных иногда прощать и недостойных, чем ради наказания недостойных ущемлять права достойных (с. 100.8-19). Ниже подчеркивается значение *великодушия* правителя: неизвестный автор призывает к тому, чтобы наказания были меньше, а награды — больше заслуженного (с. 109.2-5, ср. с. 108.29-30). Мысль о милосердии к согрешениям других и строгости к самому себе подкрепляется авторитетом Иоанна Дамаскина.

Другим важнейшим качеством хорошего правителя и судьи является *беспристрастность*: «княземъ и судьямъ недостойно умоленнымъ быти ни о правде, ни о неправде» (с. 104.27-29).

Цитаты из римского историка Диона Кассия (ок. 150 г. — ок. 235 г.) призваны обосновать такие качества правителя, как *благорасположение к подданным*, а также *стойкость и упорство в решении важных государственных задач*. В переводе опущены упоминания таких сложных и едва ли адекватно переводимых на древнерусский язык этических понятий, как совокупность гражданских добродетелей, здравомыслие, рассудок и просвещенный разум, интеллект, предполагающий обязательное гуманитарное образование (с. 101.13-24).

Любопытно уточнение, которое делает древнерусский переводчик, слегка изменяя смысл оригинала, — понятие *благорасположения правителя* в русской «Пчеле» эксплицитно связывается только с «приятелями» или «дружиной», т. е. с ближайшими к князю лицами, тогда как греческий термин подразумевает милость ко всем подданным правителя. Такие переводческие вольности хорошо отражают социальную ситуацию в домонгольской Киевской Руси, где опорой князя была именно дружина, а не абстрактные «подданные». Данная тенденция находит свое выражение и в других местах. Таким образом, в переводе сильнее, чем в оригинале, выделены элементы феодальных отношений васалитета и специально подчеркиваются обязательства князя перед дружиной.

На этом основании можно сделать весьма вероятный вывод, что переводчик, скорее всего, был светским лицом и происходил из княжеской дружинной среды.

Слова и дела самого правителя не должны расходиться с требованиями, которые он предъявляет к своим подданным, поскольку личный пример воспитывает гораздо лучше, чем судебные наказания: «да оунесть с подражаньемъ неже съ боязнью вънити в лучшее» (с. 101.25-102.9). Здесь снова встречаем категорию *подражания*, описывающую отношения правителя и подданных. Слово подражание здесь употреблено для перевода греческого «ревность, стремление, ревнивое отношение» и находится в антиномической оппозиции терминам «страх» и «боязнь». Таким образом, согласно мнению Диона Кассия, хороший

правитель вселяет в своих подданных не страх, а стремление следовать его примеру и его добродетелям. «Пчела» знает термин «подражати» и в традиционном значении.

В основе концепции *подражания властям* лежат архаичные социальные представления, отразившееся, например, в пословице «каков царь, таков и псарь». В «Пчеле» с опорой на Диона Кассия это правило функционирования социальной иерархии сформулировано также вполне афористично.

Образцом правителя в «Пчеле» предстает Александр Македонский. Для последнего искусство управления состоит в том, чтобы награждать за услуги друзей, но и врагам делать добро, побуждая их тем самым к примирению (с. 105.11-12). К поощрению лучших призывает также цитируемый в «Пчеле» (с. 107.25-28) афинский оратор Исократ (436-338 гг. до н.э.). Выше мы видели, что необходимым качеством правителя считается благорасположение к подданным. По Исократу же, наоборот, хороший правитель вызывает у подданных благорасположение по отношению к себе. В переводе это отношение подданных к правителю выражено термином, который, вероятно, лучше всего перевести как «благонамеренность».

Что касается отношения подданных к правителю, то «Пчела» практически не прибегает к распространенным в христианской пастырской педагогике приемам пробуждения страха перед авторитетом власти. Лишь один-единственный раз в греческой цитате из Исократа появляется элемент «устрашения» подданных: «Внушай ужас своей осведомленностью обо всем происходящем, но будь кроток, назначая малые наказания за крупные проступки» (с. 108.7-10). В переводе, однако, вместо «внушай ужас» стоит просто «тѣсняся», т. е. «стремись, старайся». Таким образом, угрожающая риторика, была переводчику явно чужда. С другой стороны, «Пчела» также не оперирует понятиями «страх Божий», «Страшный суд», «страшный судия». В этом отношении текст «Пчелы» существенно расходится с византийской и древнерусской практикой поучений правителю: так, о «страхе Божиим» и Страшном суде неоднократно напоминает Агапит Диакон императору Юстиниану, о «страхе Господнем» говорит и император Василий I в особой редакции своего «Поучения». «Страх Божий» характеризует идеального правителя в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона и в «Поучении» Владимира Мономаха. В послании Иакова Черноризца князю Изяславу Ярославичу важное место занимает образ «Господа, уже на суду грядуща»; митрополит Кирилл II (1242-1281) в «Слове ко всему миру» призывает князей «пребывать в страсе Божии», а в «Слове о судиях и властелех» грозит неправедным князьям «страшным и скорым испытанием».

На с. 109.29-110.5 «Пчелы» содержится интересное рассуждение о двойственной природе правителя (императора), приписанное царю Филиппу, отцу Александра Македонского; в ранневизантийской традиции о том же писал в своих поучениях императору Юстиниану I (527-

565) Агапит Диакон — фрагмент этого наставления также попал в «Пчелу» (с. 111.17-112.1).

Переходим к выводам. Перевод греческой «Пчелы» характеризуется высоким качеством и внимательным отношением к смыслу переводимого текста. При этом переводчик не везде следовал букве оригинала, предпочитая передавать его основное содержание, и позволяя себе иногда небольшие вставки или, напротив, пропуски. Анализ переводческих вольностей показывает, что они не случайны — в них отразилась специфика древнерусского менталитета в сравнении с греческим оригиналом «Пчелы». Адресатом перевода, бесспорно, был один из русских князей — об этом свидетельствует не только регулярное упоминание «дружины» без опоры на греческий оригинал, но и употребление конкретного термина «княжिति» (наряду с обобщенным «владети»).

Данные, полученные при анализе текста древнерусской «Пчелы» и сопоставлении ее с греческим оригиналом, позволяют с полным основанием утверждать, что в XII-XIV вв. на Руси задача политико-идеологического обоснования княжеской власти не решалась путем заимствования специфически византийских (имперских) идеологических клише. Для выработки собственной политической идеологии и, прежде всего, формирования образа идеального правителя на Руси было использовано дохристианское греко-римское наследие, сохранившееся в греческой «Пчеле» и отражающее еще во многом полисные социальные отношения. Так например, в «Пчеле» полностью отсутствует основополагающая для христианской империи идеология о *божественном происхождении власти* и, как следствие, *сакральном статусе правителя*.

Нет в «Пчеле» и эксплицитно выраженной догмы о *благочестии* правителя, его обязательной принадлежности к православной христианской вере, тогда как в Византии это было важнейшим качеством императора и обязательным условием его восшествия на престол. Разумеется, отсутствие в «Пчеле» эксплицитной нормы *благочестия* не означало, что князем на Руси мог стать иноверец или еретик — речь идет о том, что христианское благочестие князя в «Пчеле» не формулировалось как важнейший элемент государственной идеологии, сравнимый с византийской «политической ортодоксией». Принадлежность князя к православию подразумевалась имплицитно в используемых переводчиком понятиях «*божественного закона*», «*закона, порученного от Господа*».

Полностью отсутствует в «Пчеле» и многократно декларированная обязанность византийских императоров *заботиться о священниках, хранить догматы Церкви и блюсти нерушимость церковных канонов*. В этом отношении древнерусская «Пчела» сильно отличается от сочинений, написанных на Руси духовными лицами. Так, в начале XII в. в полном согласии с традициями Византии митрополит Русский Никифор I призывает Владимира Мономаха защищать православие. Подобные взгляды решительно чужды переводчику «Пчелы», который вообще ничего не пишет о Церкви. Разумеется, этот факт можно объяснять

составом греческой «Пчелы», который до сих пор остается не совсем ясным.

Однако общая тенденция перевода носит настолько светский характер, что можно лишь с большими оговорками предполагать в переводчике духовное лицо. Вероятно, это был один из приближенных князя, советник, человек незаурядной образованности, несомненно, долгое время проживший в Византии и обладавший прекрасным знанием как греческого, так и древнерусского литературного языка.

Из всего сказанного следуют два принципиальных методологических вывода. Во-первых: *политическую идеологию Древней Руси домонгольского периода следует изучать дифференцированно: анализ источников показывает, что идеология светской власти и духовных властей в некоторых моментах существенно различалась.* Во-вторых: *особенности языка и особенно переводческой техники «Пчелы» указывают на возможное знание греческого языка светскими лицами и позволяет поставить под сомнение монополию Церкви на переводческую деятельность на Руси. Высокое качество перевода «Пчелы» позволяет видеть в переводчике хорошего знатока греческого языка и классической античной традиции — со всеми вытекающими выводами о культурных связях Руси и Византии в XI-XII вв.*

Очень мало говорится в 9 главе «Пчелы» о таком важном качестве монарха в Византии как *полководческий талант*. Титул «непобедимый» и «победитель» входил в официальное именование римских и византийских императоров III-VII вв. Однако для автора (авторов) «Пчелы» как сборника главным свойством правителя было умение не победить противника, а привлечь его на свою сторону: здесь можно вспомнить вложенное в уста Александра Македонского правило о необходимости «благоденний» по отношению к врагам (с. 105.11). Ярко выраженный в 9 главе «Пчелы» примат дипломатического искусства перед военным должен был иметь большое значение на Руси, — поскольку в условиях княжеских усобиц и борьбы со своими соплеменниками (зачастую даже родственниками) задача состояла не столько в военной победе и истреблении врага, сколько в достижении политических целей при сохранении жизни соотечественников и единоверцев. Мирлюбивые мотивы в политической идеологии начинают отчетливо звучать именно в предполагаемое время перевода «Пчелы» — в конце XII в. Так, в 1186 г., когда рязанские князья Глебовичи Роман, Игорь и Владимир выступили против своих братьев Всеволода и Святослава Рязанских, великий князь Владимирский Всеволод Юрьевич, обратился к Глебовичам с увещанием: «Братья, что тако делаете? Не дивно, оже ны быша погании воевали, а се ноне хочете брату своєю убити». Для политической идеологии Руси того времени существенно, что мирлюбие князя Всеволода и нежелание проливать братскую кровь оценивается летописцем как естественное качество «правоверного» правителя. И все же древнерусский дружинный менталитет, конечно, не мог обойтись без такого качества правителя как *воинская доблесть* — соответственно, в «Пчеле»

упоминаются «крепость на супостаты» (с. 103.19-20) и «добрыи воевода» (с. 109.25).

Наконец, совершенно неподходящими для древнерусских условий выглядят качества правителя, направленные на оптимальную организацию имперской *бюрократии* — в «Пчеле», как и следовало ожидать, об этом ничего не говорится. Молчат об этом и другие источники по древнерусской политической идеологии.

Таким образом, можно считать установленным, что Киевская Русь XII-XIII вв. в силу своей децентрализованности и раздробленности, в условиях опоры князя в основном на свою дружину, демократического характера политической системы во многих древнерусских городах и существования во многом договорных, почти партнерских отношений между властью и подданными, не могла в полном объеме усвоить византийскую политическую идеологию, пронизанную имперскими образами и идеями. Особенности древнерусского перевода политических статей византийской «Пчелы» показывают, что не византийская имперская, а воспринятая Византией античная, полисная по своему характеру политическая идеология лучше всего соответствовала конкретным социально-политическим условиям древнерусских княжеств в XII-XIII вв.

540-е заседание. 24 октября 2001 г.

А. И. Буркин

Образ Преподобного Нила Столобенского в иконописи и деревянной скульптуре (по материалам частной коллекции А. И. Буркина)

Предметом моего исследования стал вопрос, не изученный специально в искусствоведении — иконография преподобного Нила Столобенского. Она отличается разительным своеобразием по сравнению с общим иконографическим каноном — большинство образов преподобного Нила выполнены в виде объемных фигур молящегося инока. Его изображение можно встретить во всех традиционных видах древнерусского искусства: лицевом шитье (покров XVII века с его изображением хранится в Историко-художественном музее-заповеднике Сергиева Посада), иконописи, мелкой пластике, финифти и даже на выносных запрестольных крестах. Судя по количеству дошедших до нас изображений святого, почитание его в России было повсеместным. Коллекция, которую я собирал свыше 15 лет, насчитывает более 200 предметов.

По началу иконописцы XVI века изображали святого Нила в строго канонической иконной традиции на плоской доске, а с XVII века стал формироваться собственный канон — либо прорезное изображение молитвенника — горельеф, либо полностью объемная фигура подвижника — скульптура. В искусствоведении бытует мнение, что православный канон категорически запрещал в иконографии скульптурное изображение. Это не совсем так. Из общего правила существовали при-

знанные церковью исключения. Это, во-первых, Можайский иконографический канон Свяителя Николая Мирликийских Чудотворца, и, во-вторых, иконные скульптуры святой мученицы Параскевы-Пятницы. Мощная скульптурная иконографическая традиция, сформированная западным влиянием, проникла в русскую иконографию из присоединившейся к Москве Малороссии во второй половине XVII века, однако эта линия была подвергнута резкой критике в первой половине XVIII века, сначала Святителем Митрофаном Воронежским, а затем Синодальным решением в начале 20-х годов XVIII века. Однако этой критике не подверглись каноны Николы Можайского и Параскевы-Пятницы, поскольку эти скульптурные иконы испокон на Руси были храмовыми и их специфика имела богословское обоснование, из-за чего они стали исключением из канонического правила. Но в отличие от скульптурного канона Николы Можайского и Параскевы-Пятницы в их общей в основном плоскостной иконографии (эти скульптуры имели только храмовое употребление и не являлись иконами для келейных и домашних божниц), скульптурное изображение Преподобного Нила стало именно массовым. Большинство таких «икон» сделаны в расчете на домашний Красный угол, а не для храма.

Объяснить это явление на основании одного лишь изучения источников по истории русского искусства резьбы по дереву невозможно. Необходим герменевтический анализ Жития святого, а также Службы и Канона ему. Поскольку «Житие Нила Столобенского» относится к одному из множества научно не изданных памятников древнерусской агиографии, я обратился к рукописным его спискам, древнейшие из которых хранятся в рукописном отделе Российской Государственной Библиотеки. В процессе подготовки к изданию Жития святого, в том числе и по протографу 1 редакции 1630 г., по Минее Четьей из собрания Троице-Сергиевой Лавры¹, и Службы по списку — 1628 г. из Минее Служебной того же собрания², а также Службы, Молитвы и Жития по рукописи XVIII в. из собрания Ундольского³, анализ текстов указал еще на одно загадочное обстоятельство — в текстах жития святой Нил назван «преподобным», а в службе, посвященной Нилу Столобенскому, специфика его духовного подвига определяется как столпничество. Преподобный прямо называется «столпником»: «Житие твое, отче Ниле, чудно на земли показал еси. Велико потение и смирение, того ради на небесехъ жизнь вечную наследовал еси. Моли спастися от бедъ поющым тя. Симеону великому, иже на столпе жившему, житию последя преподобне, тем же тому еликомощно именование от жития стяжалъ еси, Ниле пребогатех»⁴. При этом ни на каком столпе, подобно преподобным Симеону и Даниилу Столпникам, или Святителю Кириллу Туровскому и преподобномученику Никите Переславскому, Столобенский подвижник никогда не стоял.

По идейно-художественной структуре и отбору агиографических топосов «Житие Нила Столобенского» по праву относится к «преподобническим». Не останавливаясь подробно на его анализе и сравне-

нии с подобными по типу житиями, вспомним, тем не менее, один из эпизодов самого раннего древнерусского преподобнического жития — «Жития Феодосия Печерского». В нем говорится, что «По вечернимъ убо пении седъшю ему и хотящю опочинуть, не бо николиже на ребрехъ своихъ ляжашеть, нъ аще коли хотящю ему опочинуть, то седъ на столе, и тако, мало посъпавъ, встаняше паки на нощное пение, и поклонение коленомъ творя. Седъшю же ему, якоже речеса, и се слышааше гласъ хлопота въ пещере отъ множества бесовъ, якоже се имъ на колесницахъ едущемъ, другимъ же въ бубны биущемъ, и инемъ же въ сопели сопущемъ, ти тако всемъ кличущемъ, якоже трястися пещере отъ множества плища злыхихъ духовъ»⁵.

Мотив духовного бодрствования и аскезы в «Житии Нила Столобенского» возводится в абсолютную степень — после смерти преподобного Нила в 1555 г. открылось, что никогда он не отдыхал лежа, не спал «на ребрах», а только «облегчался пазухами» на специальных крюках, вбитых в стену его кельи.

Момент успения преподобного подробно освещен в житии: «И примъ извещение от Владыки Христа, исхождение от телесныхъ со узъ отрешитися, и отидти к Господу, к нему же имяще желание от юности. И памышляше в себе глаголя: «Господи Вседержителю, услыши молитву мою, недостойнаго раба Твоего. Сподоби мя бытии причастника пречистыхъ Твоихъ Таин, животворящаго тела и крови Христа Бога нашего. По смотрению Божию в то время приехалъ на островъ тои Никольскаго монастыря с Рошасу игумень Сергии посещения ради преподобнаго... Прирекъ же преподобный и се игумену: «Отче святыи, по моему отшествию на острове семь иматъ Богъ храмъ воздвигнути во имя Свое, и место святое сие будетъ жилище инокомъ. Иже и бысть по преставлении святого... И тако игумень отиде. Пеподобный же вшедь в келию, затвори себе и на правило склонися всю ночь и обычная пения исполнивъ и кадилницу восприимъ, и фимиянь на юглие изъсыпа, и покажение святымъ иконамъ сотвори. И по немало изнеможе и поклонився пазухами своими на крюки, бе бо у преподобнаго в келии два крюка великие, в стену водружена в кресль место. Онъ же от многого труда на крюкахъ техъ пазухами опершися, мало сна приимаше, на ребрехъ же своихъ никогда же почиваше. Тако и преставися, пазухами на крюкахъ техъ облегше, усну вечнымъ сномъ на молитву Богови предстоя»⁶. И сам подвиг, и успение святого так поразили народное воображение, что послужили, вероятно, толчком к запечатлению его в виде деревянной фигурки-столпа. И хотя в прямом смысле как такового столпа у преподобного Нила не было никогда, можно увидеть в этом его «стояние в вере», столпничество, как «стойкую» молитву ко Господу о спасении и своей души, и Церкви, и народа православного, и Земли Русской. «Радуися, целомудрия столпе, им же всяка страсть попрася»⁷ — обращается к преподобному автор древнейшего списка службы.

Первая икона с изображением святого была написана монахами Твер-

ского Оршина монастыря Иовом и Нифонтом по расспросам «христолюбцовъ памятуховъ, которыя знали прежде преставления преподобнаго Нила»⁸. По окончании работы иконописцев было явлено чудо Господне: «Над темъ местомъ, идее же образ преподобнаго являющися, яко луча солнечня, сияющи толико, яко не мощи зрети безмернаго ради сияния, и от сего разумно всемъ бысть, яко по достоянию написанъ образ преподобнаго чудотворца Нила»⁹.

Большой объем из дошедших до нас изображений преподобного Нила занимают небольшие образки, написанные, видимо, в самом монастыре и предназначенные для паломников. Простые по техническому и цветовому решению, они являются характерными образчиками монастырской «скорописи» конца XVIII—XIX веков и представляют угодника Божьего стоящим на берегу озера Селигер на фоне Нило-Столобенской пустыни, обращенным к образу Божией Матери Владимирской в правом верхнем углу иконы. Значительно реже встречались изображения св. Нила без монастыря и в полный рост, а также поясные со свитком в руках или иконой Богоматери Владимирской. В моем собрании имеются несколько подобных образцов, но уровень их исполнения говорит скорее о еще большем упрощении живописного процесса, нежели о желании иконописца создать какой-то новый иконографический канон святого.

Минимум церковно-канонических требований к написанию икон преподобного Нила, как он сложился к началу XX века, выглядел следующим образом: «...Типа русского, старец, лицом худ, с большой седой бородой; одежда очень убогая и грубая власяница, мантия. В руках можно ему писать хартию с его изречением: «Зде покой мой, зде вселюся во век века». Или: «Се покой мой, се жилище мое»¹⁰. В мелкой пластике изображение преподобного не выходило за рамки известных иконографических типов поясных и ростовых фигур на фоне монастыря. В моей коллекции имеется уникальный выносной серебряный крест XVIII века, где на лицевой стороне помещено традиционное изображение Распятия, а на оборотной — в круглом медальоне изображение молящегося Нила на фоне стилизованного деревянного храма-кельи. Столь необычный образ подвижника говорит о местном происхождении самого креста и широком почитании преподобного Нила.

В настоящее время в Москве, в музее «Коломенское», хранятся 9 икон с изображением Нила Столобенского на фоне монастыря. Первые две иконы датируются XVII веком (период между 1636—1665 годами), шесть икон — XVIII века и последняя — относится к 1-й половине XIX века. Датировка икон была проведена на основе анализа изображенных на них храмовых строений Ниловой пустыни, которые с течением времени менялись¹¹. Преподобный Нил так же, как и на «скорописных» образках, изображен стоящим на берегу озера на фоне монастыря, который приобретает очертания уже вполне реального архитектурного сооружения. Если иконы XVII века еще выполнены в традициях плоскостной древнерусской иконописи и изображение пустыни лишено

пространства — все здания вырастают как бы одно из другого, то на более поздних иконах появляется перспектива, а точность изображения дает возможность говорить о своеобразных планах монастырских построек. В ряде случаев иконописец помещает преподобного не на берегу озера, а внутри пустыни, т.е. св. Нил как бы вырастает из основанного им монастыря, устремляясь ввысь к образу Спасителя или Богородицы, расположенных в верхней части иконы. На памятниках XVIII—XIX вв. появляется икона «Крещение Господне» в верхней части композиции, которую поддерживают парящие ангелы и преп. Нил обращает к ней свои молитвы. С 1897 г. выпускаются для широкого распространения цветные литографии по жести с изображением преп. Нила.

Особое место в иконографии преп. Нила занимают житийные иконы. Набор клейм традиционен для житийных икон и соответствует основным вехам жизни святого: рождение, крещение, пострижение в монахи в Крыпецком монастыре, уход на реку Серемху, сон, в котором голос свыше повелел подвижнику идти на остров Столобное на озере Селигер, приход на остров, обустройство пещеры, случай с разбойниками, плач о грехах над собственным гробом, причащение Св. тайн игуменом Сергием перед кончиной Нила, преставление на крюках, надгробие подвижника. Особенность икон св. Нила с предстоящими в том, что фигура его как бы «врезана» в плоскость иконы и уже имеет объемные формы. Как в храмоздательстве архитектура и фресковая роспись подчинены общему замыслу, так и здесь сливаются воедино резьба и иконопись. Некоторые врезные росписные изображения полихромны.

Изображение преп. Нила, сохранив традиционную каноническую иконописную форму, получает еще и скульптурное воплощение. По художественному воплощению все скульптурные изображения преподобного Нила можно разделить на две условные группы, имеющие в основе две взаимосвязанные традиции — народную, когда подвижник мыслится в образе былинного богатыря, «богатыря духа» и церковную монашескую, где за плотской немощью скрыто величие духовного подвига — «образ аскета». Скульптурные изображения группы «аскет» представляют собой изможденного аскета-подвижника в монашеском одеянии, с низко опущенной головой, с узкими поднятыми плечами и тонкими руками, которые либо прижаты к туловищу, либо отделены от него пропилами, благодаря чему вся фигура получает утончение. В некоторых произведениях художник-резчик крюки, на которые пазухами опирался св. Нил в краткие минуты телесного отдохновения, предлежит в виде своеобразных костылей, хотя этот стилистический прием не относится исключительно к скульптурам, определяемым мною как «аскет». Наблюдается данный прием и у фигур группы «богатырь духа». Фигуры св. Нила, относимые к группе «богатырь духа», обычно выполнены в мощной, угловато резкой или, наоборот, плавной манере. Сильные руки подвижника согнуты в локтях, широко разведены в стороны и как бы упокоились на коленях.

Вне зависимости хотели ли художники запечатлеть образ преп. Нила в виде изможденного «аскета» или былинного «богатыря», они иногда использовали такой художественный прием резьбы как поясное деление фигуры на две неравные части — большую верхнюю и меньшую нижнюю, чем достигался оригинальный эффект: создавалось впечатление, что подвижник стоит в столпе подобно древнехристианским стилистам-столпникам. Особенностью одной из фигур «богатыря духа» является наличие как бы задней стены кельи, на которую опирается старец-монах. Стена поднимается от основания до середины головы, наверху имеются две симметричные треугольные «проушины» с отверстиями, через которые фигура могла либо крепиться в Святом углу, либо подвешиваться.

Нечто подобное видим и в другом случае, где скульптурное изображение «аскета» помещено в киот с треугольным навершием, символизирующим собой чрезвычайно тесную столп-келью, к задней стенке которой прислонился преп. Нил, висящий на крюках. Киот имеет подставку с традиционной надписью. Используя художественный прием сквозной прорези, безымянный автор вырезает в киоте прямоугольной формы заднюю стенку примерно до уровня колен преп. Нила. Вверху стена сделана полукруглой аркой. Пропилами от туловища отделены руки и костыли. Внизу вырезаны ступени. Мощные плечи плавно переходят в руки, упокоившиеся на коленях «богатыря духа». Иногда при технике сквозной прорези фон за спиной преподобного художник создает с помощью какого-либо материала, в частности, фольги. Вокруг головы святого появляется сияющий нимб с расходящимися лучами.

Еще одно оригинальное прорезное изображение св. Нила в киоте: прямоугольник представляет собой рамку с примыкающими к ней по обеим сторонам трехсоставными столбами-балясинами, имеющими внизу основанием своим прямоугольниками, в которые вписаны Андреевские (косые) кресты. В средней части рельефные балясины переходят в небольшие навершия, на которых покоится полукругом символический небосвод. Пропил сделан до середины фигуры «богатыря духа».

Приведу теперь один из ярких образцов полихромной росписи скульптурного изображения преп. Нила. В данном случае прорезь сделана до середины фигуры «богатыря духа», а также прорезью отделены руки от туловища. В светло-желтый цвет окрашены балясины-столпы, свод, по которому сокращенная надпись читается как «Преподобный Ниле Столобенский»; монашеская накидка и борода — коричневые, сама фигура — черная, руки — белые, светлые; окантовка, крест и надписи на куколе, окантовка на парамане, крест-Голгофа, надписи «ИЦ!» и «С ХС», а также четки — все выделено светло-желтым цветом. В моем собрании резных изображений преп. Нила есть фигура «богатыря духа» вообще расписанная ярко-красным цветом. Другая — расписанная с использованием золочения, причем кресты и надписи на парамане — резные, интересна еще и непривычной позой монаха-аскета: правая рука согнута в локте, а левая с четками опущена.

Итак, сущность подвига столпничества тесно связана с его пластическим выражением в резных фигурах св. Нила. Художественная значимость и стилистическая оригинальность скульптурных изображений преп. Нила Столобенского проистекают из церковного канонического воплощения образа святого, который и является подлинным источником творческого вдохновения для художников-резчиков. Сплошным мифом оказался сложившийся в советском искусствоведении стереотип о «шаблонности и малоинтересности» резных фигур преп. Нила Столобенского, о их «малораспространенности» среди православного народа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ РГБ. ТСЛ. Ф. 304. № 672. Л. 85 — 108 об. 1630 г.

² РГБ. ТСЛ. Ф. 304. № 514. Л. 465 об. — 475.

³ РГБ. Собр. Ундольск. № 346. Л. 1 — 73 об.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 336.

⁶ РГБ. ТСЛ. Ф. 304. № 672. Л. 98 об. — 100.

⁷ РГБ. ТСЛ. Ф. 304. № 514. Л. 472 об.

⁸ РГБ. ТСЛ. Ф. 304. № 672. Л. 104.

⁹ Там же. Л. 104 об.

¹⁰ В. Д. Фортунатов. Руководство к писанию икон святых угодников Божиих. М., 1910. С. 96.

¹¹ Памятники культуры. Новые открытия. М., 1990. С. 219—228.

541-е заседание. 31 октября 2001 г.

Л. И. Щеголева

Путятина минея в русской культуре¹

1. Особенности издания Путятиной минеи.

Работа по подготовке рукописи Путятиной минеи (XI в.) к изданию велась в стенах Института мировой литературы РАН. Замысел работы принадлежал М.Ф. Мурьянову, который вдохновил меня на подготовку греческих параллелей к ПМ и на перевод их на современный русский язык. Готовить славянский текст должен был Михаил Федорович. Однако дальнейшая судьба этой работы сложилась так, что мне пришлось взять на себя подготовку обоих текстов и вообще всю работу по изданию Путятиной Минеи. Транскрипция текста ПМ, выполненная Михаилом Федоровичем, была переправлена вдовой ученого в Гарвард США, где она была издана А. Б. Страховым в трех томах журнала *Palaeoslavica*, 1998-2000 г. Текст ПМ издан А.Б. Страховым без греческих параллелей.

К чему приводит недостаточное внимание к учету греческих параллелей, видно на примере ошибок словоделения, которое допустил в своем издании даже такой блестящий славист, как А.Б. Страхов. Так появилось прил. чистоцуму вместо конструкции чистоу уму, где «ум»,

согласно святоотеческой традиции, является именованием Бога-Сына; композит богатьномудре, не зафиксированный в словарях, вместо наречия богатьно = «щедро, в изобилии» и звательной формы мудре (обращение к воспеваемому святому); наречие подолгоу вместо предположно-падежной формы по долгоу, «должным образом, как подобает» (сущ. долгъ). Разбор ошибок издания в *Palaeoslavica* содержится в предисловии к нашему изданию.

Представление в издании и греческого, и славянского текста в наиболее наглядном виде — на развороте страниц книги, удовлетворяет современным требованиям к изданию переводных памятников и оказался вполне осуществим технически. Греческий текст в издании разбит нами на стихотворные строки и представлен в виде стиховых строк, чтобы лучше была видна его ритмическая структура.

Что касается воспроизведения славянского текста, то здесь полезным оказался опыт предшественников, отталкиваясь от которого, мы применили, смеем надеяться, более совершенную форму. А.Б. Страхов воспроизводит текст рукописи «строка в строку». При этом часто оказывается, что конец строки рукописи разбивает слово на части, когда первая часть его остается на предыдущей строке, а вторая переходит на следующую. Такой способ передачи литературного памятника затрудняет его прочтение и осмысление. Поскольку нами текст готовился с целью его литературоведческой интерпретации, мы стремились дать рукописный текст в удобочитаемом виде и ярче подчеркнуть самой формой воспроизведения его художественные черты. Поэтому мы решили разбить славянский текст, как и греческий, на стихотворные строки и поместить их как обычные стихи. Содержательно-ритмическая единица обозначена в рукописи ПМ точкой в середине строки — она стала границей стихотворных строк в нашем издании. При этом строки ПМ не всегда совпадают с греческими. Е.М. Верещагин в своем издании декабрьской Минеи решил эту проблему таким образом, что вообще отказался от воспроизведения точек славянской рукописи и, хотя и поместил строки в столбец, но подогнал их под греческие строки. Мы не считаем этот способ приемлемым, и вот почему. Греческие стихи разбиты на строки не по смыслу, а лишь по ритмическим критериям, так что конструкция предложения, каковым обычно является один тропарь, может быть разбита на части самым неожиданным с точки зрения синтаксиса и смысла образом. Строки же ПМ в основном представляют собой логическое деление предложения на смысловые фрагменты, что облегчает задачу прочтения и истолкования гимнографического текста. Поэтому мы придерживаемся разбиения славянского текста на строки в соответствии с разделительными знаками рукописи. Думается, что при наличии русского перевода-подстрочника читатель сможет разобраться в славяно-греческих соответствиях даже там, где строчки греческого не совпадают со строками ПМ.

Надстрочные знаки ПМ представляют особую проблему. При стечении гласных часто (но не всегда) в рукописи стоят точки над гласной

в поствокальной позиции. Мы отказались от их воспроизведения в издании по следующим причинам. Во-первых, текст рукописи готовился нами по фотокопии, и была велика вероятность ошибки в воспроизведении точек: чернила во многих местах выцвели, поэтому надстрочные знаки на фотокопии могут быть не видны, и наоборот, точками могут показаться дефекты пергамента или пятнышки, зафиксированные фотокопией там, где изначально точек не было. Поскольку точки ставились писцом, как уже было сказано, не всегда последовательно, то это увеличивало риск ошибки. Во-вторых, по нашему мнению, точки отвлекают читателя и мешают ему сосредоточиться на смысле произведения. Нашей главной задачей было воспроизведение ПМ именно как литературного памятника, а не как памятника языка или графики.

При публикации древнего списка всегда встает текстологический вопрос о соотношении его с другими списками. Для ПМ речь идет о параллелях к ней по спискам других древнерусских майских миней. Здесь следует заметить, что ПМ и в этом отношении занимает несколько особое место. Текст майской минеи в истории богослужения оказался неустойчивым. Все ранние майские минеи уникальны. Поэтому метод подведения вариантов и разночтений к ПМ по древнерусским рукописям XII-XIV вв. в подстрочнике к каждому слову ПМ не годится технически: вариантов оказывается столько, сколько было бы взято списков майской минеи. Это утяжелило бы текст и привело бы к дроблению остальных миней на кусочки, поскольку в каждой из них своя последовательность и состав службы. Поэтому было принято решение отказаться от подстрочных текстологических вариантов к ПМ и перенести в комментарий те из них, которые дают значимые расхождения с ПМ. Мы ограничились лексическими расхождениями по двум рукописям XII в. — из собраний ГИМ Син. 166 и РНБ Соф. 203.

Принципиально важной частью настоящего издания является комментарий. Его назначение — поставить памятник гимнографии в контекст богословской образованности своего времени, показать связь минейных песнопений со Священным писанием и творениями святоотеческой литературы и тем самым облегчить читателю прочтение и понимание памятника. С другой стороны, текст минеи воспринимается современным читателем с учетом всей последующей культуры, в том числе и литературы нового времени.

Ниже мы остановимся на двух явлениях русской культуры, которые, будучи освещены светом ПМ, приобретают новую глубину, а современный читатель ПМ приобщается к содержательному богатству ПМ. Первое явление было предметом специального рассмотрения М.Ф. Мурьянова, второе связано с именем академика Д.С. Лихачева.

2. «В крови горит огонь желанья»

М.Ф. Мурьянов в своем блестящем анализе стихотворения А.С. Пушкина «В крови горит огонь желанья» доказывает, что в строках этого стихотворения:

Лобзай меня, твои лобзання
мне слаще мирра и вина

слово «мирра» от мирро (ароматическая смола, горькая на вкус) появилось не по воле автора, а в процессе исправления цензурой: оно заменило собой авторское «мира» (от «миро»), которое должно было читаться здесь первоначально².

Остановимся на этой замене. Не входя в сферу истории пушкинского текста, обратимся к самой лексике. *Миро*, ц.-слав. мѣро, греч. μίρον — в библейскую эпоху душистое благовоние, приготавливаемое на основе оливкового масла, служащее для помазания священников. *Мирра*, *мирр*, *смирна*, греч. σμύρνα — пахучее и горькое вещество. В церковно-славянских и древнерусских текстах в огласовке змврена, змръна³. В Острожской Библии оно встречается в написании смирна (например, в Ев. от Матфея, 2.11), так и в русском синодальном переводе. В словаре Г. Дьяченко отмечено, что мирра-смирна употреблялась в Мирских целях и, между прочим, для бальзамирования умерших (Ев. от Иоанна 19.39)⁴. Заметим, что и в библейских, и в богословских текстах это слово имеет форму жен. рода, в форме ср. р. *мирро* оно не встретилось ни разу. Гипотеза о цензорской замене уязвима по грамматическому критерию: неужели цензор был столь безграмотен? С другой стороны, смысловое смешение обоих понятий вполне оправданно. Оно происходило еще на греческой почве⁵.

М.Ф.Мурьянов показывает отмеченную впервые Б.В.Томашевским связь пушкинского стихотворения с фрагментом библейской Песни песней, где говорится: «и воня мира твоего паче всех аромать, миро излию имя твое» Песн 1.2 (по Остром л. 45а). В синод. переводе немного иначе: «От благовония мастей твоих имя твое — как разлитое миро». Добавим, что «миро» появляется еще раз чуть ниже, в том же стихе Песн 1.4. По Септ: «за тобою к запаху мира твоего побежим». В синод. переводе здесь слова «миро» нет: «Влеку меня, мы побежим за тобою».

Далее исследователь утверждает, что библейская строка «Миро изливанное имя твое» Пушкину не понадобилась, и продолжает: «Сравнение имени с *изливанным миром* по-русски не звучит, оно имело смысл в древнееврейском подлиннике, где художественный эффект достигался созвучием:

šämān	šämākā	schelomo	schulammit
миро	имя твое	Соломон	Суламифь
«умиротворяющий» «умиротворенная»			

а *turaq* («изливанное») поныне является текстологической головоломкой, где подозревают ошибку».

М.Ф. Мурьянов не проследивает дальнейшую судьбу этой «ошибки» в греческом (и славянском) христианском мире, связанную с переводом этого ветхозаветного текста 70-ю толковниками. Покажем, что образ мира изливающего «звучит» по— русски, в древнерусских и русских богослужебных текстах.

«Миро изливающее» в Септуагинте передано как $\mu\theta\upsilon\rho\omicron\nu$ $\epsilon\kappa\kappa\epsilon\nu\omega\theta\epsilon\nu$. Определение $\epsilon\kappa\kappa\epsilon\nu\omega\theta\epsilon\nu$ от глагола $\epsilon\kappa\kappa\epsilon\nu\omega$ «опустошать» (основа $\kappa\epsilon\nu\omicron\varsigma$ «пустой»). Тот же глагол, только в бесприставочной форме, читается в знаменитом тексте о воплощении Христа из послания ап. Павла к Филиппийцам: «Он (Христос), будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил себя самого ($\epsilon\kappa\epsilon\nu\omega\sigma\epsilon\nu$), приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп 2, 6-8). На этих словах ап. Павла основано христологическое понятие кеносиса — добровольного смирения и уничижения Господа, отказавшегося от божественной ипостаси и принявшего на себя «образ раба» (по славянски зрак раба).

Отцами церкви было немедленно замечено тождество глаголов в обоих библейских местах (они различаются только приставкой $\epsilon\kappa$): «миро изливающее» ($\epsilon\kappa\kappa\epsilon\nu\omega\theta\epsilon\nu$) — «излил Себя Самого» ($\epsilon\zeta\omicron\upsilon\tau\omicron\nu\epsilon\kappa\epsilon\nu\omega\sigma\epsilon\nu$), где субъектом в первом случае является «миро», а во втором — Иисус Христос. Тождество действий дало основания и для метафорического отождествления субъектов по функции: «Имя твое, жених, миро, и миро излившееся». Вот что пишет об Евсевий Кесарийский (IV в.): «Что же иное может обозначать имя «миро излившееся», как не имя Христа? Ибо вряд ли иначе может быть назван Христос, как только «миром излившимся»⁶.

Еще более детально осмысливает образ Феодорит Киррский: «Ибо как миро, в сосуде скрытое, скрытым имеет и благоухание, если же прольется, то самый наполняет воздух, так (и) Христос до страсти немногим был известен, когда же принял смерть, и как бы открыл телесный сосуд, исполненными тотчас апостолы благоухания того сделались»⁷.

Славянский текст Священного Писания также дает основания для сближения двух процитированных мест из Песни песней и Послания ап. Павла, так как в обоих случаях здесь употреблен один и тот же приставочный глагол излияти:

Песнь 1.2: миро излию □ имя □ твое

Флп 2.6-7: но себе излия, зракъ роба приемъ.

В Вульгате и русском синодальном переводе это сближение не прослеживается: миро изливающее по-латыни: *oleum effusum*. Песн 1.2, где *effusum* «излитое» — прич. наст. перф. от *effundo* «изливать, проливать» (о жидкости), а себя излия — *semet ipsum exinanivit* Phil 2.7., где *exinanivit* — перф. от *exinatio* «опоражнивать, разгружать», например, *naves* «корабль» (у Цицерона) или *vehicula* «повозки» (у Плиния Старшего), слово скорее из лексикона грузчиков. В синодальном переводе (Песн 1.2): «имя твое — как разлитое миро», идея разлитости выраже-

на не глагольной формой предиката, а прилагательным; (Флп 2.6): «но уничижил Себя Самого», перевод-интерпретация, так как у греческого $\kappa\epsilon\upsilon\lambda\omicron\omega\upsilon$ нет значения «уничижать». Таким образом, на латинской и русской почве нет оснований для уподобления Иисуса Христа разлитому миру.

В ПМ есть прямая цитата из Послания ап. Павла к Филиппийцам. Канон св. муч. Тимофею и Мавре. 3 мая, песнь 9, тропарь 1:

Видети славу съподобистася
сама себе излиявъшаго млсрдия ради
прехвальная
законъ бо его съхраниста
и причастьника страстьм его быста

Причастный оборот второй строки сама себе излиявъшаго — описательное именование Христа, славу которого мученики Тимофей и Мавра удостоились увидеть на небесах. Новозаветный текст легко узнается, следование тексту Флп здесь буквальное, разница здесь только в глагольной форме: $\epsilon\kappa\epsilon\upsilon\omega\sigma$ излия в Флп, $\kappa\epsilon\upsilon\omega\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$ излиявъшаго прич. род. — в тропаре ПМ. Так и в греческом оригинале майской минеи: $\tau\omicron\upsilon \epsilon\alpha\upsilon\tau\omicron\nu \kappa\epsilon\upsilon\omega\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$.

В ПМ есть и аллюзия на выражение «миро излиянное». См. 5 мая. Канон мчц. Ирине. Песнь 3, тропарь 3 (аллюзия на Песн 1.2):

Муро проливаню вони
и въселенеи блгоухания даръ
въсприимъши възлете
къ того любви преславная.

Средневековый переводчик минеи не почувствовал скрытой цитаты и перевел $\mu\upsilon\rho\omicron\upsilon \kappa\epsilon\upsilon\omega\theta\epsilon\nu\tau\omicron\varsigma$ «мира излившегося» как муро проливании, передав пасс. прич. существительным. В данном тропаре контаминируются оба места из Писания: с Песнью Песней его связывает лексика «излившегося мира», а с Флп тема любви, появляющаяся в последней строке (възлете къ того любви преславная). Того — «мира излиянного». То, что под «миром излиянным» в ПМ подразумевается, как и в святоотеческих толкованиях, Христос, в греч. минее ясно из развернутого определения к конструкции «мира излиянного»: «вселенную облагоухавшего благодатию». В ПМ въселенеи блгоухания даръ, где даръ вместо $\chi\alpha\rho\iota\tau\iota$ дат. ед. от $\chi\alpha\rho\iota\varsigma$ «благодать». Ясно, что в ПМ переклика с НЗ и, в частности, с прологом евангелия от Иоанна, где говорится о благодати и истине, которые произошли через Иисуса Христа, завуалирована. В минее Соф. 203 XII в., видимо, был несколько другой текст, более точно соответствующий греческому: [миру излия] възшюс въ умъ ти [въселеную о] блгоухавъшю бла [годетию възпри] имъши въперися □ [къ того любви сл]авная.

В печатной минее Московской патриархии это место очень близко к майской минее XII в. Соф. 203:

мира изливавшегося чувствуящи
и вселенную облагоухавшаго благодатию ...
восперися к желанию сего, славная.

Написание местоимения «сего» со строчной буквы показывает, что издатели минеи не разобрались в библейских коннотациях тропаря.

М.Ф.Мурьянов, анализируя пушкинскую строку «слаще мира и вина», отмечает, что «высшее место в шкале христианских ценностей получила разновидность елеса, которой дали название «мюро» — вывод, замечательный тем, что он сделан без обращения к святоотеческой традиции именования «миром» Христа.

Как мы пытались показать, этот вывод подтверждается и памятниками гимнографии, где «миро» — имя Христа, занимающего, несомненно, «высшее место в шкале христианских ценностей». Думается, что цензорский запрет, о котором говорит М.Ф.Мурьянов, преобразовавший пушкинское «слаще мира» в «слаще мирра», был вызван и этим значением слова «миро». Отметим, что процитированные места из ПМ о мире звучали в русской церкви на протяжении десяти веков, где их мог слышать любой прихожанин. Таким образом, через гимнографический текст любой слушатель получал в свое распоряжение святоотеческую экзегетическую традицию, познакомиться с которой из других источников могли только очень образованные люди.

Далее М.Ф.Мурьянов отмечает, что пушкинское «огонь желанья» также находит себе лексические аналоги в Песни Песней, и добавляет: «Нанизывание еще одного слова, создание фразы *горит огонь желанья* придает высказыванию законченность не снижая чистоты...».

Можно привести многочисленные примеры аналогий этой строке в византийских и церковно-славянских гимнографических текстах. М.Ф. Мурьянов не заметил или не захотел привести аналогий метафоре *горит огонь* (о любовном огне) в ПМ, текст которой он собственноручно скопировал от начала и до конца. Вот несколько фраз из служб на разные дни:

любовью гнею раждегъшися 2.19
Ог'немь раж'дгъшися □ любовью Хвнею 2.23
бжмия любовью дшу раждгъ мчнге 3.6
мчце бжи раждегома любовью 4.18
Ог'немь мя любви Хва распали славне 27.17

Итак, уподобление любви ко Христу горящему огню, впервые представленное в минее Архилоха (VII в.) имеет место в ПМ. Пушкинское «желанье» находит аналогии в виде глагола *въжделэти* «желать», который в ПМ имеет явно выраженный оттенок любовного желания:

5 мая. Канон Св. муч. Ирине. Песнь 7, тропарь 3:

въж'делевъши прияти
възлюбленаго доброты
мчния болезни претръпела еси
Иринии зовущи: оць наших' (5.23)

Ей же кондак: Дво прехвальная страстотръпице
добле стражущи по женисе своумь въпияше
тебе люблю бе мои влко
по тебе въжделевъши дю мою предамь

Для следующей пушкинской строки, «душа тобой уязвлена», М.Ф.Мурьянов указывает в качестве источника Песн 2.5: яко уязвлена есмь любовию аз (в греч. τετροצעνη «ранена»). Уязвленность любовью также имеет аналогию в ПМ.

5 мая. Канон мчц. Ирине. Песнь 8, тропарь 2.

Отроковице любовьию уязвене бывъши
своего жениха последовала еси
сего страстии и муки и знамения
на теле своемь носящи

Ей же седален: доброты твоя Хе □ двая уяз'вися.
притече скоро к видимей доброте.
и в'су телесную
красотоу предала еси въ мукахъ
и въ горькихъ преценииихъ
ныня же въ крас'немь чрътозе
оуд'варяешися оу своего влны.

Ей же стихира 3: Явися □ (*язвися)8 любовьию Хвою
и кумиры възненавидела еси.
и языки бездушныхъ тэлесь.
Ириния, преслав'ная и боразоум'ная.

В заключение можно заметить, что славянское любви служит переводом четырех греческих: *ἀγάπη* — любовь в НЗ, *ερως* — любовь-страсть, *πθος* — любовь-желание, *στορυή* — любовь-привязанность⁹. Три первые лексемы обозначают любовь к Богу.

Мотив сладости в пушкинском стихотворении («Мне слаще мира и вина») напоминает стих ПМ:

вьсь сладость есть твои жених страстотръпице
вьсь дтрвьна блгоужания феодосие бце и невеста христова.

Итак, в гимнографии любовь к Христу (особенно если речь идет о мученицах), описывается теми же словами, что и в пушкинском шедевре любовной лирики. И составители канонов, и великий русский поэт черпали тропы из одного и того же бессмертного источника — библейского текста, в данном случае Песни Песней, причем именно в его греко-славянской интерпретации. Ни в Вульгате — латинском переводе Библии, ни в русском синодальном переводе нет ничего подобного. Строка слав. Библии: яко оуязлена есмь любовию ад (Песн 2.5 и 5.8) в Вульгате звучит так: quia amore lanqueo «ибо я утомлена любовью». В русском синод. переводе: «ибо я изнемогаю от любви». Троп утрачен.

Кроме непосредственного обращения к Библии, Пушкин, как и любой другой человек, мог познакомиться с библейской лексикой, присутствуя на службе в церкви, на материале литургической поэзии.

Полный разбор пушкинских четырех строк увел бы нас слишком далеко от темы Путятиной минеи¹⁰. Позволим себе высказать наше мнение только о том, что лежит на поверхности. Великий поэт ставит земную любовь выше двух ценностей, сконденсированных в словах *миро* и *вино*: выше оваянного традицией христианского освящения, а среди земных радостей — выше вина.

2. «По истине красны ноги благовествующих мир»

Академик Д.С.Лихачев в книге «Поэтика древнерусской литературы» разделе о метафорах-символах пишет следующее:

«Средневековая книжность и средневековое искусство были пронизаны стремлением к символическому толкованию явлений природы, истории и писания. [...] Средневековый символизм «расшифровывает» не только многие мотивы и детали сюжетов, но он же позволяет понять многое и в самом стиле литературы средневековья. В частности, так называемые места средневековой литературы, столь в ней распространенные, во многих случаях отражают особенности средневекового символизирующего мировоззрения. Так, например, средневековой символикой объясняются многие из «литературных штампов» средневековой агиографии. [...] Агиографы стремятся воплотить в житии святых «вечные истины», символические отношения, которые в наше время во многих случаях воспринимаются только как «литературные шаблоны».

Стремление к освобождению литературного творчества из-под власти теологии исследователь видит, в частности, в «перевешивании» материальной части символа над духовной. Отсюда средневековый «реализм» (термин средневековой философии), приводящий к материальному воплощению символов». Д.С. Лихачев приводит в качестве примера изображение в композиции Страшного суда исполинской кисти руки, сжимающей души праведных в образе младенцев — как «материализованное» библейское выражение «души праведных в руке Божией».

«Образный перевес духовной части образа приводил иногда к той же его «материализации». Так, например, реальное отправление Стефана Пермского на проповедь приобретает в «Житии Стефана», составленном Епифанием Премудрым, символический, духовный смысл. Отсюда и ноги Стефана «духовные», отсюда дальнейшее абстрагирование ног Стефана и неожиданный эпитет: «... по истине бо тех суть красны (т. е. красивы — Д.Л.) ноги благовествующих мир»¹¹.

В этом прекрасном анализе нам хотелось бы оспорить оценку «неожиданный», которую исследователь дал эпитету «красные» (ноги). Эпитет и целиком образ красных ног благовествующих мир имеет за собой богатую христианскую традицию. Он представляет собой дословную цитату из послания ап. Павла к Римлянам: како же проповедя Аще послани будут, якоже ес писано. Яко красны ноги блговествующих миръ. блговествующих блгая (Рим 10.15). В русском синод. переводе: «И как проповедовать, если не будут посланы, как писано: Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!»

Слова эти сказаны ап. Павлом об апостолах, что подчеркивается лексической перекличкой «если не будут посланы» в послании — «сих двенадцать послал Иисус» в евангельском рассказе об отправлении апостолов на проповедь (Мф 10.5).

Епифаний Премудрый, включая эту новозаветную цитату в свой рассказ об отправлении Стефана Пермского на проповедь, таким образом приравнивает подвиг св. Стефана по просвещению Пермской земли к апостольскому благословению, а самого Стефана — к апостолам. То, что процитированное Епифанием Премудрым место из послания апостола Павла к Римлянам является, говоря словами Д.С.Лихачева, «общим местом средневековой литературы», одним из «литературных штампов средневековой агиографии», «вечной истиной» и «литературным шаблоном», доказывается включением этой цитаты или аллюзий на нее в церковные песнопения, посвященные апостолам.

В ПМ есть два таких места — в каноне и стихирах апостолу Симону (10 мая).

Песнь 8, тропарь 1: Яко красн'е нозе твои, Симоне ·
блголеньнъ же ти юдынъ ·
пою славоу бжию ·
и оуча□ же вътипи · га хвал[ите].

Стихира 2: Симоне апль похвала ·
оукрасистася□ нозе ти
поутьмъ проповедии ступающи предобрыю ·
поути в'ся□ вражию узющи
широотоу разоумения словеси.

Таким образом эпитет «прекрасные ноги» может показаться «неожиданным» только на первый взгляд.

Судьба этого эпитета оказалась различной в разных культурах. Прочитанное место из послания ап. Павла к Римлянам в свою очередь является цитатой из книги пророка Исаии (Ис 52.7). В русском синодальном переводе в обоих случаях ноги названы «прекрасными»: «Как прекрасны ноги благовествующих мир» (НЗ) — «Как прекрасны на горах ноги благовестника» (в кн. пророка Исаии). Так и в Вульгате: *quam pulchri* (НЗ) — *quam speciosi* (Исаия). Что касается греческой традиции, то изначально, как можно предполагать, «прекрасных ног» в ней вообще не было. «Я пришел, как время ($\omega^{\prime}\psi\rho\alpha$) на горы» — говорит Господь у Исаии в Септуагинте. Так и в славянской библии. В списке, который послужил источником цитаты для ап. Павла: «как своевременны ($\omega\psi\rho\rho\rho\rho\rho\rho$) на горах ноги благовествующих благое». Согласно толкованию в словаре Нового Завета В. Бауэра, такой смысл имеет этот эпитет и в послании к Риолянам, которое он переводит так: «Как своевременно явились вестником радости, которые возвещают благо»¹². Однако у слов $\omega\rho\alpha$ «время», $\psi\rho\rho\rho\rho\rho\rho$ «своевременный» есть и другое значение: «красота» и «красивый», которое развилось так: «время» — «время года» — «весна» — «весна жизни» — «юность» — «красота». Именно это последнее значение стало единственным у прил. $\psi\rho\rho\rho\rho\rho\rho$ в современном греческом языке, в то время как значение «своевременный» утратилось. Видимо, именно в современном им значении «красивый» понимали эпитет $\psi\rho\rho\rho\rho\rho\rho$ византийские гимнографы VIII-IX вв. Об этом свидетельствует употребление глагола $\psi\rho\rho\rho\rho\rho\rho\rho\rho$ «украшаться» (о ногах), изначально не имевшего смысл «своевременности» (украшасте нозе ти путем проповедии ступающеи), а в стихире ап. Симону также параллель «прекрасные ноги» — «благословенный язык» в каноне этому апостолу.

Так же поняли эпитет « $\psi\rho\rho\rho\rho\rho\rho$ $\rho\rho$ $\rho\rho\rho\rho\rho\rho$ » и славянские переводчики послания ап. Павла к Римлянам, из которого это «общее место» перешло в древнерусскую литературу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Доклад, прочитанный в ИМЛИ РАН на заседании Общества исследователей Древней Руси 12 октября 2001 года по поводу презентации книги Щёголевой Л.И. «Путятина минея в круге текстов и истолкования». М., «Территория», 2001. 480 с. Орфография ПМ передается очень упрощенно.
- ² Мурьянов М.Ф. Вопросы интерпретации антологической лирики (стихотворение Пушкина «В крови горит огонь желанья») // Он же. Пушкин и Германия. М., 1999. С. 230.
- ³ Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., «Прогресс», 1987. Т. II. С. 100. Т. III. С. 689.
- ⁴ Г. Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., «Терра-Книжный клуб». 1998. (Репринтное воспроизв. и здания 1900 г.). Т. 1. С. 306-307.
- ⁵ Pauly August, Wissowa Georg. Pauly Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. 1893-1972.
- ⁶ Евсевий Кесарийский. Доказательство в пользу Евангелия.
- ⁷ Феодорит Киррский. Толкование на Песнь Песней.

⁸ Испорченное *язвися□восстановлено нами по минее XII века.

⁹ Liddel H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Vol. I-II. Oxford. 1925-1936.

¹⁰ Даже для четвертой строки мы привели далеко не все ассоциации. О слове мирра см. нашу статью «Миро или мирра?»

¹¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., «Наука», 1979. С. 167.

¹² Bauer Walter. Griechisch-Deutsches Wörterbuch. Zu den Schriften des Neuen Testaments und der uebrigen urchristlichen Literatur. Berlin, 1958. 63.

542-е заседание. 14 ноября 2001 г.

К. А. Аверьянов

Кто такие баскаки!

В современной историографии, со времен А.Н. Насонова, общепризнанным считается, что вскоре после монголо-татарского нашествия завоеватели для организации правильного и регулярного сбора дани разделили Северо-Восточную Русь на полтора десятка областей, называвшихся «тьмами», границы которых, возможно, совпадали с территориями отдельных княжеств, во главе которых находились специальные агенты Орды — баскаки, ответственные за сбор и поступление дани в ханскую казну.

Основой для подобного утверждения послужило свидетельство Рогожского летописца, согласно которому в 1360 г. князь Дмитрий Константинович Суздальский получил «княжение великое, 15 темь»¹. Встречающееся здесь выражение «темь» или «тьма» в тогдашнем языке обозначало число 10000. Читаем: «дасть на нем 10000 рубльсв серебра, еже есть тма»². Но оно имело и другое значение: в областях Ирана, Самарканда, Бухары термином «туман», «тюмень» обозначали мелкие территориальные единицы. Очевидно, именно в этом значении («область, округ») этот термин использован в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея 1506-1507 гг. великому князю литовскому Сигизмунду, который хотя и относится лишь к началу XVI в., в своем основном ядре восходит к более ранней эпохе. Среди прочих, в нем упоминаются Киевская тьма, Владимирская (Владимира-Волынского) тьма, Подольская тьма и т.д.³ Свидетельство этого источника привело А.Н. Насонова к выводу, что термин «тьма» мог употребляться и в значении податного округа⁴. Но что следует понимать под фразой «княжение великое, 15 темь»?

В поисках ответа на этот вопрос А.Н. Насонов обратил внимание на одно известие из «Хронографа редакции 1512 г.», который под 1399 г. сообщает о просьбе литовского князя Витовта, обращенной к хану Тохтамышу: «ты мене посади на Московьскомъ великомъ княжении и на всей семенатьцати темь»⁵. Употребленное здесь выражение «17 темь» очень близко к цифре «15 темь» Рогожского летописца и также связано географически с территорией Великого княжения Владимирского, которое, как считается, после 1389 г. слилось с территорией Москов-

ского княжества. Отсюда А.Н. Насонов сделал вывод, что данная фраза свидетельствует о 150 тысячах плательщиках ордынской дани на территории Великого княжения Владимирского, которые были поделены на 15 «туманов» или небольших областей, размеры которых определялись в соответствии с величиной взимавшейся дани». Правда, при этом автор этого утверждения все же испытывал определенные сомнения по его правильности, главным из которых было то, что «в источниках мы не нашли пока никаких следов существования «тем» как мелких территориальных единиц на русском Северо-востоке»⁶.

Эти сомнения усиливаются, если вспомнить упоминание в «Любечском синодике» жившего на рубеже XIII — XIV вв. князя Олега Романовича Брянского, «оставившего дванадцать темъ людей»⁷. Если можно еще согласиться с тем, что во всем Великом княжении Владимирском в XIV в. было 150 тысяч плательщиков дани (предположив, что татарские переписи охватывали именно семьи, а не отдельных лиц), то вряд ли в далеко не самом крупном Брянском княжестве, к тому же сильно страдавшем от постоянных татарских набегов, их насчитывалось 120 тысяч.

Между тем, хотя лишь один раз, но термин «тьма» все же встречается в духовных и договорных грамотах XIV — XV вв. — в dokonчании 1445 г. князя Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями: «А въ прадедину нашу, и в дедину, и въ отчину, в Суздаль, в Новгород (имеется в виду Нижний Новгород. — К.А.), в Городецъ, и въ Вятку, и во всю пятетем Новьгородскую, тебе, господину нашему, князю Дмитрию Юриевичю, и твоему сыну, князю Ивану, не вступатися ничим»⁸.

Что следует подразумевать под выражением «всю пятетем Новьгородскую»? В переводе на современный язык его нужно читать как «все пять тем новгородских». Поскольку грамотой выражение перечисляется в одном ряду с Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом и Вяткой, можно предположить, что оно обозначало определенную географическую область, такую же, как вышеперечисленные, и сравнимую с ними по своим размерам. Указание же грамоты, что эта область являлась новгородской (в данном случае речь идет, конечно же, не о Великом Новгороде, а о Нижнем) заставляет искать ее в пределах Нижегородского княжества.

Определенные указания на это дает известие Рогожского летописца под 1364 г.: «бысть моръ силен велик на люди в Новегороде въ Нижнем и на уезде, и на Сару, и на Киши, и по странамъ, и по волостемъ»⁹. Некоторое недоумение в этом сообщении вызывают слова «и по странамъ, и по волостемъ». Летописи, полные сообщений о различных эпидемиях, при характеристике их размеров и произведенных опустошениях иногда используют выражение «страны», но употребляют его исключительно в значениях «государство», «княжество». В приведенном же отрывке речь идет исключительно о территории Нижегородского княжества, где, понятное дело, не могло быть других «государств». Притом эти «государства» должны были быть совершенно крошечны-

ми, поскольку, судя по контексту, понятия «страны» и «волости» однопорядковые, означающие мелкую территориальную единицу. Тем не менее, летописец сознательно употребляет в сообщении не одно из этих слов, а одновременно два. Отсюда можно предположить, что в Нижегородском княжестве наряду с волостями существовали и иные мелкие административные единицы, отличные от них.

Ясность в этом вопросе наступает, когда вспомним, что именно термином «тьма» или «тъма» можно было обозначить небольшую территориальную округу. Очевидно, упоминаемые в этом известии Сара и Кишь являлись ничем иным, как «тьмами». Однако слово «тъма» в тогдашнем языке имело и другое, числовое значение (10 тысяч) и поэтому летописец в своем известии предпочел дать не сам термин, а его русский перевод.

Итак, в пределах Нижегородского княжества находились две мелкие административные единицы — Сара и Кишь, — возможно, носившие название «тъма». Окончательно в этом можно убедиться лишь тогда, когда найдем остальные три. Они, вероятно, лежали поблизости от первых двух, и поэтому необходимо обратиться к известиям летописца, где упоминаются и другие административные единицы этого района. Под 1375 и 1408 гг. здесь упоминаются Запьяние, Уяды и Курмыш¹⁰.

Названные в этих сообщениях пять пунктов — Сара, Кишь, Запьяние, Уяды и Курмыш компактно располагались вдоль нижнего течения р. Суры, ее притоков Пьяны и Кишь. Во второй половине XIV — первой половине XV в. они входили в Нижегородское княжество и образовывали на его восточной окраине единую область с центром в Курмыше¹¹. Судя по грамоте 1445 г. она именовалась как «пять тем нижегородских». И хотя эта область входила в состав Нижегородского княжества, она делилась не на волости, а на «тьмы». Это объясняется тем, что преобладающим элементом здешнего населения были не русские, а мордва и татары.

В литературе приобретение этих земель суздальско-нижегородскими князьями обычно относят к 60 — 70-м годам XIV в.¹². Суздальско-нижегородские князья, присоединив эту территорию, не спешили вводить здесь прямое русское управление с привычным делением на волости, а оставили для местного мордовского и татарского населения известную автономию и прежнюю систему управления, состоящую из «тем». Таким образом, под термином «тъма» следует понимать мелкую административную единицу, аналогичную волости, на землях, населенных по преимуществу нерусским населением, и сохранявшую определенную самостоятельность во внутреннем управлении.

Появление этих новых административных единиц на границах Русской земли объяснялось тем, что уже с раннего времени в Орде начинаются смуты. Ожесточенная грызня за ханский престол выбрасывала за ее пределы царевичей и вельмож, потерпевших поражение в этой борьбе. Вместе с ними, спасаясь от мести победителей, бежали их

сторонники. Вся эта масса оседала на малозаселенных местах между русскими княжествами, Литвой и Великой степью, создавая ту широкую буферную зону между Русью и Ордой, которую уже в XV в. назовут «украиной». Русские и литовские князья охотно принимали выходцев из Орды, предоставляя им свободные земли, справедливо полагая, что могут использовать их в качестве заслона против татарских набегов.

Итак видим, что в распоряжении суздальских князей имелось пять «тем». Однако известие Рогожского летописца говорит о 15 «тьмах», полученных суздальским князем вместе с великим княжением. Очевидно, они располагались по соседству на границе Великого княжества Владимирского, в широкой полосе пограничья русских земель с Ордой.

Кто же возглавлял «тьмы»? А.Н. Насонов, рисуя картину ордынской власти на Руси, создал стройную схему ее организации из баскаческих отрядов во главе с владимирским баскаком, называвшимся «великим», которому были подчинены другие баскаки, державшие баскачества разных княжений. Все это, по мнению ученого, было направлено для решения лишь одной задачи — держать в повиновении покоренное население¹³. Однако, просматривая немногочисленные упоминания источников о баскаках, следует обратить внимание на то, в каких географических регионах они действуют. Выясняется неожиданное обстоятельство — ареал деятельности баскаков оказывается связанным с той же самой широкой «буферной» полосой русско-ордынского пограничья, где источниками фиксируются мелкие административные единицы «тьмы».

Под 1331 г. летописи сообщают, что новгородский владыка Василий отправился для своего посвящения на Волынь, где находился тогда митрополит Феогност. На обратном пути, уже под Черниговом, его настиг «князь Федоръ Киевський со баскакомъ въ пятидесят человекъ розбоемъ»¹⁴. Широко известен рассказ о баскаке Ахмате, активно действовавшем в 1280-х годах в районе Курска и создавшем там свои слободы¹⁵. Упоминаются баскаки в грамотах русских митрополитов, адресованных населению территории, примыкавшей к Червленому Яру (возле Хопра и Дона), чья принадлежность была спорной между Рязанской и Сарайской епископиями¹⁶, а также, судя по московско-рязанскому докончанию 1381 г., в Туле¹⁷. Согласно «Житию Пафнутия Боровского» дед святителя — Мартин был баскаком в Боровске¹⁸.

Некоторым диссонансом в этом смысле может показаться известие 1269 г., когда князь Ярослав Ярославич «прииде... в Новъгород, бяше же с ними баскакъ великии Володимерьскии именем Армаганъ, и хоте ити на город на неметцкии Колыванъ, и уведаша немци, прислаша послы своя с челобитьемъ, глаголюще: «челом бьем, господине, на всеи твоеи воли, а Неровы всее отступаемся». И тако взя миръ с немци»¹⁹. Но это противоречие снимается, когда выясняется, что свои войска князь Ярослав собирал по приказу своего отца великого князя вла-

димирского Ярослава Ярославича в «Низовской земле». Судя по всему, центром владений «баскака великого владимирского» мог быть лежавший на границе русских владений Муром. Во всяком случае, летописи не фиксируют с середины XIII в. на протяжении почти столетия ни одного из муромских князей²⁰. Поскольку он зависел от великого князя владимирского, вполне объяснимо его упоминание летописцем как «баскака великого владимирского».

Наконец, под 1305 г. Лаврентьевская летопись сообщает о смерти баскака Кутлубуги, который был связан с Ростовской землей²¹. На первый взгляд, его деятельность не связана с буферной зоной русско-ордынского пограничья, но историко-географический анализ показывает, что на рубеже XIII — XIV вв. ростовским князьям принадлежали огромные лесные пространства по р. Ветлуге, лежавшие на границе русских земель, где компактно проживало нерусское население. Именно эти территории и следует связать с деятельностью Кутлубуги. Правда, следует отметить, что здешние мелкие территориально-административные единицы не носили названия «тьма», а именовались «дорога». По документам XVII в. на р. Ветлуге, наряду с чисто русскими волостями, известны «Лапшангская» и «Вятская» дороги²².

Это обстоятельство заставляет вспомнить, что в XIV в. термин «баскак» заменяется в русских источниках словом «даруга» (или «дорога» в русифицированной форме). Не останавливаясь на выяснении причин этого, отметим высказанное в литературе мнение, что тюркский термин «баскак» однозначно соответствует монгольскому «даруга»²³. Каковы были функции «даруги»? А.Н. Насонов, продолжая строить свою схему ордынского владычества на Руси, утверждал, что они занимались тем же, что и баскаки — сбором дани, только с той разницей, что «теперь князья отдельных княжеств имели дело каждый со своим «дорогой», т.е. московский князь с «дорогой московским», тверской с «дорогой тверским» и т.п. Так, под 1432 г. в Симеоновской летописи упомянут «московский дорога» Минь-Булат, а под 1471 г. — «князь Темирь, дорога рязанской». Отсюда следует предположить, что существовали «дорога тверской» и «нижегородско-суздальский» и, может быть, другие²⁴. Но при ближайшем знакомстве — с какими географическими регионами была связана деятельность «даруг» — становится ясным, что эти предположения остаются не более чем игрой ума.

Под 1376 г. летописец сообщает о походе воевод Дмитрия Донского и его тестя князя Дмитрия Константиновича Суздальского «ратью на безбожных Болгары». «Князи же болгарские Осань и Махмать салтань и добиста челомъ князю великому и тьстю его князю Дмитрею Костянтиновичю, ... а *дарагу* и таможенника посадиша князя великого в Болгарех и отъидоша прочь»²⁵. Еще раз термин «даруга» встречается в летописи под 1438 г. при описании переговоров перед Белевским боем, когда татарский царь Махмут послал к русским воеводам «зятя своего Ельбердеа да *дараг*, князеи Усеина Сараева да Усень Хозю». Как видно, речь снова идет о пограничных территориях русско-ордынского пограничья²⁶.

К этой же территории относится и упоминание Симеоновской летописью «рязанского дороги» Темира под 1471 г.²⁷. Он, очевидно, управлял теми «тьмами» в Рязанской земле, свидетельство о существовании которых находим в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду²⁸. Что же касается «московского дороги» Минь-Булата, у которого в 1432 г. находились великий князь Василий Темный и его дядя князь Юрий Галицкий²⁹, то вспомнив об известии «Хронографа редакции 1512 г.», который под 1399 г. сообщает о Московском великом княжении и 17 «тьмах», выясним, что его владения вероятнее всего лежали в районе Тулы, которая московско-рязанским договором 1381 г. именуется как «место» московского князя. Наконец, московско-рязанское докончание 1483 г. упоминает даруг касимовского царевича³⁰. Таким образом становится понятным, что речь идет все о тех же русско-ордынских пограничных землях.

Отсюда вытекает и наш основной вывод: эти земли русско-ордынского пограничья, широкой полосой протянувшиеся вдоль всей кромки русских княжеств представляли собой территории с редким русско-татарским населением, преобладающим элементом которого были выходцы из Золотой Орды. Административно они состояли примерно из полутора десятков мелких образований, носивших названия «тьмы». Чуть меньшее количество «тем» приходилось на литовско-татарское пограничье. Главы этих образований приблизительно до середины XIV в. носили название баскаков, а позднее — даруг.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 68. (Далее: ПСРЛ).

² Там же. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 187.

³ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 (1506-1544). СПб., 1848. № 6; Ср.: Там же. № 200.

⁴ Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 98 — 99.

⁵ ПСРЛ. Т. XXIII. Ч. 1. СПб., 1911. С. 423.

⁶ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 99.

⁷ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 26, 82 — 86.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950. № 40. С. 119. (Далее: ДДГ).

⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 76.

¹⁰ Там же. Стб. 109, 484.

¹¹ Курмыш стал центром этой области с 1372 г. : «Того же лета князь Борисъ Костянтинович постави себе город на реце на Суре и нарече его именем Курмышъ» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 187).

¹² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X— XIV вв. М., 1984. С. 217.

¹³ Насонов А.Н. Указ. соч.. С. 145 — 146. См. также: Греков Б.Д., Якубовс-

кий А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 220 — 221; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 26.

¹⁴ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 344.

¹⁵ Там же. Т. X. М., 1965. С. 162; Т. VII. СПб., 1856. С. 176 — 178.

¹⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964. № 312. С. 341 — 343; № 313. С. 343 — 345.

¹⁷ ДДГ. № 10. С. 29.

¹⁸ О «Житии» см.: Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII — XIV вв. СПб., 1999. С. 201 и след.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 148.

²⁰ См.: Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 616 — 618).

²¹ ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 528.

²² Холмогоровы В.И., Г.И. Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей. 1628 — 1710 и 1722 — 1746 гг. Кострома, 1895. С. 219, 221, 225, 257, 265, 271; Вып. 2. Солигаличская и Унженская десятины жилых данных церквей. 1680 — 1710 и 1722 — 1746 гг. Кострома, 1900. С. 71, 72, 81, 103, 104, 112.

²³ См.: Кривошеев Ю.В. Ук. соч. С. 216. Прим. 225; Федоров-Давыдов Г.А. Ук. соч. С. 30 — 31.

²⁴ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 104 — 105.

²⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 192.

²⁶ Там же. С. 260.

²⁷ Там же. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 224.

²⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. № 6. С. 5.

²⁹ ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. С. 423.

³⁰ ДДГ. № 76. С. 284, 288.

543-е заседание. 21 ноября 2001 г.

М. Ю. Люстров

Нарвский печатный катехизис 1701 г.

В 1701 г. в Нарве был издан лютеранский катехизис на русском и шведском языках. Название книги написано по-шведски без русского перевода («Lutheri Cathéchismus Asskon och Morgon...»). В самой книге русский и шведский тексты напечатаны параллельно: на левой странице разворота -русский, на правой — шведский текст. Все тексты набраны готическим шрифтом. По своему составу лютеранский катехизис 1701 г. является сокращенным вариантом стокгольмского лютеранского катехизиса 1628 г., напечатанного на русском языке, но не латиницей, а кириллицей.

В XVII— первые годы XVIII в. в Швеции было опубликовано несколько текстов на русском языке. Анализ этих книг позволяет выяснить, кто являлся потенциальным читателем лютеранского катехизиса 1701 г.

Во-первых, можно предположить, что этот катехизис адресовался

русским читателям, проживающим на отошедших к Швеции после Столбовского мирного договора территориях. Латиницей катехизис набран из-за того, что к началу XVIII в. в Стокгольме перестала функционировать типография со шрифтом-кириллицей. Вместе с тем титульный лист катехизиса написан по-шведски и, следовательно, книга предназначалась для шведского читателя. В шведских книгах, напечатанных латиницей и адресованных русскому читателю, заглавие пишется по-русски. Например, так оформлена напечатанная в 1697 г. «Плачевная речь» И.-Г.Спарвенфельда. Кроме того, в нарвском катехизисе русский текст набран едва ли понятным русскому читателю готическим шрифтом. И. наконец, если этот текст адресовался русскому читателю, не ясно, почему за русским текстом следует шведский эквивалент. Известны шведские книги начала XVIII в., в которых, как и в случае с катехизисом, шведский текст идет сразу за русским. В 1704 г. в Хольме вышла книга Николая Бергиуса (кстати, прекрасно знавшего о существовании нарвского катехизиса) «Опыт о состоянии религии и церкви у московитов». Книга начинается с написанного по-русски и набранного латиницей стихотворения И.-Г.Спарвенфельда и его латинского перевода. Шведский читатель знакомится со стихотворением, которое он может прочитать по-русски, а из перевода узнать его содержание. В то же время в нарвском катехизисе оригинал (шведский текст) следует за переводом (русский текст). Если допустить, что катехизис 1701 г. предназначался для русского читателя, остается необъясненным не только наличие шведского текста, но и расположение материала.

Во-вторых, нарвский катехизис мог выполнять функцию учебного пособия для шведов. Тем более, что в Нарве готовились переводчики с русского. Известно, что уже в конце XVI в. в Нарве существовала так называемая «русская школа», а в 20-е годы XVII в. в городе появилось большое количество рукописных учебников по русскому языку и словарей. Но эта версия не объясняет, почему катехизис вышел сразу после разгрома русской армии под Нарвой в ноябре 1700 г. (что, несомненно, является главной причиной появления катехизиса).

В-третьих, этот катехизис мог предназначаться для чтения перед русской аудиторией. Существуют тексты, выполнявшие такую же или сходную функцию. Известно, что «Плачевная речь» Спарвенфельда адресовывалась русскому слушателю (а потом читателю). После беседы шведских пасторов с русскими священниками в Нарве в 1614 г. появилось написанное Й.Рудбеком и И.Пальмой «Краткое изложение и наставление о нашей христианской вере». Эту записанную беседу предполагалось перевести на русский. В помещенном в «Опыте» стихотворении Спарвенфельда, а также в его прозаическом посвящении Н.Бергиусу проставлены ударения. Может быть, Спарвенфельд ориентировался на русскую традицию, но, скорее всего, его русские тексты предназначались для декламации. Таким образом, напечатанные латиницей русские тексты являлись или записью уж произнесенной речи,

или создавались для чтения вслух. Конечно, эти выводы должны быть уточнены после проведения специального лингвистического анализа.

Таким образом, последняя версия объясняет и связь катехизиса с событиями 1700 г. (оживление миссионерской деятельности шведов), и нетрадиционное для подобных книг расположение текстов оригинала и перевода (шведский текст играл вспомогательную роль при чтении порусски), и выбор готического шрифта (книгу должны читать только шведы).

Вместе с тем вышедшие в Швеции книги на русском языке печатались не только латиницей, но и кириллицей. Выше уже упоминался вышедший в 1628 г. в типографии Петера ван Селова лютеранский катехизис на русском языке, набранный кириллицей. Этот катехизис предназначен только для русского читателя. Точнее, для простецов, нуждающихся в руководстве (один из разделов книги называется «Почтение православно крестьянской вере неумелым простым всяким людем»).

В России же доброжелательные шведские тексты на русском языке, написанные латиницей, воспринимались не так, как те же тексты, набранные кириллицей. По всей видимости, в шведской книге, написанной кириллицей, в России видели провокационное переодевание текста. Книга на родном языке, да еще набранная привычным, по традиции вызывающим доверие шрифтом представлялась очень опасной. Отсюда и гневная реакция в Москве на катехизис 1628 г. В предисловии к «Православному исповеданию веры» (М., 1696) патриарх Адриан отмечает: «Мартина убо Лютера ученицы изобретши письмамена словенороссийския точная, чистая пре-ведша на словенский чистый диалект своих им лживых догматов доводы и типом издавша изнесоша на свет свой яда полный на цвет оонюхоающья услаждавшееся, но терн озязающья убодающый две книжичицы» (5об.). Но более показательна история типография Тессинга, которая в 1708 г. была захвачена шведами в Данциге. В России начали звучать призывы быть бдительными, так как теперь возникла реальная опасность появления прелестных воззваний, больше того, в ожидаемых листовках в качестве места издания может значиться и Москва: «...буде какие письма где явятся, напеча-танные славянскими словами и складом славянским же к возмущению народа или хотя под каким ни есть лестным образом, приводя к тому ж, чтоб тем народ обманом привести в возмущение и таким письмам отнюдь не верить и у себя не держать, хотя будет и то в них написано, будто они на Москве печатаны, а где и у кого такая письма явятся, и таких людей ловить и спрашивать, где кто такая письма взял...». В 1708 г. идет речь о военном приеме, об использовании которого сами русские знают очень хорошо. Примерно такую же хитрость сами русские применили при взятии Нарвы в 1704 г. Тогда лучшие шведские офицеры были пленены после того, как приняли переодетых в шведскую форму русские полки за спешащие на помощь осажденной Нарве войска и вышли им навстречу. А значит, шведские кириллические издания в

Москве воспринимались как обман, иногда еретическая провокация, иногда военная хитрость. Такие тексты обязательно разоблачались. Что касается книг, набранных латиницей, они печатались только для отдаленных от Москвы территорий, в Москву не попадали, не были опасными и, возможно, поэтому игнорировались.

544-е заседание. 28 ноября 2001 г.

Л. К. Гаврюшина

Еще одна русская редакция «Жития Саввы Сербского»*

«Житие Саввы Сербского» в Феодосиевской редакции, проникнув в русскую рукописную традицию в первой трети XVI в., а, возможно, и ранее, заняло особое место в истории древнерусской литературы и со временем стало едва ли не самым известным житием славянского святого на Руси. На сегодняшний день выявлено более 80 русских списков его Пространной редакции, 8 списков Краткой редакции, несколько переработок «Жития», возникших в XVII-XVIII вв., а также извлечений писцов из сербского памятника¹.

Еще одно свидетельство популярности сочинения Феодосия Хиландарца на Руси — текст, находящийся в составе сборника из Научной библиотеки Саратовского государственного университета (собрание Мальцева, № 1235), обнаруженный нами в 1998 г. Рукопись размером 18x32 см — очевидно, конвюлют конца XVII — 1 половины XVIII в., имеет кожаный переплет с тиснением; сохранность ее в целом удовлетворительная, однако она уже немного растрепана. Сохранились остатки застеежек. В сборнике 302+2 листа, лист 152 утерян. На защитном листе № 1 запись скорописью: «Сия книга нарицаемая Богородице на чудеси следует Семену Чесненкову». Второй защитный лист — одновременно текст рукописи — на него наклеен лист со словом Кирилла Александрийского «О исходе души от тела». Рукопись написана преимущественно мелким полууставом. Это касается и «Жития Саввы Сербского», которое помещено на лл. 35 об. — 42. Водяной знак бумаги в тетрадах с «Житием Саввы» — герб со львом с литерами АО под ним (или без них), который соответствует водяному знаку № 872 альбома «Водяные знаки рукописей России XVII в.» (1682 г.)². Сборник, несомненно, возник в старообрядческой среде, о чем свидетельствует, в первую очередь, характер заставок и инициалов. Специалист по истории старообрядчества Поволжья Е. А. Агеева считает, что поскольку орнамент заставок основан на старопечатных оригиналах, есть основа-

* Полностью с текстом оригинала данная статья опубликована в периодическом издании «Археографически прилози», № 22 (г. Белград). См. также: Л. К. Гаврюшина «Свети Сава — царски син код Доментијана, Теодосија и једној руског књижевника XVII — XVIII века // Медународни славистички центар. Научни састанак слависта у Вукове дане. 29/2. Београд, 200. С. 5-12.

ния говорить о влиянии выговской традиции, — в украшениях ранневыговской книжности также прослеживается старопечатная основа³. По словам Е. А. Агеевой, в период, к которому относится создание сборника, предполагать самостоятельную традицию в пределах Саратовского Поволжья трудно, ибо это был период колонизации и становления старообрядческих общин в этих местах. Вместе с тем известно, что старообрядцы Поволжья находились под влиянием Выга и повсюду разыскивали и приобретали выговские рукописи. Однако существует вероятность того, что рукопись, о которой идет речь, не местного, саратовского происхождения. С полной определенностью можно говорить лишь об ориентации писца на поморские оригиналы.

Заставки рукописи различны по своим особенностям. Более сложный орнамент имеют заставки на л. 201 и 206, более грубого характера — те, что содержатся в части сборника, начинающейся с л. 265 («Слово о милостыне»). Вторая часть рукописи, очевидно, и более поздняя по времени написания. Писцы отмечают здесь сделанные ими выписки из печатных изданий (например, на л. 292 — из книги «Маргарит»).

В составе сборника — слова, повести, жития, сказания о чудесах, выписки из Библии, из различных книг духовного содержания, из Устава. Так, на л. 61 — «Житие Симеона Столпника», «списанное Антонием мнихом»; на л. 113 — «Слово о поклонении и о чести святых икон»; на л. 175 об. — выписки из Книги Юдифь; на л. 34 — из Книги Царств («О Илии жреце и о двух сынех»); на лл. 73 об., 77 об., 81 об. — слова на двенадцатые праздники (Воздвижение, Рождество, Богоявление). «Житию св. Саввы» предшествует выписанная из «Отчника скитского» «Повесть удивительная о диаволе, как прииде к великому Антонию, якобы хотя каятися» (л. 32–35). После «Жития» — «Чудо святого Георгия бывшего прежде мучения...» (л. 42). «Житие» сербского святителя, точнее, извлечение из него, с заголовком «Месяца генваря в 14 день житие и подвизи иже во святых отца нашего Савы архиепископа сербскаго» имеет богато украшенный инициал.

Текст, обнаруженный в саратовском сборнике, представляет интерес во многих отношениях. Следует прежде всего подчеркнуть его принципиальное отличие от известных науке переработок сербского «Жития», например, имеющейся в рукописи ГИМ, собрание Барсова, № 1579⁴, или опубликованной Л. Стояновичем, также из ГИМ, Синодальное, № 146, авторства Филофея Лещинского (обе — XVIII в.)⁵. Для своего рассказа о святом Савве книжник избрал ту часть повествования Феодосия, которая касается описания детства, отрочества и бегства святого на Афон. Вступление опущено, текст начинается со слов: «Сей бе блаженный Сава сын жупана великаго игемана...» и заканчивается рассказом о том, как огорченные и раздосадованные посланники Немани прощаются с юным иноком и возвращаются ни с чем восвояси. Текст Феодосия, за исключением ряда лексических изменений, в основном сохранен дословно, однако несколько весьма существенных с идейно-стилистической точки зрения вставок, принадлежащих перу русского книжника, о которых пойдет речь ниже, свидетельствуют о его желании создать, на основе

рассказа Феодосия, свою художественную версию истории о святом Савве. Наш текст не имеет какой-либо связи и с русской Краткой редакцией памятника. Автор имел перед собой, очевидно, текст Пространной редакции, причем, по всей вероятности, в первом из двух распространенных на Руси ее вариантов⁶. Не вызывает сомнений и то, что книжник пользовался именно русской редакцией «Жития». Следы сербской редакции прослеживаются едва ли не в одном месте (л. 36): «...ко всемогущему Богу за се со слезами...»

В тексте немало ошибок и описок, свидетельствующих по большей части о том, что то или иное слово было неправильно понято. Л. 36 об.: «нась зряста» (вместо «на нь»); «юноша ж в наусь пришед разума святых книгъ» (вместо «вкусь»); л. 37: «и многодивно веселящимся» (вместо «многодневно»); л. 37 об.: «рупан родом» (вместо «русин»); л. 38: «еже за не страсти его» (вместо «еже за ны»); л. 38: «не в мягких красовании» (вместо «красоватися»).

Первая крупная вставка русского книжника помещена после слов «и многодивно веселящимся». Автор вводит здесь отсутствующий у Феодосия диалог Растко с родителями, уговаривающими его вступить в брак. Они предлагают ему, если он не пожелает избрать невести среди свои соотечественниц, найти таковую среди благочестивых девиц царского рода из России, уверяя его, что в выборе им поможет имеющий к ним расположение русский государь. При этом автор как бы переносит действие «Жития» в свою эпоху — во времена Саввы Сербского не могло идти речи о Московском царстве. Уклончивый ответ юноши родителям, ищущим в его предполагаемом браке утешения, заставляет обратиться к нему его слуг, но и он повелевает им умолкнуть, и они покоряются, дабы не разгневать его. «Вельможи и князи и воеводы» настаивают на его браке прежде всего ради интересов престолонаследия («тебе, государь, все земли сербские пасти и царствовати в нас рабех твоих»). Образ Растко как потерянного для Сербии наследника престола, возникающий и в дальнейшем, становится для русского автора художественным ядром повествования.

Следующий отрывок, авторство которого принадлежит русскому книжнику, касается беседы юного Растко и старца-инока, пришедшего со Святой Горы. В его изложении иннок старается подчеркнуть контраст между жизнью в славе и роскоши, к которой привык юноша, и жизнью монашеской, исполненной трудов и лишений и требующей великого смирения (л. 38 — «токмо уготови душу твою... вся скорби имаши терпети»).

Другой крупный отрывок, внесенный книжником в текст «Жития», является как бы кульминацией всего рассказа. В нем описывается горе родителей — в монологах каждого из них, — узнавших о исчезновении сына. Отец сокрушается о утрате наследника престола и духовного наставника; мать, терзаемая неизвестностью, в «отчаянной» надежде увидеть сына женатым, также вспоминает его духовные наставления. В словах отца здесь вновь появляется тема «вдовствующей» Сербской земли (л. 39 — «в себе ж быста, начаша плакати неутешно глаголюще:

О сыне нашъ вожделенный... когда узрю бракъ твой, и жену твою, и плод утробы твоея»). Этот эпизод помещен непосредственно после упоминания о возвращении к Немане слуг, обнаруживших исчезновение Растко на охоте.

Довольно существенны с точки зрения содержания и поэтики текста и менее объемные вставки книжника-старообрядца. Так, к монологу Немани, поручающего воеводе найти и вернуть домой Растко, он присоединяет две строчки, которые заключают в себе ответ слуги своему господину, слуги, желающего подчеркнуть свою верность ему (л. 39 об. — «благим, паче первых паче подателя имеи мя, друже, — рече ж(е) он. — Аще, государь, и главу свою отложю, а верно послужити готовъ есмь, токмо храбрых ветязеи, и коня борзоходца»). Несколько видоизменен, по сравнению с текстом Феодосия, и рассказ о письме, отправленном с воеводой к «епарху Селунския области». Дословно передается написание, сделанное Неманей, а обращение его к областеначальнику выражено прямой речью, что усиливает повелительный тон письма, равно как и фраза, следующая за словами Феодосия «и в любви место сопотивны обрящемся»: «и ити имам на тя и на землю твою» (л. 39 об.). Небольшое, но важное дополнение встречаем при описании встречи воеводы с беглецом Растко в Пантелеймоновом монастыре, где также проявляется склонность автора к изложению с помощью прямой речи. Так, помимо рассказа о страданиях отца и матери, имеющегося у сербского агиографа, встречаем здесь непосредственно обращенные к беглецу слова воеводы о страданиях земли Сербской, плачущей как вдова о муже (л. 40 об. — «и плач непременно не токмо отца и матери... яко вдова мужа вопиет»). Укор, обращенный к Растко, который оставил престарелого отца и землю, где должен был «начальствовать», встречаем и в продолжении беседы воеводы с царским сыном. Со слезами («восплакав тошно»), воевода поясняет ему, насколько безвыходным окажется его положение, если он не вернет Растко отцу — он должен будет тогда умереть или окажется сосланным в чужую страну (л. 40 об.). Подчеркивает книжник в словах воеводы и верность его своему господину: «яко верну ми быти ко отцу твоему якоже и тебе, господи мои» (л. 40 об.).

Знакомство с текстом не раз обнаруживает стремление книжника усилить эмоциональность как самого повествования, так и высказывание персонажей (л. 41 об. — «и молвяще болезненные глаголы с горкими слезами»; л. 42 — «они же возстенавше з горкими слезами отидоша»). Любопытно, что взволнованность обращения воеводы к монахам, «спрятавшим» Растко-Савву, передается внезапным переходом от изложения в первом лице множественного числа к личной угрозе: «разорю все житие» (л. 41 об.). Описание скандала в монастыре завершается в нашем тексте словами: «яко быти великому шумению и звуку». Чуть дальше, видоизменяя строение Феодосиевской фразы, русский книжник вставляет в текст гневное, властное обращение Саввы к воеводе, напоминающее его резкий ответ вельможам на их попытку заставить его подчиниться воле родителей: «во странах чюжих каком

смел еси то твори...» (л. 41 об.). Внимательное сопоставление текстов Феодосия, с одной стороны, и нашего книжника, с другой, позволяет выявить и ряд других, менее значительных с точки зрения содержания и стиля, однако довольно любопытных вставок и изменений. В заключение отметим, что русский книжник-старообрядец, использовав значительный и вместе с тем наиболее популярный отрывок из Феодосиевского «Жития Саввы», несколько изменив его композиционно и сделав ряд добавлений, создает своего рода повесть о бегстве святого Саввы на Афон, — законченный рассказ, в основе которого — драматический конфликт между устремлениями царского сына к монашеской жизни и надеждами его отца и матери, родных, слуг и вельмож на его как на «святого в миру», как на опору земного царства и «начальника» земли Сербской. Живостью и эмоциональностью изложения повесть, очевидно, удовлетворяла вкусам читателей XVIII в., в какой-то мере заменяя для них сербское пространное «Житие», с которым они не имели возможности или случая ознакомиться.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Гаврюшина Л. К. Русская рукописная традиция Жития Саввы Сербского // Советское славяноведение. М., 1984. № 1. С. 68-82.
- ² Водяные знаки рукописей России XVII в.: Альбом (по материалам Отдела рукописей ГИМ) / Составители Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. Отв. редактор В. И. Буганов. М., 1980.
- ³ Выговское общежительство — известный старообрядческий монастырь на реке Выг в Повенецком уезде Олонецкой губернии. Этот духовный и хозяйственный центр староверов-беспоповцев сложился в конце XVII — начале XVIII вв. См.: Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 69.
- ⁴ Гаврюшина Л. К. Указ. соч. С. 81.
- ⁵ Стојанович Ль. Стари српски хрисовуљи, акти, биографје... // СКА. Београд, 1980. Споменик III С. 79-81. См. также: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. 1. С. 37.
- ⁶ Гаврюшина Л. К. Указ. соч. С. 71.

Текст рукописи НБ СГУ*

Месяца генваря в четырнадцатый день Житие и подвизи иже во святых отца нашего Савы архиепископа Сербского.

Сей бе блаженный сава, сын жупана великаго игемана и государя сербскаго, иже самодержавно владычествовавшу, всеми серпскими землями, яже глаголюся, диоклития, далматия, травуня к востоку убо иллирии приближающесе, к западу же римстей области прилежаще. Той убо выше реченный муж, благочестив сын и богобоязлив, нищелюбив, многомужествен же воеводством и сильным воинством сияя, и все-

* Сохранены орфография и пунктуация рукописи. Л. 39 об. — 46.

ми благими на земли в добродейство зело гобзюя, паче же добрыми нравами, беззлобием и правдою, милостию и кротостию украшающесе. Поят же по закону себе жену, именем анну, и сию ничимже остающу благих нрав мужа своего. Родишаже ся има сын и дщери, ихже божественным крещением просветиста и святым книгам, и благим нравом научивше, о господе веселястася. годом же многим минувшим, и неродяще выше реченной и благочестивой анне, заключи бо ю бог, якоже древлелию ияковлю, яже родящу прежде, не родити во время, и сего ради поносима и оскорбляема быва(ше) мужем своим, в скорби же и жалости обема суще о сих, в вожделении бо мнозе бяше душа их яко прижити има // еще чадо. и обнощь ставше на молитве, ко всемогущему богу за се, со слезами глаголаста; Молитва. Владыко господи боже вседержителю, послушавьи древле авраама и сарру, и прочих праведник о чадах молящихся. Услыши и нас грешных днес раб твоих молящихти ся, даждь нам, по твоей благодати, прижити еще чадо мужеск пол, иже будет утешение души нашей, и наследник тобою, нашей державе, и жезл старости нашей, на немже руце возложше почиве. и обещны ти обеты воздаеве, от зачатия отрочате естественныя законныя любве, и постеля отлучивесе. Господь же близ всем призывающим и воистинну, и молитву их послушая, услыша и сих праведник. и се же бысть неизглаголаннх божиих судеб начаток, да якоже житием последи, и в рожестве первее, чюден будет отрок, и естества устава чловеча дела точию будет, но и всесилнаго бога повеление, побеждающаго естества устав яко хочет. и молитвы плод естеством родися, от бога дан богу наречется еже и бысть. непразне же быти Анне. и приближившимся днем роди мужеск пол, по прошению молитвенному. возрадовашажеся душою велми, и прославиша бога, непрезревшаго моление их. по мале времени, породиша его, второе водою и духом, божественным крещением просветивше, и нарекоша имя ему растко, убо и зело о господе добре возрасте, укреплюжесе отрочате, и даша его учитися святым // книгам. Родителя же его, выше естества безмерную любовь к нему имуща, несытною душою присно нас зряста, но и паты и стратилаты и тысящницы, и вси велможы их с ними глаголаху, яко сей хочет быти изящнейшии в братии своей, бе бо отроча благообразно и весело душою, и во учении преспевая, и разумом в детском возрасте удивлен яко всем глаголати ново некое знамение отроча се будет, возраста же дошед лет пятнадцати, и отделиша ему родителя его страну етеру державы своя, отходити ему на поглумление с велможами, и со благородными юношами веселитися. юноша же в наус пришед, разума святых книг паче частее сих почитающе, и отсюду убо зачало премудрости приим божий страх, и совосприимаше божественныя любве днь от дне, огонь ко огню прилагая желанием несытным. царство и богатство славу же и светлость, и всяко благоденствие, многмятежно, и непостоятелно разсуждаше, доброте зримых и жития обилие, яко сень вменяше, многопищие и веселие, и вся елика человеческая на земли суетна и несущая разумев. деснаго пути емлется, поучением святых книг упражняется, в церковь по вся служны не

ленится стояти пощение люба зело. сугаго празднословия и смеха безгоднаго избегаает. сквернословесных же и вредных песней юношескаго желаня, ослабляющих душу до конца ненавидя благ кроток всем уветлив, нищелюбив, иноческий чин излиха почитая, яко и самема продителема его // зазретися и устыдетися, таковаго опасения и устава благонаравна видяще в юнне возрасте и не яко от них рожденна, яко по истинне от бога данна непщеваху. лету же семнадцатому пришедшу возраста его. Родителя его поучастася браку законному причитати отрока. молитвою же даннии божественнии юноша, присно желаше како и коим ухищрением, мира избежати, и от всех к богу упразднитися. слышал бо бе о святей горе афонстей, и о постящихся в ней и о прочих местех пустынных, прихождаху бо ко котцу его отвсюду приимати требования им. другойцы же и сам посылаше во всяята места на раздание преподобно живущим. бе бо муж, благ милуя милуя и дая. бог готов к молитве и желанию раб своих, и сему совершая изволение, подвизает его приити к родителема, от страны данния ему и при яту вывшу с великою любовию, и со благородными его с ним. Пришедшим им безмерной же радости и веселию и пиру велику сотворшему, о пришествии возлюбленнаго сына, к родителема, и много давно веселящимся. и начала родители отрока молити его, глаголя о возлюбленное наше и вожделенное чадо и сыне, прими совет наш еже ти просима родителя твоя. он же рчыта господия моя кого имам послушати аще не ваю; они же рекоша время ти чадо браку сочетатися и жену пояти, дондеже очи наши зряста тебе да увидим веселие наше и тако почием. где невесту избрати благородию твоему, аще хочещи. восхоцещи ли во своем государстве то изберем по разуму твоему, аще ли ни то во иных государствах, паче же, великаго властодержства и во всех честнейшаго и сильнейшаго царства московскаго, много слышах яко от царских родов девицы тамо цветут благочестием, и мы тако государя умолим яко любит нас и даст тебе в жену от своих родов. т и отвещав отрок, возлюбленная моя родителя дадите ми аще тако пребыти, не прииде ми время еже браку сочетатися; тогда и вси велможи и князи и воеводы и стратилаты, моляху его глаголюще великий государь наш подобает послушати ти государи наша родителя твоя, и брак незамедлити, дондеже древо ботеет и цветет тогда и ветвие бывает, а тебе государь вси земли сербския пасти и царствовати в нас рабех твоих. он же отвещав вам рече подобает о сем молчати, они же уколкоша, да разгневают его. и много беседуящим им. и се яко богом подвигнуты суще. Придоша етери иноцы, от святыя горы афонския, ко отцу его прияти требуемая им, и нищете поможение. случижесе един от них рупан родом. сего же особ(ь) скрыв блаженнии юноша, о всем испыташе. яже о святей горе. Прежде утвердив извещением не поведати тайну его никомуже. он же сказа ему вся, по чину пустынному. како в монастыре обще пребывают, и особно по двема или по три купнодушно, и отходну уединением, в пощении молчаливо живущих, о всех сказав ему изущне. бе бо той чернец не прост, но искусен к сказанию. Реку же богом послан бе. Юноша же слышав яже о житии иноческом, и к

богу попечение, и добраго их упражнения. Рекою слезы, яко источника изливахуся от очию его, позде неколи отдыхав, глагола к старцу, вижду отче яко // бог проведый вся, и видев болезнь сердца моего, посла твою святость, утешити мене грешнаго. ныне утешися сердце мое, и душа моя возвеселися, радостию неизглаголанною. ныне разумех чесому желанник бывах непременно, блажени и треблажени, таковому беспечалному, и немятежному ==сподобльшеся житию. что же аз сотворю отче, како возмогу убежати, многомятежнаго мира сего жития, и таковыя жизни ангельския сподобитися, еда како родители мои восходят браку причитати мя, и любоплотием удержан недостигну такового жития. и ни един день хотел бых, посем zde пребыти, да некако любосластие мира сего, ко мне коснувшеся, и нехотящу ми, отвлечетдушу мою. таковыя любве, ангельскаго жития. якоже учиши отче. хотел бых бежати, и пути не вем. еда како блудящу ми на мнозе постиг отец мой, яко мощну ему сущу и возвратит мя. и в скорбь отца вложю, и себе в студ мног. и по сих неуправлен буду таковому рачению, восприим же старец слово глагола ему. желанная есть любвы родител(ь). О доблии союз естества нерешима. и милостивно братне единство и вкупе хождение, но убо владыко и сих удоб(ь) преобидети повелевает, и крест взяти на раму, и тому увердно поледовати. и вся удоб(ь) страдати, еже зане страсти его должны подобитися. не в мягких красовании, не телесныи искати покой. паче наготе и алчбе, бдению и молитве прилежати. умилению и плачу с воздыханием, и сердца сокрушением внимати сия бо боголюбивым душам, удоболюбезн некий путь на добродетел(ь) ведый предлагается и сия вменияют славу истинну, и честь известну. токмо уготови душу твою в терпение, тако яко ныне хочещи, царь быти земный, а у нас будещи у некоего отца под (на)чалом, ныне в багрянице и венец на главе твоей, а тамо свита черна худа. ныне служат ти князи и тысящницы земнии, а тамо своима руками мотыгою начнеши землю копати, и вся скорби имаши терпети. Паки юноша слыша сия. и яко земля доброплодна, приемлющи семена в сердцы своем, словеса старца, рыдание к рыданию прилагает, дивитжеся старец, теплой его к богу любве и огню // божественному, разжегшему тако душу его. внимаше же и словесем его, исполнь сущу, целомудрия и умиления, глаголет к нему вижду о чадо, во глупину божия любве зашедшу душу твою. но поспеши совершити, доброе твое желание, а не яко злых сеятел(ь), плевел посеет в сердце твое, и укрьвсь возрастет, покрывает пшеницу твою, благую мысль. и такового тцания пременишися, и любоплотием и любострастием, якоже глаголал еси удержан, ничесоже успеши. пороку паче и укоризне сей, иже во (ева)нгелии поносимым, предлежа будещи. иже прикупления ради села, и супруг воловных, и новобрачения жены поятием, сладкия вечера и безсмертныя пищи отреношася, и недостойны избраннаго звания, и веселия небеснаго царя христа, вправду нарекошся. аз же таковому делу, слуга ти буду, и о господе провожду до святыя горы, идеже желаеша дойти, точию даждь конь мне носяй мя и тебе борзоходца, яко да возможем убежати от отца твоего. и яко сия слышав от старца

и тако к воли его скоро приложившася, и рече, благодарю тя, господи, яко увери сердце мое, странным сим, и к старцу рече. благословен от бога ты отче, яко укрепиши ми душу к пути христову. Радости же великия, от сих исполнь быв, и нимало отложь, к родителема входит, украдая отпущение, просит по обычаю молитву, и благословение глаголя, господие мои, слышах во оной горе имя прилож поведаше убо ми звери, аще обрет милость, благословен вами, и отпущен буду ловити, и аще укосним, не прогневаню будем повинни, иде убо многи елени слышах, да тамо утешюся со благородными моими. отец же его угодити ему творяся, господь с тобою глаголя чадо, и да благословит тя, и исправит путь твой, и мати его яко матери обычай, объеми и целовавше любезно отпустиша с миром и мнози князи с ними и воеводы силныя и вся пристроенная к ловлению. и заповедавше скоро возвратитися, но убо сего не ведуще, яко не елена хочет уловити, но источника животного христа яко напоити уеленную душу мою, запалившуся огнем, желанным любве его на уверение родителем посылает в гору ловящих на се уготованному яко согнати звери, сам рек под горою, да утре ж и вас ожидаю. и нощи су / /щи иже с ним благородным веселящимся, и уснувшим со своими малыми хранящими тайну его. предводящаго их бога, со иноком имущи, бегом бежаша кони же их и зело борзоходцы, и гнаша елико могоша вскочити, дню же отсвешу, благороднии они, взыскаша господина своего. и се не бе где видети ни обрести глаголаху, еда поглумляяся нам, ко отцу возвратися, поискавше же много со тщанием и не обретоша, обозреша же мниха иже бе м с ним, и прочих слуг его и ни сих обретоша, глаголаху, что же от нас ужас сей, камо ся дел господин наш, и скорбию недоумеваеми, ловитву оставлше скоро возвратишася к самодержцу отцу его, поведаше ему безвестие сына его. родителя же слышавше ненадеянно, и неудобь приятное слышание, таково по сыне своем оскрепевше падоша. мало смерти не вкусиста, в себе же быста, начаша плакати неутешно глаголюще о сыне наш вожделенныи, что сотворил еси нам родителем твоим отец плача глаголаше, ныне печал(ь) познаъ на кого возрю или с ким побеседую, кто мя поучит от писания кто мя накажет страх божию имети. кого ныне благословлю на великое сие государство о люте мне сыне мой что сотворил еси ни все царство мое стоит единой твоей мудрости. умру чадо и жити не хочу вдовствует сербская земля и плачется началника своего, мати же его стонущи и вопияше о прекрасное мое воздоенное чадо услыши глас матери твоя что сотворил мне на старость почто аз тя породила и толико болела свете очию моею, кто мя накажет ты мое возлюбленное чадо наказуя мне глагола, возлюбленная моя мати, не радуйся о власти царствия земнаго, ни о богатстве ни о славе, непостоянна бо есть, все мимоидет вся исчезнут. токмо радуйся о господе яко во истине ходиши и правду в вере храниши. о сладкий глас твой и мне любезный, где еси ныне да шед тамо умру кое место держит таковое сокровище о бедная мати лишивая твоего сладкаго видения. когда узрю брак твой и жену твою, и плод утробы твоя. Разумевше же яко не ин кто, но рукин он чер-

нец, отвел есть во святую гору знаху бо от исперва, яко тамо тщание его. и абие стекаются благороднии // изливаются множество народа, идем на новослышанную напасть господина своего, и от всех составляется плач и рыдание много и неутешимо. родители сына, братия брата рабы владыку крычимыми гласы призывающе на утешение скорби, и паче впадающе в беду, творяше бо ся уроди. вскоре убо самодержец отец, сострахом от плача переменитися, всем повелевает, благодарив бога на мнозе, глагола к сущим, и к матери отрока. дерзайте неимамы от сицевых оскорблены быти, не погибнет сын мой. бог же его паче надежда дав ми способит мя видити, и насытитися любве его. и абие призвав единого от стратилат своих, глагола к нему, возлюбленный мой и верный слуго, веси чадолюбия болезнь, и огонь присно горяи, и угаснути николиже хотя. о любезне, аще коли от нас благо приял еси, ныне время любовь показати ко мне со тщанием. аще постиг возвратиши сына моего, и сим утешити имаше сердце мое, и матери душу от смерти свободиши, а тебе много, благим, паче первых повинна паче же подателя имея мя друже. рече же он аще государь и главу свою отложю, а верно посужити готов есмь, токмо храбрых ветязей, и коня борзоходца. он же призвав благородных юношей много, и симии надеждами, и сих дерзвы устроив, и на сильная коня всаждь, с ним посылает, гонити же повелевает, и до внутрь святых горы. написав же послание, ко епарху селунския области, сице от самодержца сербских земель, к владеющему суленскими областями. отшедшаго нашего сына во святую гору области вашаея, да возвратиши с моим крепким стратилатом, и от самая святых горы. и аще сими утетиши любимыйи мой сердце мое, многия чести от нас дарованием и любовь примеши вечну. аще ли нерадя будеши о нашем молении веде буди, в любви место сопротивни обрящемся. и ити имам на тя и на землю твоию. Примим же стратилат лист, и со благородными отпущение испросше, на сильная коня вседше, дивно и мощно яко мощи гониша и ничтоже успеха, и приходят во словущий град селунь, в нем же честь бысть воевода прият, вдает епарху лист напи//санный, поведая скорбь государя своего, прочет же епарх букви. зело оскорбе, бе бо много любовию тщание имым к нему, воеводу убо и с благородными любезно почет, вскоре написав ко проту святых горы глаголя, понеже непроста бывает вещь ныне, яко прилучися, о сицевом взыскании, прошю и молю преподобие твое тепле, и не презри ми молбу сию, аще где пришел есть сын великаго жупана и государя и владыки сербскаго, со всяким поспешением, да возвратится к своему отцу. да не како жалости егоради отец его с нами, любовь в ненависть переменит, и всех нас и многих оскорбит имаше. и тако отпускает воеводу. посла же с ними мужи честно проводити их джо святых горы. вдав им лист написанныи тамо. шведшим же им во святую гору, вопрошаху искомаго, аще zde пришел есть, поведающе юн юности возраст и красоты вид. нецыи же реша им таковыи его же имеще, пред малом вам, вшел есть в русской монастырь, и ту еще ходит. сии же сия слышавше, скорее путь гнавше. да не како слышав от них отбежит. се же к проту путь оставлше, в русский мона-

стырь внидоша, и обретше, его в монастыри ходяща еще власы не остригша, и мягкая носяща, борзо бо гоняще и приспевше. тако бо гнавше, яко аще неискусен ристанию, то смерть бы воспретила но и они храбрии витязи зело утруждьшеся еле могуще ходити. обретше же божественнаго юношу, возрадовашася радостию великою, вшедше же вси в церковь святаго пантелеймона поклонишася, и приемлюще любезно со слезами целоваху его, яко от радости забыти им, толико разстоянием места, и толиких дней и ношей трудная течения, занеже желаемаго получиша, великих даров и почести от родителю его, яко угодивше им, уповаху прияти, помышляху же узы на нь возложити, и бояхуся яко господина своего и государя. нарядивше чины стрежаху и яко мощно даже конем и самем почившим от труда, с ним пойдут. дивит же ся юноша отцу своему, яко тол(ь) высока и честна мужа утрудити, со юными благородными. и стыдится на лице мужа возрети, яко его, // ради, в чужую страну много труждашася. особ(ь) же отвед вопрошает како толико скоротечение сотвористе, и толико отстояния места, и толика труда путь не обленитесь. он же поведает ему зеленое раскаяние сердца и стонание родителя, и плачь непременно не токмо отца и матери но и вси твои князи и паты и воеводы и тосящницы с воплем, вся земля твоя яко вдова мужа вопиет. поведает же ему и писание, от отца его о нем принесено ко епарху. и от епарха ко проту и мужи рече посланы яко податисесь нам ко господину отцу твоему возвратитися. разумев же юноша помысл непременно мужа. глагола к нему аще восхощеши, ты любезный мой, без крамолы оставити мя и господина отца моего, яко мощну ти сушу, вем можеши шед укротити и умолити, и аз восписав к нему переменю и такового помысла. точию ты аще братолюбезно сотвори оставиши мене. он же восплавав тошно рече ни господи мой не начинай такового моления к мне рабу твоему. иже неудобно. ми есть сотворити. владыко мой отец твой яко верна мя непшуя, на се послал есть, кто есмь аз еже ми то сотворити. к сим же аще во образе иноческом обрели тя быхом господина моего, то изветы моя имел бы яко уже инок. а понеже богу хотящу тако обретохом тя, якоже требуют тя родители твои, и вси велможы наши и братия твоя, яко отец престарел и государство требует тя началствовати. аще ли оставити ты имам, то умрети или сходнику быти в чужая страны. тем же молю тя господи мой, вся таковая от ума отлож, поиди с нами твоими рабы веселяся, да угасиши пламы родителю твоею, ихже сердца запалил еси, твоим странным сошествием. веси сам яко родителема твоима и братии и всем благородным твоим и нам всем надежда и утеха ты еси государю. аще ли не восхощеши с нами поити, то понудити мя имаши увы мне яко нест(ь) ми лзе глаголати. обаче отца твоего боюся. узы возложити на тя и нуждею поведу тя, тако бо заповедь прияхом, яко // верну ми быти ко отцу твоему якоже и тебе господи мой. Видев же юноша неумолимое страпята, и необоримую веру к своему владыце, и разумев яко по нужде его отведут, и несть кто изимая и от беды боязни ради отца его, инако прехитри. глагола стратилату воля господня да будет, и весел

быв, объемяет стратилата, уверяясь, яко с ним пойдет, а сам призывает бога тайным воздыханием помощника на напасть свою, кознодействует же той дело благочестивно. вкупе и преухищренно ибо оковано сердце его в мудрости. яко давид глаголет, и премудрых оных спону ему творящих, разумом святого духа низложит(и), что есть сей молит игумена, и повелевает светлу уготовати трапезу, яко да со стратилатом и со благородными, утешившися, утре во своя си пойдут. Поведает же свой разум игумену, и молит и с вечера песнем утреним начатися, и пиру сотворяему велику, игумену же учрежающую стратилата со благородными. и яко глубоко на вечери закосневшим, повелевает игумен ударити в било, день бо бе неделя, востает игумен и с ним юноша. и входят в церковь на молитву. и востает стратилат и со благородными стояти в церкви. не бо смеяху от очию своею отпустити. пению же продолжену бывшу, и чтению паки на мнозе прочитаему по заповеди. всем убо сидящим, вкупе иным юношам стерегущим со стратилатом. путнаго же ради шествия труднаго, и продолжения пира, уснувшим забытно. и яко ощутив их уснувших божественныи юноша бодреное око востает от них, и поклоняется пред святым олтарем воздает обеты своя господеву. благословляется у игумена, поем единого старца почтена саном священничества, и восходит на великийи в монастыри столп, и от себе его затворь, благодарив бога. рече, вознесу тя, господи яко под(ъ)ят мя, сотвор(ъ) же молитву, иерей, от(ъ)емлет власы с главы его и в ризу облачит его, ангальскаго образа. растко имя, савою изменив, слезами многими окропив землю, благодарныи и похвалныи гласы к богу вещая, яко желание сердца моего соверши ми рече. яко у//с-тыдися старцу от многоаго его плача. и сим тако бывшим, чтению скончавшуся, и всем воставшим, взыскаша стерегущии его и се не бе где видети, и начаша зрети повсюду церкви и монастыря ищуще, и молвяще болезненыи глаголы с горкими слезами, и не обрешающе его. начаша досаждающе глаголати игумену и бити мнихи. воевода же уставив молву, глагола ко игумену и ко мнихом. что сия неправда и безчестие нам от вас отцы святии. мы обоб образа егоже носите стыдящися, вашу злобу презревше кротцы и человеколюбиви вам быхом. не первее ли от вас пришед дара просити, сей льстивии смерти достойныи. единого указая рече. и дар яко суету преобидев, от отца сына восхитив побеже, отца убо и мать в смертныи плачь, и нас в труд мног вложисте. Ныне паки нам пришедшим от рук наших скрысте господина нашего, и единаче своевољством водитесь, что сиче вам мудрствовася, яко поругатися нам, да или вам мнится, всеу мы трудихомся, или не господина нашего ищуще. ныне нестанут главы ваша, разорю все житие, рцыте где скрысте государя нашего. сия же слышавше от стратилата юноши яко свирепству суще готови, начаша люте мнихи бити нещадно, яко быти великеому шумению и звуку. и услыша искомыи, о нем же тяжба бываше, и убояся да не ако злоба убийством скончается. Приник со столпа, призывает стратилата, и яко усшыла глас его, радости многи исполньшеса и вси к столпу приникше, в высоту зряху, аще бы мощно тме уступити, дабы вси видевшие утешилися. он

же приим слово глагола к стратилату. многъмудръ сии, и умом юношеским изводишися, полк людей имея с собою, во странах чюжих како смел еси то творити в кая премудрость твоя сниде и со благородными како образа не устыдитесь, бога како не убоястися тако ли лепо вам на такую чад в церкви, вооружатися, что сии вам зло сотвориша, ищите ли мене се аз zde есмь. но ныне неправ//ден есмь, утре узрите мя сих же оставите. сия же слышавше страхом и стыдом объяти бывше. недоумевахуся что отвещати, и тако умолчаше. облежаху столпню же осветшу паки приник со столпа, призывает стратилата, и всех благородных является всем ангельским чином иноческим украшен. они же возстановше з горкими слезами отидоша иная же иньде вписахом богу нашему слава.

545-е заседание. 5 декабря 2001 г.

О. Б. Хабарова

«Житие Юлиании Лазаревской» в литературе Нового времени (XIXв.)

«Житие Юлиании Лазаревской», созданное Калистратом (Дружинной) Осорьиным в первой трети XVII в., было популярно не только в средневековой рукописной традиции¹, но и в культуре и литературе Нового времени. К тексту этого оригинального древнерусского памятника обращались и в XIX, и в XX вв. Данная статья не претендует на полное изложение проблем интерпретации его в другую эпоху.

В исследовании «Святые Древней Руси» Г.П. Федотов указывает на то, что почитание святой Юлиании растет «в связи с литературным пространением ее жития, популяризированного многими русскими писателями»². Однако ученый не называет, кто эти «многие писатели». Трудно сказать, имел ли он в виду обширную практику переложений «Жития Юлиании Лазаревской» в духе назидательного душеполезного чтения, издаваемых церковью, (эти переложения входили в сборники жизнеописаний российских святых), или отражение жития в настоящей литературе.

Образ муромской праведницы Улиании Устиновны Осорьиной, живущей по евангельским заповедям в миру, а не в монастыре, творящей добрые дела «ближним и дальним», несет в себе высокую духовность. За свое постничество, молитвенность подвижница терпит насмешки от тетки, сестер и «рабов». Она неизменно кроткая, молчаливая, «невеличаявая». Главная ее черта — доброта. Подобно «прежним святым» Юлиания — «земной ангел». Пережив бесовские искушения, она выходит победительницей в извечном противостоянии добра и зла. На помощь Юлиании приходит Николай Угодник, святой, особо почитаемый русским православным миром. От жизненных невзгод она не унывает, а даже остается «весела», как говорит автор XVII в.

Перед нами — идеальный женский характер, мимо которого не могли пройти писатели второй половины XIX в., обратившись в поисках нравственного идеала к темам, сюжетам и образам древнерусской литературы.

В литературный процесс XIX в. «Житие Юлиании Лазаревской» входит по-разному. А.Н. Островский и Л.Н. Толстой отражают этот памятник на образном уровне. Почти совсем не известная нам писательница XIX в. Екатерина Степановна Некрасова идет иным путем. Она упрощает древнерусское произведение, пытается излагать его «простым языком», разрушает стилистику Жития.

Однако и для больших мастеров слова, и для второстепенной писательницы привлекательной оказывается идея «спасения в миру», которая особенно акцентирована в Пространной редакции «Жития Юлиании Лазаревской»³.

Вторая половина XIX в. отмечена подъемом общего интереса к национальному прошлому России. Именно в это время открыты древнерусская литература, живопись, архитектура, музыка. На 1860-1880 годы приходится широчайшая деятельность по собиранию, изданию, исследованию, популяризации памятников древнерусской литературы. В 1860 г. вышли «Памятники старинной русской литературы»⁴, в первом выпуске которых опубликована «Повесть об Ульянии Муромской», особый вариант, без вступления.

В 1862 г. в журнале «Современник» за январь появилась в свет драматическая хроника А.Н. Островского «Козьма Захарыч Минин — Сухорук» о трагических событиях Смутного времени. Пьеса задумана еще в 1856 г. после поездки на Волгу, в Нижний Новгород. Среди источников, которыми пользовался Островский, исследователь его творчества начала XX в. Н.П. Кашин называет «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею», 1836 г. издания, где в третьем томе помещены царские грамоты в Муром, из которых ясно, что Калистрат (Дружина) Осорьин в 20-40-е годы XVII в. был губным старостой города Мурома; летописи, в частности, «Никоновскую», «Новый летописец», «Летопись о многих мятежах». Создавая образ боярской вдовы Марфы Борисовны, жертвующей для общего дела земства — формирования ополчения — все оставшиеся от мужа богатство, великий драматург, по всей видимости, обращался к «Житию Юлиании Лазаревской»⁵.

Но текста этого памятника нет в библиотеке Островского, в которой есть выше упомянутые издания актов и летописей. Но, видимо, текст «Повести» в издании Кушелева — Безбородко был ему известен. В то время «Памятники старинной русской литературы» были крупным литературным явлением⁶.

Кроме того, действие драматической хроники проходит в тех местах, где было нижегородское имение Осорьиных — Бочнево. Островский бывал в этих местах и мог слышать что-то о роде подвижницы, о ее деяниях.

Образ Марфы Борисовны очерчен не совсем четко, но аскетические черты, подвижнические мотивы отражены ярко. О ней говорят — «святая женщина». «Вся жизнь ее есть Господу хвала», «...что день, то новый подвиг». «Спроси сирот, спроси убогих, нищих, чьей милостью и сыты и одеты». Она «чернице не уступит смирением, пощеньем и мо-

литвой. И весела всегда⁷». Стоит вспомнить эпизод «Жития Юлиании», где изображена ее деятельность в голодные годы. Невзгоды ее только укрепили духовно. Так и Марфа Борисовна и мяса — то не ест, но остается «весела». В ней нет ничего ханжеского.

Во втором действии хроники Островский показывает простую бревенчатую светлицу в тереме, где на поминальный обед, устроенный боярской вдовой, собрались сподвижники Минина и где он произносит речь о создании ополчения и о сборе средств для него, об освобождении Руси от иноземцев. Марфа Борисовна первой откликается на это благое дело: «Мое желанье было —

Снести казну, избавиться заботы,
Да в монастырь, на тихое житье,
Пройти отсюда прямо, уж домой
Не заходить; да после рассудила,
Что надо будет богу послужить
Еще в миру пока. Сберется войско,
Постои да корма им нужны будут:
Дом у меня большой, народу много
Поставить можно. Надо приглядеть
Да присмотреть самой.

В эпизоде, когда ополчение собрано, отправляется в поход из Нижнего Новгорода, Марфа Борисовна, провожая ополченцев, выражает намерение уйти «прочь от мира»:

...Из дома
Сегодня вышла я в последний раз
Вот постою с народом и глазами
Своими посмотрю, как избавленья
Пойдет на Русь святую; прошепчу
Молитву, да и в келью, прочь от мира.

Во второй редакции Островский несколько меняет акценты. В образе Марфы Борисовны драматург устранил черты аскетизма.

Я не нашла прямых высказываний Островского о том, что он пользовался «Житием Юлиании». Его драматическая хроника — творческое переосмысление нескольких исторических источников. Его задача — средствами художника показать идеальный женский характер, высокие нравственные качества, силу подвижнического служения добру, умение сострадать, жертвенность. Эти черты присущи русской женщине, в ее лучших проявлениях, что привлекало писателей XIX в.

В восьмидесятые годы XIX в. текст «Жития Юлиании Лазаревской» опять оказывается в центре внимания. Над его переложением трудится исследовательница русской литературы Екатерина Степановна Некрасова (1847-1905 г.г.)⁸. В 1880-1890-е годы она печаталась в ведущих журналах — «Отечественные записки», «Русская старина», публиковала статьи о творчестве Герцена, Ростопчиной, Лермонтова, Гоголя. Вела решительную борьбу с лубочной литературой, выступая за то, чтобы народные книги для чтения были по-настоящему художественными. Интересно отметить, что писательница сотрудичила в созданном В.Г.

Чертковым при участии Л.Н. Толстого издательстве «Посредник», для которого и подготовила переложение «Жития Юлиании Лазаревской». Напомню, что издательство «Посредник» — просветительское. Главная цель его — издание доступной для народа по цене художественной и нравоучительной литературы. Л.Н. Толстой направлял работу издательства, редактировал, писал статьи, предисловия, напечатал несколько своих произведений, в том числе «Круг чтения».

Хочу подчеркнуть, что и рукопись Некрасовой редактировал Л.Н. Толстой, «Житие» было ему известно. Осталась переписка. В.Г. Чертков писал 14 февраля 1886 г. Льву Николаевичу о посылке ему новой работы Е.С. Некрасовой с просьбой о редактировании. Толстой правит рукопись. В архиве Черткова есть письмо Некрасовой от 17 февраля 1886 г.: «Передайте Льву Николаевичу мою большую благодарность за все поправки. Для меня в них много радости»⁹. Она переписывает повесть с учетом правки великого мастера. Рукопись вновь поступает в редакцию.

Однако Лев Николаевич был, очевидно, не доволен переложением «Жития». Уже в марте он писал Черткову: «...положительно Юлиания Лаз [аревская] совсем не годится. Пишу обдуманно. Если увижусь с Некрасовой, так и скажу ей. Все жития, как только переводятся на простой язык, так сейчас поражают своей искусственностью. Только на славянском или древнем они читаются и этим обманывают»¹⁰.

Известно, что Толстой высоко ценил церковнославянский язык, настойчиво и многократно высказывал убеждение в необходимости специального изучения в народной школе церковнославянского языка, чтобы знать «книжную часть» «народной литературы». Только Толстой в своей «Азбуке» учил читать по подлинным житиям и подлинным летописям. Это надо помнить, когда говорим о принципах отбора житий в «Посреднике», которым руководил Толстой. Здесь можно видеть определенное противоречие. Все жития издаются в «Посреднике» в переложении на «простой язык». Однако житийная литература не занимает в «Посреднике» ведущего места. Общая направленность житийных публикаций — обнаженность учительной тенденции, иллюстративность сюжета, отсюда невольное языковое и фабульное упрощение, исключение «чудес», освобождение от книжной символики, что не только разрушало стилистику памятников, но и обедняло их содержание¹¹.

Толстой как великий художник это чувствовал. Его слова «Юлиания совсем не годится» относятся, на мой взгляд, не к образу древнерусской подвижницы и не к христианскому идеалу русских житий в целом, а к тому просторечному стилю, который использует Некрасова в переработке «Жития Юлиании Лазаревской», разрушив его стилистику.

Льву Николаевичу не удалось высказать лично свое мнение Некрасовой о повести. Между тем не исключено, что в этом произведении были достоинства, не позволявшие редакции «Посредника» вернуть ее автору.

Осенью 1886 г. повесть Некрасовой редактирует Чертков. Сделав значительные поправки и сокращения, он предлагает Екатерине Степа-

новне напечатать ее. Некрасова 14 ноября 1886 г. отвечает ему: «Вы верно забыли, что рассказ об Юлиании вы уже присылали мне с поправками Льва Николаевича Толстого. Помните — я тогда даже вторично переписала его».¹² А в письме от 21 ноября исследовательница замечает: «...Из повести вынута, в ы б р а н о (разрядка автора — О.Х.) все то, чем она в моих глазах имела цену, почему она была моя». Писательница отказывается ее печатать.

Однако это произведение все-таки увидело свет в 1887 г. без имени автора под заголовком «Юлиания Лазаревская. Повесть об ее жизни»¹³. Опубликовано оно в побочной серии «Посредника», то есть без его знака фирмы и обычного девиза — «Не в силе Бог, а в правде». И, конечно, без указания, что редактором был Толстой. В переработке «Жития Юлиании Лазаревской» Е.С. Некрасова следует за вариантом Пространной редакции (без авторского вступления), где акцентируется мысль о спасении в миру. Источник не указан. Публикация в «Посреднике» отвечает целям — печатать нравоучительную доступную простолюдную литературу. Древнерусский памятник осовременен, но не переведен буквально. Сохранена сюжетная канва «Жития». Повествование драматизировано, много диалогов, монологов. Подчас звучат трагические ноты. Полностью исключена религиозная символика, чудесная помощь святителя Николая, бесовские искушения. Перед нами бытовая нравописательная повесть. Композиция — рассказ о жизненном пути женщины с детства до смерти. Повествование разбито на 7 глав. Начало повести: «В старину на Руси царствовал Грозный царь Иван Васильевич. При дворе у него служил ключник, по имени Юстин, по фамилии Недюрев. У ключника была дочь. Ее звали Юлиания. Шести лет Юлиания осталась круглой сиротой — ни отца, ни матери». Далее повесть рассказывает о жизни Юлиании в семье тетки Натальи Араповой. Подчеркивается, что Юлиания — «от природы была девочка добрая, трудолюбивая». «Завидит нищего бежит сунуть хлеба или копеечку. С утра до вечера за делом, то слугам по хозяйству помогает, то сидит за какой-нибудь работой». «Работает, словно холопка какая, — говорили про нее двоюродные сестры: — Вишь рукодельница! С раннего утра до поздней ночи рук не покладает — уж больно задельна — смеялись над Юлианией» И вывод: «Много насмешек приняла она за свою любовь к труду». Обращают внимание, что в памятнике XVII в. этот мотив имеет иной акцент: молитвенность и трудолюбие вызывают насмешки. «Рабы» смеются над больной Юлианией, встающей ночью на молитву.

Уже в приведенных цитатах из повести «Посредника» видно, что стиль изобилует просторечием — «сунуть», «задельна», «без отгиба», «вишь».

Принцип изображения — контраст. Юлиания противостоит двоюродным сестрам, бездельницам.

Вторая часть повести — рассказ о замужестве Юлиании. Главное — Юлианию приняли в новой семье. Молчание названо «великой семейной добродетелью». Юлиания научилась побеждать людей кротостью.

В диалоге свекра и свекрови — восхищение скромностью, трудо-

любием молодой невестки. Свекор назван «Матвеичем», изображен вспыльчивым, раздражительным. На робкое замечание жены:

«По хозяйству на мне много забот лежит. Года мои преклонные, конец не далек. Потому мне молиться надо, грехи замаливать.

Он взорвался:

— Молиться, молиться!

Передразнил старик. Остановился, подпер руки в бока, и, злобно смеясь продолжил.

— Молись! Кто мешает. Хоть лоб расшиби, молись! — Закричал он на жену.

— Мешать, Матвеич, никто не мешает — еще тише заговорила жена. Да забот на мне много: мирских, греховных».

Завершается эта глава выводом: «На другой же день все хозяйство в богатом доме бояр Осорьиных, где одних слуг надо было считать десятками, перешло в руки Юлиании».

Третья глава посвящена отношению со слугами: с сенными девушками и дворовыми. Нарисована идиллическая картина «... с утра вся прислуга у нее нарядно оденется, поест, попьет и весело идет на работу. Всякое дело в руках спорится, на лад идет. Не надо Юлиании кричать и браниться. Один только был молодой парень, садовник Андрей, не поддавался ее кроткому обращению. Нет, нет и по-прежнему то с работы тихонько убежит, то стянет что-нибудь из барских хором, то ссору с кем-нибудь затеет, до крови избьет». Но Юлиания надеялась и его переделать кротостью. «Сколько раз маменька его на конюшню отправляла, а все толку никакого не вышло, — говорила она, авось кротостью изменю его нрав.» Характер героини повести раскрывается через внутренние монологи и через характеристику других персонажей. Примечателен рассказ сенной девушки: «Вы вот все хвалите боярыню, а вам про нее не знать того, что я знаю. Святая она, да говорить про себя не велела».

В своей переделке «Жития Юлиании Лазаревкой» Некрасова следует за самыми драматичными эпизодами древнерусского памятника. Публикация «Посредника» подробно изображает гибель двух сыновей Юлиании. Автор повести дает им имена. Сын Ваня погиб на войне. Героиня проявляет стойкость душевную. Она размышляет о войне. После трагической гибели другого сына Владимира от руки злого садовника Андрея Юлиания задумывается о природе зла. Она думает о пути спасения от греха. У нее возникают мысли об уходе в монастырь.

Следующий эпизод повести доказывает то, что в переложении «Жития» Некрасова следовала за Пространной редакцией.

Повесть «Посредника» называет мужа Юлианий — Юрия Осорьина — человеком умным, начитанным, хорошо знавшим Священное писание. «Ты хочешь идти в монастырь? — сказал он. Да, — отвечала Юлиания решительно. — Ты хочешь бросить меня?.. хочешь бросить детей? Юлиания молчала. — Юлиания!.. Юлиания! Я не могу без тебя. Он замолк, отошел к окну, украдкой отер смоченное слезами лицо и, успокоившись, сел и начал снова: «Знаешь ли, что святые отцы в своих

писаниях не благословляют на такое дело? Слыхала ли когда-нибудь, что говорит Косьма Пресвитер? Черные ризы — говорит он, — не спасут нас». И далее: «Косьма Пресвитер не благословляет на такое дело семейного человека. Он прямо называет монастырь для семейного человека «грехом». Сомневаешься? Ну так вот, погоди». Он встал и достал книгу. Книга была заложена толстой шелковой голубой лентой с золотыми краями. И начал читать: «Худо делают те родители, которые удаляются в монастырь от бедности и бросают детей без призора. Дети плачутся на них перед Богом...» Долго еще читал Юрий и долго уговаривал Юлианию». Она осталась в семье.

Повесть «Посредника» исповедовала идеал служения ближнему в миру, об отношениях с церковью нет и речи. Героиня показана через добрые дела, заботу о других, но не молитвенницей, хотя и говорится, что она — святая, Богомольна.

Еще раз подчеркиваю, что «простой язык», то есть просторечная лексика, просторечные обороты значительно обеднили средневековый памятник, сделав его бытовой повестью. Это, конечно, не могло удовлетворить Л.Н. Толстого.

В творчестве Л.Н. Толстого «Житие Юлиании Лазаревской» нашло отражение в иной форме, не прямо, а опосредованно, на образном уровне. Хотя писатель больше интересовался раннехристианскими житиями, облик древнерусской праведницы Юлиании проступает в чертах Пашеньки из его повести «Отец Сергий».

В «Отце Сергии» уже первые читатели увидели попытку возродить жанр жития¹⁵. Радикально переосмыслив сюжет «Жития Иакова Постника», Толстой создает «сложнейший психологический узор, используя не только сюжетную канву раннехристианского жития, но и его нравоучительную тенденцию — обличение гордыни. Но писатель разошелся со своим источником в самом важном — в понимании «богоугодной», то есть нравственной жизни¹⁶. В проложном «Житии» Иаков, впав в отчаяние после совершенного преступления, поселяется в миру, но спасения не находит. Лишь вновь став отшельником, он постом, молитвами, покаянием пытается искупить свое падение. У Толстого иной идейный и сюжетный поворот, связанный с возможностью спасения в миру.

Повесть «Отец Сергий» — сложное, многогранное произведение. Его мотивы — развенчание мирской славы, критика монастырской жизни, отшельничества, лицемерного ухода от людей. Для понимания эстетической ценности повести важен образ Пашеньки, которая «представлялась отцу Сергию спасением». Он в сонном видении переносится в годы детства и вспоминает девочку с большими кроткими глазами и робким лицом. Над девочкой смеются¹⁷. Кротость, смирение, терпеливое отношение к жизненным невзгодам сближают Пашеньку с Юлианией. Обе они нелицемерно, искренне следуют евангельским заповедям.

Пашенька служит людям и тем самым Богу, не помышляя об уходе в монастырь. Не случайно Толстой приводит своего героя к размышлению: «Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая,

что она живет для людей»¹⁸. В финале повести отец Сергей обретает Бога, находит спасение в миру, а не в затворе. Он поселяется в Сибири, «работает на огороде и учит детей, и ходит за больными».

Создавая образ Пашеньки, Толстой вполне мог опираться на «Житие Юлиании Лазаревской» наряду с раннехристианскими житиями.

В образе Юлиании, подвижницы в миру, Толстого не могло не привлечь: 1) трудолюбие; 2) кротость; 3) нестяжание; 4) добрые дела; 5) искренняя вера; 6) сокрушение о своих грехах; 7) терпение.

Все эти черты воспроизведены в Пашеньке и в главном герое, изображенном в финале.

Так во второй половине XIX в. русская литература обращается к древнерусской как к важнейшему психологическому источнику в поисках нравственного возрождения и оздоровления современного человека¹⁹.

«Житие Юлиании Лазаревской» входит в литературный процесс XIX в. по-разному: через переделки, переложения и на образном уровне. Когда диалог культур совершается на образном уровне, это значительно плодотворнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Руди Т.Р. Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII-XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования СПб., 1994. С.204-214.
2. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М. 1990. С.220.
3. Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч.2, С.432.
4. Повесть об Ульянии Муромской. // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 1. С.63-67.
5. Кашин Н.П. Этюды об А.Н. Островском. М., 1912., С.176
6. Там же. С.179
7. Островский А.Н. Избранные сочинения. М.; -Л., 1948 С.162-211
8. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. М., 1963. Т.2. С.13.
9. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 томах М.; -Л., 1928-1958. Т.85. С.328.
10. Там же
11. Гродецкая А.Г. Древнерусские жития в творчестве Л.Н. Толстого 1870-1890-х годов. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. С.7-8.
12. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.85. С.328.
13. Там же. С.328-329.
14. Повесть цитир. по изд. «Посредник». 1887. С3-36
15. Купреянова Е.В. Эстетика Толстого. М.; -Л. 1966. С.285.
16. Там же. С.282-283.
17. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В90т. т.31. с.38.
18. Там же. с.44.
19. Кусков В.В. Связь времен: о связях древнерусской литературы с литературой Нового времени — XVIII — первая половина XIX века. // Вестник МГУ: Серия 9, Филология, 1996. №4. С.32.

Хронология древнерусских рукописных книг XI в. на основе реконструкции их старославянских протографов

Реконструкция старославянских графико-орфографических систем глаголицы и кириллицы в хронологическом аспекте была изложена нами в монографических исследованиях о старославянских рукописных книгах X-XI вв. (Миронова 1999, 2001). Данную реконструкцию мы представили в виде классификации, отражающей эволюционные процессы, имевшие место при смене графики и реформировании азбук в тех славянских странах, которые осваивали письменную культуру*.

протоглаголица

1 буква редуцированных

1 буква носовых

1 буква VII для [e]/[ja]

диакритика

архаическая глаголица

1 буква редуцированных
2 буквы носовых

1 буква VII для [e]/[ja]

древнейшая глаголица

(Кирилл и Мефодий в Моравии)

2 буквы редуцированных

3 буквы носовых

1 буква VII для [e]/[ja]

диакритика

йотированные буквы

позднейшая глаголица

(Климент в Охриде)

2 буквы редуцированных

4 буквы носовых

2 буквы VII для [e]/[ja]

йотированные буквы и

архаическая кириллица

(Кирилл до отъезда в Моравию)

1 буква редуцированных ъ

2 буквы носовых V, VI

1 буква VII для [e]/[ja]

древнейшая кириллица

(Константин в Преславе)

2 буквы редуцированных ъ

4 буквы носовых

2 буквы VII, I для [e]/[ja]

диакритика

позднейшая кириллица

(после Константина в Вост. Болгарии)

2 буквы редуцированных ъ, ь

4 буквы носовых V, VI, VII, III

2 буквы VII и I для [e]/[ja]

диакритика

Представленная классификация позволяет также выяснить, какие из реально существовавших глаголических и кириллических старославянских графико-орфографических систем явились образцами для древнерусской книжности и книги из каких славянских земель послужили протографами при копировании на начальном этапе развития русского книгописания.

Историками обосновано, что в дохристианский и христианский пери-

* Далее условно обозначаем буквы римскими цифрами: йотированное а — I; йотированное е — II; йотированный юс большой — III; йотированный юс малый — IV; юс большой — V; юс малый — VI; ять — VII.

оды Владимировна княжения, а также в княжения Ярослава Мудрого и его сыновей Святослава, Изяслава и Всеволода на Руси могли осуществляться книжные вливания из разных славянских источников.

Мораво-чешский канал поступления славянских книг в различные периоды исторических контактов этих земель с Русью должен был являться источником книг на **архаической глаголице** и кириллице, которым свойственны одноеровая графика, двурововая система обозначения носовых, употребление VII в значениях [e] и [ja], а также рукописей, продолжавших традицию **древнейшей глаголицы**, характеризующейся трехростовой графической системой, двуростовым письмом с реликтовой «меной еров» и нерасчлененным употреблением буквы VII в двух значениях [e] и [ja].

Болгарский канал поступления славянских книг в разные эпохи болгаро-русских исторических контактов мог оказаться источником рукописных книг на **древнейшей кириллице** (поступления из Преслава), которой свойственна четырехростовая графико-орфографическая система, двуростовое письмо с реликтовой «меной еров», графическое разграничение звуков [e] и [ja], а также Болгария могла быть источником рукописей **позднейшей глаголицы** (поступления из Охрида), содержащих четыре буквы для носовых гласных, двуростовое письмо и нерасчлененное употребление VII в значениях [e] и [ja]. Из Болгарии уже в XI в. предполагается поступление на Русь книг в графике **позднейшей кириллицы**, для которых характерны не только четырехростовая и двуростовая графика, но и последовательное введение системы графической йотации, которая в том числе проводила разграничение фонетических значений [e] и [ja].

Существовал еще и **греко-византийский канал** славянских книжных вливаний на Русь, который на протяжении X-XI вв. мог оказаться источником поступления книг **как на архаической и древнейшей глаголице, так и на архаической и древнейшей кириллице**. Обоснованием множественности славянских графико-орфографических систем, поступавших из Византии, служат два исторических обстоятельства. Во-первых, факт существования в Константинополе царской библиотеки, вывезенной Иоанном Цимисхием из Преслава при завоевании Болгарии, во-вторых, приток на Русь славянских книг с Афона — греческой монастырской «республики», куда прибывали иноки из разных славянских земель и в разное время.

Источники возможных книжных вливаний старославянских рукописей на Русь историками установлены, но до сих пор никто не предпринимал систематических усилий доказать происхождение из этих источников конкретных древнерусских рукописных книг XI в., сохранившихся до нашего времени.

В наших исследованиях мы исходили из того, что в рассматриваемую эпоху *книгописание на Руси представляло собой процесс воспроизводства славянских протографов разных графико-орфографических систем, при котором орфография протографов частично изменялась под влиянием живого языка древнерусских книжников.*

Наличие у древнерусской рукописной книги старославянского протографа поставило перед нами задачу «послойного» анализа графико-орфографических систем рукописных книг юсового письма — «послойного» в том смысле, что в каждом из изучаемых источников должны быть определены системные компоненты графики и орфографии его славянского оригинала, а также подобные же компоненты, характеризующие графико-орфографические явления, возникшие под рукой древнерусских писцов. Для характеристики типа графико-орфографической системы старославянского протографа, лежащего в основе рукописи, были выявлены **группы «сцепленных» между собой графико-орфографических признаков:** 1) Наличие в графике текста (или в его фрагментах) одной буквы редуцированного при одновременном присутствии в том же тексте только двух букв носовых гласных свидетельствует о протографе архаической кириллицы или архаической глаголицы для данного текста. 2) Наличие в графике текста двух букв редуцированных при одновременном присутствии четырех букв носовых гласных является признаком протографа древнейшей кириллицы или позднейшей глаголицы. Если в таком тексте обнаруживается развитая система йотированных букв гласных звуков — перед нами текст, списанный с оригинала позднейшей кириллицы. 3) Наличие в графике текста двух букв редуцированных при одновременном присутствии трех букв носовых гласных говорит о протографе древнейшей глаголицы для данного текста. Для обоснования глаголического протографа у древнерусского кириллического текста должны быть приведены дополнительные группы доказательств: а) Палеографические — выявление глаголических букв в тексте рукописи, неупорядоченность начертаний йотированных букв, близость начертаний некоторых кирилловских букв их глаголическим аналогам. б) Графико-орфографические — помимо установления трехъюсовой системы письма, это реликты написаний «ять» в значении [ja], малое число йотированных букв, развитая система надстрочных знаков.

Нами были подвергнуты палеографическому анализу и графико-орфографической классификации практически все рукописные книги и фрагменты, датированные в археографических описаниях XI веком. Они образуют четыре типологически близких друг другу группы памятников. Для трех групп таких текстов по палеографическим, а главное, по графико-орфографическим данным могут быть реконструированы их старославянские протографы.

Рукописи типа Реймского Евангелия. Таких памятников всего пять: Реймское Евангелие, Листок Викторова, Златоструй Бычкова, Житие Кондрата, Пандекты Антиоха Черноризца (одноеровая графика установлена лишь во фрагменте этого кодекса).

Палеография данной группы рукописей, технология их изготовления, а также стилистика украшений в иллюминированных памятниках — Реймском Евангелии и Пандектах Антиоха указывают, во-первых, на их взаимное родство, во-вторых, на их генетическую связь с группой старославянских рукописей, представляющих графико-орфографичес-

кую систему архаической кириллицы: Листки Ундольского, Македонский кириллический листок, л.67 из Супрасльской рукописи и Енинский апостол. Но решающим фактором, подтверждающим идею взаимного родства данных древнерусских рукописей, явилось доказательство единства их графико-орфографических систем, восходящих к старославянской графико-орфографической системе архаической кириллицы (глаголицы):

1) Эти рукописи имели протографы с *одноеровой орфографией*: редуцированные звуки выражены графемой њ в Реймском Евангелии, Листке Викторова, Пандектах Антиоха и Златоструе Бычкова, или графемой њ в Житии Кондрата.

2) Данные памятники восходят к протографам с *двуюсовой орфографией*: правописание с двумя буквами носовых V, VI наиболее последовательно реализуется в Реймском Евангелии, а в Житии Кондрата, Пандектах Антиоха, Листке Викторова, Златоструе Бычкова оно существует в виде реликтов.

3) Для этих текстов восстанавливаются протографы с почти полным (как в Реймском Евангелии) отсутствием йотированных букв или (как в Житии Кондрата, Листке Викторова, Златоструе Бычкова и Пандектах Антиоха) редким и бессистемным их использованием.

4) Оригиналы рукописных книг этой группы часто употребляют «ять» в значении [ja], и такое значение данная буква может сохранять в рассмотренных древнерусских списках.

5) Протографы рукописей типа Реймского Евангелия *не имеют устойчивых функций диакритики*. Надстрочные знаки в их древнерусских списках ставятся непоследовательно, мягкостные диакритики могут отсутствовать (как в Житии Кондрата), появляться спорадически (как в Реймском Евангелии) или выставляться с той или иной степенью регулярности (как в Пандектах Антиоха).

Эти графико-орфографические признаки позволяют объединить данные памятники в группу, восходящую к старославянским протографам архаической кириллицы или архаической глаголицы, поскольку у нас нет достаточных оснований разделять происхождение этих алфавитов временным расхождением, и потому мы полагаем, что невозможно точно определить, протограф архаической глаголицы или протограф архаической кириллицы лежал в основе исследованных рукописных книг.

Рукопись, в которой графико-орфографическая система архаической кириллицы представлена почти в идеальном виде, — это Реймское Евангелие, являющееся в текстологическом отношении отрывком месяцеслова евангелия краткий апракос — первого текста, переведенного на славянский язык св. Кириллом (Жуковская 1991). Историческое предание связывает Реймское Евангелие с именем Анны, дочери князя Ярослава Мудрого, жены короля Франции Генриха I. Мы предполагаем на основании графико-орфографических данных, что в приданое Анне Ярославне был сделан точный древнерусский список славянского Евангельского кодекса, преданием относимого к творениям равноапостольных братьев. Эту гипотезу подтверждают также историко-тексто-

логические сведения, извлеченные из месяцеслова Реймсского Евангелия и позволяющие датировать греческий оригинал славянского перевода I пол. IX в. (Лосева 1998, с.44). Так что книги типа Реймсского Евангелия могут являться материальным свидетельством появления письменности на Руси из Моравии в период до Крещения Русского государства причем без болгарского посредничества.

Гипотеза о моравском источнике книжных вливаний находит обоснование в 3-х группах доказательств: 1) в исторических сведениях о западно-славянских традициях в древнерусской культуре до христианского времени и периода Крещения Руси (Никольский 1930, Кузьмин 1987); 2) в письменных — эпиграфических, археологических источниках с устойчивыми признаками архаической кириллицы и реликтами глаголицы (Медынцева 1978, Сотникова 1982). 3) Мы присоединили к данной аргументации третий цикл доказательств, полученных в результате открытия группы древнерусских книг, имевших славянские протографы, выполненные в графике архаической кириллицы, которая, как мы показали выше, является творческим наследием Кирилла Философа.

Замечательным доказательством бытования архаической кириллицы в книжной и бытовой письменности именно Новгорода является находка в новгородских раскопках 2000 года — три дощечки с воском, на восковой поверхности которых сохранился текст 75-го и 67-го псалмов. По археологическим данным, эти дощечки были созданы около 1000-го года. Это самый ранний древнерусский (а также и славянский) книжный текст с точной датой создания, причем он написан через 12 лет после официального Крещения Киева и вскоре после Крещения Новгорода опытной рукой древнерусского книжника, хорошо владевшего кириллической графикой в облике архаической кириллицы.

Анализ графики 1-й дощечки, копия которой стала доступной до будущей полной публикации текста, показал, что ее графико-орфографическая система близка системе архаической кириллицы. В ней представлена одна буква для редуцированных звуков: њ=[ъ]/[ь] — щить, брань, страшнь, дивно. Данный фрагмент текста написан с употреблением только двух букв носовых VI и V. Из букв йотированных лишь I является употребительной в тексте, Ю, II, IV, III не встречаются.

Важные сведения для обоснования нашей гипотезы о еще дохристианском бытовании на Руси архаической кириллицы дает палеографический и графико-орфографический анализ древнейших русских монет. Ценность таких материалов связана с тем, что чеканка древнейших монет, начавшаяся при Владимире Святославиче, продолжалась не более 25-30 лет на рубеже X-XI вв. и не возобновлялась даже во время длительного княжения Ярослава Владимировича в Киеве (1019 — 1054) (Сотникова 1982, с.48) Палеографический анализ монетных легенд обнаруживает поразительное сходство кирилловских начертаний на монетах и начерков группы рукописей типа Реймсского Евангелия. Буква А с острой петлей, примыкающей к вертикальной черте справа, известное по подписи французской королевы Анны Ярославны и восходящее к древнейшему виду греческой «альфы». Буква В — на большин-

стве штемпелей принадлежит к древнейшему уставному виду с равно-великими петлями, аналогии встречаются в Новгородской эпиграфике. Буква Д, как и в других древнейших памятниках, не выходит за строку. Буква Е имеет узкую форму и длинный язычок. Буква Р — с треугольной или полукруглой головкой, причем целиком помещается в строке. Буква VII лишь однажды исполнена безукоризненно верно, т.е. стоящей целиком в строке с коромыслом ниже верхнего уровня строки, это начертание похоже на свастичку. На других штемпелях, по мнению Сотниковой, VII не дописана, т.к. имеет облик треугольной петли, повернутой вершинкой вверх. На наш взгляд, это лишь классический случай употребления «ять» в глаголическом облике. Буква I на монетах владимировой эпохи отсутствует. Буква VI встретила лишь однажды — на уникальном штемпеле в словах святого Василия. Она близка начеркам из ранних новгородских софийских граффити, а также старославянским начертаниям из архаической кириллицы.

Историческая возможность появления на Руси богослужебных книг из Моравии до Крещения Руси имеет следующее обоснование. Начало X в. — ранняя граница древнерусских письменных археологических находок и известий о письменных договорах Руси с Византией — всего на 14 лет отстоит от 886 г. — времени изгнания учеников Мефодия из Моравии. Житие св. Климента Охридского сообщает, что гонимые ученики славянских просветителей «разошлись каждый в иную сторону, чтобы большее число стран вокруг восприняло Евангелие». Среди этих стран могли быть не только Болгария, Чехия, но и Русь, бегство в которую с книгами — путь, очень вероятный для учеников Мефодия, тем более что киево-моравские и новгородско-моравские торговые и политические связи этого времени исторически засвидетельствованы (Зеленин 1954, Никольский 1930).

Таким образом, ученики Мефодия — носители кирилло-мефодиевской письменной христианской традиции были родоначальниками письменной славянской культуры на Руси. Они основали ряд западных обычаев в христианской культуре Руси, ими же была введена на Руси письменность в облике двух азбук, представленных графико-орфографическими системами архаической глаголицы и архаической кириллицы. То есть группа рукописей типа Реймсского Евангелия является **документальным подтверждением того, что славянская письменность и богослужебные книги появились на Руси за 100 лет до официального принятия ею христианства.**

Рукописи типа Остромирова Евангелия. Это Остромирово Евангелие, Туровское Евангелие, Новгородские листки, Евгеньевская Псалтирь и Толстовская Псалтирь.

Палеографическое исследование данных рукописных книг установило факт родства их начерков, а также преемственность этих начертаний от кириллической графики старославянских рукописей, созданных в графико-орфографической системе древнейшей кириллицы, — Саввиной книги, Хиландарских и Зографских листков (Миронова 2001). Доказано также, что орнаментированные памятники этой группы — Остро-

мирово Евангелие и Новгородские листки принадлежат княжескому Киевскому скрипторию времени Ярослава Мудрого и представляют оригинальную древнерусскую традицию художественного оформления рукописных книг.

Одновременно данные рукописные книги имеют ряд общих графико-орфографических черт, также позволяющих предполагать, что эти рукописи восходят к старославянским протографам, созданным в графико-орфографической системе древнейшей кириллицы.

1) Данные памятники имели старославянские оригиналы с *двуеровой орфографией*: редуцированные звуки выражены в них двумя буквами Ъ и ъ, «мена еров» представлена небольшим числом написаний.

2) У этих рукописей существовали старославянские протографы с *четырьмя буквами носовых гласных* V, VI, III, IV, и графика одной из букв носового — IV не имеет системно выраженных аналогий в известных нам старославянских текстах.

3) Протографы рукописей типа Остромирова Евангелия реализовали *системное употребление йотированных букв*, последовательно проведенное в древнерусских памятниках этой группы.

4) Оригиналы Остромирова Евангелия и Туровского Евангелия практически не используют «ять» в значении [ja].

5) Протографы рассмотренных книг *нерегулярно употребляют диакритику*.

Выявленные нами и представленные здесь графико-орфографические признаки позволяют объединить данные памятники в группу, имеющую старославянские протографы позднейшей кириллицы особого типа и предположить, что рукописные памятники — Остромирово Евангелие, Новгородские листки, Туровское Евангелие, Евгеньевская Псалтирь, Толстовская Псалтирь — были созданы на Руси при участии болгарских книжников и имели довольно краткое по времени бытование.

Графико-орфографическая система позднейшей кириллицы особого типа появилась в результате развития древнейшей кириллицы в направлении системного введения йотированной графики и формирования правил ее употребления. Именно данная графико-орфографическая система вытеснила графико-орфографическую систему архаической кириллицы из киевских книжных мастерских, О том, как проходила в Киеве «смена» графико-орфографических систем — постепенное упразднение моделей архаической кириллицы и введение графики позднейшей кириллицы, свидетельствуют софийские граффити XI в., опубликованные С.А.Высоцким (Высоцкий 1966, 1976). Первое, что важно для нас в палеографических комментариях Высоцкого, — близость начертаний граффити XI в. их книжным аналогам из Остромирова Евангелия и Туровского Евангелия. Причем исследователь указывает, что сравнение тех же почерков «с соответствующими буквами новгородских берестяных грамот показывает, что между ними нет полных аналогий; в то же время эти буквы граффити находят соответствия в балканских рукописях (Супрасльской, Хиландарской)» (Высоцкий 1966, с.40). Но еще более замечательными являются графико-орфографические осо-

бенности ряда надписей XI в., причем многие из них поддаются датировке. Так, в большинстве надписей, и среди них есть граффити, датированные 1030 г. (N 99) и 1054 г. (N 8), употребляются йотированные буквы II, I, Ю. В надписях обнаруживаются «переходные» графические модели йотированных букв, в которых элемент I присоединяется различными способами к основному элементу буквы: а) примыкание элемента I без соединительной черты — + VI: мц VI ма IV; б) примыкание элемента I со срединной соединительной чертой, которая не сочленяется с основным элементом буквы — IIсте (N 128); в) примыкание элемента I в форме Г к основному элементу буквы — своллго бVIIжалть (N 108). Эти факты, а также употребление в граффити, датированном 1076 г., буквы VII — четвертой буквы носового, причем в комплексе с парной ей буквой VI (из графико-орфографической системы древнейшей кириллицы) — кьнVI жилъ свIIлтославъ свIIлтослаVII (N 9), подтверждают наше предположение о том, что доработка графико-орфографической системы позднейшей кириллицы, реализованной в рукописях группы Остромирова Евангелия, проходила в Древней Руси при возможном участии болгарских книжников.

Мы полагаем, что рукописи, имеющие старославянские протографы графико-орфографической системы позднейшей кириллицы — Остромирово Евангелие, Новгородские листки, Туровское Евангелие, Евгеньевская и Толстовская Псалтири, являются свидетельством болгаро-древнерусских контактов первой половины XI в. Болгаро-древнерусское взаимодействие для этого времени прежде обосновывалось двумя основными источниками: 1) историческими сведениями о политико-культурных связях Болгарии и Руси до 1018 г. (Мошин 1963). 2) книжно-литературными памятниками болгарских авторов X в., сохранившимися в древнерусских рукописях XIII-XIV вв.

Отток образованных людей из Болгарии на Русь, осуществлявшийся с 1018 года при уже давних налаженных контактах Болгарии с дружественной славянской страной, — вероятное продолжение проникновения болгарской книжности и книжников в Киев, в близлежащие монастыри. И эта не раз высказываемая гипотеза основывается прежде всего на значительном количестве славянских переводов, атрибутируемых болгарским книжником, появившимся на Руси в I пол. XI в. Так, черты болгарских архетипов имеют следующие древнерусские памятники: Житие Саввы Освященного (древнейший список XIII в.), Житие Феодора Студита (древнейший список XII в.), «Летописец вскоре» патриарха Никифора (древнейший список в составе Новгородской Кормчей XIII в.), Откровение Мефодия Патарского (упоминается в «Повести временных лет» под 1096 г.), Хроника Иоанна Малалы (отражена во фрагментах в Ипатьевской летописи под 1114 г.) и другие рукописные источники. Мошин причисляет к этому списку «всю литургическую литературу, канонические труды, как Номоканон XIV титулов, Синодик в неделю Православия, творения отцов церкви и литературу поучений, апокрифы, вероятно, Физиолог. Многие из этих произведений переводной литературы носят имена переводчиков — тех же писателей,

которые известны и как авторы самостоятельных произведений: Климент Охридский, переводчик «Цветной Триоди», Константин, переводчик «Учительного Евангелия», автор «Азбучной молитвы», Иоанн Экзарх, переводчик Дамаскинова «Слова о правой вере» и составитель «Шестоднева», Георгий Пресвитер, переводчик 8 библейских книг и автор поучений». В качестве оригинальных писателей известны Чернорец Храбр, Царь Петр, Козьма Пресвитер (Мошин 1963).

Мы убеждены, что такие контакты подтверждаются еще двумя группами источников: 1) рукописными книгами XI в., воплотившими графико-орфографическую систему позднейшей кириллицы, которая имеет болгарские истоки, 2) эпиграфическими источниками — находками киевских граффити со следами той же графико-орфографической системы.

Поскольку кириллическая письменность к середине XI в. была хорошо известна на Руси в графике архаической кириллицы, древнерусские писцы болгары обучали новым правилам ее использования: дистрибуции значений двух букв редуцированных, букв ять и а-йотированного, а также системному употреблению йотированной графики и четырех букв носовых гласных. Четыре буквы носовых как черта графико-орфографической системы позднейшей кириллицы с трудом приживались в древнерусской письменности, и их употреблению сопутствовали явления гиперкоррекции.

Таким образом, после официального принятия христианства на Руси в первой половине XI в. у русской книжности существовали древнеболгарские книжные образцы, созданные в графико-орфографической системе позднейшей кириллицы и привезенные сюда болгарскими в период их вынужденной эмиграции на Русь после падения Болгарского царства.

Рукописи типа Изборника Святослава 1073 г. чаще всего являются не богослужебными, а четырьмя текстами: Изборник Святослава 1073 г., Изборник 1076 г., Синайский Патерик, Сборник слов Григория Богослова, Житие Феклы, Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского, Чудовская Псалтирь, Путятиня Минея, Пандекты Антиоха. Эти книги объединяет важнейшая общая черта графики — системное употребление трех букв носовых гласных.

Трехьюсовое письмо свойственно только старославянским памятникам древнейшей глаголицы: это Киевские листки, л.1-1об Пражских отрывков, Сборник Клоца, Синайская Псалтирь. Старославянских кириллических текстов, написанных в трехьюсовой системе графики, до настоящего времени не выявлено, и потому старославянские протографы, легшие в основу древнерусских кириллических текстов этой группы, были, очевидно, глаголическими. Это подтвердил палеографический анализ текстов (Миронова 2001).

В числе аргументов из области палеографии назовем: а) наличие двух глаголических инициалов в Сборнике слов Григория Богослова, б) неустойчивость графики йотированных букв в данной группе памятников: в) использование четырех моделей буквы «юс малый» в Сборнике Слов Григория Богослова и трех моделей этой буквы в Изборнике 1073

г., что свидетельствует о неумении писцов при отсутствии кириллического оригинала распоряжаться известными им графическими формами этой буквы. Зависимость текстов данных памятников от их глаголических протографов подтверждается и рядом ошибок в написаниях, которые могли появиться только под влиянием глаголического письма (Баранкова, Бахтурина и др. 1988).

Особенности художественного оформления этой группы рукописных книг за исключением Изборника Святослава 1073 г. могли быть обусловлены их глаголическими протографами.

Родство рукописных книг этой группы и их происхождение из глаголических старославянских оригиналов подтверждается наличием у них общих графико-орфографических признаков, являющихся наследием протографов на глаголице:

1) Рукописные книги этой группы восходят к старославянским протографам с *двуеровой орфографией*, сохраняющим в значительном числе «мену еров».

2) Эти памятники по большей части имели старославянские протографы с *системным употреблением трех букв носовых гласных V, VI, III*, имеющим аналогии лишь в старославянских рукописях древнейшей глаголицы.

3) Для данных текстов реконструируются старославянские протографы с *практически бессистемным употреблением йотированных букв*.

4) Эти памятники сохраняют *некоторое число реликтовых употреблений «ять» в значении [ja]*, что определялось воздействием старославянского протографа.

5) Протографы исследованных рукописей, судя по их древнерусским спискам, обладали *последовательно реализованной системой диакритики*.

Родство палеографии, художественного оформления и графико-орфографических систем книг анализируемой группы поставило нас перед проблемой поиска особой древнерусской книгописной школы, из которой вышли данные рукописи. Хронологически такая школа могла возникнуть лишь после появления на Руси текстов в графико-орфографической системе позднейшей кириллицы, поскольку все без исключения памятники демонстрируют знакомство книжников с навыками такой графики — писцы знают четыре буквы носовых (хотя их системно не используют), они обучены графическому обозначению йотации, они четко разграничивают значения букв «ять» и а-йотированного.

Такая хронологическая последовательность в появлении двух книгописных школ, работавших одна — с протографами графико-орфографической системы позднейшей кириллицы, а другая — с протографами графико-орфографической системы древнейшей глаголицы, подтверждается и сохранившимися датировками образцов этих школ: Остромирово Евангелие, выполненное в графико-орфографической системе позднейшей кириллицы, датировано 1056-57 гг., Изборник Святослава, основанный на протографах древнейшей глаголицы, датиро-

ван 1073 г. Именно в эти сроки и осуществлялась, как мы предполагаем, переписка четых старославянских глаголических книг с их одно-временной транслитерацией на Русь.

Мы считаем маловероятным, чтобы эти глаголические тексты при-были на Русь еще в период мораво-древнерусского взаимодействия и при этом оказались востребованными только во II четверти XI в. Исто-чником подобных книжных поступлений мог быть Афон, где уже в X в. болгарским царем Петром был основан Ксиропотамский монастырь, здесь к середине XII в. существует не только болгарский, но сербский и русский монастыри. В Афонском болгарском монастыре Богороди-цы Ксилургу сохранились списки XI-XII вв. славянских книг монастыр-ской библиотеки, в составе которых апостолы, ирмологии, синаксари, паремейники, менологии, творения Ефрема Сирина, номоканоны, что свидетельствует о бытовании здесь большой книгописной мастерской (Ильинский 1908, с.40). В этом достаточно замкнутом от мира, от жи-вой славянской речи месте графика древнейшей глаголицы могла су-ществовать в нереформированном виде длительное время, а словар-ный состав вновь создаваемых переводов должен был быть близок лексике первого литературного языка славян. (Эту гипотезу подтврж-дают лексикологические исследования памятников рассматриваемой здесь группы Е.М.Верещагина (Верещагин 1977), Т.А.Ивановой (Ива-нова 1965), Е.Коцевой (Коцева 1977) и др.

Афонский источник поступления рукописей на Русь в 50-60 гг. XI в. устанавливается по историческим данным. Основатель Киево-Печер-ского монастыря Антоний Любечанин провел часть жизни на Афоне, ученик Антония Феодосий Печерский, до 1074 г. являвшийся игуменом Киево-Печерского монастыря, устанавливает постоянные культурные контакты с Византией (Мошин 1950). Появление в Киево-Печерском монастыре глаголических книг, привезенных, с Афона и транслитери-рованных по благословию Антония и Феодосия Печерских, — вполне допустимый источник возникновения группы кириллических рукописей типа Изборника Святослава 1073 г.

О возможной в этот период времени в Киеве работе по транслите-рации глаголических рукописей свидетельствуют некоторые надписи Софии Киевской, близкие в отдельных чертах графико-орфографичес-кой системе рукописей группы Изборника Святослава 1073 г. В этих надписях, палеография которых откомментирована С.А.Высоцким как аналогичная начеркам Изборника Святослава 1073 г., наблюдаются сле-дующие графико-орфографические особенности: а) «мена еров» типа роусъкый (N 4); б) употребление графемы VI в значении [a]/[ja] VI коуну (N 29), хрьстьVінам (N37), Vіко (N 38), аньдреVI (N 4); в) появ-ление ошибок, характерных для работы с глаголической транслитера-цией вьожVченикомъ (N 120), аньтонъV (N 130). Смещение букв, ре-зультатом которого явился ъ на месте этимологического о, находим в Изборнике 1076 г. В киевских граффити есть фрагменты, которым свойственны аналогичные явления: пьмози (N 144), грVішьньмоу (N 134), помъзи (N 132).

Укажем также, что обучение глаголице в данную эпоху в Киеве, возможно, предполагало лишь умение читать ее с целью правильной транслитерации на кириллицу, и потому в киевских надписях так мало глаголических граффити — всего десять, причем это не слова, а лишь отдельные буквы, что еще раз подтверждает нашу мысль об обучении только чтению на глаголице. Единственная связанная глаголическая запись, в которой, кстати, четко просматриваются модели угловатого глаголического письма, — это подпись (ги помози) под датированным (до 1076 г.) граффити: съпаси ги кагана нашего с (N 13). С.А.Высоцкий обосновал отнесенность записи о кагане к князю Святославу Ярославичу, с именем которого связано появление двух Изборников (Высоцкий 1966, с.49-52). Так, косвенно подтверждается, что в период княжения Святослава Ярославича в Киеве осуществлялась работа по транслитерации с глаголицы на кириллицу целой группы рукописных книг.

Итак, свидетельства неболгарских истоков представленных здесь рукописей — Изборника Святослава 1073 г., Изборника 1076 г., Синайского Патерика, Сборника Слов Григория Богослова, Жития Феклы, Чудовской Псалтири, Поучений огласительных Кирилла Иерусалимского, Путятиной Миней, Пандектов Антиоха — текстов, созданных в результате транслитерации старославянских оригиналов с древнейшей глаголицы на кириллицу, позволяют нам высказать гипотезу о возможном прибытии протографов и протографов названных памятников с Афона, где не исключено было продолжение традиций старославянского книгописания в X — первой половине XI в..

Хронологию древнерусских рукописных книг XI в. на основе реконструкции их старославянских протографов представляем в виде следующей классификации:

Архаическая глаголица/кириллица > Реймское Евангелие (до 1054 г.), Листок Викторова, Пандекты Антиоха (18 об — 26 об), Житие Кондрата, Златоструй Бычкова.

В графико-орфографической системе протографов — 1 буква редуцированных ъ или ь, 2 буквы носовых V, VI, 1 буква VII для [e]/[ja], отсутствие йотированных букв.

Древнейшая кириллица кириллица особого типа > Остромирово Евангелие (1056-57 гг.), Новгородские листки, Туровское Евангелие, Толстовская Псалтирь, Евгеньевская Псалтирь.

В графико-орфографической системе протографов — 2 буквы редуцированных ъъ, 4 буквы носовых V, III, VI, IV, 2 буквы VII, I для [e]/[ja], системное употребление йотированных букв.

Древнейшая глаголица > Изборник Святослава (1073 г.), Изборник 1076 г., Синайский Патерик, Слова Григория Богослова, Житие Феклы, Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского, Чудовская Псалтирь, Путятина Минея, Пандекты Антиоха.

В графико-орфографической системе протографов — 2 буквы редуцированных ъ ь, 3 буквы носовых V, VI, III, 2 буквы VII, I для [e]/[ja], отсутствие йотированных букв.

ЛИТЕРАТУРА:

Баранкова, Бахтурина и др. 1988 — Баранкова Г.С., Бахтурина Р.В., Владимирова Л.А., Жуковская Л.П., Молдован А.М., Пичхадзе А.А. Изборник Святослава 1073 г. Некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи // Славянское языкознание. X международный съезд славистов. Доклады советской делегации. — М. — 1988

Верещагин 1977 — Верещагин Е.М. Ветхо— и новозаветные цитаты в Изборнике Святослава 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. — М. — 1977

Высоцкий 1966 — Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI-XIV вв. — Киев. — 1966. — Вып. 1

Высоцкий 1976 — Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской XI-XVII вв. — Киев. — 1976.

Жуковская 1991 — Жуковская Л.П. евангелие Анны Ярославны — королевы Франции в текстологическом отношении // Тезисы докладов и сообщений конференции по итогам научно-исследовательской работы ГБЛ за 1990 г. — М. — 1991

Зеленин 1954 — Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. — М. — 1954. — N 6

Иванова 1965 — Иванова Т.А. Заметки о лексике Синайского Патерика (к вопросу о переводе Патерика Мефодием) // Проблемы современной филологии. Сборник статей к 70-летию В.В.Виноградова. — М. — 1965

Ильинский 1908 — Ильинский Г.А. Значение Афона в истории славянской письменности // ЖМНП. — Т. XVIII. — ноябрь. — Спб. — 1908

Коцева 1977 — Коцева Е. Старорусский препис (XI в.) на 13 слова от Григорий Богослов // Векове. — София. — 1977. — Т. 6

Кузьмин 1987 — Кузьмин А.Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. — М. — 1987.

Лосева 1998 — Лосева О.В. Древнерусские месяцесловы XI-нач. XII века как исторический источник // Письменная культура. — М. — 1998

Медынцева 1978 — Медынцова А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI-XIV вв. — М. — 1978

Миронова 1999 — Миронова Т.Л. Проблемы эволюции графико-орфографических систем старославянского книжного наследия. — М. — 1999.

Миронова 2001 — Миронова Т.Л. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X-XI вв. — М. — 2001.

Мошин 1950 — Мошин В.А. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI-XII вв. // Byzantinoslavica. — Praha. — 1950. — Т. XI

Мошин 1963 — Мошин В.А. О периодизации южнославянских литературных связей X-XV вв. // ТОДРЛ. — Т. XIX. — Л. — 1963

Никольский 1930 — Никольский Н.К. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. — Л. — 1930

Сотникова 1982 — Сотникова М.П. Палеографический обзор легенд древнейших русских монет // Экономика, политика и культура в свете нумизматики. — Л. — 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Н. Есин. Литературному институту — 70 лет	3
Стояновский М.Ю. Функционирование образно-символических систем (постановка проблемы).	13
И. Г. Добродомов. Филологическая достоверность лексикографических данных (о Филонах и филонах)	25
А.И. Зимин. Роль Логоса в становлении христианской культуры	33
И. И. Болычев. Поэзия без слов. Лирика Георгия Иванова.	42
В.В. Никульцева. «О, в этом самчестве ты девность улови...» (Гармония контрастов в любовной лирике Игоря-Северянина)	47
Т. Е. Никольская. Художественное значение антропонима в рассказе В.М. Шукшина «Алеша бесконвойный»	54
Г. Ахметова. «...И точно в первый раз видишь мир» (о рассказах Георгия Копытина)	62
М.С. Черепенникова. Поэтические пророчества Уильяма Блейка	70
(Проблемы перевода и интерпретации)	70
Марко Динелли. «От трех букв к пяти», или К проблеме перевода русского мата на итальянский язык (на материале современной русской прозы)	79
Е. Ю. Марунина. «Свободный стих» Жака Превера в контексте сюрреалистической эстетики «разрушения»	87
С. Кочерина. «Белая гвардия» и «Дни Турбиных» М. Булгакова: сопоставительно-стилистический анализ различных редакций	98
Л.Ю. Суrowова. Текстуальная загадка главы «Серебряный сундучок» из романа И.С. Шмелева «Лето Господне»	106
О.А. Тузова. Эволюция языка рассказчика в романе Р. Т. Киреева «Лот из Содомы»	117
Е.С. Шальман. Пушкин и пушкинисты. «Дневник №1»	125
С.Н. Есин. Подмена (к событиям вокруг «Словаря русского языка» С.И. Ожегова)	134
Л.И. Скворцов. О том, как хитрая лиса прославилась на все леса, негодное придумав средство чужое захватить наследство (Про Льва, Лисицу, четырёх Волков и мудрого Дятла)	141

Хроника заседаний Общества исследователей Древней Руси в Литературном институте (доклады №№ 521-546)

А. С. Демин. «Железные папорзи» и архаизирующее повествование в «Слове о полку Игореве»	147
Н. П. Гордеев. Риторика обличителей и почитателей Дмитрия Самозванца	153
М. Е. Бычкова. Предки поэта Евгения Боратынского	157
А. А. Горский. К вопросу о составе русского войска на Куликовом Поле	157
А. О. Шелемова. О традиционалистской поэтике и ее преодолении в «Слове о полку Игореве»	157
А. В. Каравашкин. Презентация монографии «Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский»	158
А. Л. Никитин. Презентация книги «Основания русской истории»	158

<i>Р. А. Симонов.</i> Презентация книги «Естественнонаучная мысль Древней Руси»	158
<i>Н. В. Трофимова.</i> Следы «Сказания о Мамаевом побоище» в летописной повести «О приходе крымского царя Сафа-Гирея на Русскую землю» в 1541 г.	158
<i>М. Ю. Люстров.</i> Обличительные наименования (на материале русской литературы XVII — первой половины XVIII вв.)	165
<i>И. В. Дергачева.</i> Синодик как литературный памятник: история и традиции.	169
<i>К. А. Максимович.</i> «Пчела» в контексте политической мысли Руси и Византии	179
<i>А. И. Буркин.</i> Образ Преподобного Нила Столобенского в иконописи и деревянной скульптуре (по материалам частной коллекции А. И. Буркина)	188
<i>Л. И. Щеголева.</i> Путятина минея в русской культуре	194
<i>К. А. Аверьянов.</i> Кто такие баскаки?	205
<i>М. Ю. Люстров.</i> Нарвский печатный катехизис 1701 г.	211
<i>Л. К. Гаврюшина.</i> Еще одна русская редакция «Жития Саввы Сербского»	214
<i>О. Б. Хабарова.</i> «Житие Юлиании Лазаревской» в литературе Нового времени (XIX в.)	226
<i>Т. Л. Миронова.</i> Хронология древнерусских рукописных книг XI в. на основе реконструкции их старославянских протографов	234

Издательская лицензия № 021322 от 14.01.99

Тираж 300 экз.

Сдано в набор 25.08.01. Подписано в печать 30.11.01.

Издательство Литературного института им. А.М.Горького
Москва, Тверской бульвар, 25